История
Общество
Политика

2020

№4(16)

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 4(16)
2020

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2020. №4 (16)

Сетевое научное периодическое издание.
Точка доступа: http://www.clio-brgu.ru. Размещено на официальном сайте журнала: 30.12.2020

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов.**

Главный редактор: С.В. Артамошин - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: А.В. Федин – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: А.А. Чубур – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международнвх отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»,2020
© Коллектив авторов, 2020

HISTORY SOCIETY POLICY

N 4 (16)
2020

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2020. №4 (16)

Network scientific periodical.
AP: http://www.clio-brgu.ru. Placed on the official website of the journal: 30/12/2020

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, pofessor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Executive Secretary: **A.A. Chubur** - candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, Department of general history and, international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors
The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2020
© Authors, 2020

Содержание

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Марченков Р.Р. Внутренние процессы в офицерском корпусе британской разведки в годы Второй мировой войны **6**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Сагимбаев А.В. Проблема модернизации механизма управления британскими колониями в межвоенный период **10**

Ешпанов В.С. Трудности сельскохозяйственного и животноводческого производства Актюбинской области (в 1930-40-х годах) **21**

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Маскевич Е.Д. Шипчинский Дмитрий Валерьянович (04.1905-21.06.1930 гг.): по материалам архивного управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области **27**

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Федин А.В. Становление иезуитской миссии у ниписсинг Новой Франции в первой половине XVII в. **32**

ДРЕВНОСТИ И АРХЕОЛОГИЯ

Семененко А.А. Новое археологическое доказательство миграции неситов и митаннийских ариев из Индостана **39**

Shinakov E.A., Chubur A.A., Guryanov V.N., Lobanov G.V. The medieval Middle Desna region in the natural-economic and ethno-demographical aspects **51**

Локтев Р.А. Страна Пунт в мировоззрении древних египтян **60**

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Соловьев Ю.П. Большевик Афанасий Ремнёв и его вооруженная группировка в октябре 1917 – апреле 1918 года **67**

ИСТОРИОГРАФИЯ

Новикова А.Е., Чубур А.А. Этюд об историографических концепциях Смуты: перспектива синтеза и ультраохранительный тупик **164**

РЕЦЕНЗИИ

Шендриков Е.А. Рецензия на книгу: В.Ю. Рылов «За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941): монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 350 с. **172**

Артамошин С.В. Смерть вождя (размышления о книге В. Новоселова «Смерть Ленина. Медицинский детектив. – М.: Пятый рим, 2020. – 512 с.). **176**

О СЕТЕВОМ ИЗДАНИИ «ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА» **186**

Военная история

УДК 355.40(403)

Р. Р. Марченков

Внутренние процессы в офицерском корпусе британской разведки в годы Второй мировой войны

Аннотация: *В настоящей статье освещается состав британского разведсообщества. Проводится разделение представителей «тайного фронта» Великобритании на две категории. При этом применительно к каждой категории рассматриваются характерные положительные и отрицательные стороны.*
Ключевые слова: *Вторая мировая война, Великобритания, разведка, кадровые офицеры, выпускники гражданских вузов, колониальный фактор.*

Marchenkov R.R. Internal processes in the British intelligence community's officer corps during World war II

Abstract: *This article covers the composition of the British intelligence community. Representatives of the UK intelligence are divided into two categories. In this case the characteristic positive and negative sides are considered for each category.*
Keywords: *World war II, Great Britain, intelligence, career officers, graduates of civil universities, the colonial factor.*

Вопрос элитарности разведки в военной среде как нестранно в истории британских вооруженных сил и офицерском корпусе не совсем однозначен. С одной стороны, разведка тесно связана с высшим военно-политическим руководством, обеспечивая его необходимой для принятия решений информацией. Подобная приближенность могла принести как плюсы, так и минусы в зависимости от результативности. Так или иначе тесное переплетение с руководящим сегментом, в частности в плане подготовки почвы для принятия решений, предоставляет разведсообществу возможность занять ключевое место в военной системе. Наряду с этим, как констатирует ряд британских исследователей, разведка не пользовалась престижем внутри военной среды [3] [6]. В частности, британский исследователь спецслужб королевства Д.Маклахан констатирует, что наиболее способные офицеры предпочитали службе в разведке продвигаться по чисто армейской линии. Причиной такого подхода являлись карьерные перспективы, сильно ограниченные в разведке [3, с. 313]. К.Уолтон также подчеркивает, что заработная плата в Службе безопасности Соединенного Королевства (МИ-5) в предвоенный период была небольшой. При этом многие ее высокопоставленные сотрудники являлись выходцами из состоятельных семей [6, с. 62]. Для данной категории финансовая сторона вопроса не являлась отталкивающим фактором.

Останавливаясь более подробно на колониальном факторе, следует заметить значительное количество проходивших службу в различных частях Британской империи офицеров в рамках спецслужб королевства. Значительный процент старших офицеров британской разведки начали карьеру именно в империи. Так, первый руководитель Службы Безопасности сэр Вернон Келл и его заместитель сэр Эрик Холт-Уилсон участвовали в британских колониальных конфликтах. Генеральный директор МИ-5 во время Второй мировой войны сэр Дэвид Петри являлся главой разведывательного бюро в Дели. Сэр Перси Силлитоу, занимавший после Второй мировой войны пост главы службы, аналогично начал карьеру в колониальной полиции Южной Африки. Колониальные офицеры, помимо прочего, являлись неотъемлемой частью Секретной разведывательной службы (СИС) Соединенного Королевства. Значительное количество основных британских секретных агентов ранее служили в колони-

альных территориях империи. Например, в СИС выделялись такие влиятельные офицеры как Валентин Вивиан и Феликс Коуджилл [6, с. 62-63]. Присутствие офицеров с опытом службы в колониях в Секретной разведывательной службе также отмечает английский историк разведсообщества Ф.Найтли. Кроме того, он акцентирует внимание на разделение личного состава на две категории. К первой он относит довоенный контингент в качестве обеспеченных молодых людей из высшего общества, набранных в штат службы между двумя войнами, и бывших индийских полицейских, на которых «первые шипели и смотрели сверху вниз». Во вторую категорию он включал так называемых новобранцев военного времени. При этом Ф.Найтли отмечал, что «новая кровь» не доверяла старым сотрудникам СИС, стремящимся «сохранить в первозданном виде разваливающуюся посудину», и на этом фоне смогла завладеть инициативой [4, с. 99].

Более подробно антагонизм внутри различных групп офицерства в британской разведке выражался в неприязни между кадровыми офицерами и выпускниками гражданских вузов, пришедших на службу в военное время. Вставая на сторону последних, английский историк Д.Маклахан аргументирует свою позицию тем, что гражданские специалисты являлись основным катализатором творческого мышления, а также обладали необходимой «принципиальностью» [3, с. 313-315]. Применительно к последнему тезису он, вероятно, исходит из того факта, что для военного человека принципы чинопочитания и единоначалия имеют более важное значение.

В данном контексте представляется целесообразным привести ряд факторов, способствующих изменению «кастового» состава английских офицеров в спецслужбах. Во-первых, в условиях военного времени закономерно идет пополнение офицерского корпуса за счет резервистов и гражданских специалистов. Во-вторых, новые вызовы требовали новых идей и подходов. В данном случае, как отмечает С.Л.Печуров, военное и военно-техническое образование кадровых британских офицеров в годы Второй мировой войны, а также опыт войсковой службы не позволяли им в должной мере выполнять в рамках разведки обязанности высокого политического уровня». Наибольшие трудности для указанной категории представляли овладение мышлением противника, нехватка достаточного объема всесторонних знаний: язык, культура, история, этно-конфессиональные отношения, география. Для этого следовало обладать специальным первичным образованием и соответствующей предварительной подготовкой, чего явно не хватало сотрудникам разведки, особенно в начальный период войны [5]. В этой связи явственно обрисовалась необходимость в узконаправленных специалистах. Более наглядно вышеприведенный тезис подтверждает операция по высадке британского десанта в Норвегии в 1940 году, когда разведка ВМС вскрыла трудности проведения операции ввиду отсутствия необходимой информации о побережье, режиме приливов и отливов, транспортных артериях. В этих условиях в рамках разведки ВМС в инициативном порядке образовался специальный отдел, курирующий данный вопрос. В мае 1940 года подобные структуры, несмотря на сопротивление сухопутчиков и летчиков, были созданы в разведуправлениях других видов Вооруженных сил. В конечном итоге процесс вылился в создание подобного подразделения в Объединенном разведывательном комитете. Личный состав данных структур комплектовался на основе гражданских научных сотрудников данного профиля и студентов Кембриджа и Оксфорда [5].

Рассматривая Службу безопасности королевства, также можно констатировать расслоение ее состава на две категории. К первой относятся выходцы из полиции и вооруженных сил. Второй категорией как раз являлись представители гражданской интеллигенции. К.Уолтон делает акцент на определенных трудностях во взаимоотношениях двух категорий. По его мнению, «военные» воспринимали гражданских коллег как «любителей». Наряду с

этим он подчеркивает наличие положительных сторон у двух групп. Полицейско-военный сегмент обладал существенным, зачастую редким, опытом в контрразведывательной деятельности, учитывая особенности службы в многообразной мультикультурной Британской империи. «Гражданские» лучше генерировали новые идеи и при этом также добивались успехов. В качестве авторитетных представителей Службы безопасности в военный период приводятся В.Ротшильд (выпускник Кембриджа), который стал экспертом МИ-5 по диверсиям, юрист-теоретик Х. Харт и историк Д.Мастерман (выпускник Оксфорда). Последний даже стал в МИ-5 председателем комитета «Двадцатки», курировавшего двойных агентов. В рамках других ветвей английского разведсообщества К.Уолтон также выделяет ряд деятелей. Так, в СИС себя хорошо зарекомендовали философы С.Хэмпшир и Д.Райл. Однако по истине основным бастионом интеллектуальной элиты стала Правительственная школа кодов и шифров (ПШКШ). В качестве «новобранцев» военного времени особое место занимают математики из Кембриджского университета А.Тьюринг, А.Нокс и Г.Уэлчман [6, с. 84-86]. При этом в труде отечественного исследователя военных разведок В.Кондрашова отмечается вклад в развитие ПШКШ военных специалистов, откомандированных из видовых разведок Вооруженных сил королевства [2, с. 126]. Учитывая указанную роль военных в становлении Правительственной школы кодов и шифров, примечательным является освещение британским исследователем М.Хастингсом ситуации в Блетчи-Парке. Им приводится оценка морского офицера, откомандированного в Блетчли-Парк, у которого вызвало удивление отсутствие иерархических различий в новой среде: «Несмотря на высокую напряженность работы, человек любого ранга мог обратиться к вышестоящему руководителю с любой идеей или предложением, пусть даже сумасшедшим. При этом мало у кого складывалось впечатление, что он не обладает правом голоса» [7, p. 71].

По мнению Колдера Уолтона, другой пользой от новобранцев-«любителей» для МИ-5 в военное время было то, что их меньше заботили карьера и пребывание в коридорах власти тайного государства, чем их коллег-профессионалов, а это означало, что они свободнее генерировали творческие идеи и меньше беспокоились, если эти идеи не срабатывали [6, с. 86].

Положительную оценку деятельности гражданских специалистов, поступивших на службу в разведку, отмечает и адмирал Л.Маунтбэттен во вступлении к книге Д.Маклахана. Однако он не соглашается с необходимостью гражданского руководства разведкой, приведенной автором [3, с. 11]. В то же время и сам Д.Маклахан, несмотря на открытую симпатию к «гражданским», отмечает необходимость наличия кадровых офицеров на определенных руководящих постах в разведке с целью более лучшего взаимодействия с военными структурами. Учитывая тяжелые отношения двух рассматриваемых групп применительно к историческому развитию Вооруженных сил, представляется логичным, что «военные» лучше воспринимали взаимодействие и результаты работы разведки, представленной кадровым офицером [3, с. 315]. Более нейтральной позиции по сравнению с Д.Маклаханом придерживается другой британский представитель П.Бизли. Он отмечает положительные стороны и лучших представителей разведки у двух категорий. Так, высокой оценки удостаивается деятельность мэтра разведки ВМС вице-адмирала Н.Деннинга - «кадрового офицера и хорошего администратора». В один ряд с ним П.Бизли ставит высокопоставленного офицера военно-морской разведки Р.Уинна, ранее являвшегося гражданским [1, с. 225-226].

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить позитивный результат вовлечения гражданских специалистов в ряды английского разведсообщества в годы войны. Как представляется, учитывая, что разведка находится не на фактической передовой, а действует на «тайном фронте», это дает ей право на творческий подход. Последний же слабо совместим с

шаблонным поведением и уставным порядком. Однако не стоит преуменьшать значение в разведке кадровиков, особенно в военное время. Их опыт и дисциплинированность вкупе с общими знаниями должны добавляться к деятельности узконаправленных специалистов, особенно при наличии достойных административных навыков. Достоинства и недостатки двух групп при рассмотрении под другим ракурсом меняются местами. Так, творческая сущность «гражданских» подвергает их к критическому переосмыслению окружающей действительности, граничащей с вольнодумием. В свою очередь, «военные», живущие по давно написанным правилам, в значительно меньшей степени подвержены этому. В данном контексте примечательным является деятельность «Кембриджской пятерки» - оксфордской интеллигенции по идейным мотивам работавшей на СССР в ущерб интересам короны.

В спецслужбах Великобритании во время Второй мировой войны, несмотря на имеющиеся противоречия и различия, обе категории офицера делали общее дело, весьма успешно добавляя друг друга своими достоинствами.

Библиографический список

1. Бизли П. Разведка особого назначения. История оперативного разведывательного центра английского адмиралтейства 1939-1945. - М: Прогресс, 1981.
2. Кондрашов В. Военные разведки во Второй мировой войне. - М.: Кучково поле, 2014.
3. Маклахлан Д. Тайны английской разведки (1939–1945). - М.: Воениздат, 1971.
4. Найтли Ф. Шпионы XX века. - М.: Республика, 1994.
5. Печуров С.Л. В спецслужбах Британской империи возобладали интеграционные процессы. Независимая газета. 25.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2016-11-25/1_927_britain.html (дата обращения: 28.02.2020).
6. Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. - М.: «Центрополиграф», 2016.
7. Hastings M. The Secret War: Spies, Codes And Guerrillas, 1939–45. – London: William Collins, 2015.

Сведения об авторе:

Марченков Роман Робертович, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, e-mail: roma-marchenkov@yandex.ru.

Политическая история

УДК 942.080.1

А. В. Сагимбаев

Проблема модернизации механизма управления британскими колониями в межвоенный период

Аннотация: *Статья посвящена анализу отдельных аспектов реформирования системы управления британскими колониальными владениями в 1920-х-1930-х гг. Новые тенденции, характерные для развития политической и социально-экономической системы Великобритании в межвоенный период, являлись важным фактором формирования колониальной стратегии. На этом фоне собственно сам механизм управления колониями подвергался изменениям существенно медленнее. Для его ключевых звеньев, включая министерство колоний, была характерна заметная приверженность сложившейся в поздневикторианский период традиции. Тем не менее, существенно изменившаяся обстановка требовала внесения корректив в устоявшийся порядок деятельности административной системы. Расширение территорий британских владений вследствие Первой мировой войны, а также новые задачи, возникшие в сфере колониального управления привели к существенному росту штата министерства колоний, а также заметным коррективам в приоритетах его деятельности.*

Ключевые слова: *Британская империя, колониальная политика, административная реформа, экономическая эффективность управления.*

Sagimbfev F.V. The problem of modernizing the management mechanism of British colonies in the interwar period.

Abstract: *The article is devoted to the analysis of certain aspects of reforming the management system of British colonial possessions in the 1920s-1930s. New trends characteristic of the development of the political and socio-economic system of Great Britain in the interwar period were an important factor in the formation of the colonial strategy. Against this background, the actual mechanism of colony management was significantly slower to change. Its key links, including the colonial office, were characterized by a marked commitment to the late Victorian tradition. Nevertheless, the significantly changed situation required adjustments to the established order of the administrative system. The expansion of the British possessions due to the First World War, as well as the new challenges that arose in the field of colonial administration, led to a significant increase in the staff of the Ministry of colonies, as well as significant adjustments in the priorities of its activities.*

Keywords: *British Empire, colonial policy, administrative reform, economic efficiency of management.*

Процессы, происходившие в различных сегментах британской политической организации, не могли не оказать воздействия и на характер деятельности британского колониального аппарата, который в межвоенный период, по своему составу, продолжал представлять подобие замкнутой касты, состоявшей, в основном, из выпускников Итона и Кембриджа. В 1920-е – 1930-е гг. программа подготовки будущих колониальных чиновником была существенным образом скорректирована с учётом роста антиколониального движения и формирования антиколониальных идеологических доктрин. В ней уделялось большее внимание физической и идеологической подготовке[Porter B., 2013, 250].

Специалисты, исследовавшие особенности функционирования сложной системы британского колониального администрирования отмечали, что в её рамках сложилась определённая система ранжирования, которая сравнивалась с «порядком социального ранжирования, сложившегося в течение определённого момента между различными частями Британской армии»[Wotton S., 2000, 69]. В документах, составленных в середине 1920-х гг. отмечалось, что «… администратор, назначенный на службу в Сьерра Леоне, считал себя находящимся выше по статусу администратора, назначенного на службу в Гамбию. Равным образом, чиновник, направленный в Золотой Берег, рассматривал себя как превосходящего по своему положению, чиновника, служившего в Сьерра Леоне, в то время как чиновники, назначенные на должности в Нигерию считали себя находящимися в более привилегированном положении по сравнению с чиновниками, назначаемыми в Золотой Берег. Аналогичным

образом, колониальная служба в Северной Нигерии рассматривалась как более престижная, чем в её южной части»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 200 (1926). Col. 1233].

К началу 1920-х гг. в организации колониальной службы Великобритании наметился целый ряд проблем, одной из основных причин которых явилась реализация программы комитета А. Гиддеса. Возглавивший в ноябре 1924 г. министерство колоний Л. Эмери был вынужден решать комплекс сложных задач в сфере колониального управления на фоне заметно сократившихся по сравнению с довоенным уровнем финансовых возможностей. К тому моменту среди служащих колониального аппарата, как в метрополии, так и в самих британских владениях, наметилось серьёзное недовольство, вызванное «длительным отсутствием повышения уровня жалования, который по многим параметрам не соответствует растущей стоимости жизни и повышающимся налогам»[Heussler R., 1963, 115].

Ещё в мае 1919 г. Л. Эмери, занимавший на тот момент должность заместителя министра колоний, инициировал обсуждение реформы системы оплаты труда колониальным чиновникам, которая должна была учитывать «бонусы военного периода»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 115 (1919). Col. 1571]. Данная схема, вынесенная на рассмотрение правительства, в итоге не приняла универсального характера и коснулась «лишь некоторых колоний и протекторатов»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 115 (1919). Col. 1572].

В условиях послевоенных финансово-экономических сложностей была подвергнута существенной модификации и система отбора служащих колониальной администрации, осуществлявшаяся до того момента, в значительной степени, на конкурсной основе. Среди территорий, с которыми были связаны заметные кадровые проблемы, в документах министерства колоний упоминались Цейлон, Малайя и Гонконг, «нехватка чиновников высокого ранга в которых, заполняется отбором из числа младших служащих»[The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013)]. В 1919 г. возглавлявший колониальное ведомство лорд Милнер инициировал обсуждение вопроса о создании более эффективной кадровой системы, которая «… соответствовала бы критерию справедливости и не приводила бы к отсутствию должного выбора у представителей гражданских служб, обеспечивающих оптимальные результаты деятельности в своих колониях»[The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013)].

В категории должностей высшего ранга, к которой были отнесены 243 губернатора и административных служащих, после завершения войны имелись проблемы с заполнением порядка 35 должностных позиций [Heussler R., 1963, 107]. При этом в Нигерии, Сьерра-Леоне, Подветренных островах и Вэйхае губернаторами «были вынуждено назначены служащие, занимавшие ранее должности в системе младшего звена аппарата восточных владений»[Heussler R., 1963, 107]. Ещё в 25 территориях, подведомственных министерству колоний, высшими администраторами стали «представители других подразделений колониального ведомства, а также иных правительственных структур, не имевшие ранее вообще никакого опыта работы в восточных владениях»[Daily Express, 1919, 14th May, 6]. Так, на должность генерал-губернатора Цейлона был назначен чиновник Адмиралтейства, что дало основание представителям печатных СМИ назвать колониальное ведомство «…потенциальной свалкой, куда будут сбрасываться ненужные кадры из других подразделений правительства, в ущерб возможному продвижению по службе его собственных представителей»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 121 (1919). Col. 242].

В соответствии с информацией, представленной в мая 1919 г. заместителем министра колоний Л. Эмери лишь в пяти из 58 колониальных владений и протекторатов, которыми обладала Великобритания, на момент начала войны во главе администрации находились чиновники, не имевшие ранее опыта работы в сфере колониального управления. Отдельное ме-

сто в этом ряду занимали Гибралтар, Мальта и Бермудские острова, на территории которых существовал режим военного управления, в силу чего на них распространялась компетенция военного министерства [Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 121 (1919). Col. 242].

Возникшие в результате войны трудности, связанные с финансированием системы колониального управления, заметно осложняли решение проблем, связанных с обеспечением стабильности в различных регионах обширной Британской империи. В июле 1922 г. в отчёте специальному комитету Палаты общин, представители министерства колоний подчёркивали, что «текущий период явился наиболее трудным за всю историю [колониального ведомства – А.С.]… Он был отмечен существенными проблемами не только для самого министерства, в его попытках добиться сбалансирования бюджета, но и заметными финансовыми трудностями для многих компаний и акционерных обществ, осуществлявших свою деятельность в колониях… На этом фоне полудикие народы, обитающие в наших владениях, внезапно обнаружили, что они являются всего лишь винтиками гигантского экономического механизма, который внезапно разрушился и сделал бесполезным весь их труд и все имевшиеся у них сырьевые богатства»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 156 (1922). Col. 2275]. В связи с финансово-экономическими трудностями в африканских колониях, в документе рекомендовалось скорректировать плановые показатели сокращения бюджетных расходов, предложенные комитетом А. Гиддеса, применительно к Золотому Берегу и Нигерии [Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 156 (1922). Col. 2276].

В середине 1920- х гг. в британских политических кругах вновь активизировалась дискуссия относительно необходимости совершенствования механизмов деятельности колониальной службы. На фоне социально-экономической стабилизации, связанной с преодолением негативных последствий Первой мировой войны, и формированием новых задач в сфере колониальной стратегии, методы её реализации министерством колоний зачастую характеризовались как «анахронизм» и «чрезмерная дань традиции»[Heussler R., 1963, 27]. Система колониального администрирования, существовавшая в довоенный период оценивалась, с учётом новых вызовов «как антипод динамичному управлению, воспринимаемый с чрезмерным благоговением»[Robinson H., 1922, 502].

Одна из ключевых ролей в попытках реорганизации аппарата управления колониями принадлежала Л. Эмери, назначенному в конце 1924 г. на должность министра по делам колоний. Являясь членом объединения «Круглого стола» и последователем идей А. Милнера, он рассматривал колониальную службу как важнейший механизм, обеспечивавший сохранение единства империи и стремился укрепить в руководстве министерства позиции сторонников имперской идеологии. Л. Эмери был абсолютно убеждён в правоте её базовых постулатов, связанных с британским культурным превосходством и особой цивилизаторской миссией, которую выполняла Великобритания. В то же время, пребывая в должности заместителя А. Милнера, он испытывал всё большее разочарование в методах, с помощью которых осуществлялось руководство колониальной службой [Эмери Л., 1960, 307].

Одним из основных критериев её деятельности Л. Эмери обозначил строгое соответствие моральным принципам, отмечая в одном из писем, что «…Империя может быть сохранена лишь на основе морального единства, либо не сохранена вовсе» [Эмери Л., 1960, 310]. Следуя идеям А. Милнера, Л. Эмери пришёл к выводу о невозможности повсеместного распространения среди населения колоний британских культурных ценностей и образовательных стандартов. Вместе с тем, по его мнению, принципиально важным являлось приобщение формировавшихся в колониях местных элит «к платоническому дару Английского правления, отличающегося высочайшими показателями в сферах интеллекта, морали, законности, независимости суда и гражданской службы». Только таким образом окажется возможным

«поддержание единства Империи, представляющей галактику разнообразных культурных моделей, связанных общими ценностями и формами управления»[The Empire at..., 1988, 549].

Реализация задачи сохранения «моральной общности Империи», требовала, по мнению Л. Эмери «нового солидного основания» [Heussler R., 1963, 28]. Двумя ключевыми элементами развития колониальных территорий, должны были стать «коммуникации и научные исследования», для чего в рамках колониального ведомства были созданы два специализированных подразделения – Фонд колониального развития (Colonial Development Fund) и Комитет по колониальным исследованиям (Colonial Research Committee) [Heussler R., 1963, 28]. Главным направлением их деятельности должно было стать социально-экономическое развитие колониальных территорий, предполагавшее «принесение в жертву общему благополучию местного партикуляризма»[Cell J. W., 1999, 360].

Выступая в Палате общин 27 июля 1925 г., Л. Эмери подчёркивал, что «вопреки определённым различиям в характере функций Министерства колоний и Колониальной службы в заморских владениях оба подразделения являются достаточно близкими с точки зрения проблем, с которыми они сталкиваются в рамках своего поля деятельности»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 187 (1925). Col. 65]. В данной связи, Л. Эмери обозначил необходимость унификации форм и методов деятельности двух основных элементов механизма управления британскими колониями. Одним из конкретных примеров реализации данной практики явилось назначение на временных основаниях чиновников министерства на должности в колониальной службе на Цейлоне и в Нигерии [Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 187 (1925). Col. 65]. По мнению руководителей колониального ведомства, подобная практика должна была способствовать «более полному пониманию чиновниками тех проблем, в которых вряд ли удастся полностью разобраться, основываясь исключительно на отчётах колониальных администраций» [Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 187 (1925). Col. 65].

Одним из ключевых элементов реформы, предложенной Л. Эмери и реализованной в 1925 г., явилось выделение из структуры министерства колоний отдельного ведомства, получившего наименование министерства по делам доминионов (Dominion Office) [Cell J. W., 1999, 369]. Данный шаг был обусловлен существенным укреплением позиций самоуправляемых «белых» владений Великобритании вследствие Первой мировой войны. Наряду с этим, он был призван способствовать «повышению эффективности и выработке более детального подхода к проблеме развития отдельных колоний»[The Empire at Bay..., 1988, 556]. В структуре министерства колоний были созданы отдельные специализированные подразделения, занимавшиеся вопросами налоговой политики, совершенствования системы здравоохранения и образования, развития сельского хозяйства и рыболовства. Первым заместителем главы нового колониального ведомства был назначен бывший губернатор Ямайки, бригадный генерал С. Уилсон.

В 1927 г. Л. Эмери предпринял масштабное турне по британским владениям, стремясь таким образом подчеркнуть своё нежелание ограничиваться в деятельности по управлению колониями исключительно кабинетной политикой. По воспоминаниям современников в ходе своей поездки министр провёл сотни встреч и публичных выступлений [Evening Herald, 1925, 30th July, 5]. Основным их лейтмотивом являлся акцент на необходимости сохранения политического и экономического единства империи, которое характеризовалось как «панацея от всех индивидуальных болезней, которые тревожат доминионы и колонии…и не являются исключительно проблемой Великобритании» [Evening Herald, 1925, 30th July, 5]. Решение принципиально важных задач, связанных с развитием весьма отличных друг от друга территорий, объединённых под британской властью могло быть решено только за счёт совместных усилий. При этом единственным способом достижения колониальными владениями суверенного статуса, Л. Эмери обозначал «содействие процессам социального, экономиче-

ского и политического развития, которое сможет обеспечить постепенный и безболезненный переход к самоуправлению в течение жизни одного поколения» [Эмери Л., 1960, 344]. При этом он полагал, что данная задача может «восприниматься с заметной долей оптимизма не только в отношении доминионов и Индии, но и в отношении колониальной Империи» [Heussler R., 1963, 33].

Важным шагом в попытке модернизации системы колониального управления явился созыв конференции губернаторов колоний в Лондоне в 1927 г. В её работе принял участие широкий круг высших колониальных чиновников и администраторов, в том числе такие известные представители британского колониального аппарата как губернатор Золотого Берега Ф.Г. Гуггисберг, губернатор Танганьики Д. Ч. Кэмерон, а также губернатор Цейлона Х. Клиффорд, занимавший ранее аналогичный пост в Нигерии. Председателем конференции был избран лорд Лугард [Colonial office list. L., HMSO, 1927, 17].

Одной из главных задач конференции являлись консультации «относительно планов, методов и трудностей, связанных с отбором на должности в колониальной службе» [Heussler R., 1963, 33]. В данной связи был подготовлен специальный меморандум, предусматривавший необходимость совершенствования механизма отбора и подготовки кандидатов на должности в колониальных администрациях. Важным пунктом данного документа являлось положение о необходимости определённой унификации подходов министерства колоний и местных колониальных администраций в данной сфере, хотя, в то же время отмечалось, что «в колониях существует определённая специфика организации административного механизма, связанная с местными правовыми обычаями»[Colonial office list. L., HMSO, 1927, 18].

В меморандуме, представленном на конференции одним из помощников Л. Эмери майором Фёрсом, содержался анализ отдельных аспектов кадровой политики министерства в период с 1913 по 1926 г. Согласно приведённым в нём статистическим сведениям, вследствие войны возникли достаточно серьёзные проблемы с кадровым обеспечением колониальной службы, который были в целом преодолёны к 1921-1922 гг. В период 1919-1921 гг. вакансии заполнялись во многом за счёт назначений на должности в колониальной службе демобилизованных из армии офицеров. К 1925 г. была в целом восстановлена предвоенная система подготовки колониальных администраторов, основным центром которой вновь стал Оасфордский университет. Согласно данным, приведённым в меморандуме, в середине 1920-х гг. ежегодно на административные и другие должности в колониальной службе набиралось 411 чел. [Colonial office list. L., HMSO, 1927, 18].

В документах чиновников министерства колоний первой половины 1920-х гг. упоминалась достаточно тревожащая их тенденция, связанная с тем, что на фоне решения проблемы заполнения вакансий в различных звеньях колониальной службы, происходило заметное снижение её качественного потенциала. «Уровень профессионализма людей, - отмечалось в одном из посланий, - ранее демонстрировавших себя как наиболее пригодных [для работы в колониальных администрациях – А.С.] специалистов, обеспечивается определёнными персональными качествами и образовательным потенциалом, которые могут сформироваться лишь в той социальной среде, которая наиболее жестоко пострадала вследствие войны»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 188 (1925), Col. 900]. Характеризуя сложившийся к моменту начала Первой мировой войны социальный состав колониального чиновничества, автор одной из публицистических работ данного периода упоминал весьма популярный среди британской элиты данного периода тезис, согласно которому «Империя являлась гигантской системой, обеспечивающей выход вовне излишней энергии британского среднего класса» [Robinson H., 1922, 271]. Гибель в военный период десятков тысяч представителей образованных слоёв британского общества, а также вызванное послевоенным кризисом общее снижение уровня жизни населения Великобритании привели к существенному размыванию той социальной базы, из которой, как отмечалось в од-

ной из публикаций «происходила значительная часть управленцев колониальной службы»[Morning Post. 1922, 23rd November, 4].

Проблема кадрового отбора осложнялась и экономическими причинами. В документе, представленном на конференции в Лондоне утверждалось, что вследствие гибели значительной части образованной молодёжи, британские фирмы оказались существенно более заинтересованными «в том типе специалистов, на который мы традиционно обращали внимание» [Heussler R., 1963, 35]. Соответственно, как отмечается в одном исторических исследований, «многие представители семей, относящихся к управленческому слою, предпочитали заниматься торговлей и принимать торговую этику, что придавало британской социальной структуре характер заметно отличающийся от того, что она имела в XIX и начале XX в.» [Heussler R., 1963, 35]. В данной связи, сохранялась проблема комплектования колониальных администраций подготовленными в разных сферах кадрами, способными эффективно осуществлять управленческие функции с учётом специфики каждого колониального владения [Balfour A., 1927, 314].

Несмотря на то, что к середине 1920-х гг. министерству колоний удалось частично разрешить возникшие вследствие Первой мировой войны кадровые проблемы, в документах ведомства отмечалось, что «полное обеспечение необходимыми кадрами окажется вряд ли возможным в случае, если сохраниться существующая практика игнорирования потребностей колониальных администраций… не будет преодолена»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 188 (1925). Col. 901]. В 1925-1926 гг. благодаря улучшившийся системе взаимодействия со школами и университетами, на различные должности первого и второго классов колониальной службы было принято «более 30 претендентов, продемонстрировавших высокий уровень знаний и личных способностей» [The Empire at Bay..., 1988, 581]. В целях популяризации деятельности колониальной службы, руководство министерства колоний в данный период начало уделять большее внимание использованию различных элементов пропаганды. В одном из информационных сообщений особо отмечалось, что «преодолению индифферентного отношения к колониальным проблемам должна способствовать более широкая публикация литературы, посвящённой колониям» [«The Round Table», 1921, 5].

Наряду с изданием печатных материалов, посвящённых рассмотрению ситуации в колониях, представителями министерства организовывались лекции и дискуссии в университетах и других учебных заведениях, в ходе которых «официальные лица в неформальной обстановке пытались популярно осветить жизнь наших заморских владений»[Williamson P., 2003, 221]. В целях развития пропагандистского механизма была существенно усовершенствована система взаимодействия с университетскими центрами метрополии и доминионов, а также другими ведущими учебными заведениями [Grant M., 1994, 102]. Основной её целью представители колониального ведомства обозначали необходимость системной подготовки кадрового резерва для различных звеньев колониального аппарата, в основу которой должен был быть положен тщательный отбор кандидатов по критерию их индивидуальных качеств и способностей [Grant M., 1994, 102].

Руководство министерства колоний обозначило необходимость брать за основу при назначении на должности в колониальной службе не прошлый опыт и заслуги кандидатов, а адекватное понимание ими менявшейся ситуации и специфики процессов, происходивших в рамках конкретной территории, управлением которой должен был заниматься данный чиновник. В качестве важнейшего критерия при этом обозначалась способность администратора эффективно реализовывать свои функции при максимально возможной бюджетной экономии [Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol.189 (1925). Col.8-9].

Одним из главных условий успешного управления колониальными владениями Л. Эмери считал возможность эффективного взаимодействия с представителями местных элит. По

его мнению, к 1920-м гг. во многих колониях местная знать стала постепенно утрачивать свою прежнюю традиционалистскую природу и «заметно менялась под воздействием вестернизации и распространения новых интеллектуальных критериев» [The Empire at Bay..., 1988, 584]. Усложнявшаяся система социально-экономических отношений в колониях требовала подготовки более широкого круга технических специалистов в различных сферах функционирования административного аппарата. Как отмечалось в одной из публикаций середины 1920-х гг., «…прошли те времена, когда одно административное лицо одновременно выполняло в рамках своего дистрикта функции судьи, сборщика налогов, полицейского, консультанта, строителя дорог и мостов и даже доктора. В нынешних условиях все эти задачи должны осуществлять разные специалисты»[The Times, 1925, 14th December, 6].

Данные факторы, как отмечал Л. Эмери, «делают необходимым сохранение высоких академических стандартов и обеспечение, без всяких послаблений, такого уровня требований к профессиональным и личностным качествам [кандидатов на административные должности в колониальной службе – А.С.], которые позволяют надлежащим образом управлять туземным населением» [Эмери Л., 1960, 348]. При этом, согласно его точке зрения, изменения в подходах к комплектованию колониальной службы должны были сочетаться с сохранением сложившейся традиции, основанной на «культе джентльмена» [Эмери Л., 1960, 348].

Подобные оценки, означавшие формирование профессионального подхода к комплектованию Колониальной службы, зародившиеся в рамках «Детского сада» С. Родса и А. Милнера, существенным образом расходились с традицией, существовавшей до Первой мировой войны. Она предполагала, что выполнение функций политического управления колониями является в большей степени искусством, чем сферой профессиональной деятельности, требовавшей специальной подготовки. В данной связи способным к административной работе в колониях считался «любой молодой человек, обладавший честностью, преданностью своему делу, манерами джентльмена, и определёнными познаниями в сфере экономики» [Prothero M., 1917, 53]. В большинстве случаев перед колониальным чиновником не ставилась задача «постижения сущности восточных или африканских обществ,… сознание представителей которых является во многом интуитивным»[Guttsman W. L., 1963, 279].

Попытки организации системы профессиональной подготовки колониальных управленцев начали предприниматься лишь накануне Первой мировой войны[1]. В послевоенный период усилиями А. Милнера и Л. Эмери были приняты к реализации программы, способствовавшие существенному улучшению деятельности технических служб в колониях. Незадолго до смерти А. Милнера был создан специальный комитет, который должен был координировать усилия по повышению качества деятельности различных элементов Колониальной службы. В 1924 г. его возглавил лорд Ловетт, поставивший в качестве своей основной задачи «создание нового имиджа Министерства колоний, основанного на использовании научного подхода к устройству его служб»[Jeffries Ch., 1983, 182]. Согласно представленной в ходе конференции губернаторов в Лондоне доктрине, «для того, чтобы адекватно осуществлять свои функции, администраторы должны пользоваться несомненным уважением со стороны своих коллег – технических специалистов, что… несомненно требует их более высокого уровня подготовки»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 176 (1924). Col. 1977].

Одним из конкретных направлений деятельности руководства Министерства колоний по подготовке технических специалистов для работы в колониях, явилось активное взаимодействие с высшими учебными заведениями, в особенности, с факультетами лесного и сель-

[1] Первые специальные лекционные курсы для кандидатов на должности в колониальных администрациях в Африке были организованы в Лондоне в 1909 г.

ского хозяйства Оксфордского и Кембриджского университетов [Heussler R., 1963, 44]. Результатом активных контактов руководства колониального ведомства с ведущими университетскими центрами явилась организация осенью 1926 г. специальных курсов для стажёров министерства, большая часть которых являлась недавними выпускниками Оксфорда и Кембриджа [Heussler R., 1963, 44]. Таким образом, в середине 1920-х гг. министерство колоний оказалось первым британским ведомством, создавшим постоянную систему взаимодействия с ведущими университетами в целях подготовки профессиональных кадров для своих нужд. При этом были приняты в расчёт и рекомендации колониальных администраций, каждая из которых, в силу своей специфики имела собственные потребности в подготовленных в той или иной сфере профессиональных кадрах.

Одновременно, в целях совершенствования механизма информационного освещения деятельности министерства, в обоих университетах были созданы комитеты Африканской Тропической службы [Colonial office list, L., HMSO, 1926, 8]. В Оксфорде в данный комитет входил ряд видных университетских деятелей, включая специалистов по географии, экологии, колониальному праву и истории[Colonial office list, L., HMSO, 1926, 8]. В соответствии с решениями специальных комитетов, программа подготовительных курсов ограничивалась «необходимым минимумом, нужным человеку, перед тем как отправить его в колонии» [Heussler R., 1963, 46]. Их содержание представляло, как отмечали современники «своего рода теоретическое введение в специфику колониального управления», после которого стажёр должен был осваиваться в своей сфере профессиональной деятельности, оказавшись непосредственно в том, или ином британском владении в ходе взаимодействия с проживавшим там местным населением [The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013)].

Программы подготовки стажёров в Оксфорде и Кембридже включали в себя изучение некоторых африканских языков, колониального права, антропологии, основ сельского и лесного хозяйства, а также «истории британского правления в Африке» [Heussler R., 1963, 46]. Ряд сфер специальной подготовки, в частности, тропическая медицина и бухгалтерская подготовка оставались в ведении Имперского института в Лондоне и, как отмечалось в одном из документов реализовывались на основе несколько модифицированных критериев, введённых в 1909 г. [Heussler R., 1963, 46].

Преподавание колониальной истории и антропологии строилось во многом на основе теоретических разработок профессора Б. Малиновского, а также Р. С. Рэттрэя, исследовавшего в 1920-х гг. различные аспекты проблемы взаимодействия вестернизации и традиционализма в колониях. Одним из важных элементов, которые они стремились реализовать в рамках специальных курсов, являлась идея о необходимости «большей ориентации колониального управления на сложившуюся местную основу»[Louis R. W., 1984, 156]. В частности, Р.С. Рэттрэй, активно сотрудничавший в данный период с администрацией Золотого Берега, стал инициатором изменения состоявшей исключительно из британцев сельской администрации «за счёт большей опоры на туземную власть, чей авторитет основывался на местных культурных формах»[Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 200 (1926). Col. 1209]. Как подчёркивалось в одном из сообщений министерства колоний, «…в отличие от недавних времён, растущие атаки на колониальную идею, исходящие как изнутри, так и извне Британии, становятся слишком частыми и опасными, что делает необходимым укрепление идеологических основ самой Колониальной службы… Без чёткого осознания особой миссии своей деятельности, [колониальные чиновники – А.С.] будут рассматривать её лишь как обычную работу и источник доходов» [The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013)].

Лекции по колониальной истории в рамках специальных курсов читали профессор Р. Коупланд и ряд других видных учёных, с которыми активно взаимодействовало руководство

министерства колоний. Наряду с сугубо теоретическими задачами, данные занятия были призваны реализовывать и идеологическую функцию, связанную с противодействием влиянию распространявшихся в данный период в британском обществе антиимпериалистических настроений и формированию у стажёров «системы представлений о достижениях британской политики за рубежом»[Stephen C., 1987, 74].

Оформившаяся в середине 1920-х гг. система взаимодействия министерства колоний с ведущими университетскими центрами, способствовала повышению эффективности отбора кадров для Колониальной службы. В 1926 г., согласно официальным данным, из числа претендентов на различные должности было отобрано 107 служащих. Из них 71 имел университетское образование, остальные были назначены из нижестоящих подразделений Колониальной службы, а также из африканских колониальных администраций. Из 71 выпускника университетов 44 закончили Оксфордский и Кембриджский университеты. В 1927 г. на долю выпускников двух ведущих британских университетов пришлось 79 из 83 новых сотрудников Колониальной службы с высшим образованием. В последующие годы данная пропорция не претерпела существенного изменения. В 1928 г. она составила 84 из 88 кандидатов, принятых на работу в структуры колониального ведомства после окончания университетов. В 1929 г. – 73 из 89. С 1930 г. была прекращена практика отбора на должности в Колониальную службу кандидатов без университетского образования. Вплоть до конца 1930-х выпускники двух основных университетов Великобритании продолжали абсолютно преобладать в основных структурах британского колониального аппарата. В 1937 г. из 157 назначенцев на административные должности в Колониальной службе, 123 являлись выходцами из двух элитных британских высших учебных заведений [Heussler R., 1963, 50].

Тем не менее, несмотря на все принятые министерством меры, полностью разрешить возникшие в данный период кадровые проблемы руководству министерства колоний не удалось. По данным на июль 1934 г. в управленческом аппарате британских колоний не хватало 160 специалистов в области сельского хозяйства, 328 медицинских служащих, 249 специалистов в сфере образования, 99 служащих ветеринарных служб и 58 работников лесных департаментов [Colonial office list. L., HMSO, 1934, 12]. Общая потребность колониальных служб в подготовленных специалистов составляла не менее 250 чел. в год [Colonial office list. L., HMSO, 1934, 12]. Кроме того, экспертами колониального ведомства планировалось осуществить в течение 10 лет обучение более 6 тыс. представителей туземного населения, которых в последующем предполагалось использовать на должностях низового звена колониального аппарата [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 344 (1939), Col. 608].

Одним из аспектов, связанных с обеспечением деятельности колониального аппарата, являлось пенсионное обеспечение увольняемых чиновников. В данной связи, руководством министерства колоний в 1920-х гг. был принят ряд мер по совершенствованию применения Акта о пенсиях губернаторам колоний, принятого в 1911 г. В соответствии с информацией, представленной в июле 1928 г. размер пенсионных выплат руководителям колониальных администраций составлял в среднем 1000 ф.ст. в год [Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 71, Col. 1001].

В июле 1920 г. под руководством Л. Эмери был подготовлен проект изменений в системе пенсионного обеспечения, призванный способствовать обновлению кадров в колониальных администрациях. По словам заместителя министра, новый порядок пенсионных выплат коснулся «уходящих в отставку чиновников в следующих колониях и протекторатах: протекторат Восточная Африка, протектора Занзибар, Нигерия, Золотой Берег, Сьерра-Леоне, Гамбия, Наветренные острова, Подветренные острова (Св. Киттс Невис, Антигуа), Британская Гвиана, Фолклендские острова, Британский Гондурас, Маврикий, Остров Цейлон, Малайская федерация, Гонконг, протекторат Бечуаналенд, протекторат Свазиленд, Ба-

сутоленд, Гибралтар, Мальта, Кипр» [The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk]. При этом масштаб изменений в системе начисления пенсий заметным образом варьировался применительно к различным территориям. Так в протекторате Ньясленд, Уганде и Сомалилэнде, а также в отдельных подразделениях самого министерства колоний, увеличение пенсионных выплат коснулось лишь тех чиновников, которые имели «военные заслуги или военные льготы» [The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk.].

Наряду с вопросами социально-экономического развития, новым важным направлением деятельности колониальных администраций в 1920-х-1930-х гг. явилось развитие информационно-пропагандистского механизма. К числу важных направлений деятельности колониальных администраций в рассматриваемый период относилось и налаживание в колониях системы беспроводного радиовещания, которое, в условиях неграмотности подавляющей части туземного населения, рассматривалось как важнейший пропагандистский инструмент. С середины 1920-х гг. в министерстве колоний велась дискуссия относительно наиболее эффективных механизмов лицензирования организации местного радиовещания. В некоторых колониях начались переговоры относительно создания отдельных радиовещательных станций. Одними из первых собственную систему радиовещания в 1924-1925 гг. начали создавать администрации Цейлона, Стрейтс Сетлментс и Гонконга. Основными критериями при её организации я являлись политическая значимость той или иной территории для британских интересов, а также финансовые возможности колониальных администраций [Extracts from Imperial Conferences 1930, 1930, 15-17].

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. британским правительством были приняты дополнительные меры по развитию системы радиовещания в колониях. С 12 декабря 1930 г. было налажено регулярное вещание Британской радиовещательной службы (BBC) на территории Африки, осуществлявшееся посредством коротковолновых станций [Colonial office list. L., HMSO, 1930, 1]. Вплоть до конца 1930-х гг. местные колониальные администрации продолжали работы по совершенствованию технических аспектов их функционирования. Как отмечалось в британских политических документах, развитие системы радиовещания было призвано не только существенно усилить механизм пропагандистского воздействия на африканское население, но и способствовать сохранению «у тысяч британских граждан, пребывающих в удалённых регионах и в дикой местности» чувства связи с Родиной [Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 350 (1939), Col. 1477].

Анализ социально-экономических и политических изменений, произошедших в военный период в британском обществе, позволяет некоторым исследователям характеризовать межвоенный период как качественно новый этап в эволюции британской государственности. Так, украинский историк А.В. Ленько отмечает в данной связи, что «двигавшееся по пути социального либерализма Соединённое Королевство… временно превратилось в консервативное корпоративное государство, или «Великобританию с ограниченной ответственностью» («Great Britain Limited»)» [Ленько А.В., 2012, 305]. При всей разнице в оценках, представляется несомненным тот факт, что Первая мировая война привела к существенным сдвигам в политической и социально-экономической подсистемах британского общества. Изменения, происходившие в метрополии не могли не сказаться на характере организации огромной колониальной системы Великобритании, а также специфики приоритетов колониальной стратегии Уайтхолла.

К числу её основных направлений относились попытки финансово-экономической и организационно-административной оптимизации системы управления колониями. На фоне финансовых трудностей и кадровых проблем основным содержанием попыток реформирования колониального аппарата в данный период явилось использование элементов косвенного администрирования, предполагавших привлечение представителей туземного населения, а также сотрудничество с представителями местных элит. В то же время эволюция британско-

го колониального механизма в межвоенный период отражала сочетание реформаторских тенденций с традиционно присущим британской политической элите консерватизмом.

Библиографический список

1. Ленько А.В. Объединённое королевство Великобритании и Ирландии: эпоха выбора между империализмом и либерализмом, 1868-1918.СПб., 2012.
2. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., Издательство иностранной литературы, 1960.
3. Balfour A. Opinions and argument from speeches and addresses of the earl of Balfour, 1910-1927. L., 1927.
4. Cell J. W. Colonial Rule. The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century. N.Y., 1999.
5. Colonial office list. L., HMSO, 1926.
6. Colonial office list. L., HMSO, 1927.
7. Colonial office list. L., HMSO, 1930.
8. Colonial office list. L., HMSO, 1934.
9. Daily Express. 1919. 14th May.
10. Evening Herald. 1925. 30th July.
11. Extracts from Imperial Conferences 1930. Canberra, 1930.
12. Grant M. Propaganda and the Role of the State in Inter-War Britain. Oxford: Clarendon Press, 1994.
13. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1928), vol. 71.
14. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 115 (1919).
15. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 121 (1919).
16. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 156 (1922).
17. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 176 (1924).
18. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 187 (1925).
19. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 188 (1925).
20. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 189 (1925).
21. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 200 (1926).
22. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 344 (1939).
23. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 350 (1939).
24. Guttsman W. L. The British political elite. L., 1963.
25. Heussler R. Yesterday's Rulers: The Making of the British Colonial Service. N.Y., 1963.
26. Jeffries Ch. The Colonial Office. Westport (Connecticut), 1983.
27. Louis R. W. In the Name of God: Go! Leo Emery and the British Empire and the Age of Churchill. L., 1984.
28. Morning Post. 1922. 23rd November.
29. Porter B. The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013.
30. Prothero M. The Development of the British Empire. L.., 1917.
31. Robinson H. The Development of the British Empire. Boston, N. Y., Chicago, S.-F., 1922.
32. Stephen C. The Making of British Colonial Development Policy 1914-1940. L., 1987.
33. The Empire at Bay: The Leo Amery Diaries, 1929-1945 /Ed. by Barnee J., Nicholson D. L.: Hutchinson, 1988.
34. The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
35. The Round Table. 1921. №2.
36. The Times. 1925. 14th December.
37. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003.
38. Wotton S. Lord Hailey. The Colonial Office and the Politics of Race and Empire in the Second World War. L., 2000.

Сведения об авторе:

Сагимбаев Алексей Викторович, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, sagimbaev@yandex. ru

УДК 94:62

В. С. Ешпанов

Трудности сельскохозяйственного и животноводческого производства Актюбинской области (в 1930-40-х годах)

Аннотация: *Автором проведено исследование, связанное с положением и состоянием сельского и животноводческого хозяйства рассматриваемой области в годы Великой Отечественной войны. В особо сложном состоянии оказалось сельское хозяйство, прошедшее перед войной темповую коллективизацию, в основном силовыми методами с достаточно серьезными потерями. Обосновано положение об усилении командно-административной системы, ставшей одной из основных причин неэффективности экономической модели колхозного строя. Анализируются формы заготовок продукции сельского хозяйства и животноводства в кооперативных объединениях крестьян. Акцентировано внимание на деятельности колхозов внесших вклад в спасение поголовья и оказавших помощь в восстановлении животноводства. Характеризуется состояние животноводства, показана динамика развития отрасли в военные годы. Обобщен опыт развития земледелия и животноводства, раскрыты формы и методы работы партийно-государственных органов области.*

Ключевые слова: *Актюбинская область, Великая Отечественная война, колхоз, сельское хозяйство, животноводство.*

V. S. Yeshpanov. Difficulties of agricultural and livestock production Aktubinsk region (In 1930-40s)

Abstract: *The author has carried out a study related to the state and condition of agriculture and livestock farming in the region under consideration during the Great Patriotic War. Agriculture found itself in a particularly difficult state, which had undergone tempo collectivization before the war, mainly by forceful methods with rather serious losses. The provision on strengthening the command-administrative system, which has become one of the main reasons for the ineffectiveness of the economic model of the collective farm system, has been substantiated. The forms of procurement of agricultural and livestock products in cooperative associations of peasants are analyzed. Attention is focused on the activities of collective farms that have contributed to the rescue of livestock and provided assistance in the restoration of animal husbandry. The state of animal husbandry is characterized, the dynamics of the industry development in the war years is shown. The experience of the development of agriculture and animal husbandry is generalized, the forms and methods of work of the party and state bodies of the region are revealed.*

Keywords: *Aktobe region, Great Patriotic War, collective farm, agriculture, animal husbandry.*

К началу Великой Отечественной войны Актюбинская область находилась в состоянии постепенного роста и увеличения экономических показателей в сельском хозяйстве. Все началось с принятого постановления ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». А уже 27 мая 1937 года, Центральный Комитет ВКП(б) и совет народных комиссаров приняли постановление «О мерах защиты от разбазаривания общественных колхозных земель». Сразу же после принятия данного документа работа по налаживанию использования земель в колхозах приобрела широкий размах. Так, 15 августа 1939 года, была проведена работа по замеру придомовых участков. По архивным данным, в результате замеров выявлен факт использования семьями колхозников 66 лишних гектаров на придомовых участках. Другие семьи, не вступившие в колхозы, использовали без разрешения площадь в 228 га. Нарушением считалась передача использования земель в аренду. В личное пользование колхозника выделялся участок в 0,6 га, при делении на каждого члена семьи приходилось по 0,25 га. В соответствии с постановлением партии и правительства этот шаг позволил привести в порядок норму использования колхозных земель. Жесткая командно-административная система, восторжествовавшая в 30-е годы, поставила население в тяжелые рамки насилия и произвола со стороны правящего режима. Результатом коллективизации явилось создание сети новых хозяйств - колхозов, которые появились благодаря массовому оседанию кочевого населе-

ния.Эта система была создана для того, чтобы ликвидировать частную собственность и провести огосударствление средств производства. Данная политика проводилась в русле указаний И.В. Сталина, заявившего, что нужно создать такие условия, при которых частнику жилось бы гораздо хуже, чем колхознику, для того чтобы вынуждать единоличников вступать в колхозы и, таким образом, ликвидировать частные хозяйства. Цель была достигнута: к 1940 году абсолютное большинство крестьян состояли уже в колхозах.

Перед началом войны аграрный сектор постепенно выходил из кризиса, хотя и наблюдались отдельные моменты, показывающие отсталость народного хозяйства по отдельным пунктам.

На первом этапе войны (июнь 1941—1942) правительством была поставлена задача - перестройка экономики на военный лад. Патриотические чувства победили чувство обиды на Советскую власть и у большинства тех, кто пострадал в годы гражданской войны и коллективизации. Следует также признать, что Советское государство, партия коммунистов и комсомол продемонстрировали высокие организаторские способности в военно- мобилизационной работе, а также в руководстве экономикой и всеми сферами жизни республики в военные годы. В короткий срок в сельском хозяйстве была изменена структура посевных площадей, начато возделывание новых культур, пересмотрены формы организации труда.

На фронт и в оборонную промышленность отправился каждый четвертый житель республики. Столь высокий процент мобилизации оказался возможным главным образом благодаря аграрному характеру экономики и высокому удельному весу крестьянства среди населения.

Интенсивное заселение Актюбинской области переселенцами началось со второй половины 19 века. В основном заселяли жители территорию Актюбинского уезда ввиду того, что земли этого региона считались скотоводческими и небольшая часть занималась обработкой земель. Из 61137 человек самодеятельного населения 54283 чел.(88,8%) было занято в животноводстве. 6,6 % населения занималось земледелием. В системе промышленности было занято 0,5 населения [1].

По данным переписи 1939 года население Актюбинской области составляло 339069 человек. Число городского населения было 88823 человека (26,2%) [2].

Таблица 1. Количественный и профессиональный состав населения Актюбинской области к 1939 года [3]

Профессия и род занятий	**количество населения**	**% к общей численности**
Рабочие	52776	32,7
Колхозное крестьянство	77742	48,2
Служащие	26625	18,4
Кустари	1115	0,7
Итого	161258	100,0

Уровень грамотности населения к этому периоду достиг 81,6 %

Возрастной состав населения в 1939 году был следующим: до 20 лет - 42,1%, от 20 до 60 лет - 53,3%, старше 60 лет – 4,6% [4].

В целом социально-экономическое развитие области выражалось в увеличении численности населения (правда, в годы коллективизации много погибло населения от голода) и ростом промышленных предприятий. Так, например, в Актюбинском районе в 1940 году валовая продукция промышленности превысила 25 млн. рублей. Положение в сельском хозяйстве Актюбинского района было противоречивым. Так, в течение трех лет 1938-1940 гг. количество скота увеличилось всего на 3%.

Одной из главных причин этого было сокращение поголовья скота в личном владении у колхозников, так как после коллективизации, огромное количество скота было передано колхозам, где они не всегда могли содержать скот в состоянии необходимого ухода. Во многих колхозах сохранялась неудовлетворительная организация зооветеринарной работы. Поэтому 17 июня 1938 года, Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О государственном плане развития животноводства в 1938 году». В нем наиважнейшими задачами были обозначены рост поголовья скота, а также повышение продуктивности скота путем улучшения племенной работы, укрепления кормовой базы и зооветеринарной службы. Тем не менее, кормовая база животноводства была слабой. Несмотря на определенные успехи в этой области аграрного сектора, в целом отрасль не отвечала требованиям времени. Постановлением «О мерах по развитию в колхозах общественного животноводства», принятому 8 июля 1938 года, была упразднена система сдачи колхозами мяса в зависимости от имевшегося скотопоголовья. По новому порядку учитывалась площадь используемой колхозами земель. В постановлении также предлагалось колхозам содержать фермы по разведению крупного рогатого скота, овец, и свиней.

В начале 1941 года в Актюбинской области было следующее соотношение крестьянских хозяйств по районам [5].

Таблица 2. Распределение крестьянских хозяйств по районам Актюбинской области к началу 1941 года [6].

№	наименование района	общее кол-во крестьянских хозяйств	в том числе:		% коллективизации
			состояло в колхозах	единоличное хозяйство	
1	Байганинский	2250	2240	10	99,5
2	Иргизский	3799	3790	9	99,7
3	Челкарский	1874	1370	4	99,7
4	Уилский	3733	3693	45	98,7
5	Карабутакский	2723	2713	5	99,8
6	Темирский	1912	1912	-	100,0
7	Джурунский	1802	1799	3	99,8
8	Ключевой	2997	2992	5	99,8
9	Актюбинский	376	376	-	100,0
10	Родниковский	1096	1091	5	99,6
11	Хобдинский	3490	3451	39	98,1
12	Новороссийский	1845	1838	7	99,6
13	Степной	1946	1643	3	99,8
14	Мартукский	3791	3781	10	99,7
	Итого	33338	33194	144	99,5

Из данных следует, что коллективизация охватила абсолютное большинство крестьянских хозяйств. Так, в Актюбинском и Темирском районах было коллективизировано 100% хозяйств, а в целом по области этот показатель составил 99.5%. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны большинство населения области жило в условиях преобладания государственной или коллективной собственности. Происходила политика постепенного укрепления колхозного строя, что было связано с попыткой объединения массы слабых хозяйств в более крупные.

Проблема повышения поголовья скота поднималась на высшем уровне, но часто данные решения носили директивный характер и были обязательны для местных органов вла-

сти. 1 июля 1939 года ЦК ВКП(б) принял постановление « О мероприятиях по дальнейшему развитию общественного животноводства в колхозах.

В мероприятиях предусматривались установления по каждому колхозу и совхозу количества голов скота, подлежащего отгону, закрепление за ними земельных участков для скота, утверждение бригад животноводов из числа передовых колхозников, обеспечение их теплой одеждой и продуктами питания.

Особое внимание уделялось организации зоотехнического и ветеринарного обслуживания скота, перегоняемого на отгонно-патбищное содержание. Причем в целях стабилизации производства животноводческой продукции колхозы имели право произвести начисление трудодней колхозникам, работающим на отгонах в полуторном размере. С осени 1940 года в области возникло и начало развиваться так называемое Берсиевское движение за достижение высоких урожаев проса и других сельхоз культур.

В предвоенные годы началось введение травопольных севооборотов. Этому предшествовало широкое обсуждение подготовленного НКЗ СССР проекта постановления "О введении правильных севооборотов". В конце 1940 г. Наркомат заготовок СССР представил в СНК СССР докладную записку, в которой предлагал внести существенные изменения в систему натуроплаты колхозов за работы МТС, а именно - перейти к твердым ставкам, дифференцированным по зонам страны, но не связанным с урожаем, полученным колхозами. Поэтому и для области в 1940-41 годах стояли важнейшие задачи:

- повышение механизации и качества работы всех машино-тракторных мастерских;
- введение правильного севооборота;
- подготовка агрономических кадров и усиление контроля за состоянием севооборота;
- налаживание работы производственных бригад.

В Актюбинской области по данным областного земельного отдела было 627 колхозов, в составе которых действовало 2817 звеньев [7].

К началу Великой Отечественной войны экономика Актюбинской области находилась в стадии постепенного роста и увеличения показателей. Однако имелись и серьезные недостатки. Крайне ослабленное коллективизацией сельское хозяйство, не могло подняться своими силами, и постепенный рост производства происходил только за счет государственных дотаций и мер по укреплению колхозов, связанных с ужесточением трудовой дисциплины. Следует заметить, что кризисные явления в системе народного хозяйства не были преодолены к началу войны.

В предвоенный период городское население Актюбинской области, основную часть продуктов покупало в государственных магазинах. Другим существенным источником снабжения города была колхозная торговля и роль ее для удовлетворения продовольственных нужд городского населения была особенно значимой. К началу 40-х годов в результате коллективизации сельского хозяйства сложились условия и для развития колхозной торговли. За 1935-1940 гг. ее оборот возрос почти в 3,5 раза. Физический объем продажи сельскохозяйственных продуктов с учетом снижения рыночных цен увеличился еще больше [8].

Условия войны требовали увеличение темпов роста поголовья скота и с этой целью была введена практика введения нормированных планов развития аграрного производства, что было велением времени. Подобное планирование учитывало необходимость считаться с экономическими показателями. Так, например, в объяснительной записке к плану мероприятий по организационно-хозяйственному управлению колхозов в Родниковском районе на 1941-1942 гг. указывается, что государственный план развития животноводства на 1941 год предусматривает более медленные темпы прироста поголовья, чем это намечено в прилагаемом плане. Это было вызвано установлением государственного плана развития животновод-

ства на 1941 год по Актюбинской области в размерах, которые определяли менее напряженные темпы прироста поголовья скота. Но, здесь же упоминается, что эти показатели не снижают планирование поголовья, так как обнаружены значительные резервы в районе. Соответственно предполагается увеличить темпы прироста поголовья скота [9].

Таким образом, развитие сельского хозяйства, в частности, животноводства, носило директивный характер политики повышения производственных показателей. Даже при условии создания относительно стабильных показателей в животноводстве, тем не менее, перед руководством ставились планы повышения поголовья скота и постепенного перевыполнения планов, что ложилось дополнительной нагрузкой на колхозы.

Отчеты этого периода, составленные для руководства области, дают реальную картину состояния животноводства. Районные власти основной упор делали на укомплектование ферм и заготовку грубых кормов. При этом несмотря на повседневную работу по закреплению и переподготовке животноводческих кадров, строительству новых объектов животноводства, организации труда и учета на фермах, основная задача отрасли – борьба за рост продуктивности животноводства, не выполнялась. В итоге животноводство оставалось на недопустимо низком уровне, колхозы ежегодно недополучали значительной части продукции и доходов от этой отрасли. Естественно, что в планах на 1941-1942 гг. даны не только показатели количественного роста поголовья, но и заостряется внимание на решении важнейшей задачи - организационно-хозяйственное укрепление ферм и рост продуктивности животноводства[10].

Таким образом, первый период войны обнажил проблемы, которые Советская власть решала, как поощрительными, так и карательными мерами. Однако, наступившие затем события показали, что государственная машина Советской власти способна быстро мобилизовать свои силы в тяжелые времена. Мобильность проявилась и в организации работы тыла, быстром переводе экономики на военные рельсы, и в умении быстро реагировать на сложившиеся реалии в области промышленности, сельского хозяйства и социальной политики. Несмотря на давление сверху, на местах, по-прежнему, система не всегда давала желаемые ей результаты. Это позволяет говорить, что тиски, в которые репрессивными мерами и поисками врагов социалистического строя, было зажато общество, в связи с началом войны, значительны ослабли.

Библиографический список

1. Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф.13. Оп.12. Д.249. Л.14.
2. ГААО. Ф. 85. Оп. 4. Д. 26. Л. 19.
3. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д.287. Л. 11.
4. ГААО. Ф. 85. Оп. 8. Д. 14. Л. 39.
5. ГААО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.
6. ГААО. Ф. 13. Оп. 11. Д. 251. Л. 98.
7. ГААО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.
8. ГААО. Ф. 9.Оп.1.Д. 2. Л. 17.
9. ГАОО. Ф.9. Оп.1.Д.131.Л.8.
10. ГАОО. Ф.9. Оп.1.Д.132.Л.65.

Сведения об авторе

Ешпанов Владимир Сарсембаевич – доктор исторических наук, профессор, г. Нур-Султан, Университет «Туран-Астана», e-mail: WS-282@mail.ru

Социальная история

УДК 371.4+343.43(091)

Е.Д. Маскевич

Шипчинский Дмитрий Валерьянович (04.1905 - 21.06.1930 гг.): по материалам Архивного управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Аннотация: *Статья посвящена одной из самых неоднозначных персон в истории петроградского/ленинградского скаутинга в 1922-1930-е гг. Автор рассмотрел биографию Шипчинского и попытался проанализировать деятельность нелегальных местных скаутских ячеек, опираясь на его показания в процессе допросов.*
Ключевые слова: *скаутинг, разведчество, Шипчинский, Ленинград, дело скаутов, репрессии, советская власть.*
E. D. Maskevich. Shipchinsky Dmitriy Valerianovich (04.1905-21.06.1930): based on materials from the Archive Department of the Federal security service for St. Petersburg and the Leningrad region.
Abstract: *The article is devoted to one of the most controversial person in the history of Petrograd/Leningrad scout movement in the 1922-1930s. The author reviewed the biography of Shipchinsky and tried to analyze the activities of illegal local scout cells, relying on his testimony during interrogations.*
Keywords: *scouting, pathfinders, Shipchinsky, Leningrad, case of scouts, repressions, Soviet authority.*

В память о скаутах, ставших жертвами политических репрессий.

Шипчинский Дмитрий Валерьянович родился в апреле 1905 года в Архангельске, в семье дворянина Новгородской губернии и известного метеоролога и климатолога, профессора Валериана Валериановича Шипчинского. С 1903 года его отец был приглашенным профессором Лесного института в Петербурге, а позднее заведовал кафедрой физики и метеорологии на Высших женских естественно-исторических курсах. Дмитрий был старшим ребенком из пяти детей (4 младших сестры) в семье Шипчинских, окончил две ступени архангельской трудовой школы. В 1922 году Дмитрий приехал в Петроград для поступления в институт, проживал на Васильевском острове на 4-й линии, д. 19, кв. 5 [1. Л. 45]. В Географический институт (сейчас факультет географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета, находился на наб. р. Мойки, д. 122) он не поступил, потому что сказал «одной гражданке», провалившей экзамен по политической грамотности, о возможности пересдать его, имей она 100 червонцев. Его исключили за антисоветское поведение. В результате, он учился на литературном творческом отделении Института живого слова и имел частную работу по подсчету метрических таблиц от государственного управления СССР[1].

Летом 1924 года в полномочное представительство Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО) №1330 поступили сведения о некоем Шипчинском, который имел и распространял контрреволюционную литературу среди студентов, был связан с меньшевиками и, более того, выдавал себя сыном некого графа, якобы умершего в ссылке в 1923 году и представлялся уполномочен-

[1] В допросных листах данные о подработке указаны в сокращенном варианте, поэтому возможно, что подразумевались метеорологические таблицы или карты.

ным ЦК РСДРП. Вскоре, в ночь с 7 на 8 июля, 19-летний Шипчинский был арестован, никаких компрометирующих материалов при обыске обнаружено не было. Он дал показания, во время которых заявил, что ни в каких политических организациях он не состоял и не состоит, но сочувствует РКП(б). Здесь же стоит отметить, что арестант был крайне разговорчив, давал множество комментариев по поводу деятельности пионерской организации и политики советской власти в области воспитания молодежи, попутно раздавая советы следователям, как и что нужно сделать для наиболее эффективных результатов, активно шел навстречу следствию в повествовании о скаутской работе, перечисляя имена и адреса своих же некогда товарищей по скаутской организации. В период с 1918 по 1922 годы Шипчинский являлся активным членом скаутского движения Петроградской дружины и, более того, был начальником отряда Выборгского района. Однако он не прошел фильтрационную комиссию, организованную в 1922 году для отбора скаутов, получивших права работать в дальнейшем с пионерами.

АУ ФСБ по СПб и ЛО. Следственное дело Шипчинского Д. В. Д. №П-87465 от 05.11.1924 г. Л. 101.

По политическим убеждениям причислял себя к марксистам интернационалистам, однако имел ряд расхождений во взглядах с коммунистической партией, например, в ее нетерпимости к детям представителей бывших привилегированных классов и антирелигиозной политике. Таким образом, он был уверен, что нужно «убить религию так, чтобы она не могла казаться мученицею в глазах менее образованных классов, а именно бороться с нею просвещением темных слоев и агитацией <…> мягче, но настойчивее и планомернее» [1. Лл. 66–70]. В остальном полностью поддерживал вектор политики советской власти и идентифицировал себя как гражданин Союза.

В процессе допроса Шипчинский пытался показать себя противником НЭПа, склонным к марксизму, презрительно относящимся к меньшевикам. Он порвал с белым скаутингом, но и к красным пионерам не желал примыкать, однако еще в 1923 году вел занятия по системе скаутинг с группой детей рабочих в количестве 18 человек. Они занимались гимнастикой, спортивными играми, вели беседы о товариществе, честности и организованности в игре и жизни. Эти занятия он быстро прекратил по приказу архангельского скаут-центра, который также вел нелегальную деятельность, но не желал подвергать опасности детей.

В заключении следователь отметил, что во время дачи первых показаний Шипчинского могло показаться, что он не связан с контрреволюционной деятельностью, однако на одном из допросов 11 октября того же года по поводу скаутизма, он «открыл свое лицо», так как ОГПУ было известно о его активной роли как организатора «белого контрреволюционного скаутизма» [1]. Подписку о том, что в нелегальной работе скаут организаций работать не будет категорически отказался по причине того, что считает себя «принадлежащим не себе, а скаутизму» и, более того, открыто заявил об агитации среди своих знакомых поступать таким же образом. Таким образом, можно сказать, что первоначальные заявления Шипчинского о его лояльности советской власти не выдержали никакой критики и являлись попыткой обелить себя. Следствие заключило, что арестованный является непримиримым врагом советской власти, активным членом контрреволюционной организации и посчитало необходимым выслать за пределы города на три года, как «социально опасный элемент». Однако, начальство посчитало иначе - необходимо продолжить допросы с целью получить по возможности больше информации о действующих нелегальных скаутских ячейках. Поэтому его содержание в доме предварительного заключения сперва в Ленинграде, затем в Москве, продолжались на протяжении двух лет, до августа 1926 года. И еще один дополнительный в 1927 году. Очевидно, что для ОГПУ Шипчинский был ценным источником для раскрытия нелегальной сети скаутских ячеек, действующих не только в Ленинграде, но и Нижнем Новгороде, Москве и Архангельске.

Политическое управление интересовала любая информация, связанная со скаутами, включая его эмигрантскую часть, поскольку понимало, что основная часть руководящего состава дореволюционного скаутизма, а также участников белого движения, находилась за границей. Было очевидно, что молодежь, оставшаяся в Союзе, ведет контрреволюционную борьбу с властью Советов при активном участии и руководстве эмигрантов, которые старательно снабжали антисоветской литературой, брошюрами и прочими материалами. Шипчинский старательно пытался убедить следствие в том, что старый скаутинг, которым руководит его основатель полковник лейб-гвардии Олег Иванович Пантюхов, совершенно не контрреволюционен. Он считал, что старый скаутизм в своей основе имеет правильный подход в отношении воспитания детей и наличие игровых форм значительно повышает интерес молодежи к нему, но присущие ему резкий милитаризм и религиозность, «преклонение перед буржуазией» заставляют бороться с ним, однако в то же время, по его мнению, с центрами старого скаутинга лучше сохранить связь, чтобы привлечь в пионерскую организацию ее часть из рабочей молодежи [1. Лл. 66–70]. Российская организация скаутов существовала повсеместно, где были эмигрантские организации. Организация стремится работать на легальной платформе, не зависимо от политического устройства государства, является патриотической и религиозной во многих странах, но может быть и атеистической, как, например, во Франции. Также существовало и фашистское течение, например, в США под руководством «Ку-Клукс-Клана», в Германии также существовала подобная организация скаутов. В Англии развивалась новое политизированное движение Kibbo Kift Kindered или ККК под руководством Дж. Харгрева, имевшее сильный мистический отголосок и, со слов Шипчинского, под покровительством «мирового теософического общества, а значит Grand Orient» [1. Лл. 56–58об.]. На территории Советского Союза также активно действовала монархическая фашистская организация, с сильным религиозным уклоном, «Арго» или Аргонавтов с центрами в Москве, на Кубани, в Казани, Астрахани, Самаре, и во Владивостоке. Здесь же стоит отметить и сибирских скаутов, которые не были аргонавтами, но активно сотрудничали с ними. В «Арго» входила достаточно разношерстная группа людей от городской бедноты до местной аристократии и духовенства. В целом, со слов Шипчинского, можно судить о том, что «Ар-

го» являлась крупной сетью нелегальных ячеек, разбросанных по всей стране Советов, во главе которой стояли Врангель Петр Николаевич и великий князь Николай Николаевич. Организация имела свою типографию и печатный орган и якобы даже парусный флот на Волге. Сам же Шипчинский состоял в переписке с южным отделом «Арго», во главе которого стоял Михаил Нестеров и его помощником по Закавказью - Неназуридзе. Он сообщал им о происходивших событиях и группах скаутов, существовавших в Ленинграде. Во главе московской группы стоял Кавенчук, на Волге – Горлов, Журавлев и Куренко (по некоторым сведениям, из казаков). Однако Шипчинский прекратил связь с фашистскими организациями из-за своих расхождений во взглядах и считал необходимым вести с ними борьбу, так как они губят молодежь.

Что касается ленинградских скаутов, то сведения, данные Шипчинским, подтверждают факт перехода Российской организации юных разведчиков (РОЮР) почти в ее полном составе, возглавляемая Валентином Цауне (20-23 лет), руководителя отряда «Золотая лилия» Льва (Леон) Киркосьяна (18-21 лет; осведомитель ОГПУ в деле скаутов и далее 4 отдела Управления народного комиссариата внутренних дел Ленинградской области (УНКВД ЛО) вплоть до 1937 года), начальника отряда Ади Берзинга (20-25 лет) [в процессе установления отряда], руководители скаут студии при Институте физкультуры Собецкого и Кридмана [1. Лл. 75–80].

РОЮР возникла в период, когда в 1918 году детей из ряда петроградских школ во время голода отправили в, так называемые, питательные лагеря на Урал. При наступлении армии Колчака в Сибирь, дети были отправлены обратно в Петроград через Владивосток, однако были вынуждены остановиться в месте Вторая речка, где и был организован скаутский отряд, однако часть детей отсоединилась от него и образовала небольшой отряд красных скаутов под руководством 16-летнего Цауне. Побывав затем в Японии и США, домой в Петроград колонисты вернулись лишь в начале 1921 года. По возвращению домой, большая часть РОЮР развалилась, но центральная часть уцелела и продолжила работу в квартире руководителя на Гулярной улице, 18 [1. Лл. 75–80]. Организация была просоветской во многом, но не в вопросах религии. Шипчинский описывал членов РОЮР следующим образом:

- «группа Давыдова - честные и прямолинейные патриоты, противники Соввласти». К этой группе примыкал и сам Шипчинский.
- «Группа Гумила – хитрые и не особенно честные враги и друзья Соввласти.
- Группа «Белый клык». Собинин и Щекотова – мистики сумасброды, националисты/интернационалисты. В общем, путаники, но безусловно идейные лица.
- Баум, Хабаров – интернационалистические мироведы, идейные люди, но не практики [1. Лл. 75–80].»

В целом, он считал группу Цауне безусловно преданными Советам, за исключением отдельных личностей, но в то же время, члены РОЮР не были педагогами, психологами, но сторонниками военщины и даже «держимордности» [1. Лл. 75–80], поэтому впоследствии многие стали резко праветь и переходить к врагам Соввласти. Цауне, по его мнению, несомненно идейный работник, честолюбивый, хороший организатор и администратор, однако среди его недостатков отмечал религиозность и чрезмерную близость со своими сотрудницами. Братьев Дитрихов (один из них в последствие оставил подробные воспоминания об этом периоде работы со скаутами и организации пионерского движения, опубликованное в 1929 году под названием «Конец и начало. Из истории детского движения в Ленинграде» [3]) Шипчинский считал их агентами ГПУ/ОГПУ, однако в процессе исследования удалось подтвердить службу в НКВД в 1936–1937 годах одного из братьев, Евгения Станиславовича Дитриха, который являлся в эти годы младшим лейтенантом государственной безопасности,

оперуполномоченным 3 отдела УНКВД ЛО. Он называл их авантюристами, и сплетниками. Среди прочих упоминается начальник IV отряда Фарафонов как несерьезный человек, нередко совершающий различного рода преступления, пагубно влияя на детей, а также мечтавший с 1922 года о создании организации «Серебряная подкова» профашистского толка. Здесь скорее стоит согласиться с Шипчинским в описании Николая Фарафонова, поскольку в материалах фонда РОЮР, хранящихся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), сохранились документы, подтверждающие факты его регулярных проступков, как нарушение организационной дисциплины и прочих законов скаутов [2. Лл. 36об.–37]. Одной из немногих, кто удостоился положительной характеристики, была Нина Русакова, герл скаут из Киева, вступившая в РОЮР по прибытию в Петроград. Она «вполне честная и идейная, уходящая при первом же столкновении с грязью и подлостью, что и заставило ее столь часто менять отряды, скромна, несколько нетерпима» [1. Лл. 75–80]. С 1922 года работала с пионерами. Таким образом, можно сказать, что РОЮР, несмотря на свою лояльность и преданность советской идеологии, унаследовала основную отличительную черту дореволюционного российского скаутизма – это тяготение к милитаризации и замкнутости, своего рода кастовости системы.

В процессе дополнительного допроса, состоявшегося 2 декабря 1924 года, открыто высказался о своих взглядах на то каким должно быть воспитание молодежи в стране Советов: трудовым, без оглядки на принадлежность его родителей к какому-либо классу - «Ребенок не буржуй, не поп и из него от кого бы он ни родился при правильном воспитании будет честный гражданин Советов» [1. Лл. 66–70]. Воспитание младших детей должно включать игровые методы, много прогулок, бесед и прочее. Среди подростков обязано присутствовать взаимное обучение, экскурсии и трудовая деятельность. Для всех детей первостепенным должно быть достижение целей как развитие ума, воли, силы и гражданских ценностей. Политическое развитие не должно иметь идеологические предрассудки, а религиозное воспитание может быть допустимо в целях партийной агитации только с 18 лет, когда ребенок в состоянии разумно выбрать свои взгляды, получив до этого правильную научную базу. Возможно, такой подход действительно является верным, но очевидно, что совершенно резонирующим с политикой партии. Помимо этого, Шипчинский был принципиально не согласен в вопросах приема в пионерскую организацию по прикреплению к какому-либо учреждению или организации, так как это априори исключает ряд детей, как дети с улицы; пионерия переполнена агитационной политикой и перегружена идеологией, что лишает ее живости и, таким образом, интереса со стороны детей.

15 декабря 1924 года уполномоченным 7 отделением СО ОГПУ Лихачевым было рассмотрено дело Шипчинского и заключено, что не нашел в его преступных деяниях злостного характера и постановил отпустить его под подписку о невыезде из Москвы [1. Л. 92], но арестанта не отпустили. Вероятно, что дальнейшее содержание во внутренней тюрьме ОГПУ было связано с тем, что Шипчинскому негде было остановиться в Москве, куда его перевели из Ленинграда, а по месту жительства не отпустили. В 1926 году арестант несколько раз писал заявление с просьбой его отпустить или вынести какой-либо приговор, так как следствие по его делу продолжалось уже два года. На заявлении, которое содержится в следственном деле ОГПУ, красными чернилами стоит помета «Арестовать негласно» [1].

23 августа 1926 года в выписке указано постановление о ссылке «в концлагерь по ст. 61 УК». Обвинение весьма стандартное для всех дел скаутов - участие в создании скаутских детских организаций, ставивших своей целью помощь международной буржуазии. Шипчинский был отправлен в СЛОН. 23 октября 1931 года было назначен пересмотр дела и приговором по отбытии срока выслать через ПП ОГПУ на три года в Северный край. Однако уже че-

рез месяц постановлением коллегии ОГПУ решение было аннулировано, так как ранее 21 июня 1930 года постановлением выездной сессии коллегии ОГПУ Шипчинский был расстрелян [1]. В некоторых источниках указано, что Шипчинский в сентябре 1929 года предпринял попытку к бегству, но через несколько дней был пойман, поэтому вскоре был назначен пересмотр дела и вынесен приговор о высшей мере наказания, однако в следственном деле Шипчинского Д. В., хранящееся в АУ ФСБ по СПб и ЛО, выписка из протокола, которая бы свидетельствовала об этом факте, отсутствует.

В целом, судьба Дмитрия Шипчинского, как активного участника российского скаутского движения, мало чем отличается от других. Однако стоит все же отметить одну важную отличительную черту, которая прослеживается на протяжении всего следствия - это исчерпывающие своей полнотой ответы на вопросы следователей во время допросов. Здесь также можно подчеркнуть дерзость в содержании показаний, которая, на мой взгляд, сильно выбивается из общего контекста других дел. Очевидно, что он до самого конца не оценил всю трагичность в решении своей судьбы со стороны ОГПУ. Разумеется, политическое управление держало его во внутренней тюрьме в течении двух лет не по той причине, что не могло доказать его вину, ведь это видно по той легкости вынесений приговоров в отношении многих других скаутов с имением в наличии гораздо менее веских доказательств. Шипчинский был ценным источником сбора информации по нелегальным скаутским ячейкам не только в Ленинграде, но и по всему Союзу, а также эмигрантской части последователей движения. Именно с 1926 года началась вторая волна репрессий в отношении участников скаутизма, с реальными сроками и наказаниями, когда в базе данных ОГПУ было аккумулировано огромное количество информации на каждого из них. Как и многих других политически репрессированных, Дмитрий Валерианович был реабилитирован 18 октября 1991 года [1. Л. 114].

Библиографический список

1. АУ ФСБ по СПб и ЛО. Следственное дело Шипчинского Д. В. Д. №П-87465 от 05.11.1924 г.
2. ЦГАИПД СПб. Протоколы Главного штаба РОЮР. Ф. 596. Оп. 1. Д. 1.
3. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 385. Воспоминания Дитриха Г. С. о зарождении и развитии Ленинградской пионерской организации в 1921-1924 гг.; Дитрих Г. С. Конец и начало. Из истории детского движения в Ленинграде. – М., Л., 1929.

Сведения об авторе:

Маскевич Екатерина Дмитриевна, кандидат исторических наук , Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, e-mail: spb-collects@yandex.ru

Культурная история

УДК 9.94, 271-9, 271.5

А. В. Федин

Становление иезуитской миссии у ниписсинг Новой Франции в первой половине XVII в.

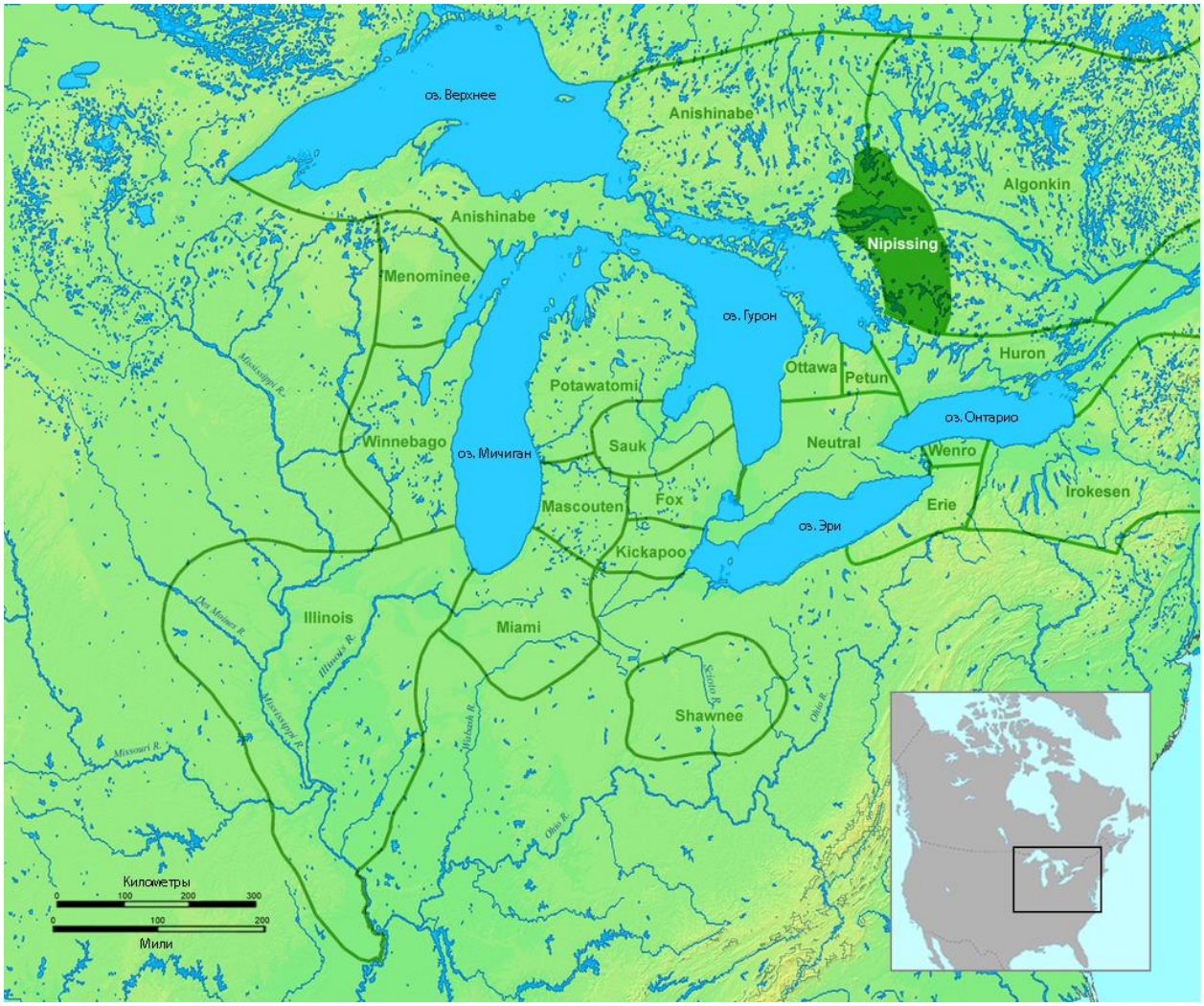
Аннотация. *В статье прослеживается история становления иезуитской миссии среди индейского племени ниписсинг в первой половине XVII в., отразившая большинство противоречий и тенденций в развитии иезуитского миссионерского апостолата в Новой Франции того времени.*

Ключевые слова: *иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, ниписсинг, алгонкины, гуроны, ирокезы.*

Fedin A. V. Formation of Jesuit mission to New France Nipissing in first half 17th century.

Abstract. *The article traces the history of the formation of the Jesuit mission among the Nipissing Indian tribe in the first half of the 17th century, reflecting most of the contradictions and trends in the development of the Jesuit missionary apostolate in New France at that time.*

Keywords: *Jesuits, the missionary activity, New France, Nipissing, Algonquin, Huron, Iroquois.*



Расселение ниписсинг и их соседей в начале XVII в.

С самого основания иезуитской миссии в Новой Франции главными объектами их апостолата были алгонкиноязычные народы: микмаки, монтанье, абенаки и проч. По мере продвижения вглубь континента, миссионеры знакомились с другими представителями этой многочисленной языковой семьи, уже в совершенстве зная основы алгонкинского языка, что облегчала контакт и христианизацию новых народов. Именно так иезуиты познакомились и основали свою миссию у ниписсинг, около тысячи человек, обитавших в районе одноименного озера в современной канадской провинции Онтарио.

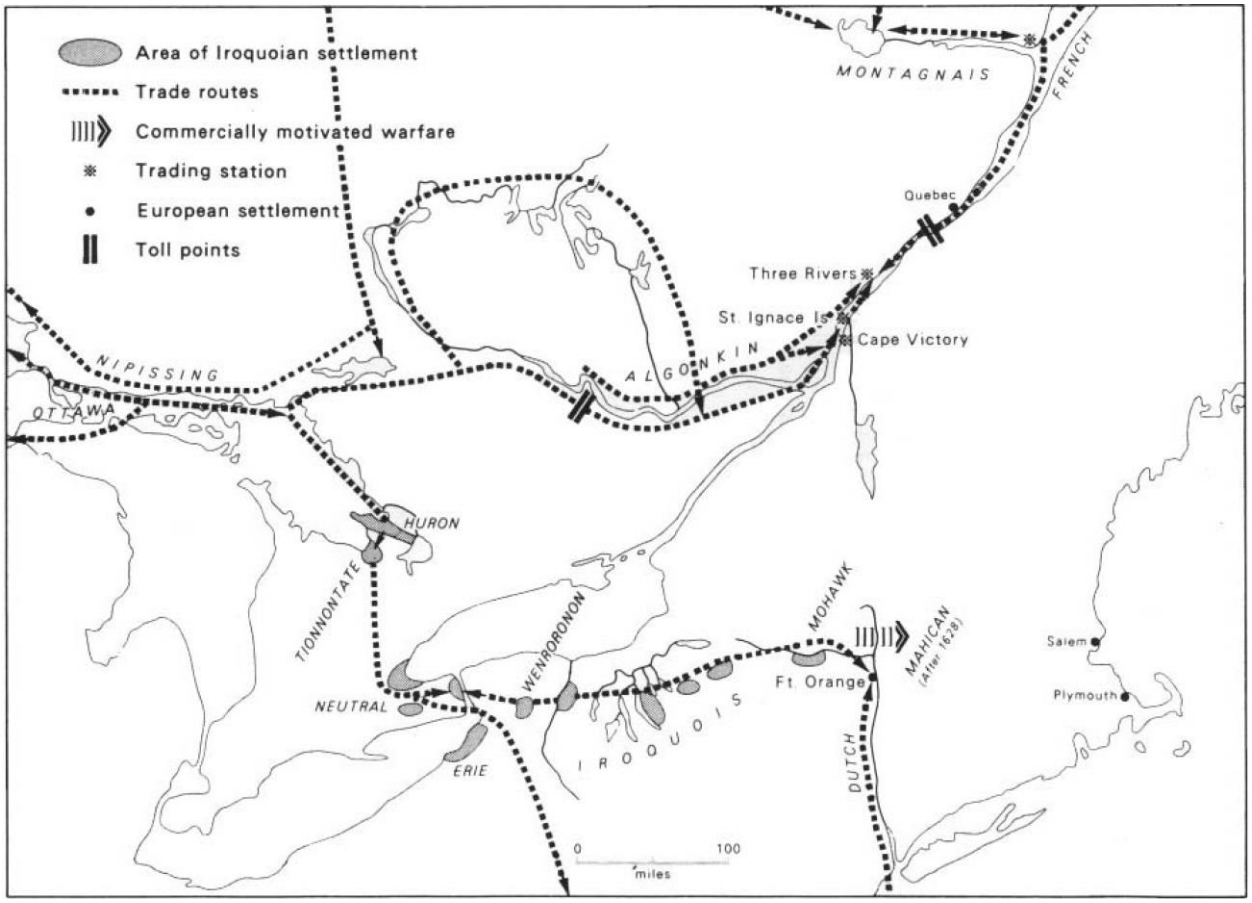
Реколлект (из книги Г. Сагара *Путешествие к гуронам, 1632 г.*)

Ниписсинг, как и остальные алгонкины, были организованы в маленькие, полукочевые группы охотников-собирателей, хотя, обитая на самой границе земледельческого ареала, дополняли охоту и рыболовство ручным подсечно-огневым земледелием (маис, тыква, бобы). Летом родовые группы объединялись в больших поселках по берегам озера Ниписсинг, занимаясь рыболовством, а зимой разделялись на кочевые охотничьи группы, промышлявшие лося и карибу во внутренних таежных районах. С началом активной мехоторговли в первые десятилетия XVII в. ниписсинг, благодаря выгодному географическому положению их охотничьих угодий в бассейне озера и реки Оттава, главном торговом маршруте первой половины столетия, оказались (наряду с оттава) главными посредниками в мехоторговле между гуронами и другими племенами Великих озер, с одной стороны, и племенами долины реки Св. Лаврентия, с другой.

Ниписсинг и оттава впервые попали в орбиту французского внимания в 1615-1616 гг., когда их посетил Шамплен во время своего путешествия к гуронам [2, Vol. III, p. 39-44, 95-96]. К этому моменту ниписсинг уже играли важную роль поставщиков и посредников в торговых маршрутах от Великих озер к р. Св. Лаврентия. Обладавшие собственными богатейшими охотничьими угодьями (в основном, бобер), они также приобретали меха у оджибве и кри к северу и востоку от своей территории. Гуроны покупали меха в основном у ниписсинг, которые каждой зимой прибывали в Гуронию для торгов [1, Vol. XXI, p. 239]. Вместе с основанием миссии у гуронов в 1615 г., первые миссионеры в этом регионе – реколлекты попытались утвердиться и у ниписсинг. О. Гийом Пулен провел среди них зиму 1621-1622, а о. Жак де Ля Фуайе и бр. Бонавентуре де Ля Прель зиму 1624-1625 гг. (то есть, пока ниписсинг находились в Гуронии), однако, в дальнейшем миссия там не была продолжена, в результате прекращения реколлектского апостолата в Новой Франции вплоть до конца XVII столетия.

С началом иезуитской миссии у гуронов в 1634 г., контакт французских миссионеров с ниписсинг возобновился. В августе 1636 г., во время торгового вояжа ниписсинг в Гуронию, их посетил Ш. Гарнье [1, Vol. XII, p. 129-131]. Дальнейшей активизации миссионерской деятельности у ниписсинг послужило появление их делегации летом 1640 г. в Труа-Ривьер с предложением уста-

новления непосредственной торговли. Ниписсинг были важнейшими посредниками в мехоторговле с племенами Гудзонова залива, «следовательно, мы говорили с ними не об отказе от их страны и обосновании около других алгонкинов, уже поселенных [в редукции], а скорее о принятии нескольких наших Отцов среди них, чтобы они могли быть наставлены», - писал настоятель иезуитской миссии в Новой Франции о. Поль Лежён [1, Vol. XXI, p. 123, 241]. Предполагалось, что этими отцами станут члены гуронской миссии, способные вступить с ниписсинг в контакт непосредственно в Гуронии.

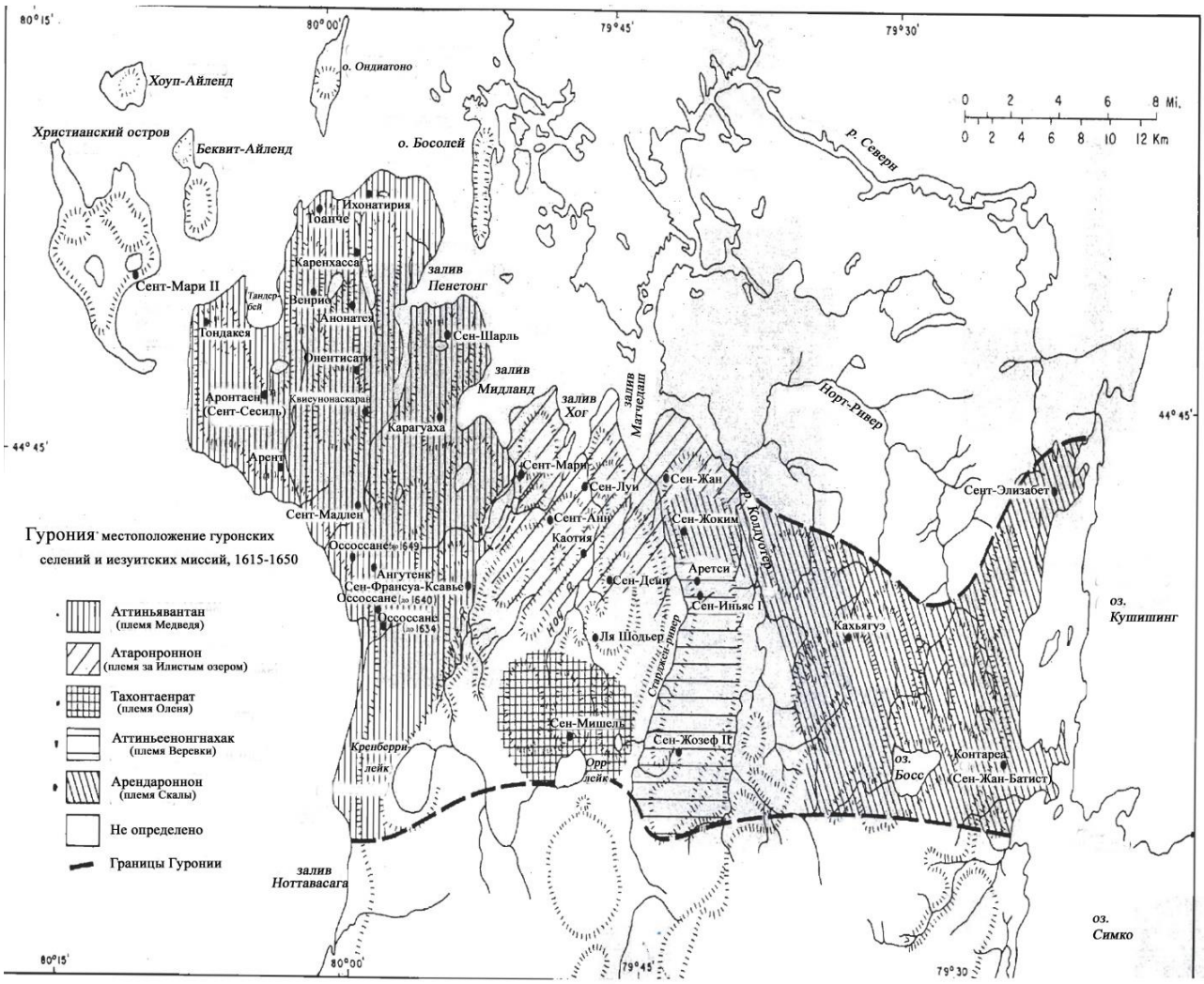


Межплеменные отношения в первой четверти XVII в.

Однако язык ниписсинг, входящий в ветвь оджибве алгонкинской языковой семьи, кардинально отличался от гуронского, относящегося к ирокезской языковой семье. Требовались миссионеры, знающие алгонкинские языки – именно для работы с ниписсинг в 1640 г. в Гуронию отправились Клод Пижар и Шарль Реймбо, совершившие к ним несколько визитов уже в течение зимы [1, Vol. XXI, p.121, 131-133]. Так была основана алгонкинская миссия в Гуронии, в дальнейшем названная Сен-Эспри (Св. Духа). К этому времени ниписсинг, пострадавшие, как и другие племена региона, в результате эпидемий оспы 1636 г. и 1639-1640 гг., насчитывали лишь 250 душ (по крайней мере, те группы, которые кочевали в пределах гуронской территории) [3, Vol. IV, p.33*].

Итак, в мае 1641 г. началось систематичное наставление этого народа уже на его территории, в том числе, чтобы «набраться опыта в практике их языка». «Мы служим святую мессу каждый день в их хижинах», – сообщал в Квебек Пижар. Иезуиты были очарованы новой паствой: «Эти люди кажутся... очень кроткими, истинно скромными и нисколько не гордыми; они очень бережливы, женщины не знают, что такое праздность... Молодые люди показывают большое рвение

изучить доктрины Иисуса Христа..., и им очень нравится петь» [1, Vol. XXI, p. 121-123, 245]. Ниписсинг не сопротивлялись ни крещению своих больных, ни наставлению здоровых. Вождь племени оказывал миссионерам всевозможную помощь [1, Vol. XXI, p. 243]. Видимо, сказывалось отсутствие ужасного эффекта эпидемий для разрозненных кочевых групп, в отличие от компактно поселенных гуронов, которые в период эпидемий были готовы даже к физическому уничтожению миссионеров, обвиняя их в колдовстве. Пижар был уверен в успехе этой миссии и требовал новых миссионеров, освоивших алгонкинский язык, ибо «все эти области полны народами, которые говорят на нем».



Одновременно миссионеры просили своих коллег в колонии продолжать работу с теми ниписсинг, которые прибывали для торговли, особенно привлекая «новых христиан», чей пример «окажет большое влияние на наших Дикарей» [1, Vol. XXI, p. 123]. Действительно, в 1641-1645 гг. в алгонкинской редукции Силлери крестились приходящие в Квебек для торговли и совета гуроны, а вслед за ними, с 1644 г., и ниписсинг [5, p. 112, 120, 124, 125, 127; 1, Vol. XXII, p. 85-89, 135-137, 143-149; Vol. XXIV, p.113-117; Vol.XXVII, p.103; 4, p.145-146, 192].

Иезуиты установили контакт и с другими алгонкинскими группами вокруг оз. Ниписсинг, заложив основы миссии у верхних алгонкинов: «около 500 человек из других племен, которым мимоходом рассказали о Царстве Божьем, и заставили их петь хвалу Господу». Среди наиболее радушно встретивших миссионеров были тонтратаронон, алгонкинское племя, насчитывавшее

15 хижин и обычно зимовавшее на территории члена конфедерации гуронов арендаронон (миссия Сен-Жан-Батист) [1, Vol. XXI, p. 245-247].

В начале сентября 1641 г. на празднике Мертвых, организованном ниписсинг, на северном берегу озера Гурон собрались все алгонкинские народы этого региона. Были приглашены и иезуитские миссионеры во главе с Ж. Лалеманом. Во время праздника, группа оджибве, обитавшая вокруг пролива, соединявшего озера Верхнее и Гурон (будущая миссия Су-Сент-Мари), пригласила иезуитов посетить их в их стране. Лалеман увидел в этом приглашении шанс расширить миссионное поле [1, Vol. XXIII, p. 209-213, 223-225]. В результате Ш. Реймбо, назначенный на эту миссию, был отозван обратно в Гуронию, а К. Пижар остался с алгонкинами в течение следующей зимы 1641/1642 г.

В конце сентября 1641 г. Ш. Реймбо и И. Жог отправились в путешествие к Верхнему озеру. Впервые после Жана Николе, посетившего этот район в 1634 г., французы проникли так далеко на запад. Миссионеры нашли в Су-Сент-Мари приблизительно две тысячи туземцев, собравшихся в этом межплеменном торговом центре. Они узнали о множестве других оседлых народов, живущих дальше на западе. На собранном по случаю их прибытия великом совете, они были приглашены для наставления племен Великих озер, что иезуиты с готовностью обещали, при условии наличия необходимых ресурсов.

По возвращению, Реймбо снова отправился вместе с о. Рене Менаром на зимовку с ниписсинг, сменив К. Пижара, духовно окормлявшего алгонкинские группы, укрывшиеся в Гуронии от ирокезских отрядов, вышедших на тропу войны. Однако здоровье Реймбо было настолько подорвано, что он был отправлен обратно в Квебек, где умер после трехмесячной болезни 22 октября 1642 г., став «первым членом нашего Общества, умершим в этих местах». Он был похоронен рядом с могилой С. де Шамплена [1, Vol. XXIII, p. 227-229, 273-275]. Клод Пижар останется апостолом этого народа вплоть до уничтожения Гуронской миссии в 1650 г.

С 1642 г. главным помощником К. Пижара в миссии к алгонкинским племенам в Гуронии стал Р. Менар. Весной этого года Пижар посетил петун, где зимовали несколько алгонкинских групп, среди которых было несколько христиан-вескарини, крестившихся в Труа-Ривьер. Укрепив их в их вере, в конце апреля 1642 г. оба миссионера снова отправились в страну ниписсинг, где пробыли до сентября [1, Vol. XXIII, p. 233; Vol. XXVII, p. 47-49]. Однако в этот раз их ждало сильное разочарование: прежде добродушные туземцы превратились в подозрительных и опасных дикарей, готовых к самым крайним мерам в отношении миссионеров. В ответ на критику «тех, у кого было две жены», запреты «обращения за помощью к дьявольскому суеверию», иезуиты «столкнулись с большей оппозицией», прежде всего, тех «орудий Дьявола, которые выдают себя за магов». Дело дошло до насилия в отношении французских гостей, когда «один из этих орудий Сатаны однажды рассердился на одного из Отцов, помчался неистово на него, повалил и попытался задушить» [1, Vol. XXVII, p. 51-53].

Не вполне ясно, что могло изменить первоначальное миролюбие и терпимость ниписсинг в ксенофобию, возможно, те же гуронские интриги, которые помешали христианизации петун и нейтральных, или антимиссионерская пропаганда алгонкинских беженцев, становящихся все более многочисленными в Гуронии, «но наши Отцы не видели, пока еще, во всем этом достаточного для основания Церкви, которая должна быть стойкой». Было решено вернуться с индейцами в Гуронию для их традиционной зимовки, и «крестить только тех, кого они видели на грани смерти, а других отложить для искуса на всю зиму».

В конце декабря ниписсинг и другие алгонкинские группы, такие, как вескарини или ироке, прибыли к гуронам, «почти к нашим дверям». Благодаря продолжавшемуся в течение всей зимы наставлению К. Пижара, иезуиты добились крещения первого взрослого здорового ниписсинга – военного вождя Алимуескана, получившего имя Юсташа [1, Vol. XXVII, p. 53-55]. С

1643 г. крещения взрослых становятся регулярными, однако к концу года до 300 ниписсинг мигрировали на территорию французской колонии, к Квебеку, в поисках защиты от ирокезов [1, Vol. XXV, p. 27-29; 4, p. 192].

Осенью 1644 г. к Пижару и Менару присоединился Леонар Гарро, включившийся в их работу среди алгонкинских племен Великих озер [1, Vol. XXVI, p. 73]. С его приездом миссионеры разделились. Менар отправился к алгонкинским группам ироке, вескарини, атонтратароннон, укрывшимся в Гуронии от военных рейдов ирокезов. «Целая деревня этих бедных скитальцев», которую иезуиты назвали Сент-Элизабет, была основана близ Сен-Жан-Батист. Среди этих беженцев уже «было десять или двенадцать христиан, ранее крещёных в Труа-Ривьер или в Квебеке», но большинство оставались язычниками. Было совершено несколько крещений. «Отец без труда покорил сердца всех после нескольких посещений. Если страх ирокезов не заставит их бояться жить около французов, через несколько лет мы сделали бы из них полностью христианский народ» [1, Vol. XXVII, p. 37-39].

К. Пижар и Л. Гарро провели зиму 1644/1645 г. вместе с ниписсинг на берегах оз. Гурон. К моменту возвращения в Гуронию в мае 1645 г., они крестили нескольких детей, но, прежде всего, начали евангелизацию ашилигуан, одной из групп оджибве, присоединившейся к ниписсинг в их зимнем кочевье. На следующий зимний сезон ниписсинг решили рассеяться, поэтому оба иезуита были вынуждены возвратиться осенью 1645 г. обратно к гуронам, тем более, Гарро, заболевший дизентерией, находился настолько «близко к смерти, что, предполагая его вступившим в последний бой», товарищи «сделали ему гроб» [1, Vol. XXX, p. 109-125]. Миссия Св. Духа (Сен-Эспри) у ниписсинг была возобновлена лишь зимой 1647/1648 г.

Еще одним центром христианизации ниписсинг (как и множества других алгонкинских племен по р. Оттава) стал Монреаль, основанный французами в 1643 г. В 1645 г., когда был заключен мир с ирокезами-могауками и этот район вновь стали посещать алгонкины, о. Лежён, по просьбе сеньора Монреаля Ля Доверсье, был назначен там новым суперюром с о. Жогом в качестве ассистента [1, Vol. XXXI, p. 107]. Иезуитские миссионеры в Монреале активно работали среди алгонкинских групп кичезипирини и вескарини, ироке, маттава и, конечно, ниписсинг, подолгу живших близ форта. Зимой 1645/1646 г. на острове было «четыре хижины дикарей». Был даже разработан проект редукции, то есть постоянного поселения для христианских индейцев под контролем миссионеров. Даже гуроны, посетив миссию, обещали обосноваться там [1, Vol. XXVIII, p. 147; Vol. XXIX, p. 145-147]. Но новые конфликты с ирокезами привели к краху не только этот проект, но и, фактически, все западные миссии иезуитов.

Но даже в условиях почти полной изоляции, в которой оказались иезуитские миссии в районе Великих озер из-за ирокезской блокады речных коммуникаций по рекам Оттава и св. Лаврентия в 1646-1650 гг., их евангелизаторская деятельность продолжалась и вполне успешно. Зимой 1647/1648 г. иезуиты возобновили работу с алгонкинскими народами, приходящими для зимовки на гуронскую территорию. Прежде всего, силами К. Пижара и Ж.-А. Поне была восстановлена миссия Св. Духа (Сен-Эспри) у ниписсинг. Весной они разделились: Пижар остался с ниписсинг, а Поне отправился на северный берег оз. Гурон к племенным группам оттава, основав там новую миссию Сен-Пьер [1, Vol. XXXIII, p. 153-155]. Зимой 1648/1649 г. он посетил о. Манитулин, где основал третью миссию у оттава – Сен-Шарль [1, Vol. XXXIV, p. 103]. Эта миссия не имела в тот период каких-либо перспектив для развития: помимо нехватки миссионерского персонала, главной проблемой стала миграция оттава из этого региона далее на запад, на территорию современного Висконсина, вызванная нападениями ирокезов. К моменту появления Сен-Шарль оттава уже начали покидать Манитулин, куда они вернутся лишь в самом конце XVII в.

Зиму 1649/1650 г. о. Поне провел вновь в миссии Сен-Пьер среди оттава и других алгонкинов. «Я благодарю Бога за усердие, с которым эти добрые люди приходят молиться

ему. Я восхищаюсь их невинностью, и пренебрежением мирскими интересами; они не просят от меня ничего, а я не могу ничего дать им», сообщал он своему супериору. Однако весной ирокезы напали на эти группы и рассеяли их, тем самым завершив историю и этой миссии [1, Vol. XXXIV, p. 177-179]. Одновременно были разгромлены и ниписсинг, остатки которых бежали на запад в Су-Сент-Мари, вслед за оттава, или на север, к оз. Нипигон [1, Vol. XXXIV, p. 201].

Так закончился первый этап миссионерской деятельности иезуитов среди ниписсинг и других алгонкинских племен региона востока Великих озер. Он характеризовался в целом периферийным положением этих миссий относительно основной – Гуронской миссии. Они комплектовались по остаточному принципу немногочисленными миссионерами, обладавшими достаточным знанием алгонкинских языков. В силу этого, и в силу внешних факторов, как-то: ирокезская военная экспансия, приведшая к изгнанию как миссионеров, так и самих ниписсинг из региона, и эпидемии, весьма сократившие численность индейского населения и вызвавшие неприязнь к миссионерам и их учению, успехи в христианизации ниписсинг были невелики.

Библиографический список

1. The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791. 73 vols. / ed. by R. G. Thwaites. Cleveland, The Burrows Brothers Company, 1896-1901.
2. Champlain S. de. The works of Samuel de Champlain / ed. by H. P. Biggar. Vol. 1-6. Toronto, Champlain Society, 1922-1936.
3. Monumenta Novae Franciae. Vol. I-IX / ed. par L. Campeau. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1967-2003.
4. Lettres de la révérende mère Marie de l'Incarnation (née Marie Guyard): première supérieure du monastère des Ursulines de Québec. T. I-II. Paris, Librairie internationale catholique; Tournai, Vve. H. Casterman, 1876.
5. Le registre de Sillery, 1638-1690 / ed. par L.-P. Hébert. Québec, Presses de l’Université du Québec, 1994. 440 p.

Сведения об авторе:

Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и международных отношений Брянского Государственного университета им. академика И.Г. Петровского доцент, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, avfedin@yandex.ru

Древности и археология

УДК 94(3)

А. А. Семененко

Новое археологическое доказательство миграции неситов и митаннийских ариев из Индостана

Аннотация: *В статье рассматриваются новые археологические свидетельства перемещения ариев Неситов и Митанни из Южной Азии через Иран в Сирию и Анатолию, подтверждающие ранее выдвинутые аргументы о распространении ригведических культурных мотивов горбатого скота, в частности водяных горбатых быков и коров, а также павлинов из долины Инда на запад до Малой Азии. Описанная в Ригведе Божественной Матери Ушас-Адити, как (обнажающейся) красавицы, путешествующей на быках, находит отражение в археологических памятниках, начиная с Индии через провинцию Керман в Иране и доходя до Северо-Восточного Средиземноморья. Таким образом, мы имеем систему из четырех культурных (археологических) закономерностей, имеющих первостепенное значение для Ригведы и ее составителей, связанных с эндемичными животными Южной Азии и демонстрирующих расселение индоевропейцев из Индии в западном направлении.*

Ключевые слова*: Ригведа, Ушас-Адити, быки-зебу, обнаженная красавица, индоарии, митанни, неситы, миграция.*

Semenenko A.A New archaeological evidence of Nesites' and Mitanni Aryans' migration out of Hindustan

Abstract: *The paper deals with new archaeological evidence of Nesites' and Mitanni Aryans' movement from the South Asia through Iran into Syria and Anatolia corroborating the previously proposed arguments of the spread of the Rigvedic cultural motifs of the humped cattle, specifically watery humpback bulls and cows and the peacock from the Indus valley westwards up to Asia Minor. The description of the Rigvedic Ushas–Aditi Divine Mother as the (getting) naked beauty travelling on bulls finds its reflection in the archaeological record starting from India through Kerman province of Iran and reaching the North-Eastern Mediterranean. Thus we already have the system of four cultural (archaeologically detected) patterns of primary importance for the Rigveda and its composers connected with the endemic animals of the South Asia and demonstrating the Out-of-India dispersal of Indo-Europeans in the western direction.*

Keywords: *Rigveda, Ushas–Aditi, zebu bulls, naked beauty, Indo-Aryans, Mitanni, Nesites, migration*

В древнейшем памятнике индоарийской литературы, созданном между 3300 и 2600 гг. до н.э. [1; 2; 3] – Ригведе (далее РВ) [4; 5; 6; 7] – богиня Ушас описывается как обнажающаяся красавица: ā́ ghā yóṣeva sūnárī uṣā́ yāti prabhuñjatī́ || padáṃ ná veti ódatī «Вот, словно прекрасная женщина, приближается Ушас, доставляя наслаждение. || Словно по следу идёт, сладострастная» (I.48.5–6); ádhi péśāṃsi vapate nṛtū́r iva áporṇute vákṣa uṣā́ «она увешивает себя украшениями, как танцовщица, она обнажает грудь, Ушас» (I.92.4); kaníyeva tanúvā śā́śadānāṁ éṣi devi devám íyakṣamāṇam | saṃsmáyamānā yuvatíḥ purástād āvír vákṣāṃsi kṛ̥ṇuṣe vibhātī́ || susaṃkāśā́ mātṛ̥mṛṣṭeva yóṣā āvís tanúvaṃ kṛ̥ṇuṣe dṛ̥śé kám uṣo «ты идёшь, словно девица, красуясь телом, о богиня, к богу, жаждущему. | Юная женщина, улыбаясь, ты раскрываешь грудь, когда зажигаешься с востока. || Словно юная женщина прекрасной внешности, украшенная матерью, ты показываешь тело, чтобы смотрели, о Ушас» (I.123.10–11); úpo adarśi vákṣo āvír akṛ̥ta priyā́ṇi «Её грудь явилась взорам, она открыла прелести» (I.124.4); evéd eṣā́ purutámā dṛ̥śé káṃ nā́jāmiṃ ná pári vṛ̥nakti jāmím | arepásā tanúvā śā́śadānā nā́rbhād īṣate ná mahó vibhātī́ || abhrātéva puṃsá eti pratīcī́ gartārúg iva sanáye dhánānām | jāyéva pátya uśatī́ suvā́sā uṣā́ hasréva ní riṇīte ápsaḥ || viuchántī raśmíbhiḥ sū́riyasya añjí aṅkte samanagā́ iva vrā́ḥ «Вот она показывает себя, самая первая из многих. Она не избегает ни чужого, ни родного. | Красуясь незапятнанным телом, она, сверкающая, не сторонится ни мало-

го, ни великого. || Как не имеющая брата, она идёт навстречу мужчинам. Она подобна взошедшей на подмостки, чтобы приобрести богатства. | Она как нарядная жена, жаждущая мужа. Ушас как любовница выставляет грудь. || Пламенея лучами Сурьи, она умащается мазью, как блудницы, идущие на свидание» (I.124.6–8); eṣā́ śubhrā́ ná tanúvo vidānā́ ūrdhvéva snātī́ dr̥śáye no asthāt uṣā́ || eṣā́ pratīcī́ nf̥n yóṣeva bhadrā́ ní riṇīte ápsaḥ «Она, словно красавица, осознающая тело, встала, будто купаясь, чтоб мы её видели, Ушас; || она, идущая навстречу мужчинам, словно прекрасная женщина, выпускает грудь» (V.80.5–6); āvír vákṣaḥ kr̥ṇuṣe śumbhámānā úṣo «Красуясь, ты обнажаешь грудь, о Ушас» (VI.64.2); tā́nī́d áhāni bahulā́ni āsan yā́ prācī́nam úditā sū́riyasya | yátaḥ pári jārá ivācárantī úṣo dadr̥kṣé ná púnar yatī́va «Много было таких дней, которые на востоке на восходе Сурьи, | откуда ты показывалась словно приближающаяся к любовнику, о Ушас, а не как снова уходящая» (VII.76.3). Ушас доступна и для избранных ею смертных: kás ta uṣaḥ kadhapriye bhujé márto amartiye | káṃ nakṣase «О Ушас, о та, которой как понравиться, какой смертный насладится тобой, о бессмертная, | к кому ты приближаешься?» (I.30.20).

Ушас именуется матерью коров (mātā́ gávām uṣā́ḥ (IV.52.2), mātā́ gávām asi utóṣo (IV.52.3), gávām mātā́ (VII.77.2)), их родительницей (gavām janitrī) (I.124.5) и предводительницей (gavāṃ netrī) (VII.76.6). Ангирасы или Пламенные воспевают её стада или загоны коров (ta uṣo gotrā gavām aṅgiraso gṛṇanti) (VI.65.5). Прекрасными на вид быками она распространяет свет (susaṃdr̥gbhir ukṣábhir bhānúm aśred) (VII.79.1). Её коровы свёртывают тьму и держат свет (saṃ te gāvas tama ā vartayanti jyotir yachanti) (VII.79.2). Она заполняет широкий путь своими приносящими счастье лучами, как стадом выпущенных коров (gávāṃ sárgā ná raśmáyaḥ | óṣā́ aprā urú jráyaḥ) (IV.52.5). Она запрягает череду алых коров (yuṅkté gávām aruṇā́nām ánīkam) (I.124.11). Огромную колесницу–ратху Ушас везут алые быки (bṛhadrathā́ uṣā́ || eṣā́ góbhir aruṇébhir yujānā́) (V.80.2–3). Её везут алые сверкающие быки (vahanti sīm aruṇāso ruśanto gāvaḥ) (VI.64.3). Она возит на быках желанный дар (sā́ ā́ vaha yā́ ukṣábhir ávātā úṣo váraṃ váhasi jóṣam ánu) (VI.64.5). Матери–Ушас отождествляются с алыми коровами, на которых они едут: etā́ u tyā́ uṣásaḥ ketúm akrata pū́rve árdhe rájaso bhānúm añjate | niṣkr̥ṇvānā́ ā́yudhānīva dhr̥ṣṇávaḥ práti gā́vo áruṣīr yanti mātáraḥ || úd apaptann aruṇā́ bhānávo vr̥thā suāyújo áruṣīr gā́ ayukṣata || ákrann uṣā́so vayúnāni pūrváthā rúśantam bhānúm áruṣīr aśiśrayuḥ «Вот зори подняли знамя. В восточной стороне пространства они украшаются светом, | начищая себя, как храбрые — оружие. Алые коровы возвращаются, матери. || Вверх внезапно взлетели алые лучи. Запрягли алых коров, легко запрягаемых. || Зори создали знаки, как прежде, алые, они направили сверкающий свет» (I.92.1–2). Об Ушас говорится, что она обнажает грудь, как корова — вымя (áporṇute vákṣa usréva bárjaham) (I.92.4). Ушас приближается как дойная корова (práti dhenúm ivāyatī́m uṣā́sam) (V.1.1). Ушас–и–Ночь подобны хорошо доящейся корове (uṣā́sānáktā sudúgheva dhenúḥ) (VII.2.6). Пробуждающиеся Дэви Ушас (множ. число) бодры как выпущенное ими из Загона Мрака стадо коров–лучей (ásthur u citrā́ uṣásaḥ purástān | ví ū vrajásya támaso duvā́rā uchántīr avrañ chúcayaḥ pavākā́ḥ || devī́ḥ budhānā́ gávāṃ ná sárgā uṣáso jarante) (IV.51.2, 8).

Ушас именуется матерью Дэвов и Ликом Адити=Несвязанности–Беспредельности (mātā́ devā́nām áditer ánīkaṃ) (I.113.19). Адити описывается как Широкая Божественная Мать (pr̥thivī́ mātā́ áditir) (I.72.9) и всё мироздание: áditir dyaúr áditir antárikṣam áditir mātā́ sá pitā́ sá putráḥ | víśve devā́ áditiḥ páñca jánā áditir jātám áditir jánitvam «Адити — небо, Адити — воздушное пространство, Адити — Мать, она — Отец, она — Сын. | Все-Боги — Адити, Адити — пять родов, Адити — то, что рождено, Адити — то, что должно родиться» (I.89.10). Все ригведийские Дэвы являются формами Агни. [8, с. 216–217] Агни в своём аспекте Адити (I.94.15; II.1.11; IV.1.20; VII.9.3; VIII.19.14) и сам является Матерью: jāyéva yónāv áraṃ

víśvasmai «готов для каждого, как жена на ложе» (I.66.5); purutrā́ yád ábhavat sū́r áhaibhiyo gárbhebhiyo «во многих местах он был Мать для новорожденных» (I.146.5); asyá sánīḷā ásurasya yónau samāná ā́ bháraṇe bíbhramāṇāḥ «в лоне этого Асуры одного происхождения, что вынашиваются одинаковым вынашиванием» (X.31.6). Дэвы порождают Дэви Речь как доящуюся дойную корову (yád vā́g niṣasā́da mandrā́ | cátasra ū́rjaṃ duduhe páyāṃsi || devī́ṃ vā́cam ajanayanta devā́s | sā́ no mandrā́ íṣam ū́rjaṃ dúhānā dhenúr vā́g) (VIII.100.10–11) — Их царицу (rā́ṣṭrī devā́nāṃ) (VIII.100.10). Эта пришедшая от Них корова–Дэви (devī́ṃ devébhyaḥ pári eyúṣīṃ gā́m) (VIII.101.16) характеризуется как корова–Адити (gā́m áditiṃ) (VIII.101.15), знающая речи и приводящая речь в движение (vacovídaṃ vā́cam udīráyantīṃ) (VIII.101.16). Речь изображается как любовница поэта: utá tvaḥ páśyan ná dadarśa vā́cam utá tvaḥ śṛ̥ṇván ná śṛ̥ṇoti enām | utó tuvasmai tanúvaṃ ví sasre jāyéva pátya uśatī́ suvā́sāḥ «Кто-то, глядя, не увидел Речь, кто-то, слушая, не слышит Её. | А кому-то Она отдала тело, как страстная нарядная жена — мужу» (X.71.4). Адити именуется набухающей молоком дойной коровой (pīpā́ya dhenúr áditir) (I.153.3).

На запряжённую широкую колесницу–ратху Ушас в форме Дакшины (úṣaḥ jáyema dákṣiṇayā ráthena) (I.123.5) взошли бессмертные Дэвы (pṛ̥thū́ rátho dákṣiṇāyā ayoji aínaṃ devā́so amṛ̥tāso asthuḥ) (I.123.1). Именно Ушас привозит Всех Дэвов на питьё Сомы (víśvān devā́m̐ ā́ vaha sómapītaye antárikṣād uṣas tuvám) (I.48.12). В аспекте Адити она является обладательницей чудесного корабля: suśármāṇam áditiṃ supráṇītim | daívīṃ nā́vaṃ suaritrā́m ánāgasam ásravantīm ā́ ruhemā suastáye «Адити, дающую прекрасное прибежище, прекрасно ведущую вперёд — пусть взойдём мы на божественную ладью с прекрасными вёслами, безгрешную, не дающую течи, — на счастье!» (X.63.10).

Быки–зебу упоминаются во всех основных хронологических слоях РВ (I мандала - 4 раза (I.46.3; I.121.4; I.181.5; I.184.3), IV мандала - 1 раз (IV.44.2), V мандала - 2 раза (V.73.7; V.75.4), VIII мандала - 1 раз (VIII.20.21) и X мандала - 2 раза (X.8.2; X.102.7)); в 9 случаях из 10 образ зебу используется для описания (атрибутов) Дэвов (Агни (X.8.2) и его форм — Ашвинов (I.46.3; I.181.5; I.184.3; IV.44.2; V.73.7; V.75.4), Индры (I.121.4) и Марутов (VIII.20.21); быки–зебу на протяжении всего времени создания РВ запрягались в колесницы–ратхи (I.46.3; I.184.3; IV.44.2; X.102.7).

Ригведийские описания едущей на быках обнажённой или обнажающейся красавицы Ушас-Адити соответствуют находке в Уттар Прадеше бронзовой композиции 2000-1750 гг. до н.э., которая изображает двух горбатых быков со стоящей на закреплённой на их спинах стойке коленопреклонённой обнажённой женщиной. [9; 10; 11, p.46] (Илл. 1-3) Корабль Ушас–Адити с плывущими на нём Дэвами и Дэви изображает керамическая композиция III тыс. до н.э. из Балучистана в форме расписанной лодки–горбатого быка или коровы, в носовой и средней частях которой вдоль бортов размещаются попарно фигурки мужского и женского пола, а в кормовой части под навесом на троне с ручками в виде двух горбатых быков сидит обнажённая верховная Богиня-Мать. [12] (Илл. 4-7)

Из долин Ганги и Инда ригведийский и южноазиатский мотив едущей на горбатых быках обнажённой или обнажающейся красавицы вместе с мигрирующими арийскими племенами проникает на запад в ареал Джирофтской цивилизации Ирана середины – второй половины III тыс. до н.э. Так, из раскопа в Южном Конар Сандале (пров. Керман, Иран) происходит фрагментированная цилиндрическая печать (Trench 5, 028V402) с изображением стоящей на двух горбатых быках женщины [13, p. 275, fig.11] (Илл. 8). Круглая печать из Кермана изображает сидящую на спинах двух горбатых быков женщину с обнажённой грудью [14, p. 57 & 64] (Илл. 9).

Илл. 1. Бронзовая композиция, Уттар Прадеш, 2000–1750 гг. до н.э.

Илл. 2. Бронзовая композиция, Уттар Прадеш, 2000–1750 гг. до н.э.

Илл. 3. Бронзовая композиция, Уттар Прадеш, 2000–1750 гг. до н.э

Из Ирана арийские племена Индостана с культом стоящей на горбатом быке обнажённой богини проникают в Северо-Восточное Средиземноморье – Сирию и Анатолию.

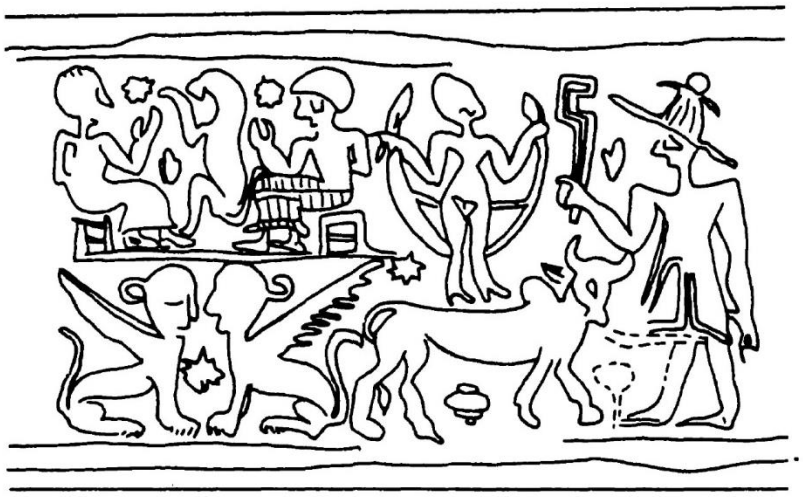
К периоду среднего бронзового века IIA (1820-1740 гг. до н.э.) относится цилиндрическая печать из гематита из Сирии из Ashmolean Museum of Art and Archaeology, Oxford с изображением стоящей на горбатом быке обнажающейся богини [15, p.12, 58 & 198] (Илл. 10).

Стоящие на зебу обнажающиеся богини изображаются на двух цилиндрических печатях из гематита из Северной Сирии XVIII в. до н.э. [16, p. 133-134, fig. 8 & 10] (Илл. 11–12) Сирийская цилиндрическая печать из гематита 1800–1650 гг. до н.э. из Walters Art Museum (Baltimore, Maryland, инв. ном. 42.450) изображает стоящую на горбатом быке обнажающуюся богиню [17] (Илл.13). Гематитовая цилиндрическая печать из погребения в кувшине F167 из Тель Ахмара в Северной Сирии 1759–1720 гг. до н.э. из Aleppo National Museum (инв. ном. 131) несёт на себе изображение

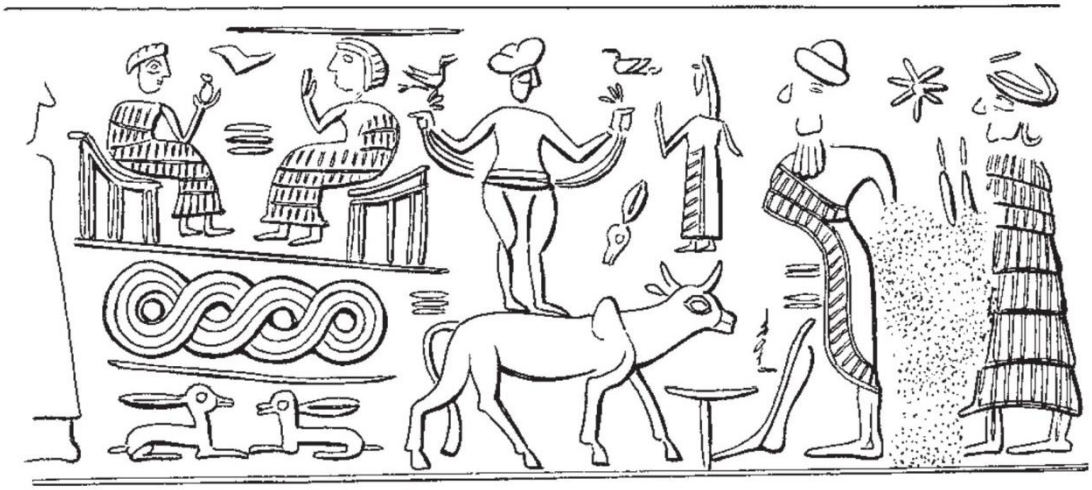
Илл. 4-7. керамическая композиция, Балучистан, III тыс. до н.э.

Илл. 8. Печать, прорисовка, Южный Конар Сандал (пров. Керман, Иран), Trench 5, 028V402

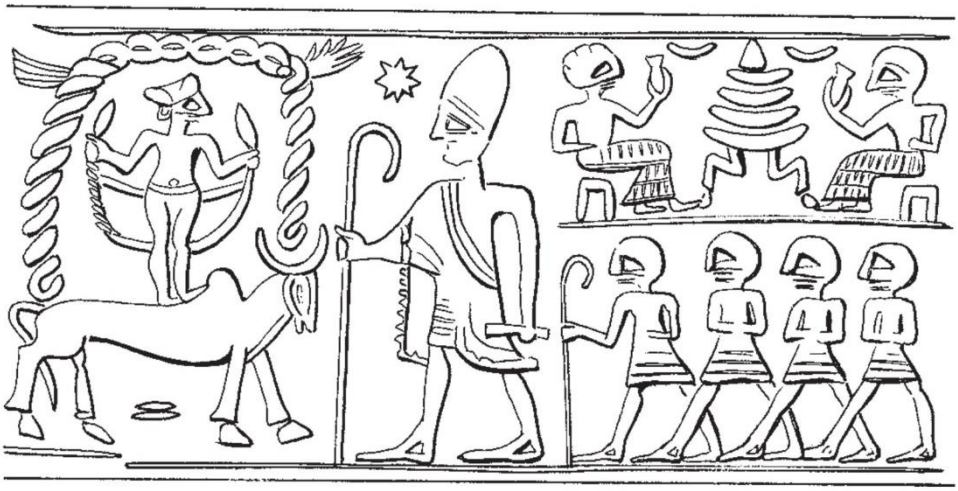
Илл. 9. Печать, прорисовка, пров. Керман, Иран



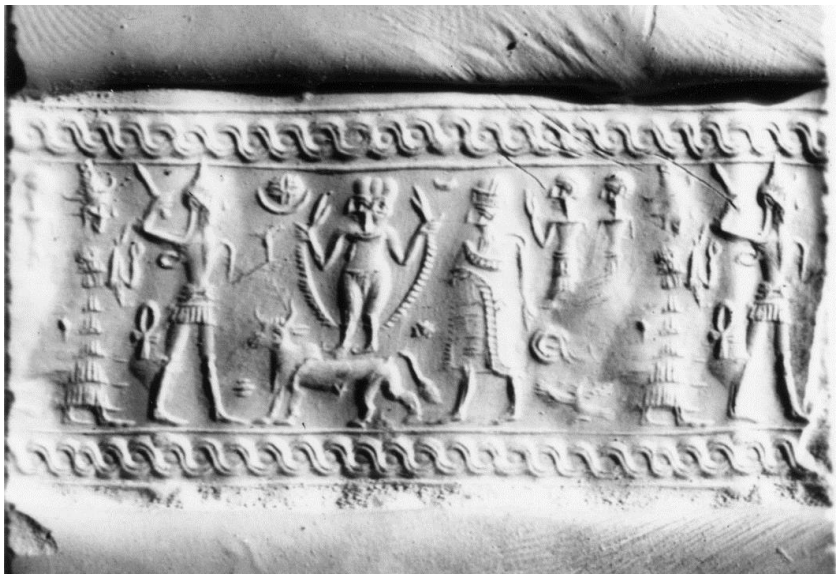
Илл. 10. Печать, гематит, Сирия, прорисовка, 1820–1740 гг. до н.э.,
Ashmolean Museum of Art and Archaeology, Oxford



Илл. 11. Печать, гематит, Северная Сирия, прорисовка, XVIII в. до н.э.



Илл. 12. Печать, гематит, Северная Сирия, прорисовка, XVIII в. до н.э.



Илл. 13 — печать, гематит, Сирия, прорисовка, 1800–1650 гг. до н.э., Walters Art Museum (Baltimore, Maryland), инв. ном. 42.450

стоящей на зебу обнажающейся богини с ожерельем на шее [16] (Илл. 14). Обнажающаяся богиня на зебу изображена на цилиндрической печати из Сирии 1750–1500 гг. до н.э. [18, fig. 7] (Илл. 15) Сирийская цилиндрическая печать из гематита ок. 1700 г. до н.э. из British Museum, London (инв. ном. 89122) украшена изображением стоящей на лежащем зебу обнажённой богини [19] (Илл. 16). Цилиндрическая печать из лимонита из Сирии 1650–1350 гг. до н.э. из The Morgan Library & Museum (NY, инв. ном. Morgan Seal 967) изображает стоящую на лежащем зебу обнажающуюся богиню [20, fig. 41; 21] (Илл. 17).

Раннехеттским периодом датируется круглая печать с изображением стоящих на горбатых быках бога бури и обнажающейся богини. [22, p.840 & fig.2,15; 23, p.384, fig.9d] (Илл.18).

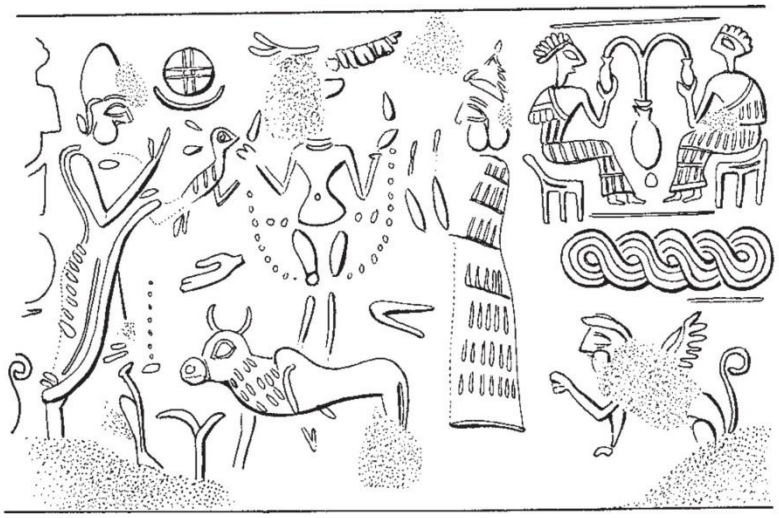
Ещё один специфически ригведийский южноазиатский культурный мотив, который принесли с собой на Ближний Восток в первой половине II тыс. до н.э. индоарийские воины — это мотив павлина. Он неоднократно упоминается в РВ: tríḥ saptá mayūríyaḥ «трижды семь пав» (I.191.14); mayū́raromabhiḥ «чей волос, как павлиний» (III.45.1); mayū́raśepiyā «с павлиньими хвостами» (VIII.1.25). О распространении образа павлина в культуре сиро-месопотамо-анатолийского государства с индоарийской царской династией и воинско-элитарной верхушкой Митанни уже говорилось ранее. [24, с. 10]

Мы обращаем внимание на то, что павлин — эндемик Индостана — (как и зебу с его уникальным горбом на спине) имеет особо-неповторимое оперение на голове (хохолок в форме зонтичного соцветия у растения), которое очень трудно с чем-либо перепутать. [25]

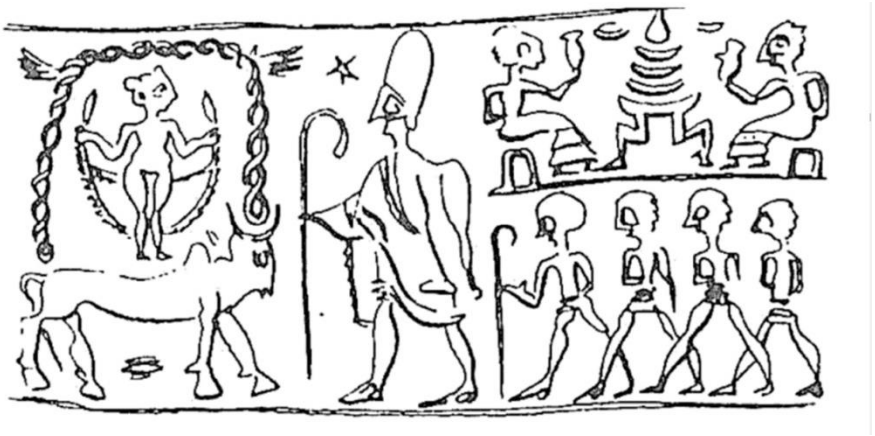
Именно такое оперение головы было замечено нами на ряде митаннийских печатей с изображениями птицеголовых и птицекрылых грифонов. Сюда относятся: цилиндрическая печать из халцедона из Ирака 1550–1300 гг. до н.э. из The British Museum, London, инв. ном. 89745 [26]; гематитовые цилиндрические печати XV в. до н.э. из Сирии из Musée du Louvre, инв. ном. AO 1635 [27] и из Kunsthistorisches Museum Wien, Antikensammlung, инв.ном. SEM 1256 [28]; XV в. до н.э. из Тиринфского клада из National Archaeological Museum (Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο), Athens, инв. ном. 6214 [29, p. 396–397]; 1500–1200 гг. до н.э. из Сирии из The Metropolitan Museum of Art, инв.ном. 1999.325.186 [30]; 1350–1200 гг. до н.э. из Pierpont Morgan Library, New York, Dept. of Seals and Tablets, инв. ном. Morgan Seal 1040, 84661 [31]; цилиндрическая печать из горного хрусталя 1450–1300 гг. до н.э., выставленная на аукционе Christie's [32]; цилиндрическая печать из халцедона 1450–1300 гг. до н.э. из Хорсабада (Ирак) из The British Museum, London, инв. ном. 89819 [33]; ляпис-лазуритовая цилиндрическая печать из Сирии с клинописью XVIII–XVII вв. до н.э. и нанесённым в XV–XIV вв. до н.э. митаннийским рельефом с изображением двух полугрифонов–полулюдей из Archaeological Museum of Thebes (Αρχαιολογικό Μουσείο Θηβών), инв. ном. 202 [29, p. 283]; митаннийские гематитовые цилиндрические печати с изображением полугрифонов–полулюдей XV–XIV вв. из Месопотамии из The Metropolitan Museum of Art, инв. ном. 74.51.4310 [34] и XV–XIII вв. до н.э. из The Metropolitan Museum of Art, инв. ном. 1999.325.189 [35]. О присутствии мигрантов из долины Инда в Северо-Восточном Средиземноморье свидетельствует и изображение грифона с павлиньей головой на гематитовых цилиндрических печатях 1550–1125 гг. до н.э. из Энкоми на Кипре из The British Museum, London, инв. ном. 1897,0401.606 [36]; 1400–1100 гг. до н.э. с Кипра из The Metropolitan Museum of Art, инв. ном. 74.51.4315 [37].

Аргумент ездящей на зебу обнажающейся богини даёт нам ещё одно новое и независимое от аргументов горбатого скота [38], водяного горбатого быка [39] (Илл. 19) и павлина доказательство миграции носителей ригведийской культуры и арийских языков из Северо-Западного Индостана через территорию Ирана в Сирию и Анатолию.

Таким образом, факт передвижения носителей индоевропейских (в частности арийских и анатолийских) диалектов из долины Инда в Северную Месопотамию, Сирию и Малую Азию через Иран в эпоху бронзы можно считать твёрдо установленным.

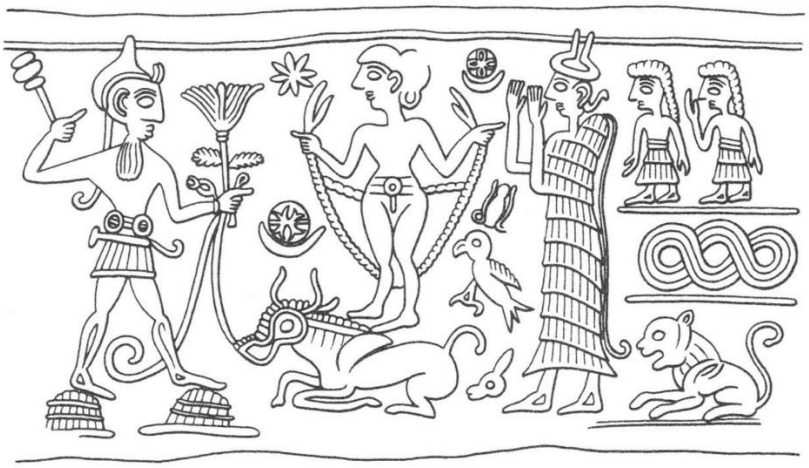


Илл. 14. Печать, гематит, погребение в кувшине F167, Тель Ахмар, Северная Сирия, прорисовка, 1759–1720 гг. до н.э., Aleppo National Museum, инв. ном. 131



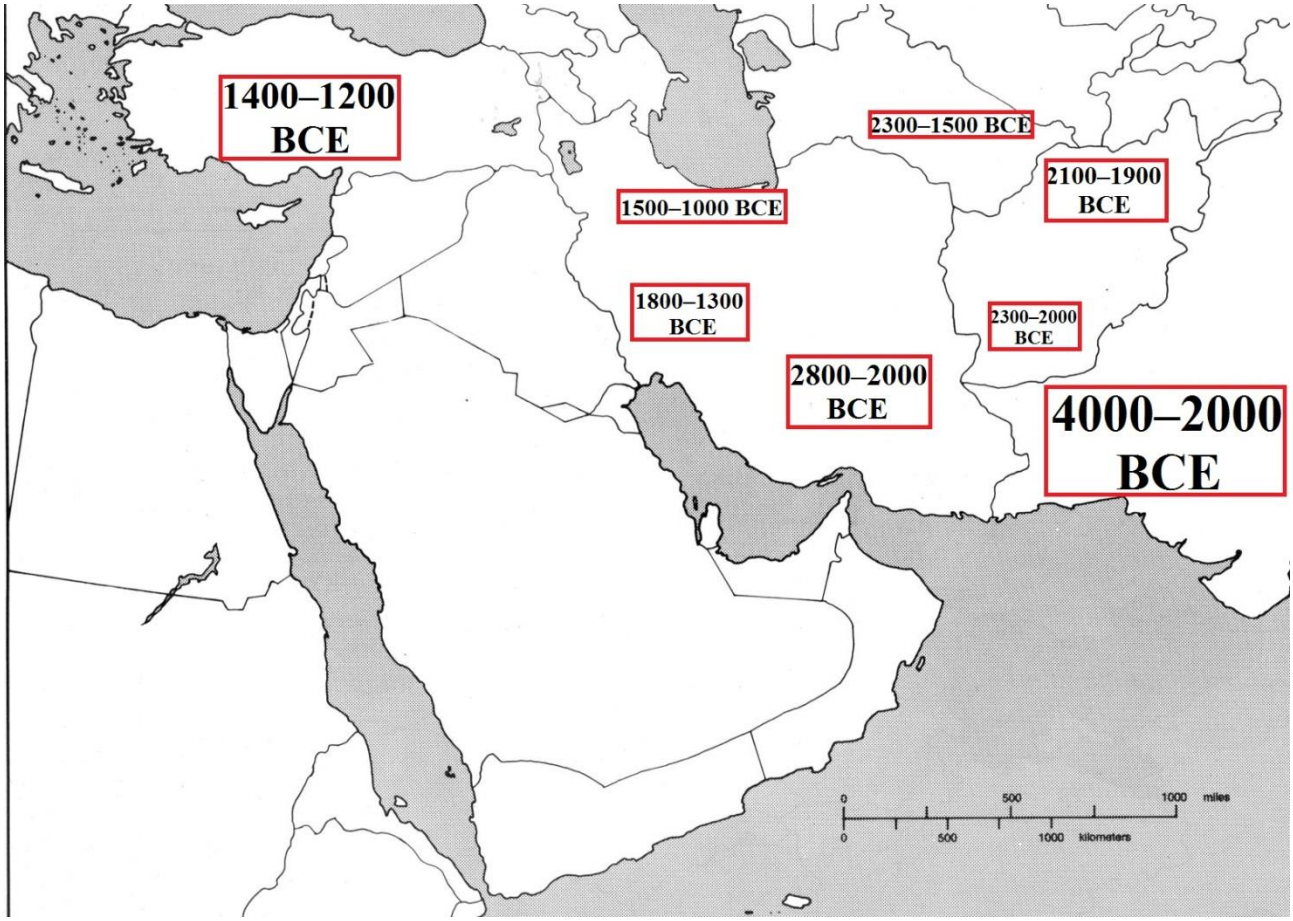
Илл. 15. Печать, Сирия, прорисовка, 1750–1500 гг. до н.э.

Илл. 16. Печать, гематит, Сирия, ок. 1700 г. до н.э., British Museum, London, инв. ном. 89122



Илл. 17. Печать, лимонит, Сирия, прорисовка, 1650–1350 гг. до н.э., The Morgan Library & Museum, NY, инв. ном. Morgan Seal 967

Илл. 18. Раннехеттская печать.



Илл. 19 Карта распространения мотива водяного горбатого быка в 2800–1400 гг. до н.э., (сост. А.А. Семененко)

Библиографический список

1. Семененко А. А. О прародине индоиранцев (ариев) // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: Истоки, 2016. — С. 339–343.
2. Семененко А. А. О крепостях в Ригведе и Атхарваведе Шаунаки и (Пре)Хараппе и датировке Самхит // Проблемы гуманитарных и социальных наук. Научный журнал / ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». — Выпуск № 2 (15). — 2018. — С. 85–95.
3. Семененко А. А. Отсутствие меча в Ригведе и Атхарваведе и датировка Самхит // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 46 (2). — 2019. — С. 203–211.
4. Ригведа. Мандалы I–IV. Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. — М.: Наука, 1989. — 767 с.
5. Ригведа. Мандалы V–VIII. Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. — М.: Наука, 1999. — 744 с.
6. Ригведа. Мандалы IX–X. Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. — М.: Наука, 1999. — 560 с.
7. Rigveda. Metrically Restored Text. Eds. K. Thomson & J. Slocum // URL: http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/RV/ (дата обращения 07.12.2020).
8. Семененко А. А. О культе Ригведы и Махабхараты в связи с их датировкой // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.) / Под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж: издательство "Истоки", 2015. — С. 216–222.
9. [URL:] https://www.harappa.com/blog/visit-metropolitans-indus-collection (дата обращения 07.12.2020).
10. [URL:] https://www.metmuseum.org/art/collection/search/39126 (дата обращения 07.12.2020).
11. Lerner M. & Kossak S. The Lotus Transcendent. Indian and Southeast Asian Art from the Samuel Eilenberg Collection. — NY: Metropolitan Museum of Art, New York, 1991. — 245 p.
12. Vidale M. The lady of the spiked throne: The power of a lost ritual. With a contribution by E. Sibilia. Photography F. Aghadian. Ed. by P. Biagi. — Trieste: Gnutti S. p. A, Eural, 2011. — 71 p.
13. Pittman, Holly. Bronze Age interaction on the Iranian Plateau: From Kerman to the Oxus through seals // The Iranian Plateau during the Bronze Age. Development of urbanisation, production and trade. Eds. Jan-Waalke Meyer, Emmanuelle Vila, Marjan Mashkour, Michèle Casanova & Régis Vallet. — Lyon: MOM Éditions, 2019. — P. 267–288
14. Winkelmann S. Transformation of Near Eastern animal motifs in Murghabo-Bactrian Bronze Age art // Animals, Gods and Men from East to West. Papers on archaeology and history in honour of Roberta Venco Ricciardi. Eds. A. Peruzzetto, F. D. Metzger & L. Dirven. — BAR International Series 2516. — 2013. — P. 47–64.
15. Teissier, Beatrice. Egyptian Iconography on Syro-Palestinian Cylinder Seals of the Middle Bronze Age. — Fribourg, Switzerland – Göttingen, Germany: University Press Fribourg Switzerland, Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. — 224 p. + photos.
16. Otto, Adelheid. A Middle Bronze Age Cylinder Seal From Jar Burial F167 At Tell Ahmar // Abr-Nahrain. — 35. — 1998. — P. 120–134.
17. [URL:] https://art.thewalters.org/images/art/large/l_pl7_42450_impr_bw.jpg (дата обращения 07.12.2020).
18. Ziffer, Irit. Moon, Rain, Womb, Mercy: The Imagery of The Shrine Model from Tell el-Farʿah North — Biblical Tirzah. For Othmar Keel // Religions 2019. — 10, 136. — P. 1–24.
19. [URL:] https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1884-0630-1 (дата обращения 07.12.2020).
20. Cornelius, Izak. The Many Faces of the Goddess: The Iconography of the Syro-Palestinian Goddesses Anat, Astarte, Qedeshet, and Asherah c. 1500–1000 BCE. — Orbis Biblicus et Orientalis 204. — Fribourg, Switzerland – Göttingen, Germany: Academic Press Fribourg, Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. — 216 p. + plates, figures & maps.
21. [URL:] https://www.themorgan.org/seals-and-tablets/84588 (дата обращения 07.12.2020).
22. Yıldırım T. New scenes on the second relief vase from Hüseyindede and their interpretation in the light of the Hittite representative art // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Vol. L–2008. VI Congresso Interna-

zionale di Ittitologia. Roma, 5–9 settembre 2005 a cura di A. Archi e R. Francia. — Parte II. — Roma: CNR – Istituto di Studi sulle Civiltà dell'Egeo e del Vicino Oriente, 2008. — P. 837–850.
23. Otto, Adelheid. Much more than just a Decorative Element: The Guilloche as Symbol of Fertility // Subartu / European Centre for Upper Mesopotamian Studies. — XXXVI. Mille et une empreintes Un Alsacien en Orientю Mélanges en l'honneur du 65e anniversaire de Dominique Beyer. Eds. Julie Patrier, Philippe Quenet et Pascal Butterlin. — Turnhout: Brepols, 2016. — P. 379–393.
24. Семененко А. А., Тоноян-Беляев И. А. Мотивы единорога, зебу и павлина как маркёры расселения ариев из Южной Азии // Научные ведомости Белгородского университета. — Серия: История. Политология. — №22 (243). Выпуск 40. — Декабрь 2016. — С. 5–13.
25. [URL:] https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Quality_images_of_Pavo_cristatus (дата обращения 07.12.2020).
26. [URL:] https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1983-0101-290 (дата обращения 09.12.2020).
27. [URL:] http://cartelfr.louvre.fr/cartelfr/visite?srv=car_not_frame&idNotice=16706&langue=fr (дата обращения 09.12.2020).
28. [URL:] https://www.khm.at/objektdb/detail/376235/ (дата обращения 09.12.2020).
29. Beyond Babylon: Art, Trade and Diplomacy in the Second Millennium B.C. Eds. J. Aruz, K. Benzel & J. M. Evans. — NY: The Metropolitan Museum of Art, 2008. — 524 p.
30. [URL:] https://www.metmuseum.org/art/collection/search/327782 (дата обращения 10.12.2020).
31. [URL:] http://corsair.themorgan.org/vwebv/holdingsInfo?bibId=84661 (дата обращения 10.12.2020).
32. [URL:] https://www.christies.com/lotfinder/Lot/a-mitannian-rock-crystal-cylinder-seal-circa-5859329-details.aspx (дата обращения 10.12.2020).
33. [URL:] https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1845-0125-1 (дата обращения 10.12.2020).
34. [URL:] https://www.metmuseum.org/art/collection/search/321410 (дата обращения 10.12.2020).
35. [URL:] https://www.metmuseum.org/art/collection/search/327785 (дата обращения 10.12.2020).
36. [URL:] https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1897-0401-606 (дата обращения 10.12.2020).
37. [URL:] https://www.metmuseum.org/art/collection/search/321390 (дата обращения 10.12.2020).
38. Semenenko A. A. The spread of zebu cattle from South Asia to the East Mediterranean region as a marker of Indo-European population dispersal // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. — № 2(4). — 2019. — P. 3–22.
39. Semenenko A. A. Watery Humpback Cattle Pattern in Rigveda and Archaeology of the Ancient East // Актуальные проблемы аграрной науки, производства и образования: материалы VI международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов (на иностранных языках) (Россия, Воронеж, апрель 2020 г.). — Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2020. — С. 306–309.

Сведения об авторе:

Семененко Александр Андреевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Воронеж; Aleksandr A. Semenenko, PhD in History, independent researcher, Voronezh City, Russia, email: 31071976@bk.ru

УДК 904+929.652(282.247.324)

E.A. Shinakov, A.A. Chubur, V.N. Guryanov, G.V. Lobanov

THE MEDIEVAL MIDDLE DESNA REGION IN THE NATURAL-ECONOMIC AND ETHNO-DEMOGRAPHICAL ASPECTS [1]

Abstract: *The article presents the main content of the reports made by the author at a number of international conferences in Athens, Sibiu, Novy Sad and Bryansk. Abstracts of these messages were posted on conference sites, which are currently mostly inaccessible. In the Russia this material is published first. It consists of four sections united by a common theme: 1. The River System of the Middle Desna Region in connection with the ways of spreading of the foreign goods. 2. The effect of the natural environment on economic and ethnic processes in the East Slavic area on the example in Middle Desna. 3. Old Russian Private Settlements of the Desna Region in Natural-Economic and Ethno-Demographical Aspects. 4. The Khotylevo after the Stone Age: natural-economic and ethnocultural aspects.*
Keywords: *Sever, Vyatichi, Radimichi, South-East Rus, economic reasons, Bulgaria, East Europe, trade relations, bridge between regions*

Е.А. Шинаков. А.А. Чубур, В.Н. Гурьянов, Г.В. Лобанов. Средневековое Среднее Подесенье: природно-экономический и этно-демографический аспекты.

Аннотация: *В статье изложено основное содержание докладов, сделанных авторами на ряде международных конференций в Афинах (Греция), Сибиу (Румыния), Нови Сад (Сербия) и Брянске (Россия). Тезисы данных сообщений вывешивались на сайтах конференций, в настоящее время в основном недоступных. В российском издании материал публикуется впервые. Он состоит четырех объединенных общей тематикой разделов: 1.Речная система Среднедеснинского региона и связи. 2. Влияние природной среды на хозяйственные и этнические процессы в восточнославянском ареале на примере Среднего Подесенья. 3. Древнерусские частновладельческие поселения 4. Хотылево после «Камня»: природно-хозяйственный и этнокультурный аспекты.*
Ключевые слова: *Север, Вятичи, Радимичи, Юго-Восточная Русь, Болгария, Восточная Европа, торговые отношения, мост между регионами*

1. The River System of the Middle Desna Region in connection with the ways of spreading of the foreign goods.[2]

The borders of the middle Desna region mostly coincide with the modern administrative frontiers of Bryansk oblast', excluding its north–west districts near Smolensk oblast', but including the north districts of Chernigov oblast' of Ukraine. Since the end of Antiquity this region was the "bridge" between South–Eastern Europe (the Balkan peninsula mainly), the Steppes of Ukraine, the Crimea – on the one side, and the Baltic region and North–Eastern Finno-Ugric (but not only their) territories - on another side. There are some common hoards and findings from both these macro–regions of Europe from the end of first century CE till the end of the tenth century, practically, till the time of the final conquest of the Middle Desna Region by the Old Russian state.

These are, for example, the common hoards of enamel decorations of Baltic origin with Roman coins of the beginning of the third century, the Romano-Germanic spatha with the oak from the North–Eastern regions (Fig.1), the artifacts, connected with the Sarmatian nomads and so on. On the edge of Antiquity and Middle Ages (the end of the V-VI centuries) the Byzantine coins (alongside with the spreading of Germano-Hunnic weapons, martial and cavalry equipment) began to predominate. These artifacts perfectly mark the pathways of goods transferring from Constantinople,

[1] Supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant 18-45-320001 "Natural and social factors of the agricultural reclamation dynamics of the Middle Desna region in the Middle Ages"

[2] 16th Annual International Conference on History & Archaeology: From Ancient to Modern, 2-5 Jule 2018, Athens, Greece, Athens Institute for Education and Research

Fig. 1. Spata sword from Kolomina farm. Accidental find

Kherson and the Germano-Hunnic areas in Pannonia and Transylvania (in the last case, probably, with the part of population) to the "deep" forest areas of the Middle Desna and then to the Oka region. The main routes to get there were the "middle" (Desna) and especially the "small" and "very small" rivers in its river system. It is interesting, that the goods were transporting upstream of the rivers, the moving from South–West (the Middle Dnepr region) to North–East (the Oka region), or, if the transportation was made bycarts or by horses, the "plateaus" between the rivers were exploited. In winter period the only route was overice the rivers.

1

2

Fig. 2. Silver dirhams from the treasure (total 18 coins) near the village Shablykino (Oryol region, Russia). Found in 2012.

1: Abbassid dirham, Harun al-Rashid, Madinat Balkh, 189 AH. 806/7 years; 2: Umayyad dirham, 95 AH (the earliest of the coins presented in the hoard) Caliph al-Walid 1, Wasit Mint.

In the middle of eighth – the middle of the ninth centuries, when these lands were under the influence of "Great Bulgaria" and Khazarian Khaganate, the directions of the main routes changed: the straight route from the Steppes across the Seym (the left tributary of the Desna) to the North on the ridge between the Desna and the Oka became the main direction. Here the route passed not along but across small rivers, often with settlements and hoards on this "crossroads". Through this way the first portions of Abbasid dirhems in the end of the eighth century reached the region on the river Sev between the Middle Desna and the Upper Oka (Fig.2) [4].

The clear evidences of the Turkic invasions (the Avars, Bulgars and Khazars) through this route are several hoards with the artifacts of the so called "antiquities of Antes" (Trubchevsk), the Volincevo culture (on the Sev river) [6] and the traces of military collapse (several crushed skele-

tons of different ages, male and female in unnatural positions) on the right tributary of the Desna – the river Sudo(go)st (Slutchevsk).

Since the end of the ninth century the flow of different types of Bizantine coins and Arab (mainly Samanid's) dirhems through the Middle Desna region from Chernigov along the river Snov became one of two directions which were restored. The gold solids and main quantity of dirhems remained in the most northern and fortified Starodub district ("volost") of the "Russian Land" [4]. The most of coppers (both follises of Constantinopleand founded coins of Kherson) passed further to the east up to the Oka along the "old way" to the "Severians'Lands", and to the north–west (new direction), where the Radimichi's territories were located. If the dirhems were the main (or even till the end of the tenth century the only) money system then the Byzantine coins were used as "status signs" of different ranks. The second part of dirhems, not only Samanid's, but also of Volga Bulgarian manufacturing reached the Desna region and then the Radimichi's lands on the river Iput from the North–East via the Oka river system. They differ from the dirhems of the "south stream" by lighter weight because of circle cutting. They got far away from the Severian's and Radimichi's lands on the Desna through the system of small rivers.

If the hoards of dirhems reflect the "material", economic aspect of social stratification, the separately founded Byzantine coins (lately the first Russian silver coins "srebreniki") were used for marking the status (administrative or socio–legal) inside this stratification.

2. The effect of the natural environment on economic and ethnic processes in the East Slavic area on the example in Middle Desna[1]

Problem: the relationship of ethnic and natural-economic factors in the area of settlement of the Eastern Slavs in chronotope «Middle Podesenye (Bryansk and Novgorod-Seversk), lower Poseimye, upper Oka in the 1st millennium AD».

Physico-geographical context: the border of the forest and forest-steppe zones with areas of both valley-outwash forests and elevated opolias and their "analogues" (spurs of the forest-steppe - stepki). There are micro-regions intermediate in terms of natural and economic properties.

Ethnic situation: the advancement from south to north of several "waves" of a new, albeit ethnically related, population, including a purely Slavic one. The substrate is the forest Balts, then the Balto-Proto-Slavs ("Wends" of the late Zarubinets (including the Pochep), Kiev, Kolochin cultures). Result: the formation of the Romny culture based on the newcomer Slavs with the assimilation of a part of the Kolochin population and the possible participation of the Turkic-Bulgarian and Magyar elements (antiquity type Volyntsevo) [6]. It is replaced at the turn of the 2nd millennium AD. culture of Ancient Russia.

The natural and economic aspect of the processes: a change in farming systems (tools and methods of soil cultivation) associated with a partial change of the population, the alien part of which chose different types of landscape microregions than those of autochthons, as well as with a change in the demographic and ecological situation. It was natural and economic factors that contributed to the relatively peaceful natureof the Slavic settlement in the region (military conflicts were still, as evidenced by the finds in Sluchevsk). According to a number of researchers, the turning point in farming techniques occurs in the "big middle" of the 1st millennium AD, innovations are gradually advancing from the Chernyakhov culture to the Volyntsev antiquities. It is for this chronotope that solid-wood rallies of the "Dabergotsk (Dobrogosht) type" (Fig.3) are characteristic, which are widespread, except for the Podesya, in the Slavic lands on the borderlands of Poland and Germany (one of them is dated by 14C equal to 733 ± 80 years). At the same time, on the outskirts

[1] Vojvodina Museum, Novi Sad, Serbia. Conference "Slavs and their neighbors", October 2021. Proekt.

of woodlands, where slash-and-burn agriculture was more productive, the local pre-Slavic and autochthonous Proto-Slavic population continues to use it, gradually moving to a forest fallow using a plow. The newly arrived Slavic population, on the contrary, used the opolye, steppe and intermediate territories [1].

Fig.3. Solid-wood rallies of the Dabergotsk (Dobrogosht) type in the exposition of the Bryansk state museum of Local Lore. Found in the summer of 1964, in a peat bog, at the Novinsky locality near Suzemka, Bryansk region, Russia. (photo by A. Chbur)

3. Old Russian Private Settlements of the Desna Region In Natural-Economic and Ethno-Demographical Aspects[1]

The main feature of Old Russian feudalism was a concentration of the ruling class in towns, which, according to B.A.Rybakov, were “collective feudal castles”. And though the problem of Russian feudalism is still debatable, the important role of the towns in the system of governing and tax collecting is doubtless. Also, since the times of Princess Olga (mid-tenth century) the chronicles mention private prince’s village settlements - generic patrimonies of the Rurikovichi, which could be inherited by females as well, who could even keep separate retinues. For instance, in the Desna region such a settlement belonged to Rogneda - a sister of the prince of Smolensk and later Kiev Rostislav. Since the late eleventh century the elder retainers - the boyars - also started owing patrimonies. Archaeologically such a settlement is distinguished by the combination of a small, fortified with log-and-earth barrages and walls, yard/homestead with a large unfortified settlement, sometimes a kilometer long. The yard/homestead was a residence of the prince’s steward or boyar-tiun, here also lived his servants and slaves: “chelyad”’ and “kholopy”, sometimes even armed. The village settlement was a residence of the dependent peasants (“smerdy”), who by the way were wealthier than the free peasants (“liudi”). A prince or a boyar, unlike west Eiropean feudal lords, didn’t permanently lived in their patrimonies, coming only during the hunting season, collecting of charges (obrok) or held princely gatherings there In the Bryansk Desna region such a gathering occurred in 1193 in the settlement of Rogovo. In different Russian lands the number of patrimonies depended on the particularities of the social structure and natural-economic features of the region.

[1] IInternatiionall Conference “Interethnic Relations in Transylvania. From Case Study to Perspective”. Siibiiu, Romania, October 17t thh – 20t thh, 2019.

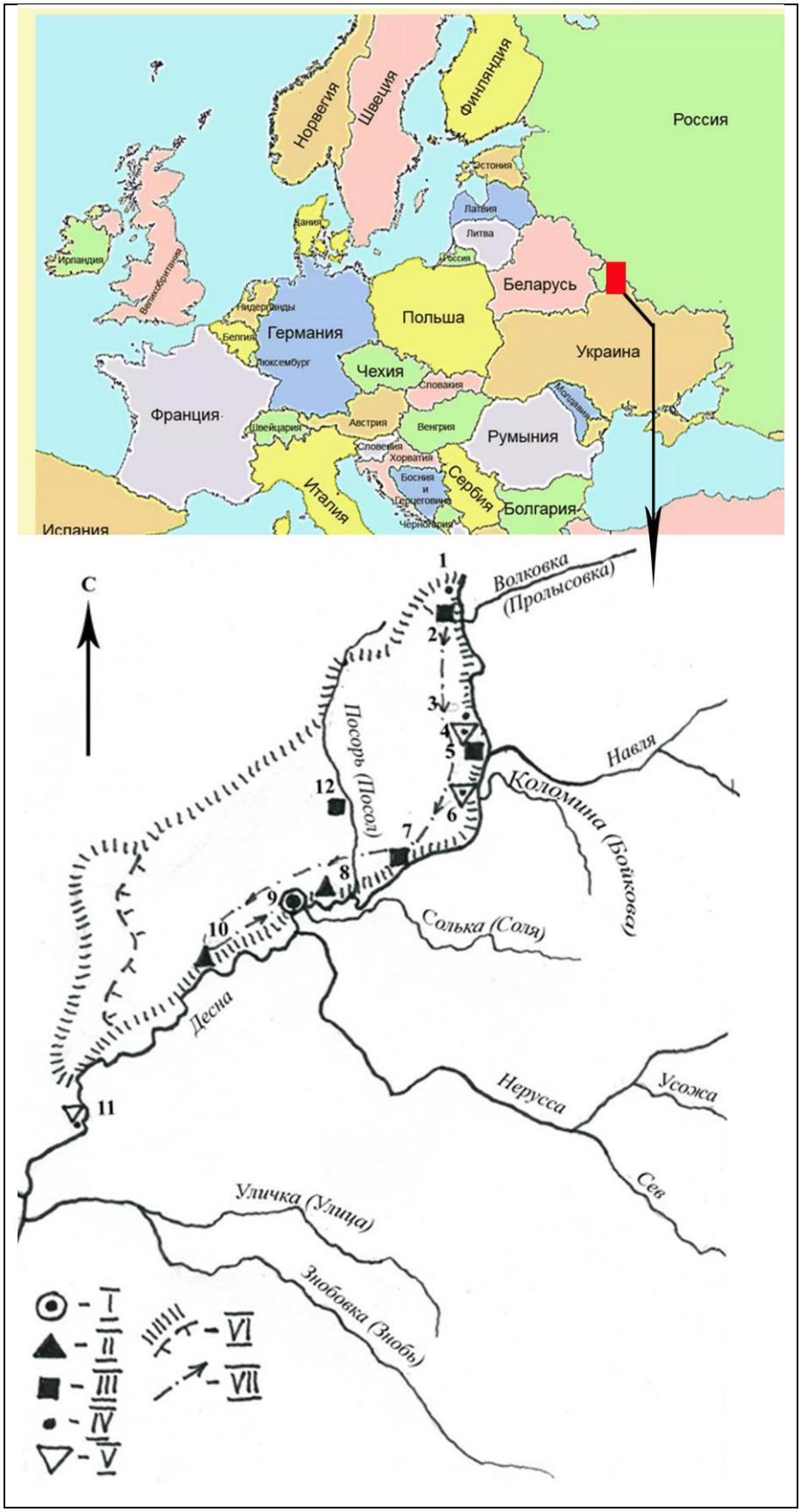


Fig.4. Map of the monuments of the Trubchevsky landslide of the 10th-13th centuries

Legend: I - city; II - suburban princely residences and fortresses; III - boyar villages; IV - military camps - fortresses of the XIV - XVI centuries .; V is the "weight"; VI - survey route 2015. On the map, Arabic numerals denote: 1 - Uts; 2 - Yakovsk; 3 - Ivanovo; 4 - Lyubozhi- chi-2 ("Katova Gora"); 5 - Lyubozhichi-1; 6 - Arelsk-1; 7 - Radutino; 8 - Gorodtsy-Makcha; 9 - Trubchevsk; 10 - Kvetun; 11 - Sagutyevo; 12 - Ratchino (Radchino).

==========

Chernigov – Seversky Principality, wich nothwestern part is now occupied by Bryansk oblast and the Middle Desna region (their borders are congruent), had a large (tens or even hundreds) number of such settlements. There situated Kursk, near which a boyar patrimony was located since the midtwelfth century, according to “The Life of Theodosy Pechersy” (presumably sloboda Ratno). The reasons were both natural-economic and social. The fertile lands – high plains (“opol’e”) - neighboured upon dense, impenetrable even now forests in the river terraces of the Desna and its affluxes - perfect hunting grounds for the princes and boyars. In the Desna region the patrimonies usually (but not always) were founded on the borders of these landscape

zones. There were also patrimonies on the bare plateau, at the streams, but only near (5-10 km) the towns - seats of the princes, whom the boyars necessarily served [5]. The second ring of patrimonies, including suburban residencies of the princes, situated 15-25 km away from the town, within the day reach on horseback In the high-plains regions the density of pat rimonies was extremely high - 10-15 on 400-1000 square kilometers, so that there were often no free lands for the settlements of the free peasants (members of a village community - “verv”). But forced enslavement was not applied by “Russkaya Pravda”, and the workers in the patrimonies were either hereditary(“chelyad”) or bought (“kholopy”) slaves, or people, who lost their freedom for debts or crimes. The princes and, probably, the elder retainers also had another source of gaining new slaves: prisoners of war, resettled from the hostile principalities or from abroad. According to the archaeological and toponimical data, the Middle Desna region and its private settlements in the mid-twelfth – the beginning of the thirteenth centuries were settled by people of different Baltic tribes: the Galindians and the Latgalians, captured during the Russian princes’ (including the Chernigov-Seversky) raids on the Baltic lands (Fig.4).

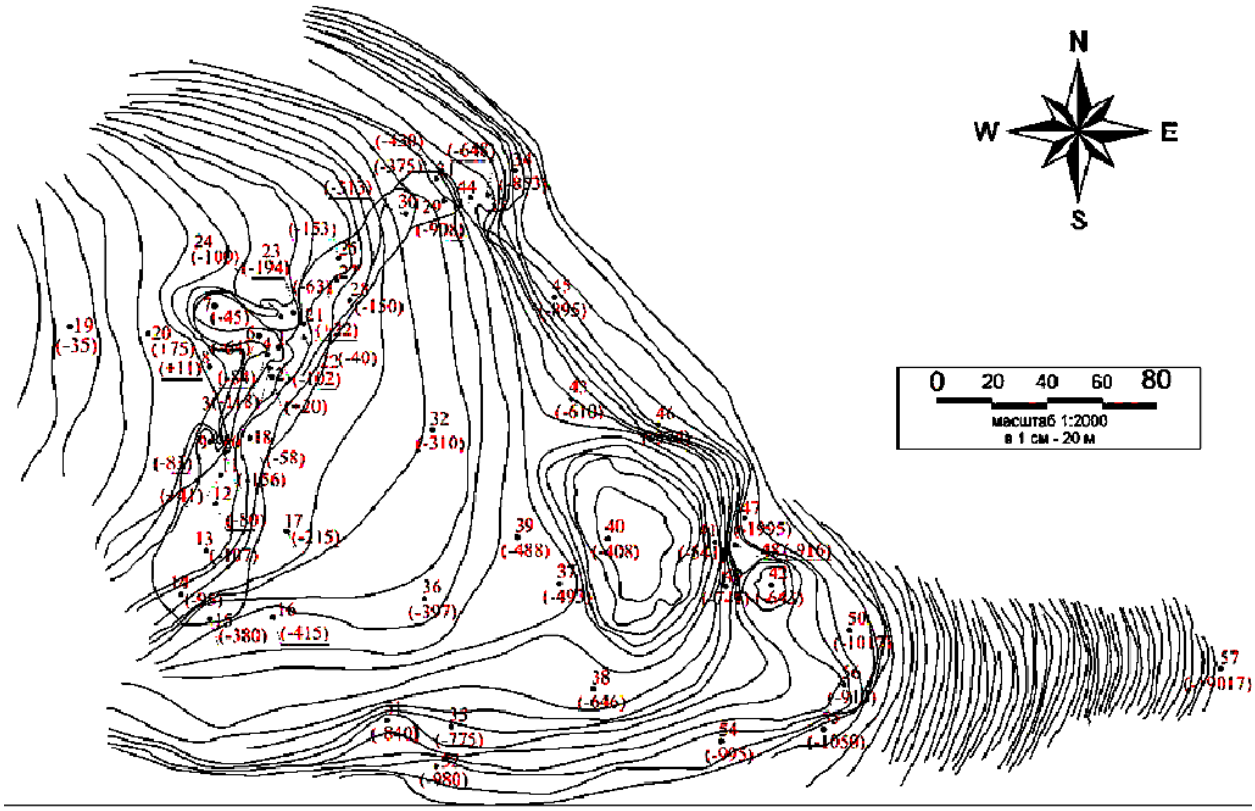


Fig.5. Plan of the fort Lyubozhichi 2. Trubchevsk district, Bryansk region. Russia
(geodetic survey by Evgeny Shinakov).

Three boyar sites of Yakovsk, Ljubojichi (Fig.5) and Radutino, situated on the banks of the Desna river, were in focus of reconnaissance and plane-table survey. Their topography was clarified and the previous research data on the ethnical and social environment was generalized. These sites were populated by the dependent people not only of the Severiane origins, but also the Radimichi, the Dregovichi, the Balts (the Latgalians and the Lithuanians) and, possibly, the Vyatichi and the Finno-Ugric people [3].

4. The Khotylevo after the Stone Age: natural-economic and ethnocultural aspects.[1]

The village of Khotylevo is world famous in the archaeological environment due to the Paleolithic epoch. However, the settlement agglomeration, stretching almost for 2 kilometers west of the mouth of the Gasoma River and located on 9th kilometers west of the Bryansk agglomeration borders and on 13th kilometers east of the Vschizh-Ovstug agglomeration borders, also includes archaeological sites of the later eras, up to early New Time - "Time of Troubles" of the XVIIth century.

True, at the beginning of research – at the 60s-70s of the 20th century, objects of only "primitive" archeology were discovered – since the Mesolithic up to the early Iron Age. This is explained by the fact that the Khotylevsky microregion was studied by specialists in these spheres of archeology - F. Zavernyaev, E. Schmidt, A. Ambroz, P. Tretyakov, A. Smirnov, A. Sorokin. Monuments of the developed and late Middle Ages began to be discovered and explored here since the mid of 90s of the 20th century(1996), when the Bryansk Old Russian expedition of the Bryansk State University, headed by the author of this report, began to work here. By the beginning of the XXI century, their number increased from 4 to 21, new ones were discovered even in the 2019 season.

Fig.6. Excavations of the multi-layered settlement of Khotylevo 6. (2002)
Early Middle Ages (Kievian culture), Bronze Age (Abashevo culture), Mesolithic, Paleolithic.

The second place belongs to the monuments of the first centuries AC and the early Middle Ages – these are Pochep, Kiev and Kolochin cultures, the number ofpoints reaches ten. Most of the settlements are multi-layered, so the total number of post-Paleolithic monuments is still only slightly more than 30. This also creates difficulties in research, since almost all the Paleolithic sites are

[1] International Scientific Conference - Field Workshop "Cultural geography of the Paleolithic of the East European Plain: from Mikok to Epigravette" to the 100th anniversary of the birth of Fyodor Mikhailovich Zpvernyaev. 10-16 September 2019, Bryansk, Russia.

covered by the settlements of later epochs, requiring a different research methodology and are separated one from another by a multimeter layer sterile loess, which is considered a "mainland" for the medievalists [7].

There is a direct dependence of the location of settlements of different eras on the characteristics of the economy of the population that left them, and sometimes also on the strategic position of the microregion. The settlements of the Mesolithic, Neolithic, Bronze (by the way, due to subjective circumstances the worst studied in Khotylevo) are located on low hills, dunes in the floodplain, on low terraces. Two fortified settlements of the early Iron Age, because of constant military danger - on high steep capes. Settlements of Pochep and Kiev cultures are correlated with the edge of terraces or low shores, as their population was engaged in floodplain agriculture, using entirely wooden soil cultivation tools [7].

Engaging in different types of arable farming using tools with iron tips made possible(and be allowed) the population to gradually move higher and higher to the plateau, to fertile landslides(“opolya”), and even to the watersheds at the late Middle Ages.

In ethnocultural aspect, the Khotylevo agglomeration was at the junction of the borders of several Slavic tribal associations: Severiane, Vyatichi, Radimichi, Krivichi with the remnants of the local Baltic population. There are also archaeological traces of the presence of other ethnic groups: Scandinavians and Turks -Bulgarians. The findings of the Volyntsev and Saltov cultures testify to the temporary affiliation of the microregion to the Khazar Kaganate. In the era of Ancient Rus, the agglomeration was on the way from Smolensk to Bryansk and on one of the options for the route from South to North-East Russia and therefore was a “key point” with a constant, “pulsating” population and topography, although of non-urban character.

Fig.7. Manor-park Khotylevo. Stone descent to the Desnay river, 19th century.
(photo by Arthur Chubur)

In written sources, Khotylevo first finds himself in 1615, when a Polish colonel A. Lisovsky stopped here on an attack to Bryansk, whose “visit” was marked by the burning of the church of St. Nicholas. The village of Khotylevo is associated with such a famous surname as Tyutchevs, who owned it from the 1620s to the end of the 19th century. Later, he was owned by the famous philanthropist Princess M.Tenisheva, and also visited here the artist M. Vrubel, painting the local landscapes. The last “monument” of archeology was created by local peasants, who during the 1905 revolution burned down a summer manor house [2].

Bibliographic list

1. Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Ландшафтный фактор в славянском освоении Среднего и Верхнего Подесенья в IX-XI веках // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I - начале II тысячелетия нашей эры. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э.М. Загорульского. 2018. С. 77-82.
2. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. - М.: Наука, 1996. - С. 180-184.
3. Шинаков Е.А. Древнерусские села и загородные резиденции Брянского ополья // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.III. – Казань, 2014. С. 194-198.
4. Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Клады как источники по политической географии Среднего Подесенья в древнерусскую эпоху // Археология и история Юго-Востока Древней Руси. Воронеж, 1994.
5. Шинаков Е.А., Лобанов Г.В. Физико-географические регионы и характер размещения населения на северо-западе Новгород-Северских земель в IX-XII вв. // Русский сборник. Вып.9. Т.2. – Брянск, 2016. С. 173-179
6. Шинаков Е.А., Чубур А.А. Волынцевские древности Брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII-IX веков на юге Восточной Европы // Старожитності лівобережжя Дніпра. Збірник наукових праць. – Київ-Котельва, 2018. С.183-199.
7. Шинаков Е.А., Чубур А.А., Гаврилов К.Н. Древние поселенческие агломерации на территории села Хотылёво // Русский сборник. Вып.5. Брянск: БГУ, 2009. С. 33-39.

Сведения об авторах:

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, проф. каф. Отечественной истории, директор научно-образовательного Центра Археолого-этнологических исследований, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. Shinakov@mail.ru

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, проф. Российской Академии естествознания, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

Гурьянов Валерий Николаевич – начальник отдела организации научных исследований, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. gurian032@yandex.ru

Лобанов Григорий Владимирович – кандидат географических наук, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. lobanov_grigorii@mail.ru

УДК 94(32)

Р. А. Локтев

Страна Пунт в мировоззрении древних египтян

Аннотация: *Статья раскрывает характер контактов древнеегипетской цивилизации с жителями далекой страны, называемой ими Пунт или Та-Нечер. Благодаря упоминаниям и описаниям этой страны в источниках разных периодов истории Древнего Египта, предоставляется возможность реконструировать образ этой страны в мировоззрении египтян. Отдельные сведения позволяют судить о том, что морские экспедиции к далеким южным областям занимали значительное место не только в экономике и политике, но и в культуре цивилизации Древнего Египта.*

Ключевые слова: *Древний Египет, Пунт, культура, Красное море, экспедиционная деятельность, храм Хатшепсут, Дейр-эль-Бахри, Книга мертвых, ка, династическая раса, Птах, Бэс.*

Loktev R.A. The Land of Punt in the worldview of the ancient Egyptians.

Annotation: *The article exposes the nature of the contacts of the ancient Egyptian civilization with the population of a distant land, called Punt or Ta-Necher. Due to the references and descriptions of this land in the sources of different periods of the history of Ancient Egypt, it is possible to restore the image of this land in the worldview of the Egyptians. Some information proposed that sea expedition to distant southern regions has a significant place not only in the economy and politics, but also in the culture of the civilization of Ancient Egypt.*

Keywords *Ancient Egypt, the Land of Punt, culture, The Red sea, expedition activities, temple of Hatshepsut, Deir el-Bahri, the Book of the dead, ka, dynastic race, Ptah, Bes*

На протяжении долгой трехтысячелетней истории древнеегипетское государство создавало торговые и дипломатические пути за пределами долины Нила. Оно сыграло большую роль в истории других государств древнего мира, оказало влияние на соседние страны, которые рождались и умирали, оказывались под влиянием фараонов-завоевателей и сами оказывали влияние на многие сферы жизни древних египтян. Но ни одна страна, о которой упоминают древнеегипетские источники, не имела столь прекрасный и таинственный образ, как страна Пунт. Это была далекая страна чудес, добраться до которой древним египтянам стоило многих усилий и жертв. Страна, вопрос о точной локализации которой, является предметом дискуссий и безуспешных поисков. И в то же время страна, путешествия в которую занимают ключевое место в деятельности самих фараонов. Земля, откуда вывозились чудесные дары, которые невозможно было найти ни в одной близлежащей стране.

Наиболее распространенной версией локализации страны Пунт являются области так называемого Африканского рога (Сомали) и Южной Аравии в районе Баб-эль-Мандебского пролива, соединяющего Красное море с Индийским океаном. Древнеегипетские экспедиций в эту страну обычно совершались тремя маршрутами. Первый маршрут начинался в городе Коптос (*др. егип. Гебту*) в Верхнем Египте, который вел через пустыню к побережью Красного моря (Мерса Гавазис). Второй путь вел из Дельты Нила через Вади[1] эль-Джарф к Красному морю. Третий так же проходил из Дельты Нила, по одному из рукавов реки к Горьким озерам, находившимся недалеко от Синайского полуострова к небольшому порту, известному сейчас под названием Айн Сохна (Рис. 1) [8, 37].

Какой бы путь не выбрал руководитель экспедиции, следующие два месяца египетские корабли шли водами Красного моря на юг и в итоге достигали заветной страны.

Достоверно неизвестно, когда и откуда древние египтяне узнали о стране Пунт, однако первая засвидетельствованная экспедиция относится уже к периоду V династии в правление

[1] Вади – высохшее русло реки, изредка наполняющееся водой во время сильных дождей или разливов Нила

фараона Сахура (2496-2483 гг. до н.э.). Надпись на Палермском камне[1] представляет собой список даров, привезенных из Пунта, среди которых мирра[2] (*др. егип. антиу*), электрум[3] (*др. егип. джаму*) и малахит (*др. егип. уадж-шесмат*). Дополняет данные об этой экспедиции рельеф из пирамидного комплекса Сахуры в Абусире. На этих рельефах представлены пять кораблей, вернувшихся из Пунта, на которых изображены разные виды обезьян и благовонные деревья [8, 90].

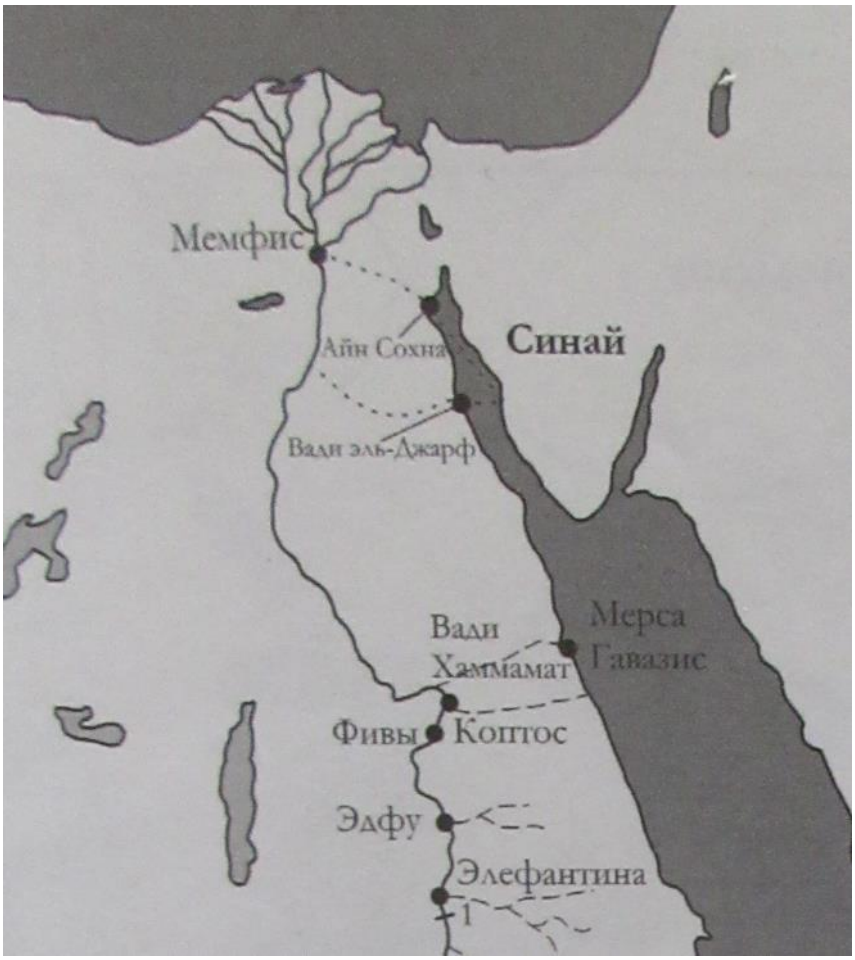


Рис. 1. Фрагмент карты с указанием расположения трёх отправных точек на пути в Пунт.

Свидетельства регулярных экспедиций, которые начались в эпоху Древнего царства и продолжались на протяжении последующих тринадцати с лишним столетий дают понять, что уже в древнейшую эпоху земли Пунта рассматривались египтянами, как богатая сырьевая база и пункт обмена диковинными товарами с жителями этой страны. Однако многие древнеегипетские источники позволяют судить и о том, что Пунт занимал куда большее место не только в экономике, но и в мировоззрении древних египтян.

Древний Египет вел торговлю с самыми далекими землями, такими как Месопотамия и Сирия, Крит и Древняя Греция. Из Ливана они получали не менее редкие для долины Нила товары, такие, как кедр и различ ные масла для притираний. Но ни одна из этих чужеземных стран не имела такого значения для Древнего Египта, как Пунт. Одно название, которым часто называли эту страну древние египтяне, говорит само за себя - *Та-Нечер,* что означает «Земля Бога» или «Божественная Земля». Это название так же не случайно. В папирусе Кенны (XIII в. до н.э.) содержится хвалебный гимн богу солнца Ра, в котором говорится о том, что «Земля Пунт сотворена, чтобы издавать ароматы, которые ты (т.е. Ра) вдыхаешь своими ноздрями» [6, 147]. *Та-Нечер* была богата деревьями, из которых получали мирру и ладан. Их, в свою очередь, сжигали в храмах в честь великих богов. И эти драгоценные дары богов

[1] Один из семи фрагментов стелы из черного базальта, содержащей список египетских фараонов Древнего царства, начиная с I династии до первых представителей V династии, и важных событий каждого года их царствования.

[2] Древесная смола, которую древние египтяне использовали в качестве благовоний в храмах своих богов

[3] Природный сплав золота с серебром.

египтяне доставляли за сотни километров в долину Нила. Несомненно, что в мировоззрении древнего египтянина богатая этими дарами земля являлась землей божественной.

Но не только благовонными деревьями были богаты земли Пунта. Уже со времени Древнего царства среди даров Пунта упоминаются: золото, черное дерево, слоновая кость, экзотические животные (обезьяны, леопарды, птицы, жирафы, слоны), а экспедиция времен фараона Джедкара Исеси (2405-2367 гг. до н.э.) привезла в Египет из Пунта чернокожего карлика пигмея для увеселений фараона [4, 324]. На кораблях, отправленных фараонами Среднего царства среди обычного состава: матросов, управляющих хозяйством, писцов и воинов иногда упоминаются золотых дел мастера и камнерезы. В этот же период начинают упоминаться рудники Пунта.

Судя по всему, в эпоху Среднего царства египтяне развернули широкую деятельность в *Та-Нечер*. Надпись в Вади Гавазис сообщает о том, что во времена правления Сенусерта II (1879-1872 гг. до н.э.) в земле бога был воздвигнут памятник в его честь [3, 57], а после, во времена его приемника Сенусерта III (1873-1853 гг. до н.э.) рассказывается о конфликте с чернокожими людьми по пути в Пунт. В результате этой стычки египтянам удалось захватить некий «колодец», а также 203 коровы и 11 ослов [5, 91].

Воины и ремесленники в составе экспедиций, воздвижение памятников и открытие рудников в Пунте говорят о том, что египтяне видели землю бога не просто как чужеземную страну, а как часть земли, принадлежащей их богу - фараону. Это предположение можно подкрепить словами, вложенными в уста вождя пунтийцев - Пареху, изображенного на рельефах храма Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри[1] :

«Как вы попали в эту землю?» – Спрашивает Пареху. - «Вы спустились с дорог Небесных? Или вы плыли по морю *Та-нечер*? Вы, должно быть, пошли по пути солнца. Что касается царя Египта, нет дороги, недоступной для Его Величества (т.е. Хатшепсут). Мы живем дыханием, которое она нам дает». [1, 285]

Такие отношения и такая широкая деятельность на чужих землях для древних египтян была бы попросту невозможна. Следовательно, пунтийцы находились в дружественных либо даннических отношениях с Египтом. Общество сказочной страны, так или иначе, находилось на более низкой ступени развития, чем Древний Египет, хотя это и придавало ей еще больше сказочности в мировоззрении египтян. И не было сомнений в том, что боги Египта покровительствовали жителям Пунта, если те в свою очередь благосклонно относились к слугам фараона и приносили дары.

Такую длительную и регулярную деятельность египтяне разворачивали, пожалуй, только на землях Синая. И что примечательно покровительницей рудников Синая называли богиню Хатхор «Владычицу Бирюзы». И ту же самую богиню надписи в храме Хатшепсут называют «Владычицей Пунта» [1, 295]. Совпадение здесь не случайно, ведь Хатхор была богиней изобилия и покровительствовала богатым землям, находящимся за пределами долины Нила. Но в отличие от других дальних стран, *Та-Нечер* гораздо глубже проникла в культуру, религию и фольклор Древнего Египта.

Сказка о «Потерпевшем кораблекрушение», которая записана на папирусе периода Среднего царства содержит рассказ некого писца Аменаа сына Амени о путешествии в Пунт. Корабль, на котором плыл главный герой, держал путь к рудникам Пунта, однако попал в шторм. Весь экипаж погиб, а главного героя вынесло на таинственный остров, на котором жил огромный Змей. В своих речах Змей называет себя Владыкой Пунта:

[1] Храм построенный по приказу царицы Хатшепсут (1479-1458 гг. до н.э.) в честь своего отца и бога Амона. Рельефы храма содержат самое известное и полное на сегодняшний день описание экспедиции в Пунт.

«Сказал он мне: Ты не богат миррою, не родился ты хозяином ладана. Я же владыка Пунта, и вся мирра его – моя». [10, 176]

После рассказа об острове, своей судьбе и уверении о том, что потерпевший кораблекрушение спустя некоторое время вернется в родные края, Змей одаривает его теми самыми дарами, которые упоминаются во многих других надписях о путешествиях в Пунт.

Вполне вероятно, что упоминания о далекой *Та-Нечер* были неотъемлемой частью не только рассказов бывалых путешественников, но и египетского фольклора, в частности. Они непременно обрастали различными фантастическими деталями и делали эту страну не только желанным местом для фараонов, но и страной на краю света, на востоке, где восходит в своем путешествии солнечная ладья, и возрождаются боги, в том числе сам Ра. Примечательно и то, что остров в сказке называется островом *Ка*. В Древнем Египте *ка* - это достаточно сложное понятие, отражающее жизненную силу или даже душу-двойника [2, 16-17]. *Ка* обладали не только люди, но и боги. Таким образом, этот остров являет собой некое потустороннее место на границе с материальным и чувственным, что также мы видим в образе Змея, в котором иногда проявляется и сам бог творец Ра или Атум. А значит, сказка имеет определенный сакральный смысл, не случайно связанный с божественной страной.

Возможно, что отсылка к этой сказке содержится в 78 главе Книги мертвых:

«Бык внушающий [людям] ужас, не прогонит меня, и я достигну того места, где лежит матрос с потерпевшего крушение корабля на границе *сехет-нехех* (поле безграничного времени), и я продолжу свое путешествие в область Аменти (область загробного мира)» [6, 299]

Здесь мы вполне можем иметь дело с игрой слов. В древнеегипетском языке *ка* называется не только жизненная сила, но и бык[1] - . Сам фараон назывался «Могучим Быком», как и некоторые боги[2]. И действительно герой сказки испытывает ужас перед Змеем, настолько, что даже теряет способность говорить. Кроме того о положении острова на границе вечности, между миром живых и мертвых говорят слова Змея:

«Когда ты это место покинешь - больше никогда, вовеки, ты не увидишь снова этот остров, - как возникает он из волн». [10, 176]

Это не единственная отсылка в Книге мертвых. Ряд египтологов полагают, что похожее описание внешности змея содержится в главе 108. В ней описывается область загробного мира – гора Бахау (Гора Восхода), где обитает змей длины тридцать локтей: «Имя его «Живущий в пламени своем». И вот когда Ра прерывает свой ход, он отражает на него взор свой, и ладья Ра задерживается, и крепкий сон нисходит на того, кто в ладье» [6, 332]

Многие области и города Египта нашли свое отражение в заупокойной и религиозной литературе. Так как мир богов и духов для древнего египтянина был неразрывно связан с материальным миром, велика вероятность, что и Пунт, как загадочная страна на краю света, нашла свое отражение в религиозном мировоззрении египтян в качестве некой пограничной области, где, прежде чем взойти на Востоке, отдыхает бог Ра и другие боги в его ладье или отдыхает душа потерпевшего кораблекрушение, прежде чем возвратиться вновь в мир живых. Сама смерть мыслилась древним египтянам как путешествие от одной области к другой в загробном мире, таким могло мыслиться и путешествие в *Та-Нечер*.

---

[1] С помощью такой же игры слов пытались объяснить связь *ка* с жертвенной пищей *кау* - , которую приносили родственники усопшего в гробницу

[2] Так к богам Амону и Мину применяется эпитет *камутеф* – бык своей матери. Жизненной силой или материальным воплощением - ка бога Птаха считался священный бык Апис. С быком так же ассоциировался и Осирис

Существует и другая теория, которая связывает Пунт с прародиной первых египетских фараонов[1]. И действительно существует одна небольшая особенность во внешности коренных жителей Пунта. На рельефах из храма Хатшепсут и на пилоне Хоремхеба в Карнаке[2] [1, 286], мы видим вождей страны, изображенных с тонкой загнутой бородкой, аналогичную которой носили египетские фараоны. Однако если фараоны зачастую использовали накладную бородку, то правители Пунта, а так же многие другие пунтийцы завивали ее из естественных волос. Также примечательна плотно прилегающая к голове шапочка, которая могла быть атрибутом правящего класса жителей Пунта. Если мы проведем аналогии с искусством Древнего Египта, то увидим, что в таком же идентичном образе представал мемфисский бог Птах.

Рис. 2. Традиционное изображение бога Птаха

Интересно, что Птах, не смотря на свое важное место в религии Древнего Египта[3], стоит довольно обособленно от остальных религиозных концепций, возникших в таких древних культовых центрах, как Гелиополь (*др. егип. Иуну*), Гермополь (*др. егип. Хемену*) и Фивы (*др. егип. Уасет*). В отличии от других богов Древнего Египта имя этого бога ни разу не появляется в древнейших заупокойных текстах в пирамидах фараонов (Тексты Пирамид) и не входит в божественный трибунал Книги мертвых[4]. Это может говорить о внесении этого бога в

[1] Сторонниками теории «династической расы» пришедшей в долину Нила извне были Уоллис Бадж, Флиндерс Питри и Джон Генри Брэстед.
[2] Храмовый комплекс неподалеку от древних Фив.
[3] В «Памятнике Мемфисской теологии» он представляется творцом мира и создателем всех вещей и ремесел.
[4] Группа божеств находящаяся на суде Осириса в загробном мире исудящих душу усопшего.

общеегипетскую религию в эпоху объединения страны в единое государство, когда столицей Египта стал город Мемфис *(др. егип. Инбу-хедж)*. Птах вполне мог быть богом-творцом принесенным переселенцами из *Та-Нечер* еще в Додинастический период во времена формирования государства, что может указывать на эту страну, как на прародину древних египтян или отдельных классов древнеегипетского общества.

Еще одно божество, претендующее на происхождение из страны Пунт – карлик Бэс[1]. В отличие от других египетских божеств, Бэс на рельефах всегда изображается анфас (в отличие от других божеств, изображаемых в профиль), что явно подчеркивает его иноземное происхождение.

Первые упоминания о подобных карликовых божествах относятся к периоду Среднего царства и могли быть навеяны, как культурным влиянием народов южных областей долины Нила, так и самого Пунта. Бог Бэс и множество карликовых божеств до самого позднего периода не имели своих святилищ и храмов, почитались в домах простых египтян, как защитники дома и помощники при родах. Однако еще Геродот упоминает, что в мемфисском храме бога Птаха находился идол карликового божества и в мифологии Древнего Египта Бэс имеет некое родство с такими божествами, как Птах и Хатхор [7, 91-92], уже упоминаемыми выше в связи со страной Пунт.

Исходя из всех вышеперечисленных аргументов, мы можем предположить насколько глубокий след оставили после себя контакты древних египтян со страной Пунт. Образ богатой божественной страны возник благодаря древнейшим путешествиям в *Та-Нечер*, из которой вполне могли прийти в египетский пантеон такие божества, как Бэс и Птах. Столь далекая страна, первые сведения о которой теряются в древнейшей истории Египта, вполне могла быть прародиной для части населения долины Нила. Сами пунтийцы и их семьи, которых привозили египтяне на своих кораблях в Египет, начиная с эпохи Древнего царства, вполне могли ассимилироваться с местным населением и передавать другим египтянам не только сведения о *Та-Нечер*, но и некоторые культурные ценности. Позднее далекая страна превращалась в область на краю вечности, там, где появлялся на рассвете солнечный бог Ра, а путешествие туда представлялось равноценным путешествию через загробный мир. Фараоны стремились не только вывозить из Пунта богатые дары, но и обосновываться на этих землях, создавать рудники, мастерские и памятники их величию. Все это говорило о том, что египтяне считали *Та-Нечер* не просто чужезем-

Рис. 3. Сосуд в форме карликового божества Бэса

[1] Божество, охранитель домашнего очага и защитник от ядовитых змей. В образе божества присутствуют кошачьи черты.

ной страной, а частью того мира, которым правили боги Египта и фараон, как их представитель на Земле. Вполне вероятно, что египтяне и чувствовали некое родство с коренными жителями Пунта, память о котором затерялась в веках.

Последняя засвидетельствованная экспедиция в Пунт была совершена во времена правления фараона Рамсеса III (1183-1152 гг. до н.э.), но даже много лет спустя области Южной Аравии и примыкавшие к ней славились своими благовониями и чудесами, которые создавали образ счастливой и желанной для путешественников и торговцев страны далеко на юге.

Библиографический список

1. Edwards, A. Pharaohs Fellahs and Explorer. - New York: Harper & Brothers, 1891. (First edition.) - 300 p.
2. Wiedemann, A. The Ancient Egyptian Doctrine of the Immortality of the Soul. — Books on Demand, 2018. — 54 p.
3. Авдиев, В. И. Военная история Древнего Египта. — М.: Советская наука, 1948. Т. 1. Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI—XV вв. до н.э. — 240 с.
4. Бауэр, Г. М., Кормышева, Э. Е., Шифман, И. Ш. и др. Красноморский мир в древности. - М.: РГГУ, 2012. - 484 с.
5. Вейгалл, А. Великие правители Древнего Египта. История царских династий от Аменемхета I до Тутмоса III / Пер. с англ. А.Б. Давыдовой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2018. — 478 с.
6. Египетская книга мертвых/ пер. с англ. К. Корсакова. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 528 с.
7. Коростовцев, М. А. Религия древнего Египта. - СПб.: «Журнал “Нева”»; «Летний сад», 2000. - 464 с.
8. Лебедев, М. А. Слуги фараонов вдали от Нила. - СПб.: Нестор-История, 2015. — 688 с.
9. Монте, П. Эпоха Рамсесов. Быт, религия, культура / Пер. Д. Шамшин. – М.: Центрполиграф, 2004. – 366 с.
10. Рак, И. В. Мифы Древнего Египта. — СПб.: «Журнал “Нева”»; «Летний сад», 2000. — 270 с.

Сведения об авторе

Локтев Руслан Александрович, магистрант. Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева. inn.g.h.o.s.t@yandex.ru

Историческое краеведение

УДК 908/94(430)"1889/1919"

Ю. П. Соловьев

Большевик Афанасий Ремнёв и его вооруженная группировка в октябре 1917 – апреле 1918 года
(часть II)

Аннотация: *Исследование посвящено судьбе одного из первых красных командующих армиями Афанасия Иосифовича Ремнёва (1889 или 1890-1919). Во второй части речь идет о создании в 1917–1918 годах таких прокоммунистических вооруженных группировок, как 1-й революционный имени Минского Совета полк и 2-я революционная армия; об участии этих группировок в захвате власти в Минске, расправе над верховным главнокомандующим Русской Армией генерал-лейтенантом Николаем Николаевичем Духониным, походе красных войск Михаила Артемьевича Муравьёва на Киев и в последовавшей за тем резне киевлян, об участии красногвардейцев в еврейских погромах в Глухове, Новгороде-Северском, Серединой-Буде. Завершается текст подробным рассказом о смерти Ремнёва от рук чекистов.*

Ключевые слова: *1917, 1918. Минск. Могилев. Киев. Глухов. Новгород-Северский. Середина-Буда. Брянск. Навля. Курск. Красная гвардия. Афанасий Иосифович Ремнёв. Рейнгольд Иосифович Берзин. Михаил Артемьевич Муравьёв. Православный митрополит Киева Владимир Богоявленский. Геноцид. Еврейские погромы.*

Solovjev Yu.P. Bolshevik Afanasy Remniov and its armed group in october 1917 - april 1918 (part 2)

Abstract: *The study is devoted to the fate of one of the first Red army commanders, Afanasy Iosifovich Remnev (1889 or 1890-1919). The second part deals with the creation in 1917-1918 of such pro-communist armed groups as the 1st revolutionary regiment named after the Minsk Soviet and the 2nd revolutionary army; about the participation of these groups in the seizure of power in Minsk, the massacre of the supreme commander-in-chief of the Russian Army, Lieutenant-General Nikolai Nikolaevich Dukhonin, the campaign of the red troops of Mikhail Artemyevich Muravyov to Kiev and the massacre of the Kievites that followed, about the participation of the Red Guards in Jewish pogroms, in Novgorod Seversky, Seredinaya-Buda. The text ends with a detailed story about Remnev's death at the hands of the Chekists.*

Keywords: *1917, 1918. Minsk. Mogilev. Kiev. Glukhov. Novgorod-Seversky. Mid-Buda. Bryansk. Navlya. Kursk. Red Guard. Afanasy Iosifovich Remnev. Reingold Iosifovich Berzin. Mikhail Artemyevich Muravyov. Orthodox Metropolitan of Kiev Vladimir Bogoyavlensky. Genocide. Jewish pogroms.*

6. «ШТАБ ДУХОНИНА». Сентябрь – декабрь 1917 года[1]

Вот из описанной выше публики Ремнёв и сформировал 24 или 26 октября 1917 г., как говорится об этом в советской исторической литературе [24, с.955; 23, с.174] , 1-й революционный имени Минского Совета полк. На самом деле ремнёвский полк действительно организовался еще в тюрьме. Один из руководителей большевистского переворота в Минске, солдат 32-го тылового эвакуационного пункта Вильгельм Германович (Георгиевич) Кнорин (1890 – 1938), вспоминал в 1925 г.: «Арестованные солдаты фронта — большевики… уже в тюрьме под руководством прапорщика Ремнёва сорганизовались в воинскую единицу, разбитую на роты, взводы и отделения…» [102, с.40]

К полудню 25 октября 1917 г. в Минске получили радиосообщение петроградского военно-революционного комитета об удаче большевистского переворота и о том, что «политическим осужденным и заключенным… 25 октября объявлена полная амнистия» [24, с.96] . Вскоре президиум минского совета отпечатал и расклеил по городу очередной «приказ № 1», в ко-

[1] Начало см.: История. Общество. Политика. 2020. №3 (15). С.51-109.

тором объявил: «В Минске власть перешла в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов… Установлена революционная цензура над всеми выходящими в Минске и получаемыми здесь газетами для предупреждения распространения волнующих население слухов». Это было, по словам Кнорина, «формальное объявление переворота, который еще не состоялся» [102, с.40].

Рис.23. Минские большевики на рубеже 1916-17 гг. Крайний слева В.Г.Кнорин. Из книги: Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925.

Рис.24. А.Ф.Мясников-Мясникьян, лидер минских большевиков. Из книги: Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925

Для совершения переворота в Минске большевикам нужна была вооруженная сила. Ею и стал каторжный полк, выведенный Ремнёвым из тюрьмы и к двум часам по полудню 25 октября выстроенный «перед зданием Совета на Петроградской ул. №6». Для полка «основною... задачею теперь являлось получить вооружение. Тем временем члены фракции Исполкома успели уже изъять из артиллерийских складов необходимое количество оружия (винтовок и пулеметов) и амуниции. Наскоро оружие роздано. Председатель Совета Ландер, председатель Областного Комитета РСДРП (большевиков) Мясников и другие товарищи выясняют освобожденным, составляющим с этого момента 1-й революционный полк имени Минского Совета, их задачи по защите Совета и молодой советской власти. Таким путем Минский Совет получил верную защиту от всех возможных случайностей, ненадежных частей, охрану от погромных элементов и этим обеспечил себе первый успех. Революция была совершена» [102, с.40-41].

Ремнёвцы получили тогда 1500 винтовок, 30 пулеметов, 170 пулеметных лент и 90 тысяч винтовочных патронов [227, с.33]. Что касается численности этой первой ремнёвской вооруженной группировки, то большевистская газета «Правда» 11 ноября 1917 г. оценивала эту численность более чем в 1000 человек [211; 24, с.162]. Современный автор сообщает, что в минском революционном полку было 1700 штыков (три батальона, пулеметная команда, команда связи, пешая разведка и лазарет) [16]. Так или иначе, но у большевизированного минского совета появилась вооруженная сила для захвата власти.

И действительно, 26 октября минский совдеп, опираясь на штыки солдат вновь образованного революционного полка, а также 37-го и 289-го запасных полков и красную гвардию,

попытался захватить власть в городе и арестовать штаб Западного фронта. Однако на сторону Временного правительства встали фронтовой комитет и комитеты 2, 3 и 10-й армий Западного фронта. Также в Минске получили сообщение, что министр-председатель Временного правительства Керенский вместе с частями 3-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Петра Николаевича Краснова (1869-1947) действует под Петроградом и пытается восстановить «конституционный порядок».

И вот в Минске под председательством поставленного Временным правительством комиссара Западного фронта В.А.Жданова (петербургского присяжного поверенного) для противодействия большевикам организуется «Комитет спасения революции» (ведь Временное правительство тоже было революционным, а большевики совершили как бы переворот в перевороте). Этот самый «Комитет спасения революции» вызвал в Минск надежные, как тогда казалось, войска, удалившие вооруженные посты совдепа со всех ключевых точек. «Совдепу предложено подчиниться. Требование исполнено», – телеграфировал из Минска 28 октября начальник штаба Западного фронта начальнику штаба верховного главнокомандующего [3, с.417] . Насколько можно понять из большевистских документов того времени, главной вооруженной опорой «Комитета спасения революции» стал сформированный 21 июля 1917 г. в 10-й армии Западного фронта 6-й ударный батальон («батальон смерти») штабс-капитана Рутсона [24, с.240] . Возможно также, что здесь находились 4-й поручика Самустьева и 8-й капитана Степанова ударные батальоны, сформированные в 3-й армии [100, с.38, 39] .

Кнорин в своих мемуарах главной вооруженной силой, противостоявшей большевикам в Минске и его окрестностях называет 2-ю Кавказскую казачью дивизию [102, с.41, 42] . По его словам, 27 октября «к 3 часам дня на улицах Минска появились казаки, во дворах, на площадях кавалерийские части. Площадь Свободы была занята артиллерией и пулеметами. <…> Советские караулы снялись с постов и стягивались в свои бараки перед Советом на Коломенской площади. Их место заняли караулы из 2-й Кавказской [казачьей] дивизии и отряд [туркмен-]текинцев, верные… большинству комитета спасения» [102, с.45, 46] . Однако никаких репрессий против большевиков не последовало. Более того, двое из них (И.Я. Алибегов и Я.Ф. Перно) по договоренности были включены в состав «Комитета спасения революции» как наблюдатели от минского совдепа [102, с.45]. Вместе с тем, «Комитет спасения революции» потребовал от большевиков «возвращения взятых 25 октября пулеметов и винтовок, что означало разоружение 1-го революционного полка имени Минского Совета» [102, с.48]. Понятно, что большевики в ответ на это требование отмалчивались.

И перегруппировывали свои силы. 26 или уже 27 октября для руководства захватом власти большевики образовали военно-революционный комитет (ВРК) Западных области и фронта под началом Александра Федоровича Мясникова (Мясникьяна), Вильгельма Германовича (Георгиевича) Кнорина, Карла Ивановича Ландера (1883-1937), Моисея Иосифовича Калмановича (1888-1937) и др. [23, с.174] , после чего развернули в войсках пропаганду. Ну, а Ремнёв по своему обыкновению струсил, после провала первой попытки большевистского переворота в Минске удрал в Петроград, и снова в качестве делегата – от некоего «комитета общественного спасения». Причем названный комитет предложил петроградскому военно- революционному комитету Ремнёва «под каким-нибудь предлогом… задержать» [154, с.426]. Задержать, видимо, до выяснения, чья сторона в Минске возьмет верх. Вечером 31 октября Ремнёв не без истерики доложил петроградскому военно-революционному комитету, что в Минске дело большевистского переворота провалилось: «26 октября власть (в Минске) была в руках Совета. 27 октября власть отобрана; гарнизон Минский (пробольшевистский. – Ю.С.) очень слабый. В распоряжении противника одна конная дивизия. У нас – весь гарнизон. Настроение на стороне Комитета спасения революции, который послал комиссаров на фронт вызвать пехоту, с приез-

дом которой собирается открыть активные действия против Военно-революционного комитета» [154, с.426].

Тем временем 1 ноября минские большевики получили неожиданную силовую поддержку. В этот день в «Комитет спасения революции» явился представитель съезда Гренадерского корпуса и выложил перед комитетчиками ультиматум, в котором противостояние большевистскому военно-революционному комитету объявлялось «предательством и изменой революции». Корпусной гренадерский съезд требовал «у комитета спасения революции признания совершившейся революции и подчиняться новому правительству». В случае отказа пообещал «насильного разгона комитета спасения революции», и для осуществления этого собирался принять «все меры» [102, с.49] .

Вдобавок союзники большевиков из 2-й армии Западного фронта выслали в Минск на помощь ВРК, как пишет Кнорин, «один из лучших броневых поездов, снабженный пушками и пулеметами под руководством тов[арища] Пролыгина» [102, с.49] (подпрапорщика- фельдфебеля). На самом деле блиндированный поезд 10-го железнодорожного батальона мог воздействовать на противника разве что «психологически», поскольку летом 1917 г. при передаче из одной части в другую с него сняли все вооружение [24, с.97; 106, с.370] . Но в Минске этих подробностей никто не знал. Кнорин рассказывал: «Прибытие в Минск этого бронепоезда означало смерть комитета спасения и установление власти Советов. Когда комитет спасения про это узнал, его председатель Колотухин (социал-демократ меньшевик. – Ю.С.) вместе с штабным офицером Завадским решили взорвать путь, чтобы не допустить поезд в Минск. Железнодорожники были против этого и потому официальное решение о взрыве как будто было отменено. Тем не менее Колотухин и Завадский отправились и взорвали трубочку и полотно на 712 версте Ал[?] ж[елезной] д[ороги]. Но оказалось, что блиндированный поезд уже 712 версту прошел, а идущий поезд был санитарным. Колотухин и Завадский бросили свой автомобиль на дороге и лесом сбежали. Факт их преступления был установлен рабочими. Блиндированный же поезд цел и невредим ночью с 1-го на 2-е ноября прибыл на станцию Минск» [102, с.49-50] . Кажется, Кнорин в этом повествовании не совсем точен – в приказе №3 минского ВРК от 4 ноября один из пунктов сообщает: «По поводу взрыва моста при проходе блиндированного поезда Военно-революционным комитетом назначено строжайшее расследование» [24, с.96] . То есть, взорвали, видимо, мост, а не «трубочку и полотно».

Как бы то ни было, но бронепоезд свою роль сыграл. И вот уже 1 ноября командующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии Петр Семенович Балуев (1857 – 1923) телеграфировал верховному главнокомандующему: «Положение в Минске сгущается, угрожает опасность захвата большевиками. Броневой поезд, арестовав офицеров, самовольно подошел к Минску, надежных войск нет, все в руках Комитета Спасения Революции, не принимающего решительных шагов против большевиков» [3, с.434].

4 ноября большевистский военно-революционный комитет стал в Минске хозяином. Своим приказом №3 ВРК объявлял: «2. Ввиду того, что теперь Минск находится во власти военно-революционного комитета Западного фронта и в городе царит полное спокойствие, всем вызванным в последние дни в Минск частям предлагается выступить к фронту на места, которые будут указаны в особых секретных приказах. 3. Ввиду повторяющихся слухов о возможности погромов, сим объявляется, что никакие погромы и разгромы частного, общественного и казенного имущества, порча его, а равно насилия над жителями допущены не будут. Всякие попытки к этому будут пресекаться вооруженной силой. Громилы, грабители, хулиганы будут расстреливаться на месте. Всякие уличные собрания, митинги безусловно воспрещаются. <…> 6. Ввиду того, что в Военно-революционный комитет обращаются солдаты, сознательно отказавшиеся следовать с эшелонами, вызванными на поддержку Керенского, — зачислить их в 1-ый Революционный полк имени Минского Совета. 7. Подпрапорщик Пролыгин назначается

комендантом блиндированного поезда 10-го железнодорожного батальона» [24, с.96-97] . В процитированном приказе назван один из способов пополнения 1-го революционного полка – за счет дезертиров, оставлявших свои проходившие через Минск части. Несколько позже, 29 ноября 1917 г., присвоивший себе полномочия главнокомандующего армиями Западного фронта («главкозопа») большевик Мясников-Мясникьян разрешил «образование польских народных или пролетарских частей, под названием ”Польские революционные батальоны”, при российских республиканских полках». «Первую революционную польскую роту в Минске разрешаю формировать при 1-ом Революционном полку имени Минского Совета рабочих и солдатских депутатов», – объявил Мясников [24, с.324-325] . А 21 января 1918 г. «Минская газета» сообщила: «Сформированный в Минске 1-й Польский революционный батальон вошел в состав Революционного полка Минского Совета. Батальон ушел из Минска вместе с полком» [24, с.813].

Рис.25. Слева направо: начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н.Духонин, командующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии П.С.Балуев, военный комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте В.П.Гобечиа. Журнал «Огонек». 1917. №37. 24 сентября (7 октября).

Вероятно, в процессе захвата власти 1-й революционный имени Минского Совета полк отличился по части насилий, а также расхищения казенного оружия и воинского имущества, что большевикам поставила на вид минская газета партии социалистов-революционеров (эсеров). В ответ минская же большевистская газета «Звезда» 4 ноября огрызалась: «Эсеровский листок ведет самую гнусную погромную агитацию против Минского Совета. Минский Совет ”награбил”, ”расхитил”, Минский Совет не отдает ”награбленных” пулеметов. Этот листок разражается бранью вроде той, которую мы слышали в приказах Корнилова и Балуева по адресу наших солдат и особенно 1-го Революционного полка Минского Совета. Вожди этой партии вводят в город ударные полки для расправы с народом и кричат, что большевики создают бойню, что большевики за гражданскую войну» [24, с.103] .

Что касается упомянутых здесь «ударных полков», а, вернее, батальонов, то 4-й и 8-й батальоны Западного фронта (о которых говорилось ранее) не пожелали разоружаться, с боем прорвались через подконтрольный большевикам Минск и ушли, потеряв половину личного состава и весь обоз 4-го батальона [100, с.39] . 6-й ударный батальон, как пишут большевики в своих документах, «разбежался», обогатив некоторым образом «ремнёвский» 1-й Революционный полк Минского Совета. Как говорится в приказе №6 большевика Калмановича, сделав-

шегося начальником минского гарнизона, от 21 ноября 1917 г.: «Вооружение и имущество, за исключением пулеметов разбежавшихся рот 6-го батальона, принятого на учет 289-м пехотным запасным полком, передать 1-му Революционному полку. <…> Оставшиеся 52 чел[овека] разбежавшегося 6-го ударного батальона, временно прикомандированные к 289-му пехотному запасному полку, отправляются на пополнение 41-го Сибирского стрелкового полка» [24, с.240]. Вместе с тем, ремнёвский 1-й революционный полк стал своеобразным поставщиком революционных кадров для Белоруссии: упоминавшийся выше бывший офицер-каторжанин из 203-го Сухумского полка 20-летний Смирнов за первый месяц большевистского господства успел поработать в минском совете, побывать комендантом станции Орша и начальником революционного штаба Оршанского гарнизона [138]

5 ноября командующий Западным фронтом генерал от инфантерии Балуев (позже он служил большевикам) разослал по частям, соединениям и подразделениям вверенного ему фронта телеграмму следующего содержания: «В Минске Комитет Спасения Революции распался. Комиссар сложил свои полномочия. Верх взял Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, образовался Военно-Революционный Комитет, который взялся держать все в порядке. Наша, начальников, в настоящее время задача должна заключаться в удержании фронта и в недопущении в войсках междоусобных и братоубийственных столкновений» [3, с.438] . Но ни конформистский тон этой телеграммы, ни то, что генерал Балуев вскоре пошел к большевикам на службу, амбициозных минских ревкомовцев не остановили. 12 ноября «группа товарищей» вошла в кабинет Балуева, объявила генерала арестованным и предложила ему «уехать в глубокий тыл». Главнокомандующим армиями Западного фронта ВРК назначил большевика подполковника В.В.Каменьщикова – но ненадолго. Через неделю, 20 ноября, съезд Западного фронта избрал «главкозопом» председателя ВРК и большевика-«пораженца» прапорщика Мясникова-Мясникьяна [102, с.62, 65, 67].

Ремнёв, судя по всему, вторую попытку большевистского переворота в Минске «пересидел» в Петрограде. И даже нашел себе там равновеликую минской должность. 8 ноября 1917 г. председатель петроградского военно-революционного комитета большевик Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (1883-1938) выписал такое удостоверение: «Дано сие командиру 1-го Революционного демократического Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов полка товарищу Ремнёву в том, что он уполномочен Военно-революционным комитетом по борьбе с контрреволюционным восстанием. Военно-революционный комитет приказывает всем учреждениям и лицам оказывать тов. Ремнёву полное содействие при исполнение им возложенных на него задач» [155, с.254-255]. Скорее всего, обозначенное в удостоверении назначение не состоялось, поскольку Ремнёв к середине ноября был уже в Минске на прежней своей должности.

Вскоре минский ремнёвский полк получил от коммунистического режима первое задание, что называется, «на выезде». В.А.Антонов-Овсеенко, которому Ремнёв формально подчинялся не только как председателю петроградского военно-революционного комитета, но и как члену совета народных комиссаров по военным и морским делам, а позже – как верховному главнокомандующему военными силами южных советских республик, вспоминал: «28-го (16-го старого стиля. - Ю.С.) ноября началось формирование специального отряда для ликвидации Ставки. Из Минска для этой цели должен был быть двинут особый полк под командой Ремнёва, сформированный из освобожденных из Минской тюрьмы большевиков. <…> С тов[арищем] Крыленко из Петрограда направлен сводный отряд под командой Сахарова (начштаба Сиверс), два эшелона Литовского полка и отряд моряков балтийцев под командой тов[арища] Павлова» [6, с.16].

Дело в том, что большевики в одностороннем порядке выходили из мировой войны. Еще 7 ноября (старого стиля) 1917 г. большевистское правительство – совет народных комиссаров

(совнарком) под председательством Ленина – предложило верховному главнокомандующему Русской Армией генерал-лейтенанту Николаю Николаевичу Духонину (1876-1917) «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях начать мирные переговоры. <…> Когда же Духонин уклонился от исполнения этого поручения, 9-го ноября была опубликована новая радиограмма Совета Народных Комиссаров, которою дело заключения мира было передано самим солдатским массам. ”Пусть полки, стоящие на позиции, выбирают тотчас уполномоченного для формального вступления в переговоры о мире с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это и о каждом шаге переговоров вы извещайте нас всеми способами”» [102, с.61]. Тогда же Ленин и его совнарком заменили на посту верховного главнокомандующего Русской Армией генерал-лейтенанта Духонина большевиком прапорщиком Николаем Васильевичем Крыленко (1885-1938), который, так же, как Ремнёв, больше времени проводил на митингах и в тюрьмах, чем на передовой. И которого, напомним, еще 11 июля «Петроградская газета» называла дезертиром. Теперь же Крыленко должен был ликвидировать располагавшуюся в Могилеве Ставку верховного главнокомандующего – мозг и организующий центр Русской Армии.

О том, что творили ремнёвцы и конвой Крыленко 20 ноября (2 декабря) 1917 г. в Могилеве вспоминала в эмиграции местная жительница, наблюдавшая эти художества собственными глазами: «В Могилев пришли большевики во главе с главнокомандующим Крыленко. Всеми почувствовалось, что период слов кончился, начался период действия. <…> На вокзале, несмотря на защиту Крыленко, толпа красноармейцев подняла на штыки генерала Духонина. Его изуродованный труп распяли в товарном вагоне, прибив руки гвоздями. В рот трупа вложили окурок и вся чернь ходила смотреть на поруганное тело ген[ерала] Духонина, плюя ему в лицо и осыпая страшными ругательствами. В таком виде нашла его и его жена, которая узнав об убийстве мужа, приехала на вокзал. После этого все вдруг, как по мановению волшебного жезла, сразу смолкло, попряталось и город, только что живший шумной жизнью, замер. Все увидели, что пришла страшная сила, сила нечеловеческая и что нельзя жить так, как жили до сих пор. Могилевцы заперлись по квартирам, закрыв ставни и опустив шторы. Даже в домах стали говорить шепотом. А разъяренные матросы и красногвардейцы из петербургских рабочих, ходили по городу, стреляя по окнам и наводя ужас и на без того уже перепуганного обывателя» [12, с.41-42] . Факт надругательства над телом генерала Духонина подтверждает и участвовавший в похоронах страдальца глава Чешского национального комитета Томаш Масарик (1850-1937), с 1918 г. – президент Чехословакии: «Тело убитого было варварски предано в течение нескольких дней поруганию на могилевском вокзале; наконец разрешили перевезти его в Киев для погребения. Мы сошлись на похороны, но они были запрещены; только после дальнейших упорных просьб и требований всех присутствовавших разрешили похоронить ночью» [117, с.188].

На ближайшие месяцы описанное выше поведение станет «фирменным» отличием людей Ремнёва. Более того, вероятно, именно в рядах ремнёвской группировки родилось знаменитое революционное выражение «отправить в штаб Духонина», то есть убить. Как писал в стихотворении «Терминология» (1921) русский поэт Максимилиан Александрович Волошин: «”Брали на мушку”, ”ставили к стенке”, / ”Списывали в расход” – / Так изменялись из года в год / Речи и быта оттенки. / ”Хлопнуть”, ”угробить”, ”отправить на шлёпку”, / ”К Духонину в штаб”, ”разменять” – / Проще и хлеще нельзя передать / Нашу кровавую трёпку» [38, с.344] . Ниже мы увидим, как несколько мемуаристов из разных политических лагерей связывают выражение «отправить в штаб Духонина» именно с ремнёвцами.

Большевики в Минске устроили прибывшему из «могилевской командировки» ремнёвскому полку торжественную встречу, к которой даже подготовили для полка красное революционное знамя. При этом минские газеты почему-то дважды сообщили о митинге и вручении

ремнёвцам знамени – под 19 и 25 ноября 1917 г. [24, с.230, 300-301] Вот как, например, описывает это мероприятие минская коммунистическая газета «Звезда» от 26 ноября 1917 г.: «Вчера состоялась грандиозная манифестация солдат, рабочих и крестьян в ознаменование первых крупных успехов в борьбе за мир, в ознаменование успеха власти народных комиссаров. <…> Бросается в глаза отличие от весенних манифестаций. Нет той буржуазной публики, которая тогда теснилась по тротуарам, не видно генеральских погон. Всё солдаты, рабочие, крестьяне, молодежь… Это — манифестация победившего пролетариата и крестьянства. На площади манифестантов встречает приветствием главнокомандующий армиями Западного фронта тов[арищ] А.Ф.Мясников. Он подчеркивает те задачи, которые стоят перед нами в борьбе не с солдатами чужих стран, а с буржуазией своей страны, и провозглашает здравие власти Советов и Совету Народных Комиссаров. От Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, первого поднявшего знамя восстания на Западном фронте, и от Военно-революционного комитета манифестантов приветствует тов[арищ] К.И.Ландер, от Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губ[ерний] — тов[арищ] Н.И.Кривошеин. Тов[арищ] К.И.Ландер поднимает высоко знамя с надписью «1-му Революционному полку имени Минского Совета» и, очерчивая те обстоятельства, при которых ныне свободные солдаты этого полка попали в минские тюрьмы, указывает ту громадную роль, которую этот полк сыграл в революционном движении, и на ту тесную связь, которая установилась между полком и Советом. Окончив свою речь, тов[арищ] Ландер под звуки ”Марсельезы” вручает знамя представителям полка. После приветствий манифестанты двигаются по Губернаторской, Захарьевской ул[ице] к Минскому Совету рабочих и солдатских депутатов, мимо которого проходят с пением и возгласами здравия власти Советов. В первом ряду делегаты фронтового съезда, воинские части, вооруженные и невооруженные, броневые автомобили, профессиональные союзы, крестьяне на грузовиках... Это длинный ряд знамен с надписями: ”Долой мировую бойню!”, ”Да здравствует Интернационал!”, ”Да здравствует Совет Народных Комиссаров!”, ”Да здравствует власть Советов!”» [24, с.300-301] . Из сообщения видно, что знакомые нам минские ревкомовцы по части должностей себя не обидели…

Долг, как говорится, платежом красен – и ремнёвцы решили отблагодарить большевистские власти Минска за врученное с такой помпой знамя. 19 декабря 1917 г. минская газета «Советская правда» сообщила: «В воскресенье вечером к зданию Обл[астного] исп[олнительного] к[омите]та раб[очих], сол[датских] и крест[ьянских] деп[утатов] подошел в полном боевом порядке 1-й Революционный полк имени Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, со своим оркестром, во главе с командиром тов[арищем] Демкевым (Ремнёвым, надо полагать. Здесь либо опечатка, либо неверное прочтение рукописного первоисточника газетной заметки. – Ю.С.). Полк был встречен президиумом Совета Народных Комиссаров, после чего полк разместился в Большом зале Совета, где выступили с речами на темы текущего момента — т[оварищи] Ландер, Алибегов, Краснов, Кривошеин. После скромного боевого парада, устроенного в зале, и обмена мнениями полк единогласно постановил избрать в свои ряды т[оварищей] Ландера, Краснова, Алибегова и Кривошеина, которые изъявили на это свое согласие, и приказом главкозапа внесены в списки полка» [24, с.588-589] .

Вероятно, большевистскому главкому Крыленко понравилось, как 1-й революционный имени Минского Совета полк исполнил полицейско-карательные функции в Могилеве. И вскоре (4 января 1918 г.) Крыленко приказал ремнёвцам арестовать Верховный польский военный комитет (Начполь), организацию, занимавшуюся формированием национальных польских воинских частей в составе Русской Армии. Но полякам удалось из-под стражи сбежать в Дукору, где находился штаб 1-го Польского корпуса. В корпусе расценили действия Крыленко как акт агрессии – и развернули против большевиков наступление [227, с.65-67] , к которому вскоре присоединились и немцы.

В это же время, с 15 ноября 1917 г. и до начала 1918 г., свершался акт, задуманный как финал февральского государственного переворота 1917 г. – выборы в Учредительное собрание. Это представительское учреждение, созданное на основе всеобщего избирательного права, должно было установить форму правления в России и выработать конституцию страны. В течение года идею Учредительного собрания несколько раз подвергали сомнению: во-первых, глава Временного правительства Александр Федорович Керенский (1881-1970) еще 1 сентября 1917 г. единолично, не дожидаясь решений Учредительного собрания, разобрался с формой правления в стране и провозгласил Россию республикой [190]. Во-вторых, большевики со второй попытки утвердили в качестве основного вида представительской власти в России систему советов разных уровней, а в качестве исполнительной власти – исполнительные комитеты и совет народных комиссаров. Вероятно, у большевиков были планы придать этим своим новообразованиям вид легитимности через решения лояльного Учредительного собрания. Выборы в это собрание особенно демократичными не назовешь, поскольку в них приняли участие 36 257 960 человек, что составило примерно 19,9% от населения всей Российской Империи (182 182 600 человек на 1 января 1915 г.) и примерно 27,5% от населения Европейской России (131 796 800 человек на 1 января 1915 г.) [194, с.107; 191, с.81]. Кроме того, предвыборную агитацию фактически вели только так называемые «революционные» партии, что значительно сужало представительский потенциал Учредительного собрания.

О мнении на сей счет Ремнёва, дважды участвовавшего в попытках силового насаждения советов и отсидевшего за это около трех месяцев в тюрьме, догадаться несложно. Кроме того, это мнение было отчетливо выражено в двух резолюциях митингов ремнёвского революционного полка. Эти резолюции, с одной стороны, дают наглядное представление о культурном уровне, кругозоре, ораторских приемах Ремнёва, с другой – демонстрируют, каким образом Ремнёв и его большевистские кураторы манипулировали настроениями вооруженной толпы. Наконец, эти резолюции поражают исключительно кровожадной фразеологией. И как доказал уже опыт «могилевской командировки» ремнёвцев, а вскоре несоизмеримо ярче продемонстрируют украинские художества этой публики, никто из них такую фразеологию пустой метафорой не считал. Скорее, это было мрачное обещание, которое собирались выполнить, имели все возможности сделать это – и, увы, совершили в полной мере.

Итак, 11 декабря 1917 г., когда итоги выборов в Учредительное собрание еще не были ясны, а распоряжавшиеся избирательным процессом большевики имели все основания надеяться на собственный успех, ремнёвцы устроили митинг, на котором приняли резолюцию как будто в поддержку Учредительного собрания. Одновременно ремнёвцы объяснили, для чего им Учредительное собрание, собственно, понадобилось, и кого они не хотят в стенах этого собрания видеть: «Мы, солдаты 1-го Революционного имени Минского Совета рабочих и солдатских депутатов полка, за Учредительное собрание, в котором не будет кадетов, не будет правых эсеров, соглашателей и Калединых. Обсудив текущий момент по политическому вопросу, твердо и определенно высказываем свой взгляд, что мы единодушно стоим на страже Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с которыми мы шли рука об руку с первых дней революции и, стоя на определенной платформе, мы были решительны и смелы, не страшась пошли в тюрьмы с определенной политической физиономией и с твердой верой, что наша идея – диктатура пролетариата – есть бессмертный василек, который растет под снегом. Достигнув той цели, которую мы не затаивали даже сидя в тюрьмах, приготовленных Керенским и К°, мы властно говорим: весь полк, как один солдат, стоит на страже Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и народных комиссаров, которые выражают волю народа, стоят во главе борцов нашей свободной страны, и мы только верим в их творческие силы, в борьбу за интересы пролетариата и за создание новой демократической страны. Кто же, как не Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и избранные из их среды

народные комиссары дадут и землю, и хлеб, и волю, и все добытое нашей кровью. Наш лозунг: война до победного конца над буржуазией всего мира! Посягательства на наши заветные мечты, на наше человеческое право мы отстоим своими жертвами, если нас на то пошлют Советы; в них, нами избранных, доподлинные голоса народной свободной страны. Председатель Ремнёв. Товарищ председателя Добишев. Секретарь Марков» [24, с.494-495]. Да уж, прямо мещанский романс в устах сентиментального убийцы – чего стоит «диктатура пролетариата» как «бессмертный василек, который растет под снегом»… А если серьезно, то, да, «мы за Учредительное собрание», но без правых эсеров и Каледина, однако еще больше мы за советы и войну «до победного конца над буржуазией всего мира» (а место в буржуйском списке было тогда, как известно, вакантно для любого человека).

Дальнейшие события с Учредительным собранием развивались таким образом, что большевики оказались здесь в меньшинстве. Больше всего голосов получило центристское подразделение партии социалистов-революционеров (эсеров). За них проголосовало 16 509 756 человек, что составило примерно 45,5% от числа голосовавших, примерно 9% от числа всех жителей Российской Империи, примерно 12,5% от числа жителей Европейской России. Кроме того, еще 4 389 568 голосов были поданы за прочие эсеровские фракции (украинских, мусульманских, чувашских, бурятских, правых и левых эсеров) в совокупности, что равнялось примерно 12% от числа голосовавших, примерно 2,4% от числа всех жителей Империи, примерно 3,33% от числа жителей Европейской России. Самой крупной группой из этих последних стали занявшие третье место на выборах в Учредительное собрание украинские эсеры с 3 433 574 голосами, самой мелкой – тогдашние союзники большевиков левые эсеры с 25 814 голосами. Сами большевики заняли формально второе место: за них отдали голоса 9 023 963 человека, то есть примерно 24,8% от числа голосовавших, примерно 4,95% от числа всех жителей Империи, примерно 6,84% от числа жителей Европейской России [194, с.107]. Но если учесть голоса, полученные прочими партиями, явно не поддерживавшими большевиков, этот результат означал оглушительный провал.

И большевики стали действовать в своей привычной манере. 5 января 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде на первое заседание Учредительного собрания явилось 410 депутатов из 715 избранных. Большевики предъявили собравшимся депутатам ультиматум с требованием признать законность всех, принятых на тот момент большевистским режимом декретов. Учредительное собрание отказалось это сделать, и было разогнано в 5-м часу утра 6 января. Вскоре состоялся пробольшевистский 3-й съезд советов (от имени 2-го такого съезда большевики захватили власть 25 октября 1917 г.), закрепивший своими резолюциями случившееся. Ремнёвцы 16 января 1918 г., находясь уже на подходе к Киеву (о чем ниже), устроили митинг, на котором приняли приветствие этому самому 3-му съезду советов и всячески обругали то самое Учредительное собрание, которое, вроде бы, приветствовали месяц назад: «Мы, солдаты 1-го Революционного полка, шлем свой горячий привет III съезду Советов, как руководящему законодательному органу Российской Республики. Товарищи, мы вполне уверены в том, что вы только одни способны дать освобождение всем трудящимся народам всех национальностей. Надеемся, что только вы восстановите в правах угнетенный, истерзанный 3-летней войной, задохнувшийся от крови и голода, исстрадавшийся народ. Надеемся, что продовольственная разруха может разрешиться только вами, товарищи, мы никогда не имели надежд на то Учредительное собрание, которое собиралось 5 января, ибо мы знали, что большая часть его состава была из наших врагов — кадетов и буржуазии, от которых нам нельзя было ожидать освобождения» [24, с.786] . Последнее было очевидной и наглой ложью: во-первых, выше мы видели, кем было большинство депутатов Учредительного собрания. Во-вторых, кадеты – сокращение от «конституционно-демократической партии», которая сама себя именовала «партией народной свободы» – получили на выборах в Учредительное собра-

ние 1 856 639 голосов, что составило примерно 5,12% от числа голосовавших, примерно 1% от числа всех жителей Российской Империи, примерно 1,4% от числа жителей Европейской России. С такими результатами определенно погоды сделать в революционном парламенте было невозможно. Правые же эсеры, о нежелании видеть которых в Учредительном собрании заявляли ремнёвцы 11 декабря 1917 г., набрали и того меньше – 113 958 голосов [194, с.107] … Подобными процитированным заявлениями большевики прикрывали свое желание доминировать именно в революционном лагере и подавлять инакомыслие среди коллег по мятежу, присвоить своей партии все революционные заслуги и полномочия. Та же цель, как мы увидим вскоре, двинула красные войска на Украину, которой управляло социал-демократическое, но не большевистское правительство...

Продолжим, однако, цитировать приветствие ремнёвского революционного полка 3-му съезду советов – там есть и другие интересные места. С ремнёвцами происходит прямо припадок восторга от того, что Учредительное собрание разогнано: «Мы с величайшим энтузиазмом встретили эту радостную весть, что нет того собрания, о котором так долго выла буржуазия, и что у власти стал наш высший пролетарский орган — Советы, за которые мы долгое время (максимум три месяца. – Ю.С.) сидели в минских тюрьмах еще при Керенском, настаивая на том, чтобы вся государственная власть принадлежала только им, как истинно демократическим организациям. Товарищи, те долгожданные наши мечты сбылись, от души приветствуем вас и даем торжественную клятву, что мы, 1-й Революционный полк, сорганизовавшийся за решетками минских тюрем, умрем, защищая вас, мы своей грудью отстоим нашу пролетарскую власть, которая воздвигалась на горах наших трупов и морях нашей пролетарской крови. Вся буржуазия бьет тревогу, поднимая темные слои населения против Советов. Но, товарищи, ее преступные замыслы мы будем по вашему первому требованию пресекать в корне. Разжигая классовые антагонизмы, она с пеной у рта бросается на русскую революцию, желая задушить ее, насилуя отдельных лиц, которые попадают в ее руки; рубит каждого нашего раненого, попавшего в ее плен. Товарищи, она первая применила белый террор, она ополчилась, желая растерзать Советы» [24, с.786] . В оригинале документа получилась, что называется, «оговорка по Фрейду», а именно употреблено выражение «красный террор» вместо «белого». Также здесь налицо обычный для коммунистической (да и посткоммунистической) пропаганды в России способ разжигания воинской ярости – рассказ о подлинных или мнимых злодеяниях противника.

И вот в финале этого пафосного словоблудия следует вполне конкретное обещание: «Мы применим к нашим классовым врагам такой красный террор, какого еще не видал мир, мы беспощадно будем убивать каждого, кто посягнет на наши права и на нашу Советскую власть. Мы зальем своей и буржуазной кровью всю землю, но не допустим торжества врагов измученного угнетенного трудового народа» [24, с.786-787] . И как раз, чтобы выполнить эти обещания ремнёвцы на Украину ехали.

Кажется, минский совет был рад избавиться от 1-го революционного полка имени себя. Вот что телеграфировал командующий Минским военным округом верховному командованию 7 января 1918 г.: «Проходящие эшелоны и солдаты местного гарнизона разгромили винный склад, с огромным трудом местному Совдепу удается удержать от окончательного погрома и массовых избиений при защите склада и водворении порядка. Есть убитые и раненые с той и другой стороны, опасность огромная, город объявлен на военном положении. На станции беспорядки. Шлите помощь» [3, с.478]. А ведь основой столь буйного минского гарнизона 1-й революционный полк и был. Помощь Минску, видимо, не прислали, но ремнёвцев перенаправили заниматься тем же самым, во вкус чего они стали входить, на сопредельную территорию...

Рис.26. Московско-Киево-Воронежская железная дорога. Открытка начала XX века.

7. КРАСНЫЕ ЛАНДСКНЕХТЫ

После большевистского переворота власть новых хозяев Петрограда и Москвы не признал ряд территорий, прежде состоявших в подданстве Русских Государей. Так, атаман Всевеликого войска Донского генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледúн (1861-1918) объявил захват власти большевиками преступным актом и впредь до установления в России законной власти брал на себя и Войсковое правительство все обязанности управления в Донской области. Кубанские казаки также не признали большевиков. Те в свою очередь стали перебрасывать для усмирения непокорных казачьих областей вооруженные отряды. Однако в этом мероприятии возникло для коммунистов серьезное препятствие.

На Украине, в Киеве, в марте 1917 г. была создана своеобразная общественно- политическая организация – Украинская Центральная Рада. По-русски Рада означает Совет, и через систему подобных советов, параллельную Временному правительству, большевики пришли к власти. Рада состояла из представителей разного рода социалистических партий, первую скрипку в ней играли члены Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). Формально эти политики мало чем отличались от большевиков, являвшихся частью Российской социал-демократической рабочей партии. Во главе Рады стоял известный историк и общественный деятель Михаил Сергеевич Грушевский (1866-1934). После большевистского переворота в Петрограде Центральная Рада провозгласила на территории восьми губерний (Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской и Таврической) Украинскую народную республику (УНР). Главой исполнительной власти (генерального секретариата) УНР стал лидер УСДРП писатель Владимир Кириллович Винниченко (1880-1951), секретарем (министром) военных дел Украины – еще один руководитель УСДРП Симон Васильевич Петлюра (1879-1926).

Захвативший Ставку Верховного главнокомандующего прапорщик Крыленко потребовал, чтобы власти УНР в военном отношении исполняли его, Крыленко, распоряжения, задерживали на Украине казачьи части, двигавшиеся с фронта на Дон и Кубань, а также пропустили по украинским железным дорогам большевистские войска туда же, на Кубань и Дон. Украинцы отказались все это исполнить. Тогда большевики попытались организовать в конце ноября 1917 г. на Украине военный переворот, который провалился. В декабре Ленин дважды направлял Центральной Раде ультиматумы, в которых грозил Украине войной за неисполнение большевистских требований. Рада в ответ требовала признать ее как законное правительство, не вмешиваться во внутренние дела Украины и т.п. Большевики попытались еще раз захватить на Украине власть, используя союзных себе депутатов Всеукраинского съезда советов. Но сторонники Рады получили на этом съезде большинство, а делегатам-коммунистам пришлось удирать в Харьков.

Здесь, под защитой прибывших из России большевистских войск, 12-13 декабря 1917 г. бежавшие из Киева украинские большевики вместе с представителями съезда советов Донецкого и Криворожского угольных бассейнов сформировали правительство «советской Украины», тут же признанное ленинским советом народных комиссаров. И тогда же под командованием Антонова-Овсеенко бывший русский подполковник Михаил Артемьевич Муравьёв (1880 – 1918), протеже главы большевистского правительства (Всероссийского центрального исполнительного комитета, ВЦИК) Якова Михайловича Свердлова (1885 – 1919), начал формировать армию для захвата Украины [61, с.14; 192, с.18, 23] . 4 января 1918 г. правительство «советской Украины» объявило войну Центральной Раде и красная армия Муравьёва двинулась на Киев [192, с.31] . Ремнёв с конца декабря 1917 г. был, по его собственным словам, назначен в семитысячном войске Муравьёва командиром дивизии [72] .

Как все обстояло на самом деле, видно из данных 13 мая 1918 г. в Москве следственной комиссии по делу главкома М.А.Муравьёва показаний первого командующего 2-й революци-

онной армии Рейнгольда Иосифовича Берзина (1888 – 1938), такого же, как Ремнёв, бывшего прапорщика-большевика, произведенного из нижних чинов [202, стб.379] : «Первый раз видел Муравьёва 15 или 16 января (нового стиля, то есть 2 или 3 января старого, за день до объявления красными войны национальной УНР от имени советской УНР. – Ю.С.) [1918 г.] в Бахмаче. До этого я был начальником 1-го Минского революционного отряда, [который действовал] по линии Гомель – Бахмач, и был назначен таковым полевым штабом Ставки. Согласно телеграммы Антонова[-Овсеенко] из Харькова, весь Минский отряд был подчинен Муравьёву, считавшемуся тогда командующим юго-вост[очным] фронтом. В отряде моем было около 4 тысяч человек: 12-й Туркестанский, Новоладожский, Новокиевский, 60-й стрелковый Сибирский полки, блиндажированный (бронированный. – Ю.С.) поезд имени т[оварища] Ленина, 75-й автомобильный санитарный отряд в 20 машин, а также отряд балтийских моряков под командой мичмана Яковлева в 250 человек. Из них остались в резерве (не поехали в Киев, а остались в Гомеле) Пошехонский и 60-й Сибирский полки, 175-й санитарный поезд, 75-й санитарный транспорт, 6-я и 4-я батареи 27-й артиллерийской бригады. [Позднее] в Киев отправились 6-я батарея вместе с взводом 3-го артиллерийского дивизиона <...> и еще отряд Ремнёва в 250 человек и пулеметная команда Социалистической гвардии имени Минского совета, присланная т[оварищем] Мясниковым. Все эти войска были присланы мне полевым штабом Ставки. Красногвардейцев в моей армии не было. <…> Муравьёв предложил мне сдать отряд в полное его распоряжение. Я сказал, что имею определенные директивы Ставки взять Киев и [потому] расформировывать технически оборудованный отряд не имею права. Предложил ему согласовать со мною свои действия, дать определенные наставления всему отряду. Муравьёв тотчас же согласился, переименовав отряд во Вторую армию, и назначил меня командующим ее. Направление армии было определено Бахмач – Нежин – Киев. В тот же день М[уравьёв] отдал распоряжение отозвать [с этой линии] отряды Первой армии Егорова, ведшие бой под Крутами, и я со своей армией занял указанную линию. Затем 19 или 20 (6 или 7 старого стиля. – Ю.С.) янв[аря] (точно не помню) мы стали двигаться к Киеву, все время исправляя мосты, взорванные Петлюрой. Муравьёв остался помочь и обещал организовать снабжение снарядами и продуктами. Он снабжал меня деньгами, дал 180 тысяч для выдачи жалования солдатам» [61, с.154-156] .

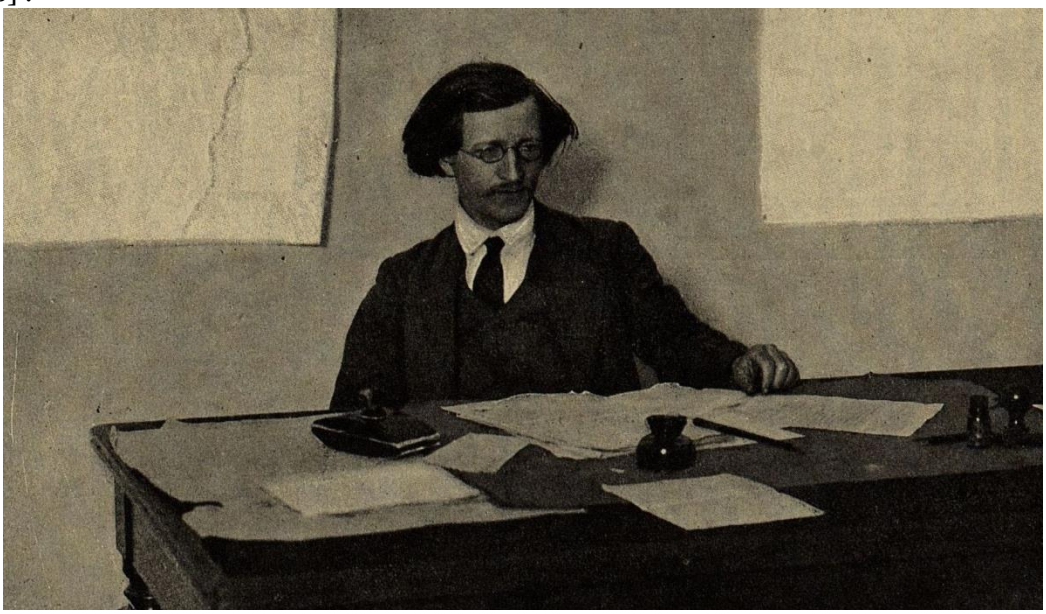


Рис.27. В.А.Антонов-Овсеенко. Из книги: Троцкий Л. Сочинения. Серия I. Историческое подготовление Октября. Т. III. 1917. Ч. 2. От Октября до Бреста. М., [1925].

Рис.28. М.А.Муравьёв в парадной форме (образца 1907 г.) штабс-капитана Казанского военного училища. Из книги: Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.2. М.-Л., 1928.

Рис.29. Р.И.Берзин, предшественник А.И.Ремнёва на посту командующего 2-й революционной армией. Фото 1918 г.

Рис.30. Красногвардейцы 1917-18 гг.
Из книги: Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.1. М., 1924.

Из показаний Берзина видно, что его 2-я революционная армия состояла из «недорасформированных» частей Русской Армии. В отличие от 1-й революционной армии Павла Семеновича Егорова, состоявшей из красногвардейцев – то есть прокоммунистически настроенных боевиков-добровольцев. Основой 1-й армии стал 1-й (конечно же) Московский отряд красной гвардии, к которому, по воспоминаниям его комиссара Ефима Исааковича Лапидуса, «примкнули другие отряды в количестве до 25 – Харьковские, Донецкие, Екатеринославские и др.» [61, с.129-130]. Находившийся в одном поезде с главкомом Муравьёвым в качестве политического комиссара от прокоммунистического правительства (народного секретариата), созданного для Украины большевиками, адвокат и один из «народных секретарей» Георгий Федорович Лапчинский (1887-1937) так охарактеризовал на допросе 10 мая 1918 г. состав и принцип формирования муравьёвских войск: «Отрядов своих он (Муравьёв) не имел, оперировал готовыми. Набирались отряды начальниками, кто назначал последних – не знаю. Начальники отрядов в политическом отношении были совершенно неграмотны. Отряды состояли из рабочих – в том числе и Петрограда, регуляр-

ных солдат, уходивших с фронта, и красногвардейцев. У Муравьёва было три армии, примерно 4-5 тыс[яч] чел[овек]» [61, с.116].

Основным мотивом для службы во 2-й революционной армии для военных была, прежде всего, материальная заинтересованность: в день им платили 7 рублей 50 копеек «на всем готовом» [61, с.195, 248, 253] . Здесь стоит особо подчеркнуть, что все эти первые красноармейцы домобилизационного периода существования Красной армии были в буквальном смысле слова наемниками. Соответственно, перебои с выплатой жалования и недостаток продуктов эта публика компенсировала грабежами, что мы увидим в дальнейшем неоднократно. Стимулировать красных вояк также можно было либо денежными премиями, либо позволением грабежей. То и другое активно использовал Муравьёв. Берзин в мае 1918 г. рассказывал, что за взятие Киева «М[уравьев] выдал… всем солдатам Второй армии наградных по 300 рублей каждому, так как не были выяснены новые оклады солдатам. А антоновские красногвардейцы получили по 100 рублей» [61, с.161-162] . Сопровождавший Муравьёва политкомиссар Лапчинский сообщал в показаниях, что по дороге Муравьёв «говорил о том, что Киев отдаст на разграбление своим солдатам», а также «предполагал взять с Киева контрибуцию и выдать солдатам рублей по сто» [61, с.118, 119] . При этом раненным Муравьёв выплачивал по 500 рублей, а семьям убитых – по 1000. Командный состав должен был в подобных случаях, по мнению Муравьёва, получать значительно больше. Как свидетельствовал комиссар 1-го Московского красногвардейского отряда и член политического отдела 1-й революционной армии Лапидус, Муравьёв заявлял: «Всех энергичных работников я хочу награждать деньгами, чтобы обеспечить их семейства» [61, с.136, 50] . Вообще же, по собственным показаниям Муравьёва, за все время пребывания на Украине большевики выдали ему на содержание войск 5-6 миллионов рублей [61, с.19-21] . Это отношение к деньгам как источнику и результату войны Ремнёв у Муравьёва вполне перенял, денежные отношения главкома с командармом продляться, как мы увидим далее, буквально до последнего дня пребывания Ремнёва на воле в 1918 г.

Рис.31. Китайские наемники из армии М.А.Муравьёва, взятые в плен под Одессой австро-венгерскими военными. Фото из журнала «Welt im Bild» (Hamburg. 1918. 24 April. P.6).

Стоит ли удивляться при этом, что треть муравьёвских войск состояла из иностранных наемников, получивших в советской литературе громкое имя «воинов-интернационалистов»? По подсчетам современного луганского историка Н.М.Карпенко из 5,5 тысяч штурмовавших 23-26 января 1918 г. Киев красногвардейцев Муравьёва «иностранный компонент включал: более 1000 китайцев, группировавшихся до начала похода М. Муравьева на Киев в районе Бахмача, более 50 бывших военнопленных немцев и более 70 военнопленных австрийцев из

отряда Д. Жлобы, а также китайцев, чехов, словаков Алмазных и Прохоровских рудников, свыше 70 китайцев Московского красногвардейского отряда, более 100 латышей из Харькова (рабочие электрокомпании) и свыше 40 интернационалистов из 1-го Полтавского полка, более 50 китайцев Кондратьевского рудника, роту китайцев Гатчинского отряда, около 200 чехов из чехословацкого коммунистического отряда» [95а, с.79-80]. Всего более 2 тысяч штыков.

Любопытно, что после взятия его армиями Киева в январе-феврале 1918 г. Муравьёв с помощью Ремнёва предпринял попытку навербовать в расположенном там лагере военнопленных тысячу немцев, с подчинением персонально себе [61, с.195, 248, 249, 253-254]. Кроме того, в Киеве были завербованы в муравьёвские отряды около 218 чехов и словаков, также из числа плененных русскими чинов австро-венгерской армии, изъявивших желание воевать за независимую Чехословакию и вступивших в сформированный русскими же Чехословацкий корпус. Но, как вспоминает очевидец, из числа этих последних «на другой день уже некоторые вернулись, так как скоро могли убедиться в недостатках красной армии» [117, с.197]. Тем не менее, когда в конце февраля 1918 г. в город Глухов явилась направленная Ремнёвым карательная экспедиция (о чем позже), в ее составе, по словам очевидца, были «два полка пехоты, в которых было много венгров и хорватов (военнопленных)» [14, с.165], также ранее служивших в австро-венгерской армии. Как видим, в армиях у Муравьёва и Ремнёва находились наемники-ландскнехты в буквальном смысле слова.

Муравьёв, как ни странно, если верить свидетельствам его оппонентов из большевистского лагеря, при такой увлеченности денежным вопросом заметно отдавал преимущество красногвардейцам из армии Егорова и не жаловал солдат-наемников Берзина. Тот же Лапчинский рассказывал, что Муравьёв «постоянно… не был уверен в том, что регулярные войска Берзина вступят в бой: “Красногвардейцы-то пойдут, ну а берзинские малонадежны”. <…> …не доверял он Берзину, заявляя, что в гражданской войне нужны не регулярные войска, из которых состоит армия Берзина, а только красногвардейцы, рабочие» [61, с.119, 120]. Эта нелюбовь к солдатам-наемникам сказывалась и на различии в снабжении их по сравнению с красногвардейцами, и, позже, в назначении солдат на самые опасные боевые участки. Секретарь армейского комитета подчиненной Муравьёву 1-й революционной армии Люсиль Цвангер еще в марте 1918 г. жаловалась в Москву: «Факты натравливания солдат на красногвардейцев, Первой [революционной] армии на Вторую [революционную армию] стали обычной вещью и мне, работавшей как с солдатами, так и с красногвардейцами в обеих армиях, приходилось видеть большое озлобление. Первая армия обута, одета и восхваляется Муравьёвым, Вторая наоборот. Слышатся протесты. Отдельные отряды, обиженные, уходят. Некоторые отряды работают через меру, другие только грабежом занимаются» [61, с.49].

Однако не стоит обольщаться и на предмет особой любви Муравьёва к 1-й революционной армии Егорова. При штурме Киева в январе 1918 г. «большевицкий генералиссимус» адресовал Егорову такой приказ: «Если же солдаты 11-го (Сибирского стрелкового. – Ю.С.) полка, будут действовать трусливо, то скажите Стеценко, чтобы он подогнал их сзади шрапнелью. Не стесняйтесь, пусть артиллерия негодяев и трусов не щадит» [6, с.152].

Вместе с тем, сам Муравьёв на допросе, проведенном в Москве 5-7 июня 1918 г., так отзывался о подчиненных ему соединениях: «Вторая революционная армия Берзина, хотя была и лучше технически оборудована, но уже поддалась разложению на фронте. В самой армии было мало понимания задач революции, она отличалась революционной фразеологией. Во Второй армии также были прекрасные работники – например Берзин, Фейерабенд, Павлов, Ремнёв. Особенно Берзин произвел на меня впечатление крупного, серьезного работника, знающего и дельного революционера. <…> Я хотел возложить несение караульной службы [в Киеве] на Первую армию, но она была ужасно уставшей. Таким образом, пришлось поручить охрану порядка Второй армии» [61, с.290-291] .

Рис.32, 33, 34. Красногвардейцы-партизаны 1918 г.

Что касается положения Ремнёва во 2-й революционной армии, то, по словам Берзина, Афанасий Иосифович при подходе красных к Киеву продолжал командовать своим 1-м революционным полком имени Минского Совета. Численность полка, как мы видели выше, не превышала уже 250 штыков [61, с.157, 155] . Тем не менее, минское большевистское начальство, именовавшее себя аббревиатурой «облискомзап» (областной исполнительный комитет Западной области), в отчете председателю совнаркома (совета народных комиссаров) РСФСР Ленину о событиях января-февраля 1918 г. отмечало: «Гордость Минского Совета, 1-й Революционный полк, сформированный в Октябрьские дни из ”политических” арестованных Керенским, участвовал в это время в штурме и взятии Киева…» [24,

с.936] Таким образом, насчет командования дивизией в декабре 1917 г. Ремнёв в 1919 г. солгал.

8. КИЕВСКАЯ РЕЗНЯ. Январь – февраль 1918 года

16 января старого стиля 1918 г. главная большевистская газета «Правда» опубликовала подписанное Берзиным сообщение: «1-ым Минским Революционным отрядом в Бахмачском направлении заняты ста[нция] Бондаревка и все окружающие деревни. Советские войска все украинские жители встречают как избавителей и спасителей от украинских юнкеров, белых офицеров, украинских куреней смерти. Все дают хлеб, фураж для лошадей, сами указывают дорогу, производя разведку; организуют боевые крестьянские дружины, которые борются вместе с революционными войсками. Во всех крупных пунктах организованы добровольческие активные революционные отряды и Красная гвардия. Из Бахмача и Чернигова бегут украинские части. Наша боевая разведка и авангарды – в 12 верстах от Чернигова. В городе среди буржуазии переполох. Рабочие ожидают появления революционных советских войск. На Бахмач двигаются значительные силы войск с легкой и тяжелой артиллерией, блиндированным поездом, броневыми машинами, кавалерия, моряки, красногвардейцы и пехота. Железнодорожное служение и телеграфисты – на высоте своего долга и оказывают полное содействие» [24, с.787-788] .

Что произошло в Чернигове после прихода 1-го Минского революционного отряда вспоминала в 1924 г. одна местная жительница: «В январе [19]18-го года они пришли. Это были фронтовые большевики – кучка солдат и несколько комиссаров. Вошли они без эксцессов, никого не грабили. Комиссары развернули свою деятельность при помощи местных сил. Они были очень вежливы, мирно беседовали с помещиками, приезжавшими выяснить свое положение. Говорили, что они сами бывшие помещики, сочувствовали. А дело делалось. На улице был убит гимназист Л. Родные пришли к властям, те отрекаются – знать не знаем. А на гвозде висит шапка убитого. Похороны были грандиозные. Весь город демонстративно пошел проводить тело первой жертвы большевиков. Власти не препятствовали. Так же исподтишка было убито несколько студентов. Убит был мой ученик, повздоривший с ними из-за пустяков на улице. Его на другой день затащили во двор комиссариата и там прикончили. Никто не понимал, чем вызваны эти убийства. В городе боялись выходить на улицу» [230, с.59]. Та же мемуаристка объяснила и подоплеку того, почему столь радушно, как рассказывал Берзин, встречали красных местные крестьяне: вскоре после прихода большевиков в Чернигов под городом был «разграблен завод помещика М. Крестьяне со всего округа пришли со своей посудой громить завод. Пили без конца. Когда пить было нечего, пили из луж, напоенных спиртом. Все окрестные дороги были устланы телами. Многие из них опились до смерти. Между ними были и дети» [230, с.59].

17 января 1918 г. красные начали обстрел Киева. Интересная деталь: если в позднейшей советской и современной украинской литературе взятие красными Киева приписывается исключительно Муравьёву, то в воспоминаниях русских, переживших эти дни в украинской столице, командующим красными войсками в Киеве называется именно Ремнёв. Так, например, географ и антрополог Николай Михайлович Могилянский (1871-1933), 17 января 1918 г. приехавший в Киев из Петрограда, вспоминал через 5 лет: «17(30) января, на склоне туманного, зимнего, короткого дня мы подъезжали к Киеву, причем поезд поминутно останавливался, так как станция Киев не была свободна. При каждой остановке отчетливо слышны были звуки редкой канонады. <…> Это были первые выстрелы по Киеву армии большевиков, под командой Ремнёва» [122, с.74, 85]. Бывший товарищ (заместитель) обер-прокурора Святейшего Синода и коренной киевлянин князь Николай Давидович Жевахов (1880-1946) в 1928 г. также вспоминал, что Киев брали «большевические банды Муравьёва и Ремнёва» [79, с.36, 102]. Платон Львович Стефанович (1904-1974), подростком переживший в Киеве господство Мура-

вьёва и Ремнёва, вспоминал в 1967 г.: «Сформированный 2 января в Харькове – Народный Секретариат Украинской Рабоче-Крестьянской Республики назначил Командующим восточным фронтом [под]полк[овника] Муравьёва, в состав его входили две армии под командой Ремнёва и Берзина, с приказанием наступать на Киев. Последовательно были заняты, главным образом из-за предательства целого ряда частей, гарнизоны Староконстантинова, Ровно, Лозовой, Бахмача, Екатеринослава и Одессы. Кольцо вокруг Киева все более и более сужалось. <…> С 15 по 26 января развивалось генеральное сражение за власть. <…> 26-го января стрельба окончилась. Уход украинцев не вызвал особого сожаления оставшегося населения, но никто не мог предполагать, что настоящий кошмар только начинается» [210, с.15, 16] . Наконец, еще один киевлянин, знаменитый писатель, журналист и политический деятель Василий Витальевич Шульгин (1878-1976) в 1970 г. вспоминал, как в январе 1918 г. его, арестованного, привезли в штаб Муравьёва в киевском Мариинском дворце, где Шульгин попал в распоряжение Ремнёва. Причем Шульгин называет Ремнёва командиром корпуса в подчинении Муравьёва [234, с.181-182, 185].

Подобные свидетельства можно встретить и в ранних советских мемуарах. Так, например, большевик Владимир Петрович Затонский (1888-1938), занимавший в сформированном в Харькове для Украины советском правительстве должность народного секретаря (наркома) просвещения, вспоминал, что у большевиков на Украине в начале 1918 г. «основную силу, …не очень-то большую, составляли отряды Красной гвардии, что пришли с севера под командой т[оварищей] Берзина и Ремнёва. Верховное командование поручено было известному полковнику Муравьёву» [83, с.115] .

Каково же на самом деле было участие Ремнёва во взятии Киева? В этой операции Ремнёв командовал авангардом 2-й революционной армии Берзина. 22 января, когда авангард 1-й революционной армии Егорова без боя занял киевскую пригородную железнодорожную станцию Дарница, Ремнёв занимал другое киевское предместье – Слободку. Берзин рассказывал об этом так: «К Слободке был отправлен Минский революционный полк с командиром Ремнёвым, два батальона Новоладожского полка, 6-я и 3-я батареи, а также тяжелое орудие Виккерса, оставленное в 8-ми верстах от Киева около артиллерийского полигона. Два тяжелых орудия перевезли крестьяне с. Демидовка на волах по своему почину. Вообще, крестьяне ждали нас как долгожданных гостей, разоружали гайдамаков (большевистское жаргонное обозначение военнослужащих армии УНР, а позже – Украинской державы. – Ю.С.), кормили нас и пр[очее]. Затем было выпущено четыре снаряда по Дарнице и два по Киеву. В Дарнице никого не убили, в Киеве один снаряд попал в Главный киевский штаб, а другой – в штаб киевского коменданта Ковенко... Наша пехота, дойдя до Цепного моста, была обстреляна артиллерийским пулеметным огнем, и дальше двигаться не могла. У нас было убито 15 человек, под Яковлевым (командиром отряда матросов. – Ю.С.) была убита лошадь» [61, с.157] .

Несколько иначе, мягко говоря, виделся обстрел Киева войсками Берзина и Ремнёва киевлянам и монахам Киево-Печерской лавры, ставшим для красной артиллерии невольными мишенями. Собиравший по заданию местных церковных властей сведения о событиях конца января 1918 г. крупный русский церковный историк, профессор Киевской духовной академии протоиерей Федор Иванович Титов (1864 – 1935) в докладе, зачитанном 2 марта 1918 г. в зале Киевского религиозно-просветительного общества [109, с.113] (буквально на следующий день после бегства из Киева большевиков и вступления в город немцев и войск УНР), рассказывал: «22-го января начался ружейный и орудийный обстрел Киева большевиками со стороны Дарницы, пули и снаряды стали чаще попадать на территорию Лавры. В ночь на 23 января 1918 г. происходила сильная канонада. В начале 9-го часа утра 23 января Лавра оказалась под сильнейшим и ожесточенным обстрелом большевиков со стороны Дарницы и Никольских Слободок. Озлобление большевиков против Лавры вызвано было, как впоследствии оказалось, доне-

сениями большевистских разведчиков о том, будто с лаврской колокольни производятся наблюдения и стрельба из пулеметов по большевикам. В действительности, разумеется, ничего подобного не было. В этот день в Лавру попало неисчислимое количество артиллерийских снарядов и пуль — шрапнельных и ружейных, которыми были произведены весьма значительные повреждения в различных зданиях Лавры, причем пострадали существенно даже такие сооружения, которые уцелели во время татарского разорения Киева и Лавры в 1240 году. Особенные разрушения оказались в зданиях Великой церкви, представляющей драгоценный памятник церковного зодчества XI-го века, лаврской колокольни, являющейся замечательным сооружением XVIII века, т[ак] н[азываемой] келарской палаты и лаврской типографии, построенных в XVII веке. Между прочим снарядом выбит карниз в средней абсиде главного придела Великой церкви Лавры в честь Успения Божией Матери, причем образовалась брешь на протяжении до трех аршин в длину и до полутора аршина в высоту, и силою удара повреждена каменная кладка. Некоторые снаряды попали внутрь храма и произвели здесь более или менее значительные повреждения. Но особенно пострадала крыша церкви, где оказалось до 38 сорванных листов и не менее 150 отверстий различной величины. Очень сильно пострадало величественное здание колокольни и в нем особенно колонны второго (дорического) и третьего (ионического) ярусов. В третьем ярусе, на северной стороне, правая импостная колонна, поддерживающая архивольт над просветом, совершенно разбита и обвалилась, осталась только нижняя часть колонны, так что пята арки, опиравшейся на эту колонну, оказалась на весу и поддерживается железными связями. Здания лаврской типографии в жилой части и т[ак] н[азываемой] келарской палаты, или ”башни Мазепы”, с восточной стороны, почти полуразрушены. Можно отметить еще одно из попаданий в Лавру во время ужасной канонады 23-го января. Над южными дверями, ведущими со двора в Крестовоздвиженскую церковь, на Ближних пещерах, находится икона Казанской Божией Матери. В эту икону попала шрапнельная пуля, пробила в стекле отверстие и углубилась в икону на том месте, где приходится сердце Богомладенца. Вид этой иконы производит потрясающее впечатление на верующих богомольцев. Даже некоторые большевики в изумлении останавливались впоследствии пред этою иконою…» [26, с.36-39].

Рис.35 Киев, вокзал. Фото 1915 г.

Командиру своей «любимой» 1-й революционной армии Егорову Муравьев также 22-23 января дал приказ об артиллерийской стрельбе по Киеву: «Командарму 1 Егорову. Сегодня усилить канонаду, громить беспощадно город, главным образом, Лукьяновку с Киева - пассажирского. Возьмите остатки 11-го [Сибирского стрелкового] полка, горную батарею, назначь-

те, рекомендую, ответственным начальником Стеценко который организовал горную батарею, чтобы он с Киева-пассажирского двинулся вверх по городу и громил его» [6, с.152].

Рис.36 Киев. Вид на Цепной мост и Киево-Печерскую лавру. Открытка 1910-х годов.

Князь Н.Д.Жевахов, человек глубоко религиозный, вообще увидел в красногвардейских художествах предвестие конца света. Он рассказывает: «Завоеванию Киева предшествовала двухнедельная осада города... 25 января большевики были уже полными хозяевами Киева и первою их жертвою явился митрополит Киевский Владимир, зверски ими замученный (весной 1992 г. деянием Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Московского Патриархата причислен к лику святых в сонме новомучеников [109, с.116] . – Ю.С.). Бомбардировка Киева была так ужасна, что я даже не решаюсь ее описывать... Здесь бушевали стихии ада, справлял тризну сатана, и так и нужно оценивать эти события. Окруженный со всех сторон, Киев обстреливался не только из тяжелых орудий, но и забрасывался снарядами с аэропланов, реявших над городом... (Здесь князь Жевахов преувеличивает. По воспоминаниям приставленного к Муравьёву политкомиссара Лапчинского, в штурмовавших Киев красных войсках «никаких аппаратов (например, аэропланов)… не было» [61, с.118-119] . – Ю.С.) <…> Никакие меры предосторожности были, разумеется, невозможны, ибо снаряды летали в разных направлениях, сверху и со всех сторон и Киев находился в центре перекрестного огня. Погибали и те, кто укрывался в погребах или подвалах каменных домов, и те, кто спасался на улице, опасаясь найти смерть под обломками обрушивающихся домов, погибали и те, кто искал убежища в храмах Божиих... Эти последние обстреливались с особенно ярко выраженным сатанинским ожесточением и кресты на куполах храмов являлись излюбленным прицелом большевиков...» [79, с.33].

Этот рассказ подтверждают слова самого Муравьёва, выступавшего через несколько недель после киевского светопреставления перед жителями захваченной красными Одессы. Адвокат Владимир Михайлович Маргулиес вспоминал, как Муравьёв угрожал тогда одесситам: «Мы идем с огнем и мечом, устанавливать советскую власть... Я занял город (Киев), бил по дворцам и церквам, по попам, по монахам, никому не давал пощады! …оборонческая дума просила перемирия. В ответ я велел бить химическими удушливыми газами. Сотни генералов, может и тысячи были убиты беспощадно. Так мы мстили. Мы были бы в состоянии удержать

взрыв мести, но не надо было этого, так как наш лозунг — быть беспощадным» [116, с.191; 118, с.148] . По подсчетам находившегося тогда в Киеве полковника Лейб-гвардии Конного полка герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского (1872-1929), жертвами артиллерийской бомбардировки Киева красными стали свыше двух тысяч киевлян [112, с.17] .

Протоиерей Ф.И.Титов рассказывал: «К вечеру 23 января большевики овладели Лаврою…» [26, с.39] Мемуарист немного поторопился с указанием даты взятия красными Лавры. Хотя красные действительно объявили 23 января 1918 г. – и Муравьев в телеграмме начальству, и Петроград по «радио совнаркома» – о взятии Киева [234а, с.159-160]. Скорее всего, красные заняли Киево-Печерскую лавру к вечеру 25 января, а утром 26-го в Лавре разместился штаб Берзина и появился комендант – бывший солдат 3-го авиационного парка и участник недавнего пробольшевистского путча в Киеве Владимир Семенович Сергеев [61, с.173-174] . Тем не менее, отдельные группы красных могли появляться в Лавре с 24 января. Как вспоминал в 1924 г. киевский большевик С.Мищенко: «Утром 24 января… Красные отряды Ремнёва переправились через р. Днепр по Цепному мосту, мимо Киево-Печерской лавры, также приблизились к арсеналу и ведут наступление по Александровской улице» [121, с.40] . К вечеру 24 января группа из пяти, скорее всего, ремнёвцев, которыми командовал человек в матросской фуражке и черной кожаной тужурке (возможно, балтийский матрос из отряда Яковлева), зашла «перекусить» в лаврскую трапезную. Что из этого вышло, рассказал протоиерей Ф.И.Титов: «Все они… обедали в лаврской трапезе. Руководитель их, бывший тогда в матросской фуражке, остался недоволен черным хлебом, какой был подан им к обеду, бросил хлеб на пол и сказал: ”Разве я свинья, чтобы есть такой хлеб?” Монах-трапезник заметил на эти его слова следующее: ”У нас, господа, лучшего хлеба нет. Какой нам дают, тот мы и подаем”» [26, с.42] .

О передвижении красных по Киеву большевик Мищенко, арестованный несколько дней назад за участие в попытке пробольшевистского государственного переворота, узнал от плененных украинцами ремнёвцев, вместе с которыми оказался в здании киевского театра: «Нас завели в здание театра, который охранялся усиленным конвоем. Здесь оказалось большое количество арестованных (около 1500). Весь зал, ярусы, галерка были заполнены ими. Среди арестованных… Встречались также лица, прибывшие с отрядами тов[арищей] Примакова, Муравьёва и Ремнёва и попавшие в плен к гайдамакам. Некоторые из них были пойманы всего несколько часов тому назад. От них я узнал о положении в городе» [121, с.41] . Таким образом, штурм красными Киева 24 января 1918 г. не удался.

Между тем, в Москве и Петрограде большевистская газета «Правда» старалась, что называется, «накрутить» штурмующие Киев красные отряды призывами к мести за неудавшийся здесь 17 января пробольшевистский путч. 25 января (7 февраля нового стиля» 1918 г. «Правда» вышла с передовой статьей, озаглавленной «Остервенелая сволочь», гласившей: «В Киеве сторонники Рады – белогвардейцы, юнкера, офицеры (группы населения, вовсе не участвовавшие в событиях 17 января. – Ю.С.) расстреляли полторы тысячи рабочих, расстреляли как звери, как людоеды капитала, как трижды проклятая остервенелая буржуазная сволочь. Каким гнусным лицемерием, каким издевательством звучат угрозы угнетенных невинностей кадетов (имеется в виду либеральная партия народной свободы – конституционные демократы. – Ю.С.), правых эсеров (социалистов-революционеров. Левое крыло этой партии входило тогда в большевистское правительство. – Ю.С.) и прочей компании – о терроре Советской власти! Смотрите, господа социал-предатели! Ведь это ваши союзники действуют! Буржуазия идет на все… Рабочие, солдаты, крестьяне, матросы! Помните: расстреляно полторы тысячи ваших лучших товарищей!» [169, с.1] . Для верности содержание этого заявления повторили на 3 станице того же номера «Правды» в заметке «Расстрел 1500 рабочих кровожадными наемниками буржуазии» [169, с.3]. Таким образом, столичные коммунистические пропагандисты (главным редактором «Правды» был тогда Николай Иванович Бухарин, 1888 – 1938,

расстрелян) в значительной степени спровоцировали последовавшую спустя сутки резню, устроенную красными в Киеве.

25 января (7 февраяля нового стиля) Муравьев приказал 1-й революционной армии Егорова занять все железнодорожные станции вокруг Киева и перегнать на западную окраину города бронепоезд. Последний должен был одновременно блокировать подъезды к Киеву с запада и «громить западную часть города». Муравьев распорядился: «Первой армии занять Фундуклеевскую, Владимирскую, Крещатик, Купеческий сад. Второй армии занять арсенал, крепость, Печерск и все высоты около крепости и Лавры. Командарму 2 Берзину ввести для уличного боя одну или две батареи, смотря по обстановке. Командарму Егорову ввести в город Брянскую батарею» [6, с.151].

Берзин вспоминал, что после неудачи 24 января его подчиненные «ждали до вечера 25 [января], когда т[оварищ] Муравьёв приказал перейти в наступление. Часов в 6-7 вечера, когда сгустились сумерки, мы пошли в наступление на Киев после обстрела легкой и тяжелой артиллерией… Затем мы перешли мост: отряд Ремнёва в составе 2-го батальона 12-го Туркестанского полка и два орудия вслед за ним» [61, с.157-158]. Командовавший в те дни 1-м конным полком «червоного казачества» Виталий Маркович Примаков (1897 – 1937) 20 мая 1918 г. рассказывал о штурме Киева 25-26 января 1918 г.: «При наступлении на Киев я шел в отряде Ремнёва. У меня была самостоятельная боевая задача – взять Пост-Волынский по приказу, подписанному Егоровым и Карповым. Я шел через Куреневку на Пост-Волынский. Затем мы навели панику в школе прапорщиков, зайдя в тыл с Куреневки. Перейдя по льду с кавалерией возле Межгорья, я занял сразу весь мост. Я посылал донесения о том, что мост в наших руках, и корректировал стрельбу артиллерии отряда Ремнёва» [61, с.229] .

Вместе с тем, вечернее наступление частей Ремнёва через Цепной мост на Киево-Печерскую лавру вновь закончилось неудачей. Берзин рассказывал: «Пехота переправилась благополучно в полной тишине, но как только она перешла через мост, по ней был открыт ружейный и пулеметный огонь с Лаврских высот и Понтонных казарм. Пехота залегла, находясь в межевом пространстве. Были убиты 2 лошади и несколько артиллеристов, находившихся на мосту. Пехота лежала до 3 часов ночи. В 3 часа ночи 12-й полк перешел в наступление на Понтонные казармы, однако был обстрелян из пулеметов и артиллерии и вынужден был отступить» [61, с.158]. Трусость Ремнёва не преминула явить себя и в этом боевом эпизоде. 12 мая 1918 г. бывший народный секретарь (народный комиссар, нарком) финансов советской УНР Владимир Христианович Ауссем (1879-1937) показал на допросе в следственной комиссии по делу Муравьёва: «[В ходе взятия Киева] ночью, при переходе моста также возникла паника, и Ремнёв во главе своего конного отряда карьером скакал через мост обратно» [61, с.144] …

Тем не менее, 25 января красные взяли под контроль Киево-Печерскую лавру. Группы вооруженных людей появлялись здесь уже с ночи: «Ночь на 25 января вся Лавра проводила без сна, в сильнейшей тревоге. Всю ночь братство оставалось в храме на молитве… Особенный переполох произвело имевшее место в эту ночь нападение четырех вооруженных мужчин и одной женщины в одежде сестры милосердия на квартиру наместника. Они произвели тщательный обыск, забрали некоторые ценные вещи, ели, пили чай, а глубокою ночью трое из них выходили на ”разведку”, во время которой ограбили казначея и благочинного… С раннего утра 25 января начались новые насилия и грабежи в Лавре. Об этом было сообщено коменданту (видимо еще украинскому, поскольку часовые в Лавре принадлежали к «гайдамацкому полку» [26, с.42] . – Ю.С.), который поместился в одном из корпусов лаврской странноприимницы и который распорядился тогда поставить караул у всех ворот Лавры. Лавра оказалась в полном осадном положении… Запрещено было даже звонить в колокола… 25 января около трех часов пополудни три вооруженных солдата в сопровождении послушника Георгия Кулинича, назначенного благочинным для сопровождения их, осматривали лаврскую квартиру митрополита.

Сам митрополит в это время был в нижних комнатах дома. Осмотрев тщательно все комнаты, причем келейник открывал все шкафы и ящики, они нашли под постелью ключи от несгораемой кассы. Келейник взял ключ у солдата и передал его через швейцара митрополиту. Последний, в сопровождении епископа Феодора, поднялся наверх и сам открыл солдатам кассу. Осмотрев ее, солдаты забрали золотую медаль, и ушли вниз, где также произвели обыск во всех помещениях» [26, с.41].

Следствие, проводившееся с апреля по декабрь 1918 г. министерством юстиции Украинской державы, выяснило еще несколько дополнительных деталей дневного обыска в лаврской резиденции митрополита Киевского Владимира: «25 января, около 15 часов, в покои митрополита явилось трое вооруженных винтовками солдат для производства обыска (”Тут могут быть спрятаны пулеметы” – пояснили служивые). Они осмотрели комнату старшего келейника митрополита Филиппа Рыбкина и кабинет владыки Владимира, при этом ”изорвали штыками портреты” императора Александра III и императрицы Марии Федоровны…» [21]

Вечером 25 января, «в начале седьмого часа (точнее, после 18 часов. – Ю.С.), в Экономические (северные) ворота Лавры вошли пять вооруженных людей» «в солдатской форме» [162, с.21-23] . Это была та группа во главе с матросом, которой 24 января не понравился лаврский хлеб. Протоиерей Ф.И.Титов пишет: «Войдя в ворота, солдаты направились прямо к часовому, обратившись к которому, командир грубо спросил: ”Кто тебя здесь поставил? Где твой документ?” Часовой подал свой документ. ”Это — билет гайдамацкого полка. Товарищи! Его надо расстрелять!” — закричал руководитель. Товарищи подняли винтовки. Часовой стал просить пощады. Тогда руководитель сказал: ”Бросьте его! С ним разделаемся после!” Затем, обращаясь к монаху, который стоял невдалеке, руководитель спрашивает: ”Где митрополит живет?” Монах, видевший матроса и товарищей его накануне в трапезе, ответил: ”Дом его около того места, где вы кушаете, там он и живет”. Командир на это сказал: ”Мы его сегодня заберем”. Когда командир с товарищами пошли дальше, часовой, обращаясь к монаху, сказал: ”За что он хотел расстрелять меня? Он же сам меня поставил здесь”» [26, с.42] . Уже в этом эпизоде есть две детали, вскоре ставшие характерными для поведения красных в Киеве. Во-первых, проверка документов, превращавшаяся в пролог к бессудному расстрелу. Вскоре мы увидим, что практический каждое удостоверение личности на украинском языке могло в те дни в Киеве привести своего владельца на край могилы. Во-вторых, поражает, с какой легкостью нижние чины армии УНР переподчинялись красным полевым командирам. Вскоре окажется, что такой же «переподчиненный» украинский солдат был и в небольшом отряде «моряка».

Пришедшие вечером 25 января в Киево-Печерскую лавру пятеро вооруженных людей направились по знакомому им пути в монастырскую трапезную, где за ужином устроили монахам своеобразную политинформацию: «Обращаясь к монаху, предводитель убийц говорил: ”Почему у вас комитетов нет? Везде комитеты, а у вас их нет”. Монах ответил: ”У нас и не должно быть комитетов, мы — монахи”. Матрос: ”Вы только миллионы и тысячи собираете”. Монах возразил: ”У нас больших денег нет, хватает только на одежду и пищу”. Тут вступает в разговор один из четырех, дотоле молчавших солдат, и говорит: ”Что ты говоришь? Я знаю здесь все, я двенадцать лет жил в Лавре, жил и в Китаево, и в Голосеево. Я знаю, что Амвросий, ваш наместник, получает 12 000 рублей, а митрополит — 200 000 рублей, знаю, сколько и ты получаешь, и вот тот брат, что подает, — он три рубля получает”» [26, с.42] .

Позже следственно-розыскные органы Украинской державы выяснили, что столь осведомленным в материальном положении духовенства оказался дальний родственник лаврского иеромонаха Германа Нетребко Трофим Харитонович Нетребко. Этот последний действительно в 1913–1914 гг. подвизался в Голосеевской и Китаевской пустынях в качестве послушника и сторожа, в 1916 г. был призван в Императорскую Русскую Армию, в декабре 1917 г. дезертировал, а позже поступил на службу в Сердюцкий (гвардейский) артиллерийский горный ди-

визион армии УНР. В первой половине января 1918 г. Т.Х.Нетребко дезертировал уже из Украинской армии, примкнул в Киеве к большевикам-путчистам и был пленен недавними сослуживцами-украинцами. Вскоре содержавшегося на киевской гауптвахте Нетребко освободили красные и зачислили в 436-й пехотный Новоладожский полк [21] . Выше мы говорили, что два батальона этого полка входили в авангард 2-й революционной армии Берзина, которым командовал Ремнёв. Таким образом, как минимум один из пяти вооруженных людей, явившихся вечером 25 января 1918 г. в Киево-Печерскую лавру, был ремнёвцем. Возможно также, что эти пятеро принадлежали к отряду «рудничных партизан», организованному «бесшабашным смельчаком» [6, с.109], бывшим младшим унтер-офицером авиатором Дмитрием Петровичем Жлобой (1887—1938), отправленному из состава 2-й революционной армии к Киево-Печерской лавре [61, с.173].

Судя по всему, главной целью этих пятерых был грабеж. Они, видимо, были уверены в том, что либо в самой Лавре, либо у митрополита хранятся какие-то несметные богатства. Впрочем, как мы увидим дальше, грабеж Киева под видом взимания контрибуции был основой политики «большевицкого генералиссимуса» Муравьёва. Во время «политинформации» в трапезной Лавры матрос расспрашивал одного из монахов: «Отец! Скажи, что у вас в пещерах? Все оттуда вынесем и рассмотрим. Если там ничего не окажется, или окажется воск, или тырса (древесные опилки. – Ю.С.), — всех вас перережем». После угрозы в адрес всей лаврской братии матрос пообещал: «Вот и ваш митрополит Владимир будет святой», из чего следовало, что пришедшие приготовили владыке участь мученика. Потом матрос объяснил монахами, что Христа распяли «книжники, фарисеи и ваши архиереи и митрополиты… А за что распяли? За то, что Он стоял за простой народ». Вероятно, эта фраза была в глазах матроса справедливой мотивацией смертного приговора киевскому митрополиту. Наконец, уже при выходе из трапезной матрос сказал монахам: «Больше вы митрополита не увидите» [26, с.42-43] .

Рис.37. Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий. Фото 1912 г.

«После 6-ти с половиной часов вечера» пятерка во главе с матросом постучалась в квартиру 70-летнего митрополита Киевского и Галицкого Владимира, заявляя: «Мы желаем переговорить с митрополитом. Мы идем сейчас из трапезной, и нам там братия жаловалась, что он не разрешает совета. С ним нужно переговорить, чтобы он разрешил совет, чтобы было так, как у нас» [26, с.43-44]. Однако по отдельным звукам, что долетали из-за закрытой двери комнаты, в которой шли переговоры митрополита Владимира с красными, свидетели поняли, что речь идет о деньгах [26, с.44].

Владыка быстро понял, что его ожидает. После объяснения с солдатами он обратился к находившимся в его квартире священнослужителям: «”Вот, они хотят уже расстрелять меня” и при этом развел руками… Следовавший за ним матрос грубо закричал: ”Иди, не разговаривай! Кто тебя будет расстреливать? До коменданта пойдешь!”» [26, с.44]. Последняя фраза очень важна. Информаторы протоиерея Ф.И.Титова передали её

так: «До коменданта пойдешь!» В докладе «о работе Комиссии по расследованию обстоятельств убийства митрополита Владимира», сделанном Священному Собору Православной Российской Церкви 16 августа 1918 г. в Москве архимандритом Матфеем (Померанцевым), фраза эта воспроизведена так: «Молчите, его ведут на допрос» [195, с.123] . Князь Н.Д.Жевахов рассказывал, что выводя митрополита Владимира в последний путь, убийцы объяснили, что доставят его «в главный штаб» [79, с.43] . В современном житии священномученика Владимира Киевского рассказывается, что «иеродиакон Александр спросил солдат:

— Товарищи! Куда вы ведете митрополита?

— В штаб для допроса,— ответили те.

— А где ваш штаб?

— В городе.

— Не на гостинице ли?

— На гостинице — второстепенный штаб, главный — в городе, на Печерке» [109, с.105] .

Из сказанного нами выше понятно, что «штаб», в который убийцы вели киевского митрополита, был «штабом Духонина», то есть псевдонимом смерти на жаргоне ремнёвцев и вообще красных. Позже мы увидим, что все походы «в штаб», предпринимавшиеся красными хоть в отношении киевлян, хоть в отношении шостенских рабочих или глуховских евреев, кончались одинаково – расстрелом.

Митрополита Владимира «в рясе, с панагиею на груди и белым клобуком на голове», в шубе вывели из квартиры и повели тем путем, которым ранее явилась в обитель пятерка убийц: в сторону Экономических ворот Киево-Печерской лавры. Когда келейник Филипп хотел подойти к владыке под благословение, матрос оттолкнул его от митрополита со словами, также характерными для солдатско-матросской среды с начала 1917 г.: «Довольно кровопийцам кланяться, кланялись, будет» [26, с.45] . Вскоре с той стороны, куда увели владыку, раздалось шесть выстрелов.

Из составленного 26 января 1918 г. 63-летним врачом, статским советником Алексеем Михайловичем Городецким [189, с.108; 144, с.51, 67] «Акта освидетельствования тела высокопреосвященнейшего митрополита Киевского Владимира, убиенного 25 января 1918 года» видно, как убийцы издевались над владыкой. Ему, помимо порезов и ссадин, нанесли три смертельных раны: две огнестрельные, «носящие характер действия разрывных пуль», – в правый висок и в верхнюю часть правой половины груди (позже, в Глухове, очевидцы вспоминали, что ремнёвцам нравилось стрелять разрывными пулями в головы безоружным людям), а также колотую рану живота «с выпадением внутренности». Показательно, что у мертвого владыки пальцы правой руки были сложены для крестного знамения [26, с.48-50] .

В 6 часов утра 26 января чины составлявшего костяк ремнёвской штурмовой группы 12-го Туркестанского стрелкового полка (вполне приличной стойкой части, не замеченной ни в феврале-марте, ни в июле, ни в октябре 1917 г. в мятежах и неисполнении присяги) возобновили атаки. Берзин рассказывал, что Туркестанский полк «снова перешел в наступление и, наконец, занял Понтонные казармы, освободив всех арестованных (всего около 150 человек). Ремнёв выслал разведку в Лавру и Арсенал. В ту же ночь на Лаврских высотах мы выставили 3-ю революционную батарею, а 26-го утром из Лавры начали наступление на город. Около “бегов” и Константиновского военного училища советские войска были встречены пулеметным и ружейным огнем и броневиками. Потеряв много убитых и раненых, наши отступили к Лавре, откуда и был открыт артиллерийский огонь. 26-го вечером мы почувствовали перелом, были получены сведения о том, что гайдамаки и Рада отступают к Житомиру. Но во всех частях города отдельные гайдамацкие части продолжали бой. Из каждого почти дома стреляли из пулеметов и винтовок, даже из занятых нами участков, что ужасно раздражало революционные войска. На одной улице гайдамаки жестоко убивали, мучая, двух наших сестер и двух ранили (выше

мы видели, что красные «сестры милосердия» сами могли навести ужас на братию Киево-Печерской лавры. – Ю.С.). В то же время наблюдались на занятых нами участках грабежи. В Лавру, где был расположен штаб нашей армии, сторожевые посты приводили круглые сутки лиц, задержанных с награбленным. Эти лица не принадлежали к войсковым частям. <…> 26-го же состоялось совещание, на котором присутствовали Муравьёв, Егоров, начальник Донского отряда, я, начальник штаба моего отряда Фейерабенд и комендант Лавры, на котором было выяснено общее положения Киева. Оказалось, что почти весь Киев занят [советскими войсками], за исключением Бендерских казарм и нескольких улиц» [61, с.158-159] .

По словам Берзина, «во время взятия Киева во Второй армии всего было убито от 400 до 600 человек» [61, с.162]. Секретарь армейского комитета 1-й революционной армии Цвангер в марте 1918 г. сообщала, что при штурме Киева возглавлявшийся Ремнёвым 1-й Минский революционный полк был «почти наполовину выбит» [61, с.49]. То, что штурм Киева Муравьёв возложил почти исключительно на 2-ю революционную армию Берзина, в войсках считали следствием неприязни главкома именно к этому соединению. Начальник отрядов балтийских матросов Яковлев, под которым на Цепном мосту убили лошадь, жаловался Цвангер: «Если тактика Муравьёва будет продолжаться, то в армии не останется ни одного порядочного отряда», после чего заявил, «что он уходит со своим отрядом и дальше работать так не может» [61, с.49].

Утром 26 января у Киево-Печерской лавры появился большевистский комендант – уже знакомый нам бывший солдат 3-го авиационного парка В.С.Сергеев. Весной 1918 г. он так вспоминал о вступлении в должность: «На второй день после моего назначения я принялся постепенно принимать на учет все имеющиеся в Лавре продукты, для чего утром отправился к наместнику Лавры [...] Наместник, как и все монахи, относились к нам очень дружелюбно, ничего не жалел – ни продовольствия, ни вина. Выйдя от наместника, я направился в свою канцелярию, но по дороге увидел ужасную картину: человек 20 красногвардейцев во главе с матросами (тот же состав, что расправился с митрополитом Владимиром. – Ю.С.) повыгоняли из всех келий, а также и церкви священников и монахов во двор и, наставляя на них ружья, хотели расстреливать. В это время подоспел я, стал на солдат кричать, за что и меня хотели расстрелять, но все-таки мне удалось их завернуть всех и тем обошлось все благополучно. Однако, продолжая дальше путь в канцелярию, я опять наткнулся на такую же картину: смотрю, у ворот кричат на генерала, бывш[его] начальника Киевского арсенала (вероятно, 64-летнего генерал-лейтенанта Николая Андреевича Блажовского. – Ю.С.), мол “ступай вперед”. Не успел я их приостановить, как раздались выстрелы и генерала расстреляли. Хотели расстрелять и его сына, кадета малолетнего, но я не дал» [61, с.173-174].

В начале марта 1918 г. ту же сцену, датировав ее, правда, 23-24 января, описал и протоиерей Ф.И.Титов: «Большевики овладели Лаврою, и тогда в ней начались дикие насилия и проявления варварства, пред которыми бледнеют известные нам из древних летописей сказания о грабежах и насилиях, производившихся дикими монголами во время разорения Киева и Лавры в 1240 году. Вооруженные толпы людей врывались в храмы, с шапками на головах и папиросами в зубах, производили крик, шум, безобразия во время богослужения, произносили невыразимые ругательства и кощунства над святынею, вламывались в жилища монахов днем и ночью, стреляли над головами смертельно перепуганных стариков, производили неописуемые литературно осквернения святынь, избивали стариков, грабили, что только попадалось под руку, останавливали монахов днем на дворе, заставляли их раздеваться и разуваться, обыскивали и грабили, издевались и секли нагайками, хватали случайно оказавшихся в то время в Лавре посторонних, особенно военных – офицеров и генералов, предавали их жестокой смертной казни… Подобные насилия происходили в течение всего дня…, когда со стороны города доносился сильный орудийный гул. Такими насилиями и открытыми угрозами — всех монахов

перебить и перерезать или всех их собрать в один корпус и взорвать на воздух — Лавра и все живущие в ней были совершенно терроризированы…» [26, с.39-40]

Утром 26 января, успокоив, как ему казалось, разгулявшихся в Лавре красногвардейцев, лаврский комендант Сергеев пришел в канцелярию, располагавшуюся в лаврской же гостинице, где «застал тов[арища] Берзина и тов[арища] Степанова (начальника Новозыбковского отряда). Они… сообщили, что митрополита Лавры убили» [61, с.174]. Берзин, чей штаб разместился в Лавре в тот же день 26 января, вспоминал об этом иначе. На допросе в мае 1918 г. Берзин показывал, что к вечеру 26-го «было доложено монахами, что из квартиры исчез Митрополит Владимир. Я спросил Муравьёва и Егорова, издавалось ли распоряжение об аресте. Получив отрицательный ответ, я отдал распоряжение отыскать его немедленно и освободить. Комендант Лавры отправился с членом штаба и несколькими матросами, которые искали его, но не нашли. Когда было получено известие, что Митрополит убит, Муравьёв отдал письменное распоряжение расследовать это дело» [61, с.159-160].

Берзин здесь лукавит, поскольку архимандрит Киево-Печерской лавры Анфим уже перед 10 часами утра получил, надо полагать, в том же штабе 2-й революционной армии пропуск к месту убийства митрополита Владимира: «Убитый лежал на спине, покрытый шубой; на нем не оказалось панагии, клобучного креста, чулок, сапог с галошами и золотых часов с цепочкой» [26, с.50; 162, с.23]. Все перечисленное – от количества убийц до состояния тела убитого – было характерным почерком красногвардейцев Муравьёва и Ремнёва. Летом 1918 г. допрошенный по делу Муравьёва солдат Сергей Коптелов, товарищ председателя комитета 1-й революционной армии, объяснял: «Муравьёвский порядок расстрела был такой. Ведут красногвардейцы 4 или 5 человек (водили разное количество) на открытое место, расстреливают, и тут же снимают [с убитых] сапоги, выворачивают карманы. Лежит человек 30 расстрелянных, и все разутые и раздетые. Расстрелы стали переходить в личные интересы: убьёт, снимет часы, или вроде того» [61, с.70].

Около 11 часов утра архимандрит с монахами, отслужив краткую литию, понесли на носилках тело священномученика в Михайловскую лаврскую церковь. Показательна реакция публики из рядов 2-й революционной армии на это действо: «Когда о[тец] Анфим поднимал тело Митрополита для перенесения, то к нему подбежало человек десять вооруженных солдат и рабочих и начали глумиться и ругаться над расстрелянным Владыкой, и не разрешали уносить тело. – ”Вы еще хоронить будете его – в ров его бросить, тут его закопать! Мощи из него сделаете, – это для мощей вы его забираете”…» [162, с.23-24]

Что касается посланного Берзиным на поиски митрополита Владимира отряда – коменданта Лавры «с членом штаба и несколькими матросами», то об этом отряде вспоминает и протоиерей Ф.И.Титов. Однако он говорит, что отряд появился вскоре после того, как прозвучали прервавшие жизнь владыки выстрелы – и настроение «спасателей» было ничуть не лучше настроения убийц митрополита: «В это самое время (вскоре после выстрелов. – Ю.С.) к ним (слышавшим стрельбу монахам. – Ю.С.) стали приближаться 12-15 солдат, быстро бежавших от Великой церкви с фонарями. Это были матросы, которых послал комендант Лавры, по просьбе наместника, которому сообщили о том, что солдаты увели митрополита из Лавры. Один из бежавших спрашивает монахов: ”Батюшки! Провели митрополита?” Монахи: ”Провели за ворота”. Они побежали за ворота и через 15-20 минут возвратились обратно. Один из монахов подошел к матросу, шедшему позади всех, и спросил его: ”Нашли владыку?” ”Нашли, — ответил, матрос, — так всех вас по одному повыведем”» [26, с.47-48].

«Большевицкий генералиссимус» Муравьёв, прибывший в Киево-Печерскую лавру в разгар дискуссии о том, как похоронить митрополита Владимира, вел себя, согласно докладу архимандрита Матфея (Померанцева), сделанному 16 августа 1918 г., так: «Монахи Лавры действительно были напуганы – были случаи, когда их выстраивали в ряд и грозили расстре-

лять, но угрозу не приводили в исполнение. Вот поэтому-то и явилась мысль тайно вывезти из лавры тело убиенного митрополита Владимира, вместе с трупами других убитых в эти дни, вывезти эти трупы бесшумно в дальнюю пустынь и там похоронить. Но в это время прибыл и остановился в типографии лавры Муравьёв. Он написал и издал здесь свой известный указ, в котором отрицалось всякое участие большевиков в деле убийства митрополита Владимира. Вместе с Муравьёвым прибыл и комендант города – еврей. Екклесиарх лавры и обратился к этому еврею с вопросом, можно ли совершить погребение убиенного митрополита. На это еврей ответил, что ваш митрополит занимал высокое положение в Церкви и должен быть погребен с подобающей честью» [195, с.123-124] .

В конечном счете, дело об убийстве митрополита Владимира оказалось в ведении красного коменданта Киево-Печерской лавры, бывшего солдата 3-го авиационного парка В.С.Сергеева. Сергеев также давал весной 1918 г. показания по делу Муравьёва, в том числе поведал и о своих розысках (прямо сказать, не самых прилежных) убийц киевского владыки: «Когда его убили, то меня наместник Лавры пригласил, где я уже застал убитого митрополита в церкви, где мною был выставлен караул. Наместник Лавры также пригласил ко мне двух иеромонахов, которые видели убийц митрополита. Я с них снял допрос... Я хотел это дело передать на расследование, но некому было передать. Тогда я сам взялся, но все поиски убийцы были безрезультатными» [61, с.175-176] . В какой-то момент Сергеев, следуя полученному анонимному письму, попытался представить в качестве убийцы местного конокрада, «известного сибиряка» Чалого-Маршака из Никольской Слободки: «Я его продержал у себя двое суток, – рассказывал лаврский комендант, – пригласил двух иеромонахов, которые видели убийц в лицо, для уличения. Но последние [в арестованном убийцу] не уличили» [61, с.176-177] . Хотя комендант Сергеев расписывается в полной неспособности не только раскрыть убийство митрополита, но даже найти для такого расследования подходящих людей, он начинает свои показания на эту тему с безапелляционного заявления: «Убийство было совершено не с политической точки зрения, а с уголовной, т.е. уголовными преступниками» [61, с.175][1] …

На следующий день после взятия Киева Берзин «был отправлен в Гомель, Москву и Петроград с тем, чтобы привезти один из латышских полков». Сам Рейнгольд Иосифович рассказывал: «27-го же [января] я из Киева уехал, назначив (согласно распоряжению Муравьёва) командующим Второй армией Ремнёва. Более ни Киева, ни своей Второй армии я не видел. Я получил донесение, что мой штаб работать с Ремнёвым не может, так как он штаб не принимал, не вел с ним никаких переговоров» [61, с.160] . При таких обстоятельствах Ремнёв и стал командармом. Сам он на допросе в 1919 г. обозначил свое положение в январе-феврале 1918 г. следующим образом: «Во время взятия Киева командовал временно, а затем утвержден командующим II-й армией, а также командующим Киевским округом и заместителем главнокомандующего Муравьёва» [72] . Интересно, что Берзин называет Муравьёва инициатором назначе-

[1] Любопытно, что соблазн привязать к убийству митрополита Владимира ту часть православных священнослужителей, что добивалась в 1917-1918 гг. создания Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ), появился довольно быстро. Одним из первых об этой связи написал в 1922 г. бывший товарищ обер-прокурора Святейшего Синода князь Н.Д.Жевахов [79, с.40-42], одновременно обвинивший в убийстве и большевиков. Через 10 лет, в 1932 г., государственное антирелигиозное издательство в Москве выпустило под грифом центрального совета союза воинствующих безбожников СССР книгу некоего Ю.Самойловича «Церковь украинского социал-фашизма», в которой говорилось: «Целый ряд документальных данных говорит о том, что инициаторами и вдохновителями этого убийства безусловно были наиболее ревностные деятели УАПЦ и сторонники их среди лаврских монахов, где тоже была украинская партия. (Подробнее см. Г. Денисов— Правда об убийстве митрополита Владимира, изд. 1930 г., а также белогвардейскую брошюру А. Савенко — Мученическая кончина митрополита Владимира, сборник «Малая Русь», вып. 2-й, стр. 154, изд. 1918 г.). Конечно это не помешало как той, так и другой стороне приписать убийство рукам ”исконных гонителей веры православной”—большевиков» [193, с.40]. Позже эту точку зрения разделяли некоторые официальные представители Московского Патриархата [109, с.106], а также Русской Православной Церкви Заграницей [4, с.165]. Востребована она и теперь [31].

ния Ремнёва в командармы и рассказывает о конфликте Ремнёва с его, берзинским, штабом. В свою очередь, политкомиссар при Муравьёве Лапчинский говорит, что главком «на Ремнёва… мало надеялся, не доверял ему самому» [61, с.120] . Эти слова подтверждает своими показаниями начальник штаба 2-й революционной армии «берзинского» времени Вольфганг Августович Фейерабенд, сообщивший, что «до назначения Ремнёва Мур[авьев] приказывал тов[арищу] Берзину расстрелять Ремнёва за неисполнение боевых приказаний» [61, с.191] . Ослушаться подобного приказа можно было без какого-либо ущерба себе, поскольку «Муравьёв вообще приказав, сам сейчас же забывал о приказании. Никогда никого не расстреливал сам. <…> Часто солдаты, наиболее сознательные, получив приказание от Муравьёва, не исполняли его, пользуясь тем, что он быстро забывал о нем» [61, с.134] . Между тем, сам Муравьёв на допросе 5-7 июня 1918 г. в Москве назвал Ремнёва «прекрасным работником», «который круто держал свою армию». И тут же уточнил: «Но все же два раза в день я проверял Ремнёва, бывал в его штабе» [61, с.290, 291] .

Скорее всего, Берзин, у которого с Ремнёвым были, вероятно, вполне дружеские отношения, просто пытался в мае 1918 г. дистанцироваться от уже арестованного ВЧК и, как теперь говорят, «токсичного» приятеля. Возможно Берзин, уезжая, сам рекомендовал Ремнёва, неплохо по меркам красных себя показавшего при штурме Киева, в преемники. С чем Муравьёв, не имея на должность командарма своей креатуры, согласился. Тем не менее, конфликт в штабе 2-й армии после назначения Ремнёва командармом случился. Начальник этого штаба Фейерабенд рассказывал 16 мая 1918 г.: «Когда Берзин уехал, то заменил его Ремнёв, имевший уже у себя маленький штаб авангарда. Но штаб Второй армии не принял к себе, т.е. меня, Яковлева и др. Все командиры отряда не были довольны штабом Ремнёва, и выбрали на общем собрании меня командующим Второй армии, но я не согласился. <…> Муравьёву стало известно об отрицательном отношении командиров отрядов к Ремнёву после моего отказа взять на себя командование Второй армией. Я считаю, что штаб Ремнёва надо было переформировать с ног до головы, персонально» [61, с.190-191] .

И самое занятное в этой истории то, что, как выясняется, Берзин, оставив в Киеве свою армию на Ремнёва, продолжал пользоваться в документах прежним должностным наименованием. Например, 19 февраля 1918 г. он подписал опубликованное главной коммунистической газетой «Правда» сообщение «о боевых действиях советских войск против польских легионов» так: «Командующий II Рев[олюционной] армией Берзин» [24, с.886] . Из того же «правдинского» сообщения можно узнать, что в распоряжении Берзина вновь оказался 1-й Минский революционный отряд, под началом уже некоего Белецкого действовавший под Жлобиным. Дело в том, что «заведенный» описанной выше попыткой большевиков арестовать «Начполь» 1-й Польский корпус не успокаивался. 23 января 1918 г. Польша объявила большевикам формальную войну, а уже 3 (16) февраля под станцией Ясенью, как вспоминал минский большевик Кнорин, «советские отряды были разбиты и для польских контрреволюционеров был открыт свободный путь в Минск» [102, с.75] . Ну, а дублирование должности командующего 2-й революционной армией и вновь возникший под Минском 1-й революционный отряд (иногда его называют и полком) говорят о зыбком статусе красных воинских формирований, характерном, впрочем, не только для начального периода истории коммунистических войск в России.

Как бы то ни было, но после прекращения боевых действий в Киеве красные войска повернулись к местным жителям именно лицом Ремнёва. А Ремнёв и его подчиненные действовали в Киеве тем же образом, что и в Могилеве – только с несоизмеримо большим размахом. Вот что вспоминал о первом дне господства в Киеве красных Н.М.Могилянский, набросавший попутно два портрета бойцов ремнёвской армии: «Около часу дня 26 января канонада стихла совершенно. О взятии города большевиками нас оповестили два солдата из красной армии Ремнёва, явившиеся для осмотра квартир и поверхностного обыска. Навсегда в памяти запе-

чатлелись эти два разных лица. Один молодой, юноша лет 18-20, с розовыми щеками и тонким, красивым профилем, весь обвешанный оружием, убеждал нас: ”Не бойтесь — теперь все уже будет хорошо”. По лицу его я видел, что он искренне и глубоко верит своим словам: в его наивной, детской душе не было места злобе. Совсем другое впечатление оставлял его товарищ — рабочий Путиловского завода в Петрограде, лет 40, уроженец Новозыбковского уезда Черниговской губернии (Новозыбковский красногвардейский отряд во главе с неким товарищем Степановым 26 января 1918 г. хозяйничал в Киево-Печерской лавре [61, с.174] . – Ю.С.). Этот, накрест обвешанный пулеметными лентами, весь дышал злобой и мщением. Изо рта его, разившего алкоголем, вырывались непрестанно угрозы: ”О! Я их всех найду, я их знаю в лицо — офицеров-контрреволюционеров”. При этом он выставлял вперед дуло револьвера, целясь в воображаемую жертву. ”Поработаем на пользу родины, а потом домой — пахать землю!” Увы! Это не было, к сожалению, простой формальной угрозой… Ворвавшиеся в город 26 января большевистские войска, тогда еще скорее похожие на банды, вскоре заставили кошмаром своей ”деятельности” забыть кошмар и ужас девятидневной бомбардировки. <…> Началась в самом прямом смысле этого слова отвратительная бойня, избиение вне всякого разбора, суда или следствия оставшегося в городе русского офицерства, не пожелавшего участвовать в борьбе против большевиков на стороне украинцев. Из гостиниц и частных квартир потащили несчастных офицеров буквально на убой в ”штаб Духонина” — ироническое название Мариинского парка — излюбленное место казни, где погибли сотни офицеров русской армии. Казнили где попало: на площадке перед Дворцом, по дороге на Александровском спуске, а то и просто, где и как попало. <…> Кроме офицеров казнили всякого, кто наивно показывал красный билетик — удостоверение принадлежности к украинскому гражданству. Казнили куплетиста Сокольского, за его злые куплеты против большевиков; казнили первого встречного на улице, чтобы снять с него новые ботинки, приглянувшиеся красноармейцу» [122, с.77].

Рис.38. Мариинский дворец в Киеве. Фото 1915 г.

Слова Н.М.Могилянского подтверждает киевлянин А.А.Гольденвейзер, в 1922 г. вспоминавший: «И 26 января, когда стихла канонада и в город вступили большевики, и в последу-

ющие дни нам было не до спокойных наблюдений и параллелей. Эти первые дни были полны ужаса и крови. Большевики производили систематическое избиение всех, кто имел какую-либо связь с украинской армией и особенно с офицерством. Произведенная незадолго перед тем регистрация офицеров имела в этом отношении роковые последствия: многие предъявляли большевикам свои регистрационные карточки, и это вело к неминуемой гибели. Солдаты и матросы, увешанные пулеметными лентами и ручными гранатами, ходили из дома в дом, производили обыски и уводили военных. Во дворце, где расположился штаб, происходил краткий суд и тут же, в царском саду, – расправа. Тысячи молодых офицеров погибли в эти дни. Погибло также много военных врачей – между ними известный в городе хирург Бочаров (60-летний доктор медицины, хирург статский советник Петр Васильевич Бочаров был старшим врачом 1-го Киевского военного училища [144, с.66; 189, с.43] . – Ю.С.), который ехал на своей пролетке в госпиталь и показал остановившему его солдату регистрационную карточку. Та же участь постигла доктора Рахлиса, недавно только возвратившегося из австрийского плена и схваченного таким же образом, когда он стоял на улице в какой-то очереди» [46, с.205-206] .

18 января 1919 г. английский дипломат Эльстон передал своему министру иностранных дел Артуру Джеймсу Бальфуру (1848 – 1930) рассказ 44-летнего киевского врача-чеха Вацлава Гирсы (который позже сам станет министром иностранных дел Чехословакии) о киевской резне января 1918 г.: «Местные представители чешского Национального совета, д[окто]р Гирса и его помощник, говорят, что больше года тому назад сотни офицеров были расстреляны в Киеве при взятии его большевиками... В сильнейший холод их увели с квартир, раздели догола, оставив им одни шапки, и впихнули в повозки и автомобили. На морозе, выстроенные в ряд, они часами ждали, когда и как, поодиночке или группами, большевицким солдатам заблагорассудится их расстрелять. Д[окто]р Гирса был в это время хирургом при 12-й городской больнице. Больница была переполнена больными, вследствие жестокостей над интеллигенцией и офицерами в Киеве. Офицеров, даже смертельно раненных, приходилось прятать в шкафы, чтобы явившиеся за ними большевики, выводя на улицу, тут же не расстреляли их. Многих тяжелораненых вытаскивали из больниц и безжалостно убивали. Большевики выгоняли на улицу и расстреливали людей с ранениями живота, с переломами членов и другими тяжелыми ранениями. Он помнит, как видел, что собаки на улицах ели (трупы) офицеров. Жена помощника д[окто]ра Гирсы видела автомобиль, наполненный замороженными трупами офицеров, которых везли по улицам за город, на пустырь... Людей выгоняли из их домов, ночью освобождали больничные койки, беспощадно убивали тяжелораненых; мужчин расстреливали без снисхождения и суда» [118, с.148] .

Герцог Г.Н.Лейхтенбергский терял в эти дни друзей и однополчан. Он вспоминал в 1921 г. о Киеве конца января 1918 г.: «И каждый день все более и более увеличивается список жертв. Молодой князь Белосельский (прапорщик Конной гвардии князь Константин Эсперович Белосельский-Белозерский [105, с.65] . – Ю.С.) был убит штыками на углу улицы и труп его валялся там два дня, а потом его разыскали уже восемь дней спустя на грузовике, который отвозил его в числе других сорока трупов куда-то на свалку. За ним идет очередь Гернгросса и нескольких других гвардейских офицеров, которые жили вместе в одной квартире и которых предали люди из этого же дома, ресторанные лакеи... Их увели все под тем же невинным предлогом проверки документов. Они ничего не опасались, так как в борьбе они не участвовали, не будучи совсем ”украинцами”. Они дали увести себя, как агнцы, на убой, и не дошли до места этой проверки: их убили еще по дороге» [112, с.20-21] . Последний прием: убийство жертвы по дороге в «штаб» или «совет», ремнёвцы уже применили при убийстве митрополита Киевского Владимира, а вскоре будут практиковать везде, где ни появятся. Кроме того, поведение лакеев-доносчиков тоже вскоре станет типичным: таким же образом местные жители-христиане будут через месяц-другой выдавать ремнёвцам на расправу в Глухове евреев.

В 1928 г. выходивший в Париже журнал «Двуглавый Орел» опубликовал анонимные воспоминания, посвященные убийствам офицеров-кавалергардов в Киеве в январе и ноябре 1918 г. Здесь приводились подробности гибели упомянутых выше трех штабс-ротмистров Кавалергардского Ее Императорского Величества Императрицы Марии Феодоровны полка: «Было ли это на самом деле так, или же явилось плодом провокации для сведения личных счетов, но большевикам донесли, что из окон дома, где жили офицеры полка: штабс-ротмистр Евгений Евгеньевич Гернгросс, князь Михаил Александрович Голицын и Георгий Георгиевич Скалон было произведено несколько выстрелов. По распоряжению Муравьёва все жильцы этого дома должны были явиться в Мариинский дворец, где находился штаб Красной Армии, для проверки документов. Когда эти три офицера пришли во дворец, там уже находилось несколько тысяч людей разных социальных положений, вызванных или пришедших по своей инициативе для проверки или получения новых удостоверений. Их было так много, что они буквально запрудили весь дворцовый парк. Не прошло и нескольких минут со времени прихода ко дворцу наших офицеров, как на крыльце дворца появился Муравьёв в сопровождении другого комиссара Раскольникова (вероятно, речь идет о Ремнёве, которого автор воспоминаний спутал с Раскольниковым потому, что в июле 1917 г. в Петрограде их имена постоянно звучали вместе. – Ю.С.) и, окинув взглядом всю эту толпу, сказал: "Всех не проверишь. Расстрелять". Сразу по этим несчастным, ни в чем не повинным людям открыли огонь из пулеметов. <…> Выдавать тела родным не разрешалось, хоронить так же было запрещено… Несмотря на этот запрет, вестовому Гернгросса 3 эскадрона ефрейтору Амбразасу удалось в груде трупов разыскать тело своего офицера. Тела князя Голицына и Скалона были также опознаны. Оба они были добиты штыками. Монахини Покровского монастыря, рискуя жизнею, тайно похоронили всех трех» [101, с.10, 11].

Тот же мемуарист 1928 года описал еще одну сцену, произошедшую у Мариинского дворца: «В тот самый день, когда погибли в Киеве Гернгросс, Скалон, кн[язь] Голицын…, там же был арестован и другой офицер [Кавалергардского] полка поручик гр[аф] Николай Александрович Мусин-Пушкин. Жил он на квартире своей сестры Любови Александровны Кочубей. Никакого оружия при обыске не было найдено, но красноармейцы все же арестовали гр[афа] Мусин-Пушкина и П.В. Кочубея (38-летнего камер-юнкера князя Петра Васильевича Кочубея. – Ю.С.) и увели их ко Дворцу, где, по их словам, им будут выданы новые документы (снова эти документы. – Ю.С.). По дороге к ним присоединили еще несколько других партий арестованных. Когда они подошли ко Дворцу, площадь перед ним была полна вооруженными красноармейцами и матросами. Один из матросов подошел вплотную к Кочубею и убил его выстрелом из револьвера в затылок. За ним было убито еще несколько человек. Настала очередь и гр[афа] Мусин-Пушкина. Перед ним стало несколько матросов, с винтовками наизготовку. Уверенный в неминуемой смерти, гр[аф] Мусин-Пушкин снял шапку и перекрестился. Но тут случилось воистину Божье чудо. Какой-то солдат схватил гр[афа] Мусин-Пушкина за руку и крикнул собиравшимся его расстрелять: "Братцы, что вы делаете ! Побойтесь Бога" и оттащил его в сторону» [101, с.11].

Если поручика Кавалергардского полка графа Н.А.Мусин-Пушкина спасло личное благочестие, то его сослуживца и полного тезку, 19-летнего выпускника Пажеского корпуса корнета князя Николая Александровича Долгорукова, погубила врожденная порядочность: «Князь Николай Александрович Долгоруков, сын бывшего командира [Кавалергардского] полка… был остановлен на улице для проверки документов. Он не мог их сразу найти и сказал, что забыл дома. Патруль его отпустил. Затем, отойдя немного, Долгоруков нашел удостоверение в другом кармане и вернулся к патрулю, чтобы показать документ. Патруль был советский – документ украинский. Тут же на улице Долгоруков был убит. Через три дня труп его был найден среди других тел, простреленный пулями и с разбитой прикладом головой» [101, с.11].

Рис.39. Проверка документов. Фото 1919 г.

Рис.40. Тела погибших. Фото 1919 г.

Со слов одного из своих знакомых герцог Г.Н.Лейхтенбергский сообщает, что ремнёвцы часть арестованных поместили (по примеру петлюровцев) в один из киевских театров: «Туда привели более тысячи офицеров, студентов и буржуа. И там стали расстреливать их десятками, а других просто убивали ударом штыка, приклада или сабли, чтобы сэкономить патроны, как говорили убийцы. Сзади театра и теперь еще валяются их тела и неизвестно, кто из них жив, а кто мертв» [112, с.21] .

П.Л.Стефанович, у которого ремнёвцы в том самом театре убили отца – и не просто, а «убили… ударом сабли. Так полчерепа и отхватили» [112, с.21] – в своих воспоминаниях осветил заодно и роль Ремнёва в киевской резне: «Жители города, не слыша больше артиллер[ийской] стрельбы, выходили ”за новостями” и встречали всюду страшные разрушения. Пылающие и простреленные здания, неубранные трупы, но главное — встречающиеся зверского вида субъекты, часто пьяные, в лице новых хозяев-красноармейцев. Начались повальные обыски и грабеж... Несмотря на успокоительные воззвания, расклеенные с утра в городе,

большевицкие банды, главным образом под предлогом проверки документов, начали массовые расстрелы, которые производились самым зверским образом. Раздетые жертвы сплошь да рядом расстреливались в затылок, прокалывались штыками, не говоря о других мучениях и издевательствах. Большинство расстрелов производилось на площади перед Дворцом, где помещался штаб Муравьёва, и [в] находящимся за ней Мариинск[о]м парк[е]. Проверку производил даже ”сам” Ремнёв, который, если отдавал документ, отправлял тем самым под арест во дворец. Если же он засовывал бумаги в карман — арестованных отправляли в ”Штаб Духонина”, т. е. расстреливали. Многие тела убитых, у которых в Киеве не было ни родственников, ни близких – оставались лежать там (у Мариинского дворца. – Ю.С.) по нескольку дней. Со слов свидетелей, картина представлялась ужасной. Разбросанные по площади и по дорожкам парка раздетые тела, между которыми бродили голодные собаки; всюду кровь, пропитавшая, конечно, и снег, многие лежали с всунутым в рот ”красным билетом” (украинским удостоверением личности. – Ю.С.), у некоторых пальцы были сложены для крестного знамения. Но расстрелы происходили и в других местах: на валах Киевской крепости, на откосах Царского Сада, в лесу под Дарницею и даже в театре. Тела находили не только там, в Анатомическом Театре и покойницких больниц, но даже в подвалах многих домов. Расстреливали не только офицеров, но и ”буржуев”, и даже студентов» [210, с.16] . Картину дополняет Н.М.Могилянский: «Выходя гулять на Владимирскую горку, я каждый день натыкался на новые трупы, на разбросанные по дорожкам горки свежие человеческие мозги, свежие лужи крови у стен Михайловского монастыря и на спуске между монастырем и водопроводной башней, по дорожкам, покрывающим горку сквера» [122, с.83] .

Но даже если у казненных оставались в Киеве родственники, получить тела, как уже говорилось, было очень сложно. Вот что писал об этом герцог Г.Н.Лейхтенбергский: «Список жертв увеличивается с каждым днем все боле и боле. Родственники только с величайшим трудом добивались разрешения похоронить своих близких. Но тела найти почти невозможно, потому что большевистские власти большею частью не могли указать даже приблизительно, где следует их искать. Молодые девушки и дамы лучшего общества снова надели костюм сестры милосердия, в котором они ухаживали за ранеными и спасли во время войны жизнь многим из тех, которые теперь убивали их близких и друзей. Под защитою Красного Креста они целые дни бегали теперь по моргам, анатомическим залам и госпиталям, они перебирали целые груды обнаженных и разлагавшихся трупов, чтобы ценою огромных усилий открыть, наконец, неузнаваемые, часто изуродованные останки своих мужей, братьев, женихов, друзей... О, они показали великое мужество, большой героизм эти русские женщины, и часто импонировали они даже этим зверям-большевикам. Мы говорим ”зверям” совершенно сознательно, потому что… им мало было убить человека, им хотелось еще кроме того унизить, оскорбить в нем его человеческое достоинство, его умственное превосходство над ними...» [112, с.22-23]

В своих показаниях следственной комиссии по делу главкома красных войск на Украине Муравьёва, данных весной-летом 1918 г. в Москве, сослуживцы и подчиненные Муравьёва и Ремнёва, а также должностные лица созданного большевиками для Украины правительства тоже много рассказывали о резне, устроенной в Киеве красными войсками. Так, секретарь армейского комитета 1-й революционной армии Люсиль Цвангер, которая по просьбе Ремнёва работала какое-то время в «ремнёвской» 2-й армии, уже в марте 1918 г. свидетельствовала: «Добрались до Киева... Действительно, жителей Муравьёв не жалел. В “штаб Духонина” отправлялись и виновные и невиновные как Муравьёвым, так и Ремнёвым, и всеми, кто бы ни пожелал, это не возбранялось, и даже наоборот, считалось особым молодечеством. Многие хвалились тем, что “достали” 30 тысяч, золотые часы и так далее. Рассказывали с большой гордостью, сколько патронов расстреляли таким образом. В общем, грабили, пили, расстреливали без зазрения совести» [61, с.48-49] . Очевидец вспоминает, как один из перешедших тогда

в Киеве к красным чешских легионеров «уже на другой лень хвастался, что у него полный карман часов» [117, с.197]. А Люсиль Цвангер 25 мая 1918 г. так дополнила свои показания: «Когда я находилась в санитарном пункте в здании Министерства земледелия в Киеве, напротив меня был “штаб Духонина”, где происходили расстрелы. Людей раздевали и убивали. Я пробыла в пункте четыре дня совершенно одна, и тут я была свидетельницей того, как матросы из армии Ремнёва забрались в Министерство земледелия и стали взламывать кассу. Они были пьяны. Они взломали две кассы – кассу министерства и Ремнёва, а затем ушли, забрав деньги» [61, с.262].

Член коллегии по эвакуации Юга России И.Тягай показал на том же следствии 18 мая 1918 г.: «После взятия г. Киева вся власть фактически перешла в руки военных властей – команд[ующих] армиями т[оварищей] Муравьёва и Ремнёва. Комендантом города был назначен матрос [А.В.] Полупанов, а охрану города взял на себя Ремнёв. Террор проводился по всей жестокости, какая только может быть. Некоторые улицы были завалены трупами убитых гайдамаков, офицеров, вильных казаков (членов нерегулярных воинских формирований, украинской национальной гвардии. – Ю.С.), а также и случайных прохожих. Несколько дней они оставались неубранными. Расстреливали и невиновных потому, что обыкновенно расстрелы производили пьяные матросы и солдаты армии Ремнёва по приказанию пьяных начальников. Начальники штабов и коменданты менялись ежедневно и часто даже по несколько раз в сутки. Я был свидетелем расстрела одного врача на Бессарабке, грузина, фамилию которого сейчас затрудняюсь вспомнить. Также, со слов близкого мне человека, заслуживающего вполне доверия, расстреляли на Николаевской улице и одного полковника с сыном кадетом 12 лет за то, что отец носил погоны. Мне, состоявшему тогда членом К[иевского] шт[аба] кр[асной] гвардии приходилось быть свидетелем беспрерывного пьяного разгула и бесчинств красногвардейцев отр[ядов] Ремнёва, Муравьёва и др. Занимались они реквизициями, арестами, расстрелами и даже обезоруживанием местной красной гвардии, которая состояла исключительно из рабочих заводов, чл[енов] партии большевиков» [61, с.202-203] .

У расквартированного в Киеве и его окрестностях чехословацкого корпуса был статус подразделения Французской армии и договор с Муравьёвым о нейтралитете. Тем не менее, как вспоминал находившийся тогда со своими солдатами глава Чешского национального комитета Томаш Масарик, «поведение большевиков в Киеве и его окрестностях накладывали на нас тяжелую задачу – терпеливость; мы были особенно потрясены известием, что, несмотря на договор, были убиты наши солдаты, охранявшие военные запасы недалеко от Киева. По своей грубости, большевики, наслаждаясь своей победой, не удовлетворились лишь убийством часовых, но загрязнили и надругались над трупами, с которых сняли платье и обувь. Трудно было тогда преодолеть естественное стремление к мести; но, взвесив все обстоятельства, я удовлетворился энергичным протестом и большевицким обещанием, что виновники будут наказаны и что в дальнейшем договоры будут честно исполняться» [117, с.198] .

Командовавший в те дни полком «червоного казачества» Примаков свидетельствовал 20 мая 1918 г. о киевских событиях: «Арестованных мы отправляли во дворец к Муравьёву. Много было жуликов и грабителей, которые надевали шинели солдат и называли себя красногвардейцами. Мои казаки ловили шпану, среди которой попадались и красногвардейцы из отряда Ремнёва и других отрядов. Главным образом крала шпана уголовная. Во дворце (киевском Мариинском. – Ю.С.) расстреливали шпану, но больше гайдамаков и вильных казаков. Раз я приехал во дворец и увидел на площади 12 трупов, которые не убирали. Муравьёв велел не убирать их “на страх врагам”. <…> Упомяну еще, что среди этих 12 трупов находился и труп левого эсера, двоюродного брата левой эсерки Гужовской. Говорили, что были расстреляны и большевики. Впрочем, было очень много провокаторов, провокация была страшная. <…> Я боролся с погромами. Однажды в автомобиле перевозили вино, я арестовал автомобиль и

спросил, куда направляется вино. Мне отвечали: “В штаб, Крещатик, 38”. Там находился штаб Ремнёва. <…> Дельных работников было мало. [Вообще же мы не могли] разобрать, кто командовал – Муравьёв, Ремнёв или еще третий кто-то» [61, с.229-230, 231] .

Наконец, подтверждает все предыдущие свидетельства и сам главком Муравьёв, который на допросе в Москве 5-7 июня 1918 г. признавался: «26 янв[аря] были расстрелы генералов и офицеров и вообще пленных контрреволюционеров около дворца [Императрицы] Марии Федоровны на Александровской улице. Расстрелы производили отряды Ремнёва по своему усмотрению. 26 янв[аря] к вечеру следствен[ная] комиссия мною была организована и я настоял, чтобы она приступила к занятиям. <…> Массовые расстрелы производились 26 января, причем я приказал, чтобы все случаи рассматривались штабом Ремнёва, но войска мстили и вошли в такой азарт, что остановить их не было никакой возможности. Солдаты так озверели, что 26 янв[аря], когда я, было, воспротивился их расстрелам, один из солдат крикнул на меня, чтобы я не разговаривал и хотел меня прикончить, но один из моих конвоиров сказал ему: “Ты что, не видишь, что это главнокомандующий!” Тогда солдат заявил: “Ну, ладно, проходи уж”. С 27 янв[аря] утром расстрелы уже были прекращены. У нас не было 26 янв[аря] фактической силы, чтобы опереться в борьбе против самосудов и расстрелов. 27 янв[аря] упоение расстрелами спало естественным путем и затем занялись реквизициями белья и обуви» [61,с.292, 293].

Справедливости ради надо сказать, что это именно Муравьёв изначально подталкивал своих подчиненных к насилиям в Киеве. Секретарь армейского комитета 1-й революционной армии Люсиль Цвангер стала свидетельницей того, как еще на подходе к украинской столице, во время остановки красных войск в Бахмаче, Муравьёв произнес на митинге речь примерно такого содержания: «Товарищи! Я знаю, что многие из вас устали, но недолго вам работать. Наша задача взять Киев, и тогда вы сможете возвратиться домой. Много вам пришлось страдать, но они кровью ответят за все ваши страдания. Мы им покажем, дайте только добраться до Киева. Если нужно будет – не постою ни перед чем: камня на камне не оставлю в Киеве. Жителей [не] жалеть, они нас не жалели, они терпели хозяйничанье гайдамаков. Мы всех их перестреляем и перережем. Мы им покажем. Нечего бояться кровопускания. Кто не с нами, тот против нас. Вы, доблестные товарищи, вы мне поможете взять Киев, а там вы будете вознаграждены» [61, с.48]. 22 января (4 февраля) 1918 г. в своем «Приказе №9», изданном в киевском предместье Дарница, Муравьёв потребовал от подчиненных: «Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции» [6, с.154]. При этом формальный начальник Муравьёва, Антонов-Овсеенко, в своих записках 1924 г. энергично «открещивается» от причастности большевиков к муравьёвской расстрельной инициативе: «Этот приказ был издан, конечно, без согласования с представителями Украинского советского правительства и сразу своим тоном и распоряжением о бессудной расправе со всеми подозрительными личностями взволновал нашу партийную организацию и советские власти» [6, с.154].

Для Муравьёва же все эти кровожадные призывы не были следствием сиюминутного настроения. Подтверждается это тем, что к годовщине февральского переворота «большевицкий генералиссимус» прислал в Петроградский военный округ такую телеграмму: «Циркулярно. По всем станциям и учреждениям, всем советским войскам Петрограда: Лучшая оборона, это – наступление, а потому всегда бейте наступая, товарищи революционеры. Второе условие победы – дисциплина и повиновение своим вождям. Третье – все время надо учиться и учиться. Четвертое – защищать бедных и обездоленных и делиться с ними последним куском хлеба. Пятое – беспощадно истреблять капиталистов, генералов, офицеров, юнкеров, помещиков, гайдамаков и австро-германских авантюристов. Итак, товарищи, всегда вперед! Любящий вас всех главнокомандующий Муравьёв» [123]. Напечатавшая эту телеграмму (с разоблачительными целями) петроградская эсеровская газета «Дело народа», сопроводила публикацию та-

ким комментарием: «Вся Россия говорит о подвигах Муравьёва; правда, среди этих подвигов не слышно о защите бедных и обездоленных и дележе с ними последним куском хлеба, но по части всяческого истребления – достаточно говорят. Но как военный штаб относится к муравьёвским призывам беспощадно истреблять офицеров в то самое время, когда все кадровые офицеры большевистским же правительством были призваны на службу?» [123] Повторимся – это эсеровский комментарий, а ведь в советской литературе вся порочность Муравьёва выводится как раз из мнимого или реального членства его в этой «неправильной» партии социалистов-революционеров…

Затонский, занимавший в 1918 г. пост большевистского народного секретаря просвещения Украины, в мемуарах 1929 г. пишет, что расстрелы со стороны красных были, якобы, ответом на расправу силовых органов УНР с участниками провалившегося большевистского переворота в Киеве, устроенного накануне муравьёвского штурма: «Увидев кучи пролетарских тел, красногвардейцы сами осатанели. Тогда впервые началась у нас смертельная борьба, пошли расстрелы. Об уголовном кодексе с тремя годами наибольшего наказания (принятом накануне марионеточным большевистским правительством Украины в Харькове. – Ю.С.) уже никто не вспоминал. Возможно, даже наверняка, пострадали невинные — в таком деле всякое бывает» [83, с.116]. О мести за расправу над неудавшимися путчистами, как одной из причин киевской резни, говорил в 1921 г. и представитель прямо противоположного Затонскому политического лагеря – герцог Г.Н.Лейхтенбергский, вспоминавший, что украинцы после подавления большевистского мятежа «расстреляли без больших церемоний некоторое количество своих противников. Другого эти господа и не заслуживали, по совести говоря, так как в огромном большинстве случаев это были простые грабители и каторжники. Но у украинцев не хватило времени спрятать свои жертвы и вообще следы этой новой, суммарной юстиции, как им уже пришлось расплачиваться за содеянное» [112, с.16-17].

Интересно, тем не менее, что на допросе 20 мая 1918 г. по делу главкома Муравьёва Затонский о мести за «гайдамацкие расправы», как причине киевских расстрелов, вообще не упоминал. Напротив, он представлял инициаторами расправ Муравьёва, Ремнёва и их подчиненных, относившихся к украинскому народу с пренебрежением, себя назвавших «великорусскими войсками», судя по поведению взявшимися украинское начало искоренить [61, с.222-223].

Что касается количества жертв устроенной красными войсками Муравьёва и Ремнёва в Киеве резни, то герцог Г.Н.Лейхтенбергский так пишет об этом: «Владычество большевиков стоило, однако, городу дорого: кроме 2000 жертв от бомбардировки, погибло еще не менее 2000 студентов, офицеров, членов Красного Креста, простых купцов, врачей и даже, как говорили, сестер милосердия, которых не охранил даже священный знак Красного Креста; расстрелянных и замученных было в общем итоге более 4000 человек, по большей части решительно ни в чем неповинных. Только Богу одному известно точное число жертв, так как много драм свершилось в полной тайне и много людей исчезло, не оставив решительно никакого следа» [112, с.24]. Австрийские оккупационные власти в донесении из Киева от 2 апреля 1918 г. сообщили, что красные убили в городе в январе-феврале 1918 г. 2576 русских офицеров [71, с.213]. Украинский Красный Крест в 1918 году общее число жертв ремнёвского погрома в Киеве исчислил в 5000 человек . Ту же цифру приводит анонимный мемуарист 1928 года («В первые дни Киевского террора было убито больше пяти тысяч человек») [101, с.11] . Вообще же разные авторы полагают, что красные в конце января 1918 г. убили в Киеве от двух до десяти с лишним тысяч безоружных человек [118, с.88; 37, с.64, 165; 95а, с.81] . Современный российский исследователь С.В.Волков считает, что киевская резня начала 1918 г. «была одна из крупнейших, если не самая крупная за войну единовременная расправа над [русскими] офицерами» [37, с.64].

Но ведь в немалом числе в этой ремнёвской бойне погибли также и военнослужащие армии Украинской народной республики (помимо солдат и офицеров – командир и начальник штаба 1-го украинского корпуса генерал-майоры 44-летний Яков Григорьевич Гандзюк и 46-летний Яков Васильевич Сафонов), украинские политические деятели (например, бывший генеральный секретарь земледелия УНР 27-летний левый украинский эсер Александр Михайлович Зарудный, члены Центральной Рады левый эсер Леонард Бочковский, украинский эсер Исаак Михайлович Пугач, врач Михаил Орловский) [71, с.213; 220а, с. 358, 400, 368, 397], священнослужители, киевская интеллигенция, представители еврейской общины города... В 1958 г. украино-американский историк М.Стахов так суммировал данные украинской прессы 40-летней данности о резне, устроенной красными в Киеве в январе-феврале 1918 г.: «Украинский Красный Крест после освобождения Киева от советской оккупации немедленно приступил 1 марта 1918 года к сбору материалов о большевистских зверствах в Киеве. Основываясь на материалах только первых трех дней после освобождения Киева установлено, что в Киеве за три недели советской оккупации большевистские оккупационные отряды расстреляли более 5 000 человек. Между расстрелянными находилось много известных лиц, в числе которых был также киевский митрополит Владимир. Трупы митрополита, министра Зарудного, и Леонарда Бочковского были раздеты и страшным способом изуродованы. Тем же самым способом убиты 168 гимназистов, которые записались в Украинскую армию, но не успели уйти с отступающими украинскими войсковыми частями. Немезида постигла также 215 матросов украинского морского корпуса, которые во время боев за Киев объявили себя "нейтральными" и не отступили с Украинской армией из Киева, будучи уверены, что их "нейтральность" ничуть не повредит им в глазах большевиков. Они были расстреляны поголовно, а их трупы также изуродованы. За описанными выше расстрелами в Киеве, …шли еще массовые грабежи учреждений и гражданского населения…» [209а, с.121-122].

Вероятно, главной уликой, обнаружение которой влекло за собой расправу, являлись для ремнёвских красногвардейцев-великороссов документы на украинском языке – вне зависимости от содержания таких документов. Анонимный мемуарист 1928 года вспоминал: «В последних месяцах 1917 г. в Киеве, где находилось много различных штабов Южного и Юго-Западного фронтов, скопилось большое количество офицеров, откомандированных, по разным причинам от своих частей. <…> …Кроме обязательства иметь украинские удостоверения личности и запрета ношения военной формы, иной, кроме украинской, Центральная Рада не чинила в то время особых затруднений всем уволенным от службы и принужденным в силу обстоятельств жить на территории Украйны. Так продолжалось до января 1918 года…» [101, с.10] Н.М.Могилянский, напомним, говорит про «красный билетик — удостоверение принадлежности к украинскому гражданству», после предъявления которого ремнёвцы убивали. О том же свидетельствует и П.Л.Стефанович: «Все… , в частности офицеры, большинство которых прибыло в Киев после революции и распада фронта, обязаны были регистрироваться. В подтверждение выдавалась темно-красная карточка, так наз[ываемый] ”красный билет”, послуживший несколько позже предлогом к притеснениям и расстрелам их носителей со стороны большевиков» [210, с.16]. С этим явлением успел столкнуться до своего отъезда из Киева 27 января 1918 г. предшественник Ремнёва в командовании 2-й революционной армией Берзин, рассказывавший: «27-го янв[аря] войсковые части поймали группу гайдамаков с красными “ подсвичньцямы” (билетами). Среди них были и с побритыми “чупринами”, их хотели расстрелять. Во время совещания в[оенно]-рев[олюционного] ком[итета] с командным составом прибежали товарищи, прося их спасти. Тогда М[уравьев] отдал мне распоряжение немедленно пойти и остановить расстрел. Я пошел и освободил их совершенно, [выяснилось], что это были украинские войска, воевавшие за советскую власть» [61, с.161].

Комиссар продовольствия на станциях Лозовая и Синельниково Иннокентий Григорьевич Табаков свидетельствовал в Москве около 23 мая 1918 г.: «Слышал, что в Киеве бывшей Радой выдавались билетики на право свободного прохода. С этими билетиками люди задерживались и расстреливались» [61, с.252] . Большевик Затонский вспоминал в 1929 г., как ремнёвцы «расстреляли украинских эсеров, по сути хороших ребят, которые только-только спаслись от расстрела, к которому их приговорил Грушевский (вряд ли, конечно, глава Центральной Рады кого-то приговаривал к расстрелу. – Ю.С.). Они сбежали из-под ареста во время бомбардировки, но когда наши войска вошли в город, у них были билеты на посещение Центральной Рады и, не считаясь с их объяснениями, их расстреляли на месте. Я сам едва не погиб: среди бела дня меня остановил один из наших патрулей. Я ему показал удостоверение члена украинского правительства, выписанное на украинском языке, с печатью Всеукраинского Центрального Совета (то есть по-украински «Рады». – Ю.С.) рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Мне говорят:

— А, попался, голубчик!

И тут же, возможно бы, и расстреляли,— тогда же это просто на улице делалось,— если б, на счастье, в другом кармане не было другого мандата — члена Совнаркома РСФСР за подписью Ильича (большевистское жаргонное обозначение Ленина. – Ю.С.). Это вызвало удивление, и я предложил разрешить его, проводив меня в штаб. Конечно, в штабе недоразумение выяснилось» [83, с.116-117] .

Ровно такой же случай произошел с только что прибывшим в Киев старым большевиком, народным секретарем труда, торговли и промышленности Николаем Алексеевичем Скрыпником (1872-1933, покончил с собой), позже – главой украинского прокоммунистического правительства. 10 мая 1918 г. в Москве Скрыпник рассказывал: «Мне известно, что войска Ремнёва, благодаря слабой дисциплине, вышли из повиновения, устраивали грабежи, расстрелы, были случаи расстрелов товарищей левых соц[иалистов]-рев[олюционеров], а также и большевиков – в особенности расстреливали всех тех, у кого находили удостоверения, написанные на украинском языке, так что складывалось впечатление у населения, что ремнёвцы борются вообще с украинцами. Меня самого какой-то отряд задержал и хотел, было, расстрелять потому, что я показал им удостоверение на украинском языке, но меня спасло то обстоятельство, что при мне было удостоверение от центрального совета заводских комитетов Петрограда и еще потому, что один из солдат знал меня лично. Отряды Ремнёва состояли из красногвардейцев Петрограда, Москвы, Брянска. Тот же отряд, который меня остановил, заявил мне, что они анархисты» [61, с.112-113].

Герцог Г.Н.Лейхтенбергский также вспоминал, как в один из дней ремнёвского террора в Киеве «обнаружены были трупы студентов с их студенческими билетами на груди. Билеты эти были красного цвета, как и билеты украинских офицеров. Большевики, часто совершенно безграмотные, видя эти красные билеты, принимали их за офицеров-украинцев, на которых они злы еще больше, чем на своих, великорусских офицеров, и убивали их, не желая ни слушать, ни верить их объяснениям» [112, с.21]. Причем в первые сутки господства красных в Киеве, по словам того же герцога Лейхтенбергского, его «паспорт старого режима, в котором было указано… имя, титул и чин полковника гвардии проверялся в течение этого дня два раза и не причинил… никаких неприятностей» герцогу [112, с.18].

Интересно, что В.В.Шульгина Ремнёв от расправы избавил. Да и вообще был изображен Василием Витальевичем в мемуарах, скорее, сочувственно. Интересно, что кроме Шульгина и еще одного провинциального советского мемуариста (Ю.Романченко), сочувствия к Ремнёву ни один современник – хоть красный, хоть белый, хоть «жовто-блакитный» – не высказывал. Однако Шульгин, прекрасный психолог, заметил ремнёвское почти физиологическое двуличие. Шульгин вспоминал, как после ареста, «проехав Царский сад, мы подъехали к Мариин-

скому дворцу, захваченному штабом Муравьёва. Екатерина Григорьевна, моя жена, которая тут побывала наутро, рассказывала, что кругом дворца венчиком лежали трупы расстрелянных. Но нас доставили в целости. Мы… поднялись по темноватой лестнице во второй этаж. Открылась дверь. Мне бросился в глаза длинный стол, освещенный множеством огарков. Вокруг стола стояло множество людей, лица которых были освещены снизу. Как только мы вошли, я услышал громкий голос:

— Опять кто-то влез. Запомните, здесь штаб, сюда может входить без разрешения только Ленин, — он остановился, сделал паузу и прибавил, — или Николай II.

Чей-то голос, недоумевая, прибавил:

— А этот к чему же?

Нас с Угнивенко (товарищ Шульгина по несчастью, офицер. – Ю.С.) поставили около потухшего камина. А доставивший нас еврей подошел к столу и сказал тому, кто сделал только что такое заявление громовым голосом и являлся, по-видимому, здесь начальником:

— Товарищ Ремнёв! Я доставил двух паразитов. Шульгина и еще одного.

Ремнёв ответил:

— Каких паразитов? Как вы выражаетесь?

Затем он стал присматриваться. Огарки мешали ему хорошо видеть. Но я-то очень хорошо видел его лицо. И оно стало изменяться, как будто с него снимали какой-то грим. За мгновение перед тем он был нечто вроде ухаря-купца. И вдруг выглянуло интеллигентное лицо, и он сказал, обращаясь ко мне:

— Вы, кажется, бывший редактор ”Киевлянина”?

— Да.

— Вам дадут отдельное помещение. Не хотите ли чаю?

— Нет, благодарю вас. <…>

В ”отдельном” помещении было четыреста человек народу, как оказалось утром. <…> Познакомился я там с одним офицером, оказавшимся бельгийцем. Он был обрадован, что может говорить со мною по-французски. Он восторгался Ремнёвым:

— Ah, c’est un homme! (Вот это человек! – франц.) Они хотели расстрелять меня на ступенях, в эту минуту он подъехал. Он не стал терять времени. Одной рукой он схватил меня и поставил за собою, а другой вынул револьвер. И вот так он вырвал меня из рук убийц.

Тут надо добавить о Ремнёве, что… он, пользуясь своею должностью командира корпуса, многим оказал помощь» [234, с.181-182, 185] .

Что бы ни рассказывал престарелый Шульгин, но в Киеве под властью Ремнёва и ремнёвцев царил невероятный произвол. Н.М.Могилянский вспоминал: «Начались повальные грабежи в домах ”буржуев”, обыски и вымогательства, с избиением недостаточно уступчивых и покорных судьбе. <…> Кто и когда еще расскажет о всей циничной пошлости этой разнузданной вакханалии произвола, насилия, глумления и издевательства над личностью мирного обывателя?! - ”Пойдем с нами щи хлебать, буржуйка!” - говорит солдат-красноармеец почтенной даме, в присутствии всех членов семьи, расставленных у стенки с приказанием не шевелиться во время обыска. “У! Тебе бы все шампанское лакать!..” - продолжает он, угрожая револьвером, приставленным к самому лицу несчастной жертвы надругательства (в марте - начале апреля в той же манере ремнёвцы будут обращаться с жертвами устроенных ими на севере Украины еврейских погромов. – Ю.С.). Из обывательских квартир тащили все, что попало, сначала наиболее ценное: деньги, золото и серебро, всякого рода ценности. Богатые заведомо дома, конечно, были ограблены в первую очередь. <…> Киев стали грабить систематически. Наложена была пятимиллионная контрибуция, моментально, до срока уплаченная тем самым обывателем... По городу в автомобилях и на парных, роскошных извозчиках с прекрасными фаэтонами и ландо, разъезжали матросы и красноармейцы, часто в нетрезвом виде; они

сорили деньгами в кафе, ресторанах и игорных домах, окруженные атмосферой кутежа и всяческого дебоша» [122, с.77, 78, 79]. О том же говорит и князь Н.Д.Жевахов: «Началось владычество большевиков с повальных арестов, обысков и грабежей, предпринимаемых с целью взыскания контрибуции в несколько сот миллионов рублей, наложенной победителями. Сначала были ограблены банки и правительственные учреждения, а затем началось опустошение частных квартир. И днем и ночью ходили вооруженные до зубов солдаты в сопровождении жидков и беззастенчиво грабили мирных жителей, отбирая от них самое необходимое, и угрожая смертью за утайку денег и вещей. Брали все, что попадалось под руку. Являлись солдаты нередко и с своими любовницами, еще более наглыми и циничными, и получали от трепещущих киевлян все, что требовали. Никто даже не думал оказывать сопротивления, напротив, все были счастливы, если удавалось избежать смерти ценою потери всего имущества и превратиться в нищего, все были скованы ужасным террором и безропотно повиновались палачам» [79, с.34] .

Сведения о наложенной на Киев контрибуции подтверждает и сам Муравьёв в донесении, направленном по прямому проводу в Москву, Ленину: «У Киевской буржуазии я взял 10 миллионов контрибуции, которая пойдет вся на организацию работ для безработных рабочих и для оказания помощи семьям убитых и раненых рабочих, которых очень много полегло как из числа киевских, так и из моих армии. Из части контрибуции даю вознаграждение войскам: все конфискованные деньги, золото и вещи сдаю в Государственный банк на имя Советов Украины. Всячески поддерживаю престиж новой власти» [6, с.157-158] . 9 мая 1918 г. в качестве главы всеукраинского центрального исполнительного комитета большевик Скрыпник заявлял: «Не как вину, но как на подлежащее разъяснению обстоятельство указываю, что Муравьёв наложил контрибуцию на киевскую буржуазию без прямого согласия Народного секретариата и не представил денежных отчетов Народному секретариату» [61, с.104-105] .

Буквально на следующий день после взятия Киева красными в город начали съезжаться члены советского правительства (народного секретариата), сформированного большевиками в Харькове для Украины. Как вспоминал один из «народных секретарей», уже знакомый нам Затонский, «приезд правительства в Киев встретили все, даже обыватели, с радостью и надеждами. После январских катастроф им хотелось покоя. <…> От нас ожидалось, что мы приведем в рамки буйных ремнёвцев» [83, с.117] . Однако в Киеве эти «народные секретари» попадали в руки тех же ремнёвцев и сами балансировали между жизнью и смертью. Выше мы приводили свидетельства Затонского и Скрыпника об их малоприятных встречах с людьми Афанасия Иосифовича. А вот что вспоминала тогдашний народный секретарь по внутренним делам Евгения Богдановна (Готлибовна) Бош (1879 – 1925, покончила с собой): «Штаб Муравьёва расположился в центре города и, не считаясь совершенно с постановлениями Исполкома Киевского Совета Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов и Ревкома, наводил порядок в городе по-своему. Приказами штаба Муравьёва, сыпавшимися как из рога изобилия, заклеивались буквально все свободные места на зданиях и телеграфных столбах. Приказы большей частью шли вразрез с постановлениями местной Советской власти. А по улицам города раскатывал на автомобиле Ремнёв — весьма сомнительный субъект, пролезший в штаб Муравьёва — с вооруженной группой и, держа винтовки наизготовку, останавливали извозчиков и автомобили, требуя от имени Советской власти предъявлять документы и сдать оружие, если таковое имеется. Этим налетам подвергались не только обыватели, но и ответственные советские работники. В первый же день приезда в Киев, возвращаясь с заседания Исполкома, мы были остановлены мчавшимся на нас автомобилем, с которого неслись грозные крики: ”Стой, или будем стрелять!”. Нас окружила группа человек в 5-6 вооруженных людей, направив в упор на нас оружие. На наш вопрос: ”В чем дело?”, последовал приказ: ”Руки вверх”, и к нам подошел сам Ремнёв. После осмотра наших документов, самочинная ”охрана” быстро вскочила в автомо-

биль и полным ходом умчалась. Всё вместе наводило панику на население и давало повод обывателям, меньшевикам, бундовцам (члены еврейской социал-демократической организации «Бунд», т.е. «Союз». – Ю.С.) и эсерам кричать об анархии в городе, вызванной властью большевиков. Эти крики с особой энергией подхватывались ставленниками Ц[ентральной] Рады, продолжавшими подпольно вести свою работу против Советской власти» [19, с.144] . И это Бош еще «поскромничала». Как свидетельствовал 20 мая 1918 г. командир «червоного казачества» Примаков, в конце января 1918 г. в Киеве «провокаторы стреляли в Е.Бош из револьвера. В меня бросили бомбу на Подоле» [61, с.230] ...

И вот уже 28 января 1918 г., через два дня после взятия Киева красными, киевский совет рабочих и солдатских депутатов по предложению большевистской фракции единогласно принял такую резолюцию: «Совет выражает решительное осуждение непрекращающимся самосудам над пленным врагом, которые пятнают славную победу пролетариата. Киевский Совет Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов вменяет в обязанность Исполнительному Комитету и военно-революционному Комитету принять самые решительные меры для прекращения самосудов и требует, чтобы все без исключения арестованные представлялись на суд Революционного Трибунала. Опозорившие себя убийством безоружных должны быть исключены из рядов социалистической армии и преданы революционному суду. Не унижайте себя подражанием гнусности низвергнутой контрреволюции. Довольно насилий! Да здравствует справедливый суд организованного пролетариата! Киевский С.Р. и С.Д. (совет рабочих и солдатских депутатов) объявляет, что на территории его власти смертная казнь отменяется» [19, с.140] . В ответ на требование совета Муравьёв издал приказ, которым категорически запретил самочинные обыски, аресты и самосуды. Право обысков и арестов Муравьёв передал военно-революционному комитету во главе с гражданским комиссаром г. Киева Григорием Исааковичем Чудновским (1890—1918, покончил с собой), в 1917 г. приехавшим в Россию из США вместе с Троцким. Чудновскому должны были подчиняться командующий 2-й армией Ремнёв и комендант его штаба матрос Гунько (Ганько) [71, с.243] .

Здесь следует пояснить. По свидетельству главкома Муравьёва Ремнёв сразу после захвата Киева красными жил в том самом Мариинском дворце, куда красногвардейцы свозили задержанных и возле которого производились расстрелы. Потом сам Ремнёв переселился на Банковскую улицу. Штаб же ремнёвский расположился в гостинице «Савой» (улица Кещатик, дом 38). Комендантом гостиницы и штаба как раз и был матрос Гунько или Ганько [61, с.293-294, 204, 230] . Киевский красногвардеец и член коллегии по эвакуации Юга России И.Тягай так охарактеризовал весной 1918 г. работу ремнёвского штаба: «Штаб этот занимался исключительно грабежами и пьянством. Это объясняется также и тем, что туда присылались темные элементы: уголов[ные] преступники, которых выпустили из тюрем, сыщики, охранники, гайдамаки, бывшие до этого вильными казаками. Все они старались дискредитировать в глазах населения города всю кр[асную] гвардию и советскую власть. Издавали противоречащие друг другу неосуществимые приказы, мешая работать местному совету и рев[олюционному] комит[ету]. Появлялись в печати приказы Ремнёва и др., противоречащие советским и наоборот. Благодаря этому двоевластию, вернее безвластию, работа не могла наладиться» [61, с.204] . О том, что в ремнёвский штаб на Крещатике свозилось награбленное добро, говорилось в процитированных выше показаниях Примакова. Главком Муравьёв по этому поводу показал следующее: «Реквизиции происходили массовые, причем войска конфисковали в богатых особняках драгоценностей на несколько миллионов. Комендант гостиницы “Савой” Ганько сообщил мне, что у него в гостинице находятся конфискованные драгоценности, и спросил, что с ними делать. Боясь расхищения, я явился туда сам. При мне все драгоценности были погружены в два грузовика и были отвезены в Государственный банк, где сданы управляющему. Была получена расписка в приеме этих вещей» [61, с.294] …

Как выяснилось очень быстро, муравьёвский приказ о запрещении самочинных обысков, арестов и самосудов дела не исправил. «Несмотря на этот приказ, самочинные обыски и аресты продолжаются и проводятся не кем другим, как ближайшим помощником Муравьёва — командующим 2-й армией Ремнёвым», – отмечала народный секретарь по внутренним делам Бош [19, с.140]. И вот, вспоминает она же, «для облегчения организации охраны Народный Секретариат поспешил вывести лишние войска из города. Муравьёву было предъявлено ультимативное требование — прекратить издание приказов, касающихся внутренней жизни города, привлечь к ответственности Ремнёва за его самочинные действия и немедленно выступить на фронт против Петлюры. После отказа Муравьёва выполнить последнее требование, он был отозвал Советом Народных Комиссаров с Украины» [19, с.150] (последнее не верно, о чем ниже). А вот что об этом говорит коллега Бош, натерпевшийся от ремнёвцев Затонский: «Состояние красногвардейцев было понятным. Хуже то, что командные их верхи: Ремнёв, Муравьёв и компания, эти пройдисветы и авантюристы, спекулировали на чувствах массы, играя на ее разнузданности, сознательно эту разнузданность разжигая. Нам удалось взять Муравьёва в хорошие тиски и заставить его убраться из Киева, а вскоре вымели и Ремнёва» [83, с.117] . В официальной истории так называемого «червоного казачества», изданной в 1923 г., рассказывается: «В Киеве полк Червоного Казачества еще более вырос и окреп. Он принадлежал к той небольшой части киевского гарнизона, которая поддерживала порядок в городе. Вообще же гарнизон Киева являл типичную для той эпохи картину хаоса. Полк Сагайдачного, отдельные отряды петлюровских полков, перешедшие на сторону Советской власти, вели себя весьма буйно: по ночам грабили прохожих и несколько раз устраивали разгромы спиртовых складов. Отряд Ремнёва, занимавшийся тем же, был частично удален из Киева и послан на Одессу» [228, с.29].

Правда, для находившихся в Киеве беженцев из русских образованных классов ситуация после выдворения из города Ремнёва и Муравьёва особенно не улучшилась. Вот что вспоминал в 1922 г. «один из старых революционных работников Киевщины», товарищ Меер Мовшевич Биберман по прозвищу «Майоров», возглавивший в январе 1918 г. Всеукраинский (краевой) военно-революционный комитет по борьбе с контрреволюцией (местный аналог ЧК): «Впоследствии пришлось разочароваться в муравьёвской армии. Командный состав состоял в большинстве из проходимцев, вроде Ремнёва... По вступлении Муравьёва в Киев он назначил своего коменданта, который обращал мало внимания на то, что делают ”братишки” Муравьёва. Никакой местной власти они признавать не хотели и творили разные безобразия. <…> В это время в Киеве находилось много бежавшей буржуазии из центральной России, ибо во время существования Центральной Рады сюда слетелась вся бежавшая буржуазия из Петрограда и Москвы, все чиновники и т. д. Пишущий эти строки был занят борьбой с контрреволюцией, свившей себе гнездо, главным образом, среди этих элементов. Одних офицеров было арестовано до 2 тысяч человек, не считая тех, которых Муравьёв, за свое 2-х недельное пребывание в Киеве, расстрелял. Несмотря на крики буржуазии, о том, что расстреливали направо и налево, дело, на самом деле, обстояло не так, как говорили. Из арестованных большинство было выпущено, и даже такой реакционер, как Шульгин, сидевший в то время в Лукьяновской тюрьме, тоже был выпущен, хотя я считаю, что это было крупнейшей ошибкой со стороны тех товарищей, которые считали возможным его выпустить на свободу» [115, с.74-75].

Майорову вторил в 1927 г. некий Д.Эрдэ (возможно псевдоним), редактировавший в 1918 г. газету «Известия» прокоммунистического правительства Украины: «В рассматриваемый период Киев был буквально наводнен офицерством, нахлынувшим сюда с фронта и из Питера. Муравьев чересчур резко и бестактно, но в сущности правильно, ставил вопрос об обуздании этих элементов. <…> Скорее к положительным итогам деятельности Муравьева в Киеве надо отнести его политику в отношении к белогвардейскому отребью, собравшемуся в

Киеве и выжидавшему удобного момента для выступления против советов. За короткий период своего пребывания в Киеве Муравьев несколько почистил Киев от реакционного офицерства. Этой же работой был занят, помимо Муравьева, Майоров, ставший во главе Всеукраинского революционного комитета (род Чрезвычайной Комиссии, которой тогда на Украине еще не было)» [234а, с. 4, 181-182, 183]. В общем, настроение муравьёвских преемников во власти над Киевом предельно ясно.

Да, и на Одессу пошел все-таки не Ремнёв, а Муравьёв, назначенный 14 февраля 1918 г. на должность командующего Русско-Румынским фронтом [15] . Причем Ленин, весьма ценивший «превосходные боевые качества» Муравьёва [114, с.116] , сопроводил новое назначение своего любимца весьма почтительной телеграммой, в которой именовал муравьёвских и ремнёвских бандитов «доблестными героями»: «Ввиду серьезности положения на Русско-Румынском фронте и необходимости экстренной поддержки революционных отрядов в Бессарабии главнокомандующий Муравьёв и его северная армия причисляются в распоряжение Румынской верховной коллегии. Мы ни на минуту не сомневаемся, что доблестные герои освобождения Киева не замедлят исполнить свой революционный долг. Председатель Совнаркома Ленин» [114, с.365] .

В чем заключался особенный цинизм этой ленинской телеграммы стоит объяснить особо. Дело в том, что далеко не все подчиненные Муравьёва и Ремнёва были довольны сложившейся в войсках ситуацией. Недовольные объединились в армейский комитет 1-й революционной армии. Возглавили комитет бывший начальник штаба 1-й революционной армии Сергей Измайлович Мойсеев и комиссар 1-го Московского красногвардейского отряда Ефим Исаакович Лапидус. В комитет вошли медицинский работник Люсиль Цвангер в качестве секретаря, начальник штаба 2-й революционной армии Вильгельм Августович Фейерабенд и другие. Лапидус 11 мая 1918 г. на допросе в Москве рассказывал: «На конспиративном политическом собрании в Полтаве, при обсуждении деятельности Муравьёва, один из видных партийных работников просил разрешения покончить с ним. Разрешение ему не было дано. <…> В политическом отношении товарищи штаба Первой армии, да и я, говорили, что если центральная власть не отзовет Муравьёва и не отдаст его под суд, то, находя его деятельность вредной для революции, надо будет его убить. Но ввиду того, что в стратегических целях это убийство могло повредить нам, я предлагал его только арестовать. Мы отправили делегацию в Петроград к Ленину, который ответил, что он на стороне демократии, а потому “поступайте, как сочтете нужным”» [61, с.135] . И после всего этого знавший о художествах муравьёвских войск в Киеве Ленин «отбил» в адрес главкома на Украине процитированную выше телеграмму...

Удаление Ремнёва из Киева проходило в несколько этапов. Сначала Муравьёв «отдал приказ Ремнёву двинуть войска в направление Житомира, что и было исполнено – был послан конный отряд, которым командовал, кажется, бывший кавалерийский офицер Потураев» [61, с.300]. Потом, «перед выездом из Киева Муравьёв распределил армии так: Первая рев[олюционная] армия целиком должна была идти на Румынский фронт, Вторая армия Ремнёва частью должна была остаться в Киеве, частью же продвинуться к Минску» [61, с.253] . До Минска Ремнёв не добрался, пребывая в районе российско-украинской границы, где его армия переформировывалась. Интересно, что глава украинского ЦИК Скрыпник, который в числе прочих «народных секретарей» немало усилий приложил на то, чтобы выдворить муравьёвские войска из Киева, 9 мая 1918 г. заявлял в Москве: «В вину Муравьёву ставлю то, что он, уезжая в Одессу, фактически оголил Киев от войск, подчиненных ему, частью уведя их с собой, частью отправив на формирование, частью оставив в Киеве, но в своем распоряжении» [61, с.106] ... Часть ремнёвцев действительно находилась в Киеве еще 20-21 февраля 1918 г. [61, с.254]

9. ДЫРЯВАЯ ОБОРОНА. Февраль – апрель 1918 года

На следующий день после взятия Киева войсками Муравьёва и Ремнёва, 27 января (9 февраля) 1918 г. в Бресте правительство УНР подписало мирный договор с немцами, австрийцами, турками и болгарами. Представитель большевиков Троцкий провалил подписание такого же мирного договора от имени России, после чего 5 (18) февраля 1918 г. (большевики ввели в России новое исчисление времени с 1(14) февраля 1918 г.) немцы и австро-венгры начали на территории Украины и Белоруссии наступление на красных, двигаясь к российской границе. На Украине параллельно с немцами действовал против большевиков Гайдамацкий кош Слободской Украины, которым с января 1918 г. командовал бывший военный секретарь УНР С.В.Петлюра.

Рис.41. Немцы в Минске. Февраль 1918 г.

Вечером 19 (6) февраля бежало из Минска знакомое нам большевистское начальство. Местные железнодорожные рабочие не захотели выпускать большевиков, задолжавших им жалование за два месяца. Красные расплатились, но тут выяснилось, что дров для паровоза нет… И «народные комиссары» Западной области воздействовали на народ силой: «Совет Комиссаров решил быть беспощадным к этим людям, совершенно забывшим свой долг перед революцией, сохранить живые революционные силы (такой витиеватой фразой комиссары упрекали рабочих за то, что те самоотверженно не спасали комиссарские шкуры. – Ю.С.), и только тогда, когда были выставлены пулеметы, саботаж прекратился и отъезд начался. По дороге, вследствие неправильно переведенной стрелки, произошло крушение, обошедшееся благодаря тихому ходу без жертв» [24, с.937] … Поляки вошли в Минск 20 (7) февраля, немцы – на следующий день.

Как рассказывал бывший красный комендант Киево-Печерской лавры солдат В.С.Сергеев: «Когда немецко-гайдамацкие банды подошли к Киеву со стороны Волынского поста, Святошино и Пущи-Водицы, советы побросали свои посты и разбежались. Еще за три дня до отступления наших отрядов из города, я сам ночью приехал в Царский (Мариинский. – Ю.С.) дворец и застал там всего 4 члена [совета], которые играли в карты. Я их спросил, почему они никаких мер не принимают против наступления немецко-гайдмацких банд, а они мне ответили, что уже порвали все бумаги и готовы удирать» [61, с.178] .

Рис.42. Немцы в Киеве. Март 1918 г.

Немцы и войска УНР вошли в Киев 1 марта (15 февраля) 1918 г. А почти через месяц, 29 марта (11 апреля), выходившая в Петрограде эсеровская газета «Дело народа» сообщила: «В Киеве, под руководством сенатора Трегубова, начато расследование деятельности Муравьёва и б[ывшего] областного совета нар[одных] ком[иссаров]. К делу приобщаются газеты с речами Муравьёва о превращении Одессы в пепелище. С другой стороны, выясняется характер арестов интеллигенции и буржуазии и захват общественных капиталов» [177] ...

Со стороны красных в пору немецко-украинского наступления, по воспоминаниям Антонова-Овсеенко, «направление Бахмач—Курск [было] усеяно какими-то мелкими отрядами, возглавленными несколькими ”главнокомандующими”: в Конотопе — Лопатиным, где-то еще — Ремнёвым (он же командарм 2-й муравьёвской, которая ”формировалась” почему-то на севере Украины)» [7, с.19, 33] . Облик 2-й революционной армии действительно тогда изменился. Если прежде она состояла, напомним, сплошь из остатков частей Русской Армии (которые, по взятому ранее обязательству, большевики демобилизовали еще в Киеве), то теперь превратилась в красногвардейское формирование. Бывший красный комендант Киево-Печерской лавры солдат Сергеев рассказывал весной 1918 г.: «В хуторе Михайловском был штаб тов[арища] Ремнёва, а позиция была Крупец – Холопки, Шостка – Коронь и Глухов, где стояли отряды Сосницкий, Глуховский, Крупенский, Киевский, 1-й сводный, 3-й революционный, Путивльский, Конотопский и другие» [61, с.181] . К Ремнёву же присоединился позже Конотопский отряд Лопатина.

22 (9) февраля 1918 г. на экстренном совместном совещании в брянском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с представителями организаций и учреждений Брянского промышленного района слушали «доклад Командующего 2-й Армией тов[арища] Ремнёва о создавшемся положении страны в связи с наступлением Германской армии». Совещание в совете началось в 10 часов вечера, а закончилось в 2 часа ночи. Постановили: доклад Ремнёва «принять к сведению и выпустить к населению воззвание…» [55, л.18, 18об].

В Брянске тогда царила паника. Пожилая местная жительница писала дочери 21 февраля 1918 г.: «Вот, наконец, и в нашем городе все зашевелилось. Проснулись и оживились, мечутся, кто куда. Банк уехал, казначейство – тоже, но со страху попало не на ту дорогу, куда надо, и стало возле Белых Берегов на пути, проехать невозможно. Автомобильные роты тоже всё уво-

зят. Поэтому я и спешу писать. Это, должно быть, мое последнее письмо. В Арсенале машины все ломают и пайки в большом количестве раздают, всё хотят Арсенал взорвать, рабочие рассчитаны (т.е. уволены. – Ю.С.), говорят, что [Брянск-Льговский] вокзал тоже взорвут, а весь [Брянск-Орловский вокзал]… зададекодирован… мешками с песком и поставлены пушки… Не могу описать всего переполоха жителей, по лавкам везде дают пайки, чтоб не досталось немцам, даже такая милость для жителей: давали печёный хлеб по ф[унту] на душу из сухарного завода… Покровскую церковь обокрали, всё взяли, потом в цирке продавали с молотка сосуды, кресты и всё, всё…» [181]

Рис.43. Хутор Михайловский. Открытка начала XX века.

* * *

Известия о продвижении немцев к российской границе и восстановлении власти Центральной Рады положили начало чреде трагических событий в уездном городе Черниговской губернии Глухове, занятом красными еще 1 (14) января 1918 г. О глуховских событиях рассказывают два источника, в чем-то друг друга дополняющие, а в чем-то друг другу противоречащие. Это статья «Погром в Глухове (рассказ пострадавшего)», опубликованная 19 апреля 1918 г. петроградской еврейской газетой «Unser Togblat» – и воспоминания жившего в 1917-18 гг. в Глухове плененного русскими солдата австро-венгерской армии, этнического украинца-галичанина Ильи Павловича Рогатинского, напечатанные в 1930 г. львовским журналом «Життя і знання». По воспоминаниям Рогатинского – в конце января 1918 г., по сообщению петроградской газеты – 18 февраля (4 марта) в Глухов вернулось около 300 чинов стоявшего в городе до 1-й мировой войны 175-го пехотного Батуринского полка Русской Армии [14, с.164; 229, с.286-287] . Что это были за люди, рассказал Рогатинский: «Пришел… Батуринский полк с Северного фронта, по большевистскому приказу о демобилизации, откуда-то из-под Риги, после двух месяцев путешествия к своим квартирам в Глухове. Пришло всего около 300 человек, хорошо вооруженных, с пулеметами, с минометами и всем военным, техническим снаряжением. Полк этот был чисто украинский, из самых сознательных и искренних украинцев-патриотов, офицеров и унтер-офицеров. Эти люди в полку договорились о том, чтобы по домам не расходиться. Большевикам они заявили о своем нейтралитете. Большевистская красная гвардия в Глухове оставила их в покое и позволила остановиться в своих старых казармах за городом» [14, с.164].

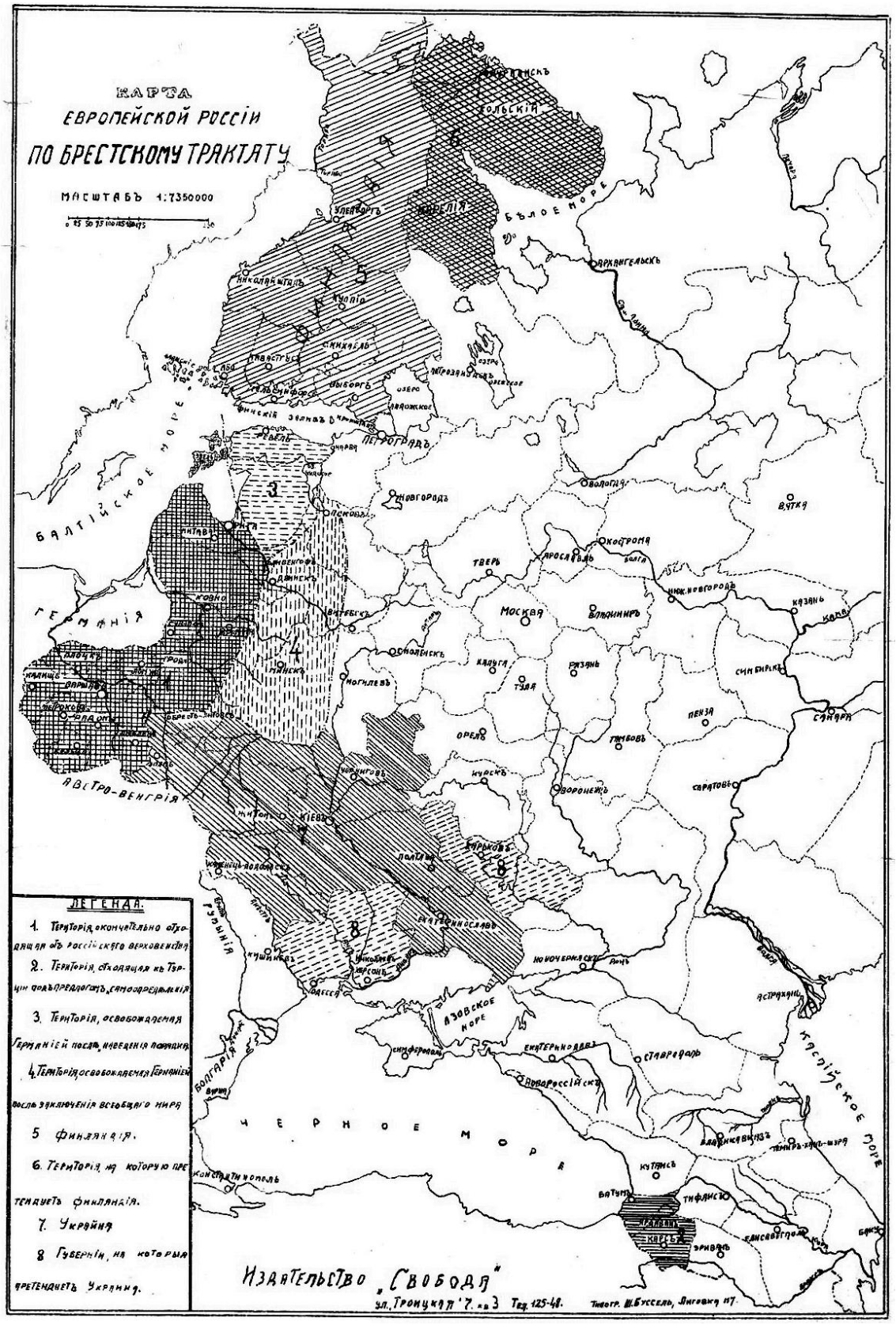


Рис.44. Карта Европейской России согласно Брестскому мирному договору (трактату). 1918 г. Листовка.

Рис.45. Глухов. Открытка начала XX века.

Когда в Глухове узнали о том, что немцы вытесняют с Украины большевиков и восстанавливаются властные органы УНР, 19 февраля (5 марта) 1918 г., во вторник, до восхода солнца, чины Батуринского полка во главе с неким Мирзеренко, которого Рогатинский называет командиром полка, и в союзе с тайными украинскими организациями совершили в Глухове переворот. Правда, в авторитетном справочнике Я.Ю.Тинченко «Офицерский корпус Армии Украинской Народной Республики» сказано, что командиром украинизированного Батуринского полка был в это время вовсе не Мирзеренко, а подполковник Валентин Максимович Трутенко (1881 – 1953) [216, с.443-444] . Так или иначе, но, как рассказывает Рогатинский, батуринцы «арестовали и разогнали большевистских комиссаров и объявили Четвертый Универсал и свободную независимую Украинскую Республику. Батуринцы обошлись с большевиками очень мягко, никого не расстреливали, ни над кем не издевались, думая, что их это убедит и образумит, тем более, что украинские войска наступали по всему фронту (конечно, прежде всего наступали немецкие войска, украинских же войск было тогда слишком мало. – Ю.С.), а большевики в панике отступали. Некоторые большевики бежали на Орловщину и Курщину и донесли обо всем по беспроводному телеграфу главной большевистской власти в Москве, а та дала приказ командующему Ремнёву (части которого воевали под Бахмачем и Шосткой с украинскими повстанцами), чтобы стянул свои резервы с Курщины и кроваво задушил контрреволюцию Центральной Рады в Глухове. Приказ был немедленно выполнен» [14, с.165; 229, с.286-287] . На самом деле Глухов входил в зону ответственности Ремнёва как командарма, здесь располагался один из красногвардейских отрядов ремнёвской армии. Таким образом, волей-неволей Ремнёву нужно было возвращать город под свой контроль.

В тот же самый день, когда из Глухова изгнали большевиков, 19 февраля (5 марта), по воспоминаниям Рогатинского, «большевики привезли несколько поездов своей красной гвардии на станцию Заруцкий, в 5 верстах от Глухова. Приехало два броневика (большевики начали употреблять тогда бронированные поезда), несколько бронированных машин, привезли тяжелую и легкую батареи и красную кавалерию (тогда уже было название ”красная армия”), прислали также два пеших полка пехоты, в которых было много венгров и хорватов (военнопленных), четыре пулеметные роты, один батальон ударный и часть кавалерии с пулеметами. Чтобы увеличить свои силы, большевики сгоняли из северных сел Глуховщины всех молодых мужчин, которые служили в солдатах (кто не хотел, того под угрозой расстрела насильно хватали), давали им ружья и гнали в переднюю линию. Так принудительно согнали около двух тысяч из местных сел, только украинского населения» [14, с.165] .

Другие источники описывают состав красных карательных войск для Глухова гораздо скромнее, чем Рогатинский. И петроградская еврейская газета (со слов очевидца), и главная большевистская газета «Правда» в официальном сообщении о глуховских событиях сходятся на том, что красные из Курска прислали в Глухов Рославльский партизанский отряд красногвардейцев под началом матроса Цыганко [229, с.146, 147, 287]. О том, что Рославльский красногвардейский отряд находился в подчинении Ремнёва, говорит, опять же, один Рогатинский.

На самом деле история с формированием, подчиненностью, даже с командирами Рославльского красногвардейского отряда запутанна так же, как у любой красногвардейской части рубежа 1917-18 гг. К 5 декабря 1917 г. Рославльский партизанский отряд красногвардейцев состоял из 500 бойцов при 10 пулеметах и 2 орудиях, находился в Брянске и числился во 2-й колонне Северных отрядов по борьбе с контрреволюцией С.Д.Кудинского (повешен украинцами в 1918 г.) [70, с.17; 6, с.34]. К 23 декабря рославцы переехали в Курск, о чем Антонов-Овсеенко вспоминал так: «В Курске наводил ”революционный порядок” и соответственную панику на обывателей посланный Кудинским ”Рославльский отряд” тов[арища] Щеглова» [6, с.53]. Это фамилия, кажется, первого командира рославцев.

В конце декабря 1917 г. Рославльский отряд в Курске во главе уже с новым командиром, Сабининым, участвовал в захвате имущества английского бронепарка [78, с.182] . У рославцев, надо сказать, была дурная репутация. Как вспоминал тогдашний комиссар 1-го Курского революционного полка большевик Николай Денисович Токмаков (1892–1938): «Рословский [Рославльский] отряд. Первоначально это был небольшой отряд, присланный Кудинским, состоявший из революционно настроенной массы, большевиков, преимущественно рабочих, правда, молодежи. Однако в Курске этот отряд стал увлекаться расширением своей базы и стал доукомплектовываться. Всех, кто приходил в отряд, записывали, вооружали, словом, считали своим. В результате отряд быстро разбух, причем теперь в его состав вошли, главным образом, люмпен-пролетарии, просто жулики и контрреволюционеры. Как только отряд разбух, он, конечно, показал свое лицо: начались самочинные реквизиции, аресты, обыски, а затем и открытые погромные выступления, громились магазины, рынки, в курском воздухе вновь появились перья подушек из громившихся еврейских домов» [78, с.178].

Курскому большевистскому начальству пришлось избавляться от буйных рославльских красногвардейцев тем же способом, каким избавились от ремнёвского 1-го революционного полка большевики минские – отправить на украинский фронт. После очередного усмирения рославцев, их командира Сабинина вызвал председатель Курского губернского революционного совета Евгений Николаевич Забицкий (ок. 1887-1960) и потребовал: «Уезжайте на фронт, или мы ваш отряд обезоружим, а вас арестуем». И, действительно, примерно 8 (21) января 1918 г. рославцы, снабженные броневиками и артиллерией, «с музыкой и песнями… пошли на фронт» [78, с.179; 6, с.143].

До фронта добралось не более 200 рославльских красногвардейцев при двух пушках. Прибывшие оказались, по словам Антонова-Овсеенко, «плохо дисциплинированными и мало боеспособными». Тем не менее, Рославльский отряд был включен в состав войск Муравьёва [6, с.222]. 15 (28) января 1918 г. рославцы заняли город Конотоп и выслали разведку к Бахмачу [6, с.146]. Потом они наверняка «порезвились» в Киеве, а к 3 февраля оказались в Донбассе, в 4-й красной армии 21-летнего бывшего прапорщика Юрия Владимировича Саблина (1897 – 1937). В связи с качеством стекавшегося к Саблину пополнения, в районе размещения его войск была «продажа водки прекращена», о чем командарм сообщил Антонову-Овсеенко [6, с.230] . 3 (17) марта считалось, что Рославльский отряд находится в составе советских войск Полтавского района Юго-Западного фронта, а 21 марта (2 апреля) числился среди войск 5-й красной армии Сиверса [7, с.83, 177]. Заместителем Сиверса считался Ремнёв – и, следовательно, он мог отдавать приказы Рославльскому отряду красногвардейцев. К тому же Глухов, как

говорилось выше, входил в зону ответственности Ремнёва уже как командарма. Кроме того, в том же районе, что и рославцы, находился среди мелких красных частей отряд интернационалистов (то есть наемников из числа военнопленных) в 300 штыков, а также интернациональная артиллерийская батарея [7, с.89]. Все это скопище вполне могло явиться в Глухов вместе с рославцами и их третьим командиром, матросом Цыганко. Окрестных же мужиков силой сгонять к Гухову и не надо было – в надежде пограбить, что в итоге и случилось, они сами бы пришли, как до того в Киев или под Чернигов.

Так или иначе, но главным виновником последовавшей вскоре в Глухове резни живший в этом городе военнопленный Рогатинский считал Ремнёва. Хотя Рогатинский командарма лично не видел, но был о нем весьма наслышан и охарактеризовал «командующего Ремнёва» сначала как «страшного красного душегуба, палача, который первый начал массово расстреливать на Украине всех контрреволюционеров, как он писал в своих приказах» [14, с.161]. А потом еще раз помянул «арестанта душегуба Ремнёва», добавив, что «Ремнёв был настоящей зверюгой, которая налево и направо страшно убивала всех, кто не был большевиком» [14, с.163] ...

Анонимный очевидец глуховских событий так описывал в 1918 г. на страницах петроградской еврейской газеты приход к городу красных: «21-го февраля (6 марта), распространился слух, что на Глухов опять идут большевики — Рославльская партизанская часть Красной армии— и с ними много крестьян из окрестных деревень, которые еще и раньше были хорошо вооружены и склонны к большевизму. В городе встревожились; выслали разведку и вообще стали готовиться к войне, каждый по своему: евреи поселились в подвалах. …Утром, за городом, недалеко от вокзала, начался настоящий бой между глуховской милицией и Батуринским полком с одной стороны, и большевистскими солдатами-партизанами и крестьянами — с другой» [229, с.287]. А вот что вспоминал о том же Илья Рогатинский: «Когда командование 175 Батуринского полка узнало, что на них идет такая сила красных, то стало лихорадочно готовиться к обороне Глухова. В городе было несколько оставленных красногвардейцами артиллерийских батарей, и даже одна очень большая на автомобилях. Нашли хороших артиллеристов и заняли удобное положение. Полевую батарею и пулеметную роту поставили на севере, со стороны станции, откуда должны были наступать большевики. Гаубицы установили в городе, тяжелую артиллерию на автомобилях – за городом на востоке. Батуринцев было всего 300 душ; из них создали одну одну пулемётную роту и две роты ударные. Одна [ударная рота] вышла за город, а вторая забаррикадировалась в казармах. 300 человек из других разных полков прикрывали артиллерию, часть пошла обороняться в окопы за городом, а часть пулеметчиков разместилась на высоких домах. Несколько кавалеристов составили разведку. Вот все, что было для обороны города Глухова. Часть евреев-студентов сбежала к большевикам, а остальные сидели спокойно по домам и присматривались. Украинцы, мирные жители до 150 человек сформировали городскую самооборону (в сообщении петроградской газеты – милицию. – Ю.С.). Сознательные военные украинцы пошли за город на фронт. <…> Большевики семь раз пускали свою пехоту в атаку, но храбрые батуринцы все отбивали их с большими потерями. Наконец, украинская тяжелая артиллерия расстреляла все снаряды. Остались только две полевые батареи со стороны станции. Большевики обрушили на станцию ураганный артиллерийский и пулеметный огонь. А потом быстрым приступом взяли ее по трупам украинских защитников. Под вечер 6 марта 1918 г. бой доходил до самого высокого напряжения. Потеряв на севере такую оборонительную линию, как станция, украинцы отступили в самый город. <…> Большевики бросили в атаку свой ударный так называемый отряд "чёрта " (из самых отчаянных горлорезов), а за ним второй отряд венгров, румын и хорватов, ворвавшихся в город, где началась рукопашная резня. Батуринцы и часть глуховской самообороны отступили к военным царским казармам; там забаррикадированные, они стреляли в большевиков. Ночью пришло больше большевистской "Красной гвардии". Одна часть окружала казармы батуринцев и

то и дело атаковала, а вторая часть начала устраивать в городе кровавый пир. Первым делом набросились на раненых украинских казаков. Всех докалывали штыками. Пленных батуринцев расстреливали тотчас на месте. Потом напали на евреев и глуховских богачей» [14, с.165] .

Очевидец со страниц петроградской газеты уточняет, несколько снижая пафос воспоминаний Рогатинского: «Солдаты Батуринского полка в средине боя побросали оружие и перешли на сторону большевиков, заявив при этом, что глуховские евреи их подкупили, чтобы они воевали против большевиков. Офицеры полка остались в рядах милиции и вместе с последней энергично защищали город. <…> По городу рассыпались вооруженные партизаны и крестьяне, среди которых были воры, женщины и дети; крестьяне приехали с пустыми подводами. Отдельные группы стали обходить дома и спрашивали:

— Где здесь живут жиды?

…Войдя в дом и не найдя там никого, они пускались по чердакам, подвалам, сараям и другим скрытым местам, куда евреи попрятались. Во многих домах христианская прислуга указывала, куда спрятались евреи. Бандиты были пьяны. Найдя в подвале или ином месте евреев, они предъявляли им требование выдать оружие, которое у них будто имеется, и так как оружия, разумеется, не было, то их арестовывали и водили в Совет. Но в Совет их не приводили, а по дороге либо расстреливали, либо убивали (Это был стандартный для красногвардейцев и красноармейцев сценарий. Выше мы видели, что так поступали с киевлянами – вели будто бы на допрос, а отправляли в «штаб Духонина». Вскоре таким же образом поступят и с жителями Шостки. Что касается грабежей в еврейских домах, то и в 1919 г. самочинный обыск начинали с вопроса об оружии [52, л.16-17] . – Ю.С.). Во многих местах это делалось совсем просто: выводили целыми семьями во двор, ставили в ряд и расстреливали… Когда некоторые евреи, со смертельным страхом в глазах, пытались узнать у пьяных бандитов, за что убивают, в чем вина, — солдаты коротко отвечали:

— Нам приказано вырезать всех жидов.

Одну семью вывели во двор и дали по ней залп. Двое сыновей пали замертво, мать была ранена, остальные вбежали в квартиру и попрятались. Через несколько минут вошла другая банда и расстреляла остальных; пробовали при этом штыками – действительно ли те умерли и стреляли под кровать на случай, если туда кто-нибудь спрятался … Солдаты ходили также по амбарам и втыкали штыки в сено, чтобы узнать, не спрятан ли там кто-нибудь. Многие, действительно, попрятались в сено и оказались таким образом заколотыми» [229, с.287-288].

А вот что вспоминал о том же в 1930 г. Илья Рогатинский: «Красная гвардия растеклась по улицам и ходила от дома к дому, где жили евреи, и всех в домах расстреливали и забирали дорогие вещи и деньги. На евреев напал страшный переполох. Некоторые вырвавшись, пытались бежать. Их догоняли на улице и расстреливали на месте, а потом снимали с них обувь и одежду. Кое-кому удалось вырваться за город, однако и там не было спасения, поскольку везде были большевистские заставы и ездила красная кавалерия, которая пускала вслед беглецам ружейные залпы и клала замертво на месте. Среди звука выстрелов и ночной темноты, прорезываемой изредка вспышками, среди крика и рыданий наступило не пекло, а нечто в тысячу раз хуже пекла. Каждый пьяный красногвардеец имел страшный вид. У всех были грязные лица, на каждом были надеты крест-накрест пулеметные ленты, набитые патронами, у каждого по два или три обнаженных нагана (револьверы за ременным поясом), сбоку черкесский кинжал, вокруг прицеплены ручные гранаты, в руках ружье с окровавленным штыком. Для евреев наступил страшный суд. Буквально всех подряд стреляли, резали и кололи. Богатых евреев выводили на базарную площадь, там строили их в ряды и под прицелом пулеметов, непонятно почему, их записывали и выводили на ”Красную Горку”, где они сами должны были копать себе могилы, над которыми по окончании копки стреляли в них красногвардейцы. Пленным австрийцам дали приказ засыпать те могилы. Целую ночь так жестоко расправлялись больше-

вики с глуховцами. Повсюду по улицам лежали целые горы человеческих трупов. Почти во всех еврейских домах лежали пострелянные несчастные жертвы, не только мужчины, но женщины и дети. Дома разграблены. Были такие улицы, где во всех домах перебили несчастных людей. Несчастные еврейские женщины, которым удалось в каком-то углу спрятаться от страшной руки дикаря в человеческом теле, сходили с ума, впадали в страшную агонию ужаса и не сводили глаз с лежащих трупов. За городом по рвам и по нехоженым тропам, лежали расстрелянные иудеи, которые хотели спасти себя бегством ночью. То здесь, то там лежали разного возраста сыновья Израиля с расколотыми черепами в луже крови. Некоторые имели на груди и плечах раны, однако больше было трупов с развалившимися головами. (Большевики больше всего стреляли в голову). Страшно это было для тех, кто стал действительным свидетелем той… кровавой драмы. Недаром назвали ее глуховцы: ”Варфоломеевская ночь” и долго будут ее помнить» [14, с.165-166] .

Вот как дополняет эту картину очевидец из петроградской газеты: «Не всякий имел счастье быть убитым сразу на месте. Во многих случаях партизаны пытали свои жертвы, раньше чем их убить, и издевались над ними. В одной семье состоятельного, видного еврея солдаты перед тем, как убить его, требовали большую сумму денег. После этого там застали следующую картину: одна дочь, девушка, лежала с разбитым черепом, две младших стояли на коленях с распростертыми руками; их, очевидно, убили, когда они умоляли разбойников подарить им жизнь; отец лежал, буквально изрезанный на куски, а мать сидела на стуле против зеркала, и в ее мертвом рту торчал цветок… У одной матери на глазах убили троих ее сыновей; ей же партизаны совершенно спокойно объявили:

—Тебя не тронем; мы к тебе завтра обедать придем, готовься.

И они сдержали слово: несколько дней подряд мать кормила обедами убийц своих трех сыновей. Через несколько дней после резни солдаты приходили есть в дома, где оставшиеся в живых узнавали в них убийц своих отцов, матерей, братьев, сестер и детей. Солдаты это спокойно выслушивали и продолжали есть. …Раввина…, почти семидесятилетнего старика, потащили на городскую площадь, куда привели еще нескольких местных еврейских обывателей, находившихся в тюрьме. На площади раввина и других евреев выставили в ряд и расстреляли. …Некоторые тела найдены с отрезанными руками, ногами или другими частями тела, с выколотыми глазами… Раненные не могли получить медицинской помощи, так как выйти на улицу нельзя было; там хватали евреев и расстреливали на месте. Если же кому-нибудь и удавалось довести раненного до городской больницы, то тут же около его задерживали и убивали… <…> Никто из христиан не хотел впустить к себе и скрыть от убийц ни одного еврея, даже близкого знакомого. Временный общественный раввин, служащий Соединенного банка, спрятался с женой и двумя детьми в помещении банка; его сослуживец-христианин выдал его. Раввина потащили ”в Совет” и по дороге закололи, жену тоже убили; дети же остались живы. Вообще убивали многих на улицах, когда их вели будто под арест, или когда кто-нибудь пытался бежать из города. Киево-Московская улица, где находится Совет, вся залита кровью. В городском саду найдено 40 трупов. На одной железнодорожной станции возле Глухова вывели из вагона 8 евреев, изрезали на куски и тут же, у полотна дороги, похоронили. В некоторых случаях удавалось откупиться за деньги. …Среди тех, которые не могли дать за себя выкуп, не делали никаких различий. Так, убили нескольких евреев — бывших солдат, которые в настоящую войну получили Георгия (то есть Георгиевский крест. – Ю.С.). Не щадили также ни женщин, ни стариков, ни детей, хотя партизаны говорили, что они ищут молодых людей. Резня длилась весь день 22-го февраля и всю ночь на 23-ье» [229, с.288-290]. Илья Рогатинский отметил еще одну жуткую черту глуховской резни: она происходила на глазах местных «большевизированных еврейских студентов», недавно вместе с красными бежавших из города – и теперь с ними же возвратившихся [14, с.165].

22 февраля (7 марта по новому стилю) пал последний оплот глуховского сопротивления – казармы Батуринского полка, где находились офицеры и городская самооборона. Илья Рогатинский рассказывает: «Утром 7 марта красногвардейцы окружили железным кольцом казармы 175-го Батуринского полка, которые героически защищались до конца. По трупам и израненным телам защитников… ворвались красные палачи в казарму, где по-зверски в пьяном состоянии расправлялись с верными сынами Украины. Погиб весь гарнизон со своим командиром Мирзиренко. С полудня начались обыски и аресты мирных жителей, а ночью при свете факелов расстрелы всех, заподозренных в украинстве. На следующий день, утром 8 марта, большевики отпечатали плакаты с надписью: ”В настоящее время, 8 часов, окончена карательная экспедиция Глухова и контрреволюция задушена” – и развесили на стенах города» [14, с.166] . Очевидец на страницах петроградской газеты в 1918 г. подтверждает: «Кроме евреев расстреляли только офицеров Батуринского полка и украинского комиссара Дрозда», а также говорит, что 23 февраля (8 марта) «по городу расклеили воззвание от Совета: ”Красногвардейцы, довольно крови!”» [229, с.289, 290] .

Но и это не стало последним испытанием для глуховских жителей: «Массовая резня прекратилась, и начался погром, длившийся 2 дня подряд. Ограбили дочиста все еврейские квартиры и лавки. В погроме принимали участие и сами большевистские комиссары. Крестьяне нагрузили свои подводы еврейскими товарами и еврейским добром и отвезли к себе в деревни. Кроме того, крестьяне обобрали все трупы, сняли с них все, что имело ценность, и голые мертвые тела бросили на еврейском кладбище. В Совет призвали служащих погребального братства и приказали похоронить убитых. На похоронах не было ни одного мужчины из оставшихся в живых, так как на улице еще расстреливали. Только женщины пришли на кладбище к погребению. Всего похоронили приблизительно 140 человек, но надо полагать, что не все трупы найдены. Кроме того известно, что в окрестных деревнях вырезали всех евреев, но не хотели выдать их трупы. Евреев, ехавших за трупами, расстреливали. <…> Во время резни была повреждена синагога, разодраны свитки Торы и книги» [229, с.290] . Недавно был опубликован составленный «по горячим следам» поименный список убитых в Глухове 22 и 23 февраля 1918 г. красногвардейцами Ремнёва и окрестными крестьянами евреев. В списке приведены имена 110 человек в возрасте от 16 до 75 лет, 91 мужчины и 19 женщин [126, с.178-183] .

И это безобразие сопровождалось привычным для того времени красным спектаклем – революционными похоронами. Илья Рогатинский вспоминал: в день официального прекращения карательной экспедиции красные «дали приказ военнопленным (австрийцам), которые были в Глухове на разных работах, чтобы те быстро явились к их начальству. Им поручили собирать трупы по улицам и домам и вывозить за город для закапывания. Восемь дней вывозили австрийцы уже разложившиеся трупы несчастных жертв, укладывая их по 30, 40 и 60 в одной могиле. (Большевистская касса платила им по 40 копеек за труп). Тогда же дали приказ собирать и убитых красных по полям Глуховщины, под городом и в городе. Каждому из своих убитых красные делали в Глухове гроб, покрытый красной материей, клали венок с красными лентами и большевистскими надписями: ”За революцию пал в борьбе с контрреволюцией” и т. д. В Глухове выбрали большевики своим [мертвецам] лучшее место под общую могилу, где несколько дней с большой пышностью приготовлялись к похоронам, как они называли ”жертв революции”. В лучшем глуховском парке есть памятник Терещенко (этот человек за свой счет поставил городской госпиталь и церковь св. Параскевы). В том парке под самым памятником красные приказали снести все каменные парковые украшения, выкопать большую могилу и там похоронить своих убитых. 11 марта (27 февраля) согнали силой всех попов с Глуховщины, приказали служить, петь по погибшим красногвардейцам ”Вечную память” и читать поминальные молитвы. Бедные попы, как могли, из страха льстиво подчинялись большевикам. Тех, кто не хотел, тотчас арестовывали. Под звуках музыки, под выстрелы пушек и после целого

дня речей их командиров и комиссаров большевики хоронили свои жертвы, а между тем с запада доходили взрывы и выстрелы наступающих украинских и немецких войск, что прогоняли большевиков огнем и мечом» [14, с.166] . Петроградская еврейская газета подтверждает: «Партизан, павших в бою с милицией, торжественно похоронили в центре города и на могилах водрузили красное знамя с надписью: ”Да здравствует Интернационал!”» [229, с.291] …

Рис.46. Глухов. Памятник Н.А.Терещенко. Открыт 23 августа 1909 г.

Но и это концом не было. Илья Рогатинский вспоминал, что на следующий день после красных похорон в Глухове «убили большевики еще 19 еврейских семей в большом казацком селе Есмань, не пощадили даже малых детей (действительно, в пригородном глуховском селе Есмань убили 16 евреев, людей в возрасте от 68 до 2 лет, в том числе 6 мужчин и мальчиков, 10 женщин и девочек [126, с.178] . – Ю.С.). После пошли расстрелы и аресты по селам. Всех, заподозренных в украинском движении, без промедления осуждал заочно революционный трибунал в Глухове (по донесениям своих шпиков), после чего высылали своих гвардейцев туда, где жил или скрывался осужденный; разыскивали даже под землей. Кого находили, расстреливали на месте. На людей напал страх. Как в городах, так и по селам всякая работа встала. Хуже всего в Глухове. Город словно вымер. На улицах никого не было видно. Не работал ни один магазин. На базарах и следа торговли не стало» [14, с.166] . Кроме того, «после резни на город наложили контрибуцию в 300 000 рублей, несмотря на то, что после погрома все обнищали». А вскоре один из руководителей глуховского совета, изгнанный из города украинцами – и возвращенный красногвардейцами комиссар Пильченко, «человек с уголовным про-

шлым: был осужден, как фальшивомонетчик», «перед Пасхой… потребовал, чтобы евреи внесли ему 10 000 рублей, иначе повторится резня. Деньги были внесены» [229, с.286, 290] . Как видим, и по части контрибуции Глухов повторил судьбу Киева.

Газеты разной политической направленности писали в 1918 г., что жертвами учиненного красногвардейцами Ремнёва погрома в Глухове стали от 100 до 400 человек [229, с.146] (в именном списке жертв погромов в Глухове и Есмани, напомним, числятся 126 человек). При этом главная большевистская газета «Правда» ограничилась по этому поводу лишь такой бравурной заметкой, опубликованной 18 (31-?) марта 1918 г.: «Доблестный Рославльский отряд занял Глухов после упорного сопротивления. Улицы Глухова и прилегающие к железнодорожной линии места покрыты трупами. В городе организован Совет» [229, с.147] ...

Вероятно, под впечатлением «глуховской победы» всплывший из, казалось бы, небытия 1-й революционный полк имени Минского Совета выступил 7 (20) марта 1918 г. на страницах главной большевистской газеты «Правда» с очередным кровожадным заявлением, в котором попутно давал советы «поистине космического масштаба»: «1-й революционный имени минского Совета полк пришел к выводу о необходимости активной борьбы с контрреволюцией во всей Советской республике. Из действительных мер борьбы полк признает следующее: объявить в кратчайший срок, что все частные лица, не сдавшие оружия, куда им будет показано, будут подвергнуты самым решительным мерам принуждения вплоть до расстрела. Постановить о полном уничтожении опьяняющих напитков и лиц, распространяющих их, привлекать к суровой ответственности. Затем необходимо изъять все контрреволюционные элементы из всех учреждений, обслуживающих республику, и вести самую решительную борьбу с явными и тайными организациями контрреволюционных сил. С своей стороны революционный полк примет самое горячее участие для проведения в жизнь настоящей революции. Председатель полков[ого] комит[ета] Крылов. Секретарь Драпкин» [1] . Кажется, после этого полк о себе уже никак не заявлял – ни делами, ни резолюциями…

* * *

Тем временем новая большевистская делегация 3 марта 1918 г. заключила все-таки в Брест-Литовске (ныне г. Брест в Белоруссии) мир с Германией и ее союзниками. Мирный договор был ратифицирован чрезвычайным 4-м всероссийским съездом советов 15 марта, а германским императором Вильгельмом II – 26 марта 1918 г. Правда, все эти дипломатические мероприятия не мешали немцам продвигаться в сторону центральной России, поскольку Германия имела несколько иное представление о государственной территории Украины, нежели большевики. А красные командиры в промежутке между подписанием и ратификацией Брестского мира спорили, кто из них будет главным на конотопском направлении.

Конотоп был с точки зрения противоборствующих сторон лакомым куском. «На разъезде Верёвки, что отстоит за 5 километров на север от Конотопа, был огромный военный склад артиллерийских снарядов, гранат, ружейных патронов и военной амуниции, как то — повозок, двуколок, колючей проволоки и прочего», – вспоминал один из местных жителей в 1931 г. [184, с.133] Антонов-Овсеенко назначил главным в Конотоп комиссара Изюмского уезда некоего Шарова. До прибытия последнего командование возлагалось на 20-летнего атамана «червоных казаков» Примакова. Тем не менее, как пишет Антонов-Овсеенко, уже около 8 марта 1918 г. «несмотря на неоднократно повторенные им указания, …раздор продолжался. В нем принял участие и Ремнёв, проводивший неуловимую работу ”формирований” в районе Брянск — Копотоп» [7, с.29] .

Свидетелем этих командирских споров и их последствий стал бывший красный комендант Киево-Печерской лавры солдат Сергеев, позже рассказывавший: «Когда несколько наших отрядов съехались в Конотоп и там же в Конотопе организовались отряды – так называемые 1-

й и 2-й Конотопские <...>, на их общем собрании командующим был избран тов[арищ] Лопатин. Взявшись за дело, он установил позиции за Бахмачем в Плисках <...>. Там же находились чехословацкие войска, около одного полка, которые только и держали фронт. Не успело дело наладиться, как приезжает тов[арищ] Ремнёв и заявляет тов[арищу] Лопатину, что он принимает командование фронтом <...>. Они стали вместе командовать, т.е. вошли в конфликт. Но вот дня два покомандовали они, и приезжает новый командующий с отрядом тов[арищ] Шаров, который говорит, что он принимает командование фронтом. Тем временем из Харькова или из Полтавы приезжают в Бахмач товарищи Бош, Примаков и Пятаков, которые также заявляют, что они принимают командование этим фронтом. Появилось шесть командующих, начальники отрядов не знали, чьи приказания исполнять. Один командующий приказывает одно, а другой другое. Пошла борьба между командующими за власть. Тогда тов[арищ] Ремнёв уезжает в хутор Михайловский, тов[арищ] Лопатин принимает поезд снабжения, а остальные остались командовать. Мне тов[арищ] Шаров дал позицию на ст[анции] Калиновка, около меня было 50 чел[овек] и один пулемет. Не прошло и двух суток, когда вижу, что наши всегда пьяные отряды грабят. Смотрю, чехословацкие войска уезжают, спрашиваю почему, они отвечают, что не будут с нашими отрядами воевать потому, что это пьяницы и грабители. Не успели чехи уехать, как, откуда ни возьмись, ночью три немца в Бахмаче взорвали полотно железной дороги по направлению Конотопа. Тогда Бош со своими отрядами удрала через ст[анцию] Ромны на ст[анцию] Гадяч, тов[арищ] Шаров со своими отрядами бежал позорно на ст[анцию] Ворожба, а оттуда в Белгород, где его и арестовали по распоряжению тов[арища] Сиверса. И так сразу отступили, чуть ли не на двести верст, когда еще немца не было видно. С Ворожбы все отряды разбежались кто куда» [61, с.179-181] .

12 марта Антонов-Овсеенко телеграфировал в Брянск главнокомандующему Западным революционным фронтом по борьбе с контрреволюцией – «главкозапу» – прежнему ремнёвскому начальнику Рейнгольду Иосифовичу Берзину: «С Ремнёвым сейчас будем говорить, и разговор будет короток,— он, конечно, подчинится решению, которое существует, а именно — участок Гомель, Бахмач, Конотоп находится в ведении тов[арища] Сиверса, как командующего 5-й армией Фронта республик Юга России» [7, с.49]. Дело в том, что красные провели очередное переформирование своих войск (свершившееся, кажется, лишь на бумаге), после чего в приказе №1 по 5-й армии южно-русских республик командующий этой армией Сиверс, пребывавший тогда в Курске, сообщил: «Объявляю список полевых частей 5-й армии, действующих и зачисленных на фронт: сводные колонны (бывшие части 2-й армии) т[оварища] Ремнёва, отряд Шарова, Макеевский отряд, 1-я рота 24-го ж[елезно]-д[орожного]батальона, Глуховский отряд, отряд Крачковского, отряд Потапова, 1-й Орловский революционный отряд, отряд Вишневского, 1-я мортирная батарея, батарея Интернационала. <…> Заместители: тов[арищ] Ремнёв — т[оварищ] Калюжный» [7, с.86, 87].

Тем временем и Шаров, которому также подчинили Ремнёва (или Шарова подчинили Ремнёву - Антонов-Овсеенко говорит и так, и этак), приступил к исполнению своих обязанностей. Как писал тот же Антонов-Овсеенко: «Шаров действовал неутомимо, меж тем как его начальник (помощник по армии Сиверса) Ремнёв пропадал неизвестно где. Шаров не видел его по несколько дней» [7, с.55]. Речь в этих документах, помимо Ремнёва, идет об упоминавшемся уже высокопоставленном большевике и таком же, как Ремнёв, недавнем прапорщике Рудольфе Фердинандовиче Сиверсе (1892-1918). Что касается отлучек Ремнёва с позиций, отведенных его «армии», то немного проливают на это свет сравнительно недавние исследования курских историков. В одном из документов Государственного архива Курской области говорится, что Ремнёв в это время «разгонял советы, устраивал крушения поездов и т.п.» [78, с.188].

16 марта 1918 г. Антонов-Овсеенко констатировал: «На бахмачском направлении положение все ухудшалось. Немцы, заняв Конотоп — Ромны, обнаружили угрозу и для Полтавы —

Харькова. Берзин, Ремнёв не подавали вестей. Сиверс пытался что-то наладить из хутора Михайловского. Шаров еще занимал Путивль» [7, с.85] . На самом деле, 16 марта Сиверс, находившийся вовсе не на хуторе Михайловском, как полагал Антонов, а на железнодорожной станции Ворожба Сумского уезда Харьковской губернии, издал очередной приказ по своей 5-й армии, в котором, среди прочего, объявил: «Ввиду отсутствия достаточных сил на фронте армии временно приказываю всем частям перейти к активной обороне: 1) Командующему сводными колоннами т[оварищу] Ремнёву — на участке ж[елезной] д[ороги] Михайловский Хутор – Мельня до Конотопа» [58, с.46]. 17 марта Сиверс приказывал: «Правому боевому участку, занимаемому сводными колоннами тов[арища] Ремнёва, продолжать боевую разведку у Мельни» [7, с.88]. На следующий день Антонов-Овсеенко словно бы забывает о недавнем подчинении Ремнёва Сиверсу и говорит об Афанасии Иосифовиче как о командарме. Дело в том, что в Туле тогда появился отряд моряков под началом народного комиссара (наркома) по морским делам Павла Ефимовича Дыбенко (1889-1938). Вскоре Дыбенко арестовали, по словам Антонова-Овсеенко, «за агитацию против Брест-литовского мира» [7, с.92] (по этому мирному договору большевики отдавали под контроль немцам, австриякам и туркам значительные территории прежней Российской Империи, в том числе и Украину). Преемнику Дыбенко в командовании отрядом, матросу Смородинову, Антонов-Овсеенко 18 марта направил такое предписание: «Тов[арищу] Смородинову, командующему первым морским отрядом. Предлагаю вам с отрядом немедленно отправиться в Брянск для действий, согласно указаниям тов[арища] Ремнёва, командующего особой армией, в направлении на Конотоп - Бахмач» [7, с.92]. Итак, 18 марта 1918 г. Ремнёв, кажется, впервые назван командующим «особой армией». Тогда же, по словам Антонова-Овсеенко, нарком по военным делам и председатель всероссийской коллегии по формированию Красной армии Николай Ильич Подвойский (1880— 1948) «обязался направить немедленно не менее 3000 кадровых [военнослужащих] в Брянск — хутор Михайловский, для оформления ”особой армии” Ремнёва, который, в согласии с Берзиным, должен был организовать удар, выручающий Харьков» [7, с.93-94]. В то же время и курский революционный штаб обязался «содействовать Ремнёву в создании ”особой армии” для действий во фланг немцам. Курскому революционному штабу [было] предписано послать Ремнёву, командующему ”особой армией” (Михайловский хутор), взвод 42-линейных гаубиц и легкую батарею с надлежащим количеством снарядов, а также 5 тысяч винтовок, миллион патронов, 30 пулеметов и 150 [пулеметных] лент. Курский ревштаб должен был также взяться за оборудование обоза для армий Ремнёва и Сиверса» [7, с.96-97] . Тогда же из Брянска в распоряжение Ремнёва был направлен так называемый 1-й Брянский революционный отряд: около 200 бойцов при легкой полевой артиллерийской батарее. Отрядом командовал бывший унтер-офицер и активный участник госпереворотов 1917 года Александр Георгиевич Борисов, батареей – 28-летний бывший штабс-капитан Павел Станиславович Пшерадский [137]. Последний тогда же, в 1918 г., вспоминал: «Узнав, что их направляют в Хутор Михайловский, в распоряжение командующего 2 армии Ремнёва, бойцы… стали высказывать недоумение, недовольство и различные толки как о личности самого Ремнёва, так и о предстоящей роли для них, а именно потому, что в Брянске армия Ремнёва пользовалась дурной репутацией» [138].

21 марта 1918 г. Антонов-Овсеенко приказывал Сиверсу: «В ожидании подготовляемого Ремнёвым удара от Брянска — хутор Михайловский, активно оборонять Ворожбу». Однако в том случае, если бы немцы «развили наступление к Курску», армии Ремнёва и Сиверса должны были создавать немцам «фланговые угрозы» [7, с.97] . Все эти планы, как несложно догадаться, остались благими пожеланиями. Тем более что Ремнёв был в это самое время занят куда более важным делом – «эвакуацией» Шостенского порохового завода, о чем ниже.

Немцы же планомерно продолжали вытеснять красных с территории Украины. 21 марта (3 апреля) 1918 г. они вошли в истерзанный ремнёвцами Глухов. Знакомый нам Илья Рогатин-

ский так вспоминал об этом: «Во вторник 3 апреля 1918 г. в 7 часов утра появились над Глуховом немецкие аэропланы, сбросившие несколько бомб и начавшие вокруг Глухова летать. Большевики стали обстреливать немецкие самолеты. На них направила огонь и большевистская артиллерия. Между тем, на юго-восточной улице города Глухова показались украинские казаки и гайдамаки, а по юго-западной улице стремительно влетели в город немецкие бронированные машины, а за ними немецкие гусары смерти. На большевиков напал смертельный страх и паника. Слышен был везде один крик: ”Товарищи, спасайтесь!” Началась кровавая месть нашего казачества. Немцы и казаки рубили и стреляли всех, кто бежал по улицам в направлении на Есмань и Студенок. То тут, то там догоняли кучки большевиков и немедленно с ними расправлялись. Часть большевиков убежала в направлении хутора Михайловского, а часть погибла от казацких и немецких пуль и сабель. В город прибывало все больше войска. Всюду было слышно: ”Слава Украине”. Украинские казаки сняли красные большевистские флаги, а вывесили украинские желто-голубые с надписями: ”Да здравствует свободная Украина”. Наконец подъехал ударный гайдамацкий курень смерти с украинским флагом, на которой золотом была вышита надпись: ”Умрем за Украину”. Следом ехал разведывательный автомобиль с надписью: ”Смерть врагам Украины” и черепом на крыше. Невозможно описать те впечатления и то памятное время, когда все радовались, что вырвались из страшных рук душегубов. Если бы вы видели ту картину, как вылезали из нор еще не убитые большевиками евреи и как они благословляли наши и немецкие войска. Как они благодарили украинцев за то, что спасли их из большевистских рук и как они плача рассказывали о страшной смерти своих дорогих семей» [14, с.167] ...

23 марта под ударами немцев и украинцев отступила от реки Псиол 4-я красная армия Саблина. Чтобы поддержать отступающих Антонов-Овсеенко телеграфировал в Ворожбу Сиверсу и на хутор Михайловский Ремнёву: «Армия Саблина отступает от Псиола. Действуйте энергично в указанном вам направлении (на Конотоп)» [7, с.119]. «Но Сиверс и Ремнёв почти бездействовали» [7, с.121], – констатировал Антонов-Овсеенко в своих мемуарах 1928 г. Более того, «командарм особой Ремнёв давал о себе знать отголосками своих раздоров с курскими и брянскими товарищами. Приходилось его стыдить и мирить» [7, с.122].

Во что выливались раздоры командарма Ремнёва с «курскими товарищами» в Дмитриеве-Льговском Курской губернии вспоминал уже в 1957 г. один из этих «товарищей», Л.П. Чубунов: «Однажды во время заседания уездного исполкома в зал к нам вошло пять человек, вооруженных винтовками и револьверами. Один из них, как потом выяснилось, был атаман банды (таким пресловутый командарм выглядел в глазах курских большевиков. – Ю.С.) Ремнёв. Он подошел к столу президиума и грубо спросил: ”Кто здесь будет председатель?” Ему указали на председателя, а затем в свою очередь спросили, кто он и что ему нужно. ”Кто я такой - это вас не касается, - заявил Ремнёв, - нужно же мне 100 тысяч рублей и то золото, что вы отобрали у купцов и дворян, по-вашему - буржуев”… Ему ответили, что исполком закончит рассмотрение вопроса, который сейчас обсуждает, а затем разберет его просьбу. Ремнёв заявил: ”Не вздумайте нас долго задерживать, дорого обойдется: на станции у нас большая сила”… Он сел на стул, зажал между ног винтовку и на колени положил маузер. Остальные четыре бандита стали у дверей, держа наготове оружие. Пока в президиуме разговаривали с Ремнёвым, [военком] Будников незаметно выскользнул через запасную дверь из зала [и позвал на помощь]… Один из членов президиума попросил у Ремнёва спички, чтобы прикурить. Когда Ремнёв протянул их, член президиума схватил его за руку. Тут же двери распахнулись и в зал вбежали красногвардейцы, приведенные Будниковым» [78, с.188]. Далее Л.П.Чубунов сообщает, что Ремнёва дмитриевские большевики арестовали, а 200 человек его отряда разоружили. Вероятно, после этого инцидента Антонову-Овсеенко пришлось мирить Ремнёва с местными, освобождать и отправлять в расположение его, «ремнёвской», армии.

Еще один инцидент такого рода, имевший достаточно широкий резонанс, произошел в Шостке 21-23 марта (старого стиля) 1918 г. Интересно, что мероприятие в Шостке было, что называется, «плановым». Ленин и Сталин еще 1 (14) марта 1918 г. инструктировали своего эмиссара на Украине Григория Константиновича Орджоникидзе по прозвищу «Серго» (1886 – 1937, покончил с собой), что при отступлении должна проводиться «немедленная эвакуация хлеба и металлов на восток» [114, с.50] . 27 марта 1918 г. «главкозап» Берзин сообщал в своем докладе: «Эвакуационная комиссия, закончив эвакуацию линии Брянск—Гомель и разгрузив брянский [железнодорожный] узел, теперь занялась эвакуацией Шостенского порохового завода, где материалов химических на много миллионов…» [58, с.118] Ремнёв решил взять на себя роль «эвакуационной комиссии»: оставил часть своих людей у железнодорожной станции Мельня, а сам во главе сотни с пулеметами и пушкой двинулся в сторону посада Шостка Глуховского уезда Черниговской губернии [184, с.133].

Рис.47. Проходная Шостенского порохового завода. Открытка начала XX века.

Казенный Михайловский Шостенский пороховой завод находился от Шостки на некотором расстоянии. Работали здесь, в основном, крестьяне окрестных сел, вполне зажиточные люди, имевшие в этих селах дома и хозяйство. Рабочих на Шостенском заводе насчитывалось в ту пору (видимо, все-таки, с семьями) до 40 тысяч человек. Значительным авторитетом пользовались среди шостенских рабочих представители партии социалистов-революционеров (эсеры), поддерживавшие УНР: «Организация Шостенского комитета российских социалистов-революционеров в январе 1918 г. имела около 5 тыс. членов» [184, с.133] . Не растеряли здесь свой авторитет и некоторые представители старой военной администрации завода, часть местной интеллигенции. Большевики же, возглавляемые несколькими полукриминальными персонажами ремнёвского типа (чего стоит один «Пьер Бескровный», исключенный в 1922 г. из партии за убийство жены), шостенцами не жаловались. «Большевикам в цехах не давали высказаться и заставляли их прятаться от рассвирепевшего народа», – вспоминал очевидец [184, с.134] . Тем не менее, из таких большевиков состоял управлявший Шосткой совет. К слову, не лучше был совет и в Глухове. Там, по воспоминаниям Ильи Рогатинского, «в совет входили почти исключительно дезертиры и военные мародеры, и в каждом ”совете” были евреи, преимущественно студенты. (Крестьяне называли эту организацию: ”Жюльё-хулиганский штаб”)»

[14, с.162]. И так же, как в Глухове, в казармах возле Шостенского завода квартировал так называемый «караульный полк» (вероятно, наследник стоявшей здесь до 1-й мировой войны Шостенской местной пехотной команды [95, с.110]), который во всех тогдашних военных событиях вполне официально соблюдал нейтралитет.

У Ремнёва к тому времени, как мы видели, сложилась одиозная репутация. Кроме того, у командарма с шостенскими рабочими уже состоялся не очень удачный контакт. Сам Ремнёв на допросе в 1919 г. рассказывал: «В это время на заводе осталось немного рабочих. Большинство покинуло его. Оставшиеся же были реакционно настроены, постоянно мешая моей работе по эвакуации на фронт. Так, например, мне необходимо было бронировать поезд. Заказал я его Шосткинскому заводу. Работа плохо продвигалась вперед, [потому] что вместо пятидесяти рабочих, являлось на работу только пять» [224, приложенная фотокопия] . Ничего хорошего от Ремнёва и его группировки в Шостке и на этот раз не ожидали. С одной стороны, предполагали, что ремнёвцы взорвут завод, «подожгут пороховые погреба, где хранилось больше миллиона пудов пороху разных видов…, а также много эфира-спирта». Понятно, что «взрыв миллиона пудов пороховой массы уничтожит все на 20-30 верст вокруг Шостенского порохового завода, уничтожит хаты, рабочих-крестьян, поубивает скотину и семьи». В среде «караульного полка» говорили: «Если вы, солдаты, пойдете за ремнёвцами, так вас погонят на немцев – снова окопы, увечья, смерть, а так мы на охране завода».

И, наконец, думали, не без основания, что главным предметом вожделения Ремнёва и ремнёвцев являются платиновые чаши. Шостенский житель Ю.Романченко в 1931 г. вспоминал: «Был слух, что чаши эти подарила заводу Екатерина II, как золотой фонд», а кроме того, «ходили слухи, что эти чаши лежали в Шостенском казначействе (в действительности на серном или спичечном заводе)» [184, с.134, 135, 137] . И вот шостенцы решили встать «все как один на защиту нашего кормильца-завода» и дать «надлежащую» встречу красногвардейцам. Рабочие сформировали отряд самообороны. Частью разогнали, а частью арестовали местный большевизированный совет. Со стрельбища, на котором опробовали силу артиллерийских порохов, привезли и расставили на боевых позициях восемь пушек разных калибров. «На деловом дворе заработали токарные станки, там изготовляли снарядные стаканы, головки и заряжали их», – рассказывал очевидец [184, с.135, 134] .

21 марта старого стиля Ремнёв со своими людьми остановился в 8 км от Шостки, на железнодорожной станции Терещенская (Терещенко). Вероятно, командарм боялся больше всего «караульного полка», и поэтому сам на завод не поехал. Туда с отрядом красногвардейцев отправился местный уроженец, политкомиссар Варфоломей Моргун, крестьянин с. Журавки. Моргун подъехал к полковым казармам и обратился к солдатам: «Товарищи солдаты, мы просим вас не волноваться, нам нужен порох». Но тут со второго этажа казармы раздался выстрел, и комиссар Моргун, «обливаясь кровью, упал возле крыльца казармы». Немедленно из казарм выскочили солдаты и принялись разоружать стоявших на подворье ремнёвцев. Несколько бойцов «особой армии» умудрились сбежать. После их рассказа о случившемся Ремнёв под вечер 21 марта бросил на Шостку все свои силы, но шостенцы отбились.

На следующий день ремнёвцы поймали в окрестностях станции Терещенская нескольких разведчиков шостенской самообороны. Пленные рассказали, что самообороной командуют офицеры из прежнего заводского руководства, а «караульный полк» в бою против ремнёвцев участия не принимает. Это приободрило Ремнёва, который вместе со своим помощником матросом Беретти объявил «решающее наступление» на Шостку. Для этого Ремнёв, стянув все свои силы на линии разъезд Маково – монастырь Гамалиевский — ст. Терещенская, подогнал на разъезд Маково бронепоезд, развернул его орудия в сторону завода и под их прикрытием двинулся в атаку [184, с.135] . Но шостенцы тоже не сидели сложа руки: они взорвали со стороны красных железнодорожное полотно и два моста, выставили на опасном направлении

орудия и открыли по ремнёвцам довольно меткую артиллерийскую стрельбу, «правда, многие снаряды не рвались» [138] . Ю.Романченко вспоминал: «Бой начала шостенская ”самооборона”. Пули дождем летели в ремнёвцев. В ответ на артиллерийские выстрелы с бронепоезда красногвардейцев, что стоял около разъезда Маково, ”самооборонцы” открыли ураганный артиллерийский огонь, а красногвардейским цепям нельзя было поднять голову от пуль. Как с одной, так и с другой стороны было много раненых и убитых» [184, с.135] . Конечно же, Ремнёв сбежал с театра военных действий на хутор Михайловский, где находился штаб его армии.

Незадолго до того туда же, на хутор Михайловский, прибыл 1-й Брянский революционный партизанский отряд: «Ремнёва в штабе не оказалось, он был на позициях. Брянцам пришлось по жалобам местных жителей разбираться с бойцами Ремнёвского отряда, которые грабили мирных жителей. Отряды взялись за оружие, Пшерадскому (командиру прикомандированной к отряду артиллерийской батареи. – Ю.С.) пришлось, по его словам, ”буквально все силы и голос напрячь, чтоб навести порядок”. В ходе разборки появился Ремнёв и быстро навел порядок. Командиров-брянцев — Борисова и Пшерадского пригласил к себе, чтобы поставить боевую задачу. Пшерадскому он сказал, что помнит его по Брянску, когда, будучи приказчиком в мануфактурном магазине, делал ему костюм на свадьбу» [138] . После «теплых» воспоминаний Ремнёв предложил брянцам в компании с еще несколькими отрядами Шостку усмирить.

И вот 23 марта (5 апреля) 1918 г. Брянский, Бежицкий и Севский красногвардейские отряды вступили в бой за Шостку. Как вспоминал Ю.Романченко, в тот день «утром началась небольшая перестрелка, а в обеденную пору красногвардейские цепи ремнёвцев подступали даже к окраинам Шостки. Бывали случаи, когда цепи сходились в рукопашную…» Наконец, в обед бой прекратился и красногвардейцы вступили с местными в переговоры, затеяв митинг в шостенском предместье Петуховке. О содержании их бесед можно судить по воспоминаниям того же Ю.Романченко. Красногвардейцы говорили: «Кто вам сказал, что мы жидовские наймиты? Вас обдурили — мы бьемся за рабоче-крестьянскую власть». Шостенцы отвечали: «Мы бьемся за то, чтобы не разграбили завод, чтобы не вывезли платиновые чащи в Москву, чтобы не подняли на воздух завод и не разрушили наших хат» [184, с.135-136].

В это время в Петуховку въехал верхом и в сопровождении взвода всадников Ремнёв. Командарм накинулся на брянцев: «Я-де вас кормлю и жалованье плачу, а вы меня не слушаете» [138] . Как видим, представление о том, что деньги являются и двигателем, и плодом революции, Ремнёв усвоил у своего главкома Муравьёва быстро и прочно. Уже в заключении у своих товарищей по партии, в 1919 году, Ремнёв буквально бредил какими-то чудовищными суммами, которые сулил разным совершенно случайным собеседникам. Выше говорилось о том, как в 1917-18 гг. такие посулы во многом и помогали формировать красные отряды. А вскоре мы увидим, как Ремнёв «купил» симпатии шостенских рабочих. Между прочим, сам командарм совершенно точно понимал, с кем он воюет в Шостке. На допросе в 1919 г. Ремнёв показал: «В последний раз я явился в Шостку при ликвидации выступления рабочих» [224, приложенная фотокопия] .

Брянцы в ответ на упреки говорили Ремнёву, что драться с рабочими не будут. По словам одного из брянских командиров, «Ремнёв долго кипятился, но, в конце концов, успокоился. <…> Брянцы твердо заверили шосткинцев, что никаких приказов Ремнёва по открытию боевых действий против них выполнять не будут» [138] . Ю.Романченко вспоминал: «Ремнёв воспользовался таким настроением, под прикрытием своих красногвардейцев собрал петуховцев (Петуховка – это предместье Шостки), объяснил им, за что он и его отряд бьются и просил передать рабочим, что их обманула военщина, что он, Ремнёв, их не накажет за то, что они бились, он обещает впредь не отбирать того оружия, что они имеют, и просит разрешения приехать на собрание рабочих, если рабочие гарантируют ему жизнь, чтобы не получилось так, как

с т[оварищем] Моргуном в казармах. Просьба Ремнёва и тупик, в который завела военщина, подействовали на рабочих и под вечер из лагеря ”самооборонцев” выехало 10 парламентеров на ст. Терещенскую с написанным от имени 15 тысяч рабочих договором. В этом договоре, переданном через петуховцев, рабочие принимали условия и гарантировали жизнь Ремнёву. <…> Утром торжественно на белом коне въехал Ремнёв с одной сотней в Шостку, рабочие, вооруженные ружьями, собирались на площади. Ремнёв, зашел на трибуну и рассказал про цель прихода в Шостку. Свою речь Ремнёв закончил словами, что рабочие – наивернейшие союзники красногвардейцев и что он никого не станет преследовать. А оружие пусть рабочие оставляют себе, потому что близок час, когда немецко-гайдамацкое войско подойдет к Шостке. Ремнёв пообещал, что он берет на себя и своих красногвардейцев охрану общественного порядка в местечке... Митинг закончился полным сочувствием красногвардейцам, а на утро красногвардейцы вели в штаб виновников бойни. Красногвардейский штаб проводил допрос, а потом без лишнего шума направлял их в ”штаб Духонина”. При этом официально считалось, что их направляли в тыл Красной Гвардии для дальнейшего следствия...» [184, с.136-137] Что же, знакомый по Киеву и Глухову сценарий.

Вероятно, мемуарист Ю.Романченко смягчает картину произошедшего. Ведь, скажем, киевская украинская газета «Народна воля» 17 (4) апреля 1918 г. сообщила без обиняков, что Ремнёв «организовал резню, прибывши в Шостку» [14, с.161] . А вот, скажем, в официальном сообщении большевистского «народного секретариата» Украины от 8 апреля (26 марта) шостенские художества подаются в «героической упаковке»: «Под натиском советских войск контрреволюционеры в Шостке сдались» [125] . А 12 апреля (30 марта) петроградская эсеровская газета «Дело народа» перепечатала из большевистской, по всей видимости, газеты «Знамя труда» такую заметку: «Шостка, с имеющимися в ней контрреволюционными войсками, сдалась после бомбардировки из орудий разных калибров. Причиной выступления послужила провокация. Освобождены все члены совета и другие товарищи и все, действующие против нас, разоружены. Создана комиссия для розыска зачинщиков преступления» [196] .

Действительно, Ремнёв, если судить по подписанным им документам, пребывал в Шостке едва ли не до конца марта. Ю.Романченко так вспоминал об этом периоде: «За время пребывания красногвардейцев в Шостке, население Шостки не имело никаких притеснений или эксцессов, а, напротив, Ремнёв, дознавшись, что рабочие не получали за февраль и март зарплаты, приказал немедленно выплатить. Это прибавило симпатий красногвардейцам. Ремнёв это использовал и приказал срочно отправить 40 тысяч пудов пороху будто бы на фронт против немцев и гайдамаков, с которыми ремнёвцы бьются рядом, у Кролевца. Но на самом деле этот порох был отправлен на север в Москву...» [184, с.137] Сам Ремнёв не был доволен работой шостенцев при «эвакуации» завода и казначейства. Он рассказывал на допросе в 1919 г.: «Мною… была предпринята эвакуация ввиду близости неприятеля Шостки, которую тогда тормозили, погружая вместо тридцати вагонов в день всего три» [224, приложенная фотокопия].

24 марта 1918 г. Ремнёв телеграфировал из Шостки Антонову-Овсеенко, что его, ремнёвские, отряды заняли Нехамовку и Рождественное. «Это было лишь вялое шевеление», – печально комментировал ремнёвское донесение Антонов [7, с.122] . 27 марта Ремнёв телеграфировал из Шостки Антонову-Овсеенко: «В 14 часов немцы двумя разведывательными партиями по 200 ч[еловек] заняли Новый и Старый Крупец, но были оттеснены к дер. Тарупец. Мы передовыми частями заняли на правом берегу Десны местечко Виренка. Гайдамаки (т.е. части вооруженных сил УНР. – Ю.С.), занимавшие сахарные заводы, бежали» [7, с.136] .

Тогда же, 27 марта, Сиверс в очередном приказе по 5-й армии так обозначал позиции, занимаемые группировкой Ремнёва: «Справа от нас действует Северная армия Ремнёва, занимающая позиции от Заболотья на Любашев, Янолинск, Ксендзовку, Атюшу и Синявку» [58, с.80] . Как видим, теперь ремнёвские отряды получили название еще и «Северной армии». Тогда же

«главкозап» Берзин в своем докладе весьма детально представил не только расположение красных воинских частей своего фронта, но и охарактеризовал их численность и вооружение: «Военное положение фронта в настоящее время рисуется таким образом: центр нашего фронта — Новгород-Северск, где расположены 600 стрелков при 6 пулеметах и одном орудии и бронированный поезд с пулеметами и орудиями при 133 [бойцах] прислуги. Правее Новгород-Северска, в Семеновке, находится 300 стрелков при трех пулеметах и двух орудиях и отряд 5 броневиков. Эта группа, имея справа армию, а слева р. Десну, все время висит над расположением противника и готова в данную минуту ринуться на дорогу Гомель—Бахмач. Правее этой группы расположены главные силы 1 армии. До Закопытья в целом ряде деревень расположено до 1000 стрелков при 8 пулеметах. В самом Закопытье на линии железной дороги стоят 400 стрелков при 7 пулеметах и трех орудиях трехдюймовых. Правее Закопытья в деревне стоят до 900 стрелков при 8 пулеметах и двух орудиях. Ближайший резерв в Злынке (225 стрелков и два пулемета) и в Новозыбкове (900 стрелков при 24 пулеметах). Дальний резерв 1 армии в Клинцах, Унече и Почепе (до 1500 стрелков при пулеметах и орудиях). Эта группа войск самая устойчивая во всем фронте, и неоднократные попытки немцев сбить ее или обойти фланги терпели неудачу. Через Чечерск, Чаусы и Мстиславль эта группа держит связь с оршанской полосой фронта. Левее Новгород-Северска расположена Особая армия Ремнёва, правый фланг которой упирается в р. Десну – и опорными пунктами здесь [являются] Шостка — Короп. В Шостке стоят 300 стрелков при четырех пулеметах, в Коропе 200 стрелков при пяти пулеметах и двух орудиях. В этом месте создана сильная угроза Соснице, которая, по слухам, уже очищается немцами. Охват Бахмача с северо-запада налицо. Центр 2 армии—по линии на Конотоп, на ст. Алтыновке—500 стрелков при 15 пулеметах и трех орудиях и 16 сабель. Левый фланг стоит в Глухове (50 стрелков при двух пулеметах). По телеграфу держат связь с Сиверсом под Ворожбой. Резерв в Терещенской (100 стрелков при 3 пулеметах) и в Хуторе Михайловском (350 стрелков при трех пулеметах и два броневика). Заканчивается постройкой бронированный поезд и имеется 8 аэропланов—истребителей с пилотами фронтовой школы. Фронтовой резерв в Брянске состоит из трех батальонов Красной Армии, организованных образцово, с пулеметами, орудиями, конной разведкой и связью» [58, с.117-118] .

Накануне «главкозап» Берзин был в Москве, где решал вопросы реорганизации своего Западного революционного фронта, после чего отправился на позиции. 27 марта Берзин докладывал: «На обратном пути в Орле главковерх Антонов в нескольких словах выяснил, что надо делать частям нашего фронта, расположенным на территории Украинской республики, для пользы общего дела; было намечено, что надо оставить заслон на ст. Закопытье (что против Гомеля) и все свободные силы направить в сторону Конотоп—Бахмач, ударив в тыл Бахмачу, разрушить дорогу Гомель — Бахмач. Особую армию т[оварища] Ремнёва он подчинил нам» [58, с.117] . Как видим, ремнёвская армия в один и тот же день для Сиверса была «Северной», а для Берзина – «Особой». Только вот наносить удары немцам в тыл ни Северной, ни Особой армии, ни вообще Западному революционному фронту не пришлось.

Антонов-Овсеенко вспоминал, что 28 марта Ремнёв и Берзин, «с целью обеспечить Брянское направление и сосредоточить силы для удара от хутора Михайловского, …затеяли переговоры с немцами об установлении демаркационной линии у Гомеля и Новозыбкова. Из переговоров выяснилось, что немцы считают эти города украинскими. Но обсуждать демаркацию противник отказался. Впоследствии он с громадным успехом применял против нас этот метод установления частичных демаркаций (прикрывая этим путем с севера фланг своего наступления в глубь Украины)». Вообще Антонов-Овсеенко был очень раздражен своими «главкозапом» и командармами. Он говорит: «Своей пассивностью Берзин, Ремнёв, Сиверс облегчили врагу инициативу. Ремнёв почти бездействовал» [7, с.136]. Тем не менее, Ремнёв 29 марта телеграфировал Антонову из Шостки: «Противник не наступает». А 30 марта: «Неприятельская

разведка столкнулась с нашей заставой у ст[анции] Мельни» [7, с.136] . Наконец, в начале апреля Антонов-Овсеенко констатировал: «1-я (не 2-я! – Ю.С.) особая армия (Ремнёва), в виду потери связи с нею, считалась отошедшей к войскам западной ”завесы”» [7, с.263].

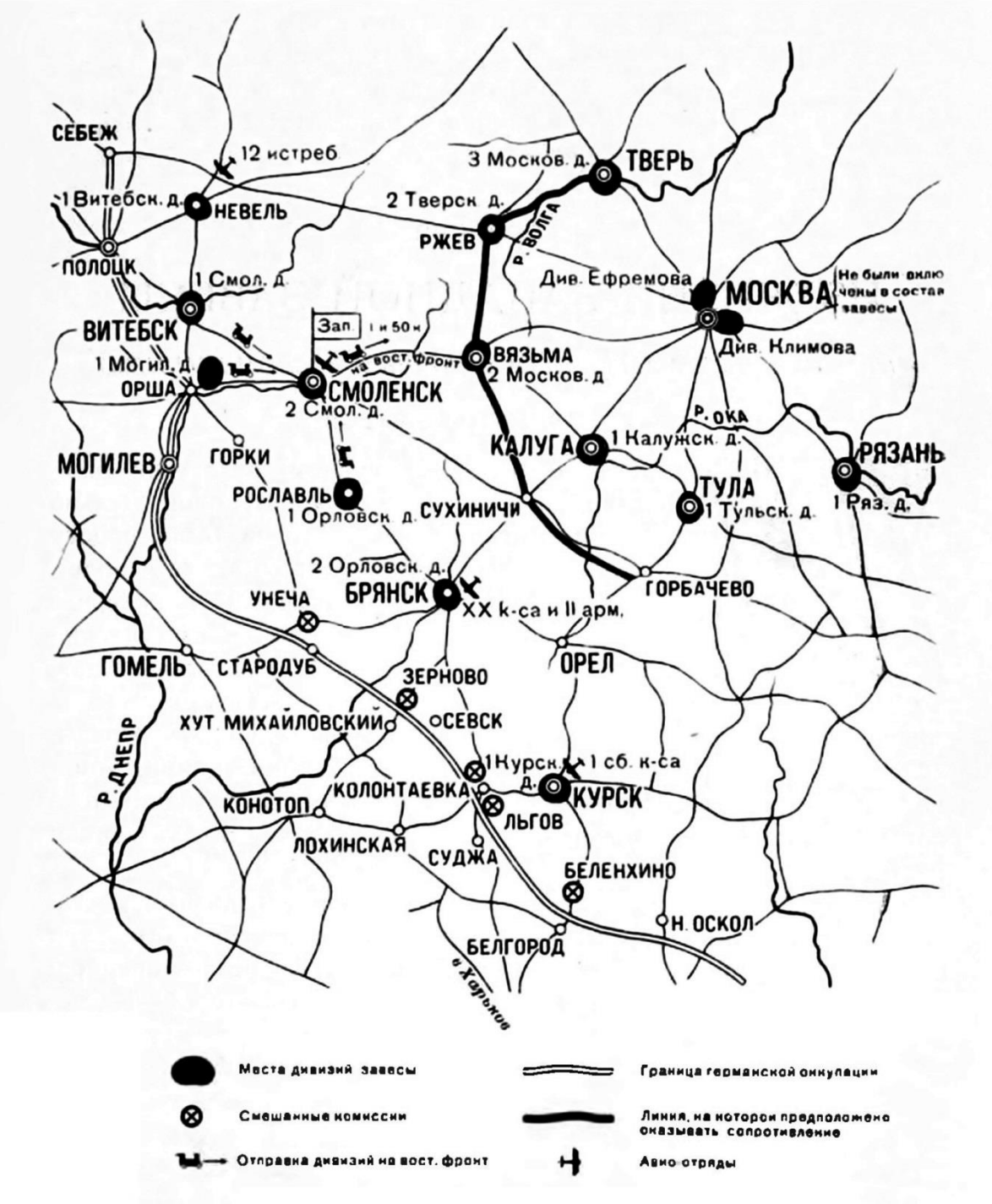


Рис.48. Схема расположения частей Западной завесы. Апрель-май 1918 г.
Из книги: Гражданская война 1918-1921. В трех томах. Т.I. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928. С.232.

Действительно, как вспоминал перешедший на службу к большевикам генерал-лейтенант Русской Армии Владимир Николаевич Егорьев (1869 – 1948) (его, арестованного украинцами, ремнёвцы освободили при взятии Киева в январе 1918 г.): «Сначала на Петроградском направ-

лении, а 19-го марта (1918 г.) и на Московском, фронтовые командования были ликвидированы, а из расположенных на фронте отрядов были образованы два участка завесы: северный и западный. <…> Западная завеса состояла: 1) из 7 отрядов так называемого Московского района (Тверской, Ржевский, Вяземский, Калужский, Тульский, Рязанский и Московский), имевших задачей дать решительный отпор противнику на путях к Москве, 2) из 6 первоначально, а с 8-го апреля—из 7 отрядов первой линии (Невельский, Витебский, Оршанский, Смоленский, Рославльский, Брянский и Курский), имевших задачей задерживать противника в том же направлении» [77, с.231, 233]. Брянским передовым отрядом Западной завесы командовали, по словам В.Н.Егорьева, товарищ Берзин, Афанасий Ремнёв, а потом – так же, как Егорьев, перешедший на службу к большевикам русский генерал-майор Павел Павлович Сытин (1870-1938) [77, с.233] («царский генерал с замаранным личным прошлым», как назвал его в 1923 г. генерал-лейтенант Александр Владимирович Геруа [43, с.302, 305-307]). Однако на заседании брянского районного совета 9 апреля 1918 г. присутствовавшим сообщили, «что военным руководителем в Брянском Районе и его окрестностях Центральной власть[ю] вместо тов[арища] Берзина назначен генерал Сытин» и познакомили депутатов «с планом и предположениями Сытина по созданию новой армии и установлении в последней дисциплины» [55, л.31об] . То есть Ремнёва в Брянске в качестве начальника местного района Западной завесы не знали.

Мы видели, что уже в марте 1918 г. в район, занимаемый армией Ремнёва, стали прибывать отряды, сформированные на территории Брянского края (Брянский, Бежицкий, Севский). Так, позиции слева от «отрядов Ремнёва», «по линии Погар — село Муравьи до р. Десны», заняли так называемые «Трубчевские оперативные войска» (750 штыков и сабель, составивших батальон пехоты, кавалерийский эскадрон, пулеметную команду и батарею трехдюймовых орудий) под началом военного комиссара Трубчевского уезда Дмитрия Митрофановича Ракова [133, с.239-240] , персонажа, стоившего Ремнёва (пьяный Раков 17 июня 1919 г. расстрелял в Трубчевске чтимую Чолнскую икону Божией Матери, за что местные крестьяне забили Ракова насмерть, причем одна баба воткнула ему в глотку кол, а другая сплясала на трупе военкома [53, л.4, 6, 6об, 46]). По воспоминаниям трубчевских большевиков, ремнёвское позиции начинались на левом берегу реки Десны, напротив деревни Муравьи (ныне Новгород-Северского района Черниговской области Украины, в 3 км от границы с Брянской областью РФ [40, с.266]) и тянулись до Хутора Михайловского [133, с.240] .

10. КАТАСТРОФА: БЕГСТВО И ПОГРОМЫ. Апрель 1918 года

Тем временем немцы и украинцы продолжали движение к линии, которую они считали границей с Россией. Высший военный совет при большевистском правительстве 2 апреля 1918 г. в директиве, адресованной военному руководителю Западного участка завесы Р.И.Берзину сообщал: «Вследствие дальнейшего продвижения германцев на Украину для нас приобретают особо важное значение направления от Брянска на Конотоп, Ворожбу и Льгов в интересах прикрытия нашей границы и внутренних областей» [69, с.33-34] . Москва практически непрерывно присылала в Брянск подкрепления, но с неизменным результатом. Сменивший Берзина на посту военного руководителя Брянского отдела Западной завесы бывший генерал-майор Сытин телеграфировал Высшему военному совету 8 апреля 1918 г.: большинство прибывших в Брянск добровольческих частей «отличаются полной неорганизованностью и отсутствием самого элементарного военного обучения... Главный их недостаток — это отсутствие гражданского долга, полное отсутствие сознания важной ответственности и взятого на себя обязательства, люди совершенно не признают командный состав и приказания совершенно не исполняют. Массовые заявления, что их обманным путем прислали не учиться, как обещали, а гонят на убой (как похоже на выступление прапорщика Ремнёва 28 марта 1917 г. на корпусном митинге! – Ю.С.), куда они идти не желают... Общий голос всех начальников фронта: лучше присылать формирований в 10 раз меньше, но качеством лучше» [94, с.133-134] .

А могло быть и куда хуже: присланный тогда на помощь Сытину отряд анархистов Петра Сансо – 300 человек при полном вооружении – пробыл «две недели в тылу, собрал на миллион с лишним контрибуций в Брянске, Унече и Клинцах, отобрал у населения массу золотых и серебряных вещей и все это поделил между собою. Предложение отправиться на фронт отрядом было отклонено по мотивам ”этического” порядка: анархисты заявили, что они не могут убивать бессознательного немецкого солдата. И отправились в Москву» [94, с.134] .

Вот что писал в Москву, в совет народных комиссаров, 2 апреля 1918 г. из поселка Дубровка, Брянского уезда (ныне райцентр Брянской области) 63-х летний инвалид Василий Трофимович Кордунов: «В поселке Дубровка, Брянского уезда, Орловской губернии появилась вооруженная банда, состоящая из 25 пьяных человек в солдатской форме, разоружила местную милицию и начала ходить по домам, делать тщательные обыски и отбирать, что им понравится, поставив предварительно стражу у телеграфа. Не брезгают (так!) 5-ю фунтами сахара и пудом ржаной муки. Поработав таким образом 30 и 31 марта, в ночь на 1-е апреля собрали в местное кредитное учреждение всех домовладельцев, где также все бандиты, именуемые (так!) себя анархистами, были в пьяном виде, и наложили на домовладельцев [контрибуцию в] 75 000 рублей, а 1-го апреля продолжали обыски, и в ночь после собрания, т.е. на 1-е апреля, обыск у Пресновых был с выстрелами. Подобные порядки навели страх на всех жителей, и начинают некоторые уходить в места более затишные. Подобная анархия и в г. Брянске. Значит эта банда действует якобы по постановлению Алешинского волостного Совета и устроила штаб и резиденцию при той же Дубровке, в имении Вильчинского. <…> Многие молят Бога, чтобы поскорей пришли немцы, лишь бы был порядок» [54, с.498] .

Согласно позднейшей сводке украинского генерального штаба (от 19 июня 1918 г.) на участке, занимаемом армией Ремнёва, действовал германский 41-й резервный корпус, включавший в себя три дивизии. Его 47-я ландверная дивизия разворачивалась по линии Кожаны – станция Клинцы – города Стародуб (Клинцы и Стародуб в наше время – райцентры Брянской области РФ) и Новгород-Северский. 95-я германская пехотная дивизия выходила на линию Шостка – Ямполь – Рыльск и Коренево, т.е. нацелилась уже на Курскую губернию России. 11-я ландверная дивизия располагалась по линии Мирополье – с. Курановка – Шляховая – Волчанск и с. Терновая [58, с.188] .

Понятно, что от такого опасного соседства Ремнёв непременно должен был дать дёру. Но при этом он устроил из своего бегства из Шостки очередной аттракцион «неслыханной щедрости». Вспоминает Ю.Романченко: «Немцы и гайдамаки, задержавшись возле Кролевца, снова начали свое наступление на ст. Терещенскую, а оттуда на Шостку. Ремнёв делает последнее распоряжение — выдать зарплату рабочим вперед за апрель и май 1918 г. Дирекция банка, сославшись на то, что нет лишней копейки в банке — денег не дает. Тогда Ремнёв, с группой своих, зашел в банк, оглядевши все ценности, приказал отправить в центр «[платиновые] чаши»…, одновременно с этим отдал приказ своему казначею расплатиться с рабочими и с караульным полком за апрель-май месяцы. Приказ выполнили и рабочие еще больше были довольны красногвардейцами. Немцы подходили к Шостке. Ремнёв нагрузил еще 35 вагонов пороху и капсюлей и выехал со своей частью Красной Гвардии прямо на север» [184, с.137] . Из показаний Ремнёва на допросе в 1919 г. видно, что шостенцы до последнего не хотели отдавать «особому командарму» свое сокровище: «Мною же было сделано распоряжение о вывозе платиновых чаш и казначейства. Начальник завода между прочим заявил, что платиновые чаши были похищены из завода еще в 1906 году, а одна из них отправлена в один из центральных городов России, но мною после его заявления они были обнаружены на заводе» [224, приложенная фотокопия] . Таким образом, вместе с порохом и чашами отправилось на север и Шостенское казначейство, но не доехало, о чем позже…

Щедрость же Ремнёва сделала из него в Шостке своеобразного «народного героя», убедив многих шостенцев поискать, что называется, «зипуна» под таким чутким руководством. Шостенец Ю.Романченко в 1931 г. писал: «Что делал дальше Ремнёв мне не ведомо, только первым, под чьим именем узнала вся Новгород-Северщина красногвардейцев, было имя — Ремнёва. Умелое руководство Ремнёва красногвардейцами привлекло много рабочих Шостенского завода на сторону Красной Гвардии, а во время отхода красногвардейского отряда много рабочей молодежи вступило в ряды Красной Гвардии…» [184, с.137]

Следующий акт ремнёвского действа разыгрался в Новгороде-Северском без участия командарма. 30 марта 1918 г. сюда пожаловал «отряд, под командою матроса Берети, отступавший на Брянск». Ю.Романченко, напомним, называет Берети (Беретти) помощником Ремнёва [184, с.135]. Этот самый помощник наложил на Новгород-Северский контрибуцию «в 750 тысяч, но после переговоров согласились получить 230 тысяч руб. <…> В тот же день отдельные группы отряда ходили по домам, преимущественно еврейским, требовали денег и ценностей. 31-го марта отряд уехал, захватив с собой всю наличность казначейства со всеми ценностями, которые там находились, пароход и две барки, на которые все нагрузили, и уехали по направлению к Брянску. Власть в городе была передана начальником отряда Берети местному профессиональному союзу, что было зафиксировано, причем было указано, что если после ухода отряда появятся отдельные группы, считать их самочинными, приказы их незаконными, и таковые подлежат разоружению» [229, с.298].

Вероятно, для силового обеспечения приказа Беретти в Новгороде-Северском осталось несколько человек из отряда матроса. Вскоре сюда пришли красногвардейцы из входившего в ремнёвскую армию Сумского отряда. Образовавшаяся таким образом красногвардейская группа численностью в 35-40 человек «вознамерилась взять власть в городе в свои руки. 2-го апреля они из города перешли на вокзал. В городе носились слухи, будто замышляется еврейский погром. Вечером 2-го было устроено совещание из представителей профессионального союза, городского самоуправления и нескольких офицеров, на котором после долгих споров, незначительным большинством голосов, было постановлено, в виду малочисленности группы бандитов и их подозрительного поведения, согласно постановлению в акте передачи власти, разоружить их. С этой целью отряд, организованный профессиональный союзом, ночью подошел к вокзалу. После непродолжительной перестрелки банда отступила к Горбовскому мосту. 3-его утром городская самооборона начала арестовывать подозрительных личностей, человек 15-18, и начала подготовляться к отражению ожидавшегося наступления со стороны прогнанной вооруженной банды. В городе была сильная паника. Все боялись мести со стороны прогнанной банды в случае получения ими подкрепления» [229, с.298]. И подкрепление действительно появилось.

Дело в том, что покидая Шостку, Ремнёв оставил там брянскую легкую артиллерийскую батарею уже знакомого нам Пшерадского. Примерно в 16 км от Шостки, на станции Пироговка, расположенной по железнодорожной ветке на Новгород-Северский, находился боевой участок под командой матроса Ходунова. Оборонял этот участок 1-й Брянский революционный отряд. И вот матрос Ходунов направил роту из состава Брянского отряда, которой командовал выслужившийся из нижних чинов 21-летний бывший прапорщик Константин Петрович Веровский, в Новгород-Северский с приказом занять этот город. По словам матроса Ходунова, новгород-северские евреи обстреляли расквартированный в их городе Сумской отряд ремнёвцев и даже убили комиссара. Подъезжая к Новгороду-Северскому брянская рота встретила бежавший оттуда Сумской отряд, который к брянцам присоединился. Вскоре выяснилось, что рельсы перед Новгородом-Северским разобраны, а позади затора стоит бронированная железнодорожная площадка (мини-бронепоезд), которая поезд с брянцами и сумцами принялась поливать пулеметным огнем. Ремнёвцы рассредоточились: часть их начала чинить путь, а часть

развернулась в цепь и повела наступление на станцию. Вот эту станцию и оборонял отряд из 75 бойцов «в немецких и пожарных касках, в основном евреи из местной буржуазии, несколько русских». Ремнёвцы выбили этот отряд со станции, потеряв нескольких человек ранеными и одного убитым. В это время прибыл посыльный от матроса Ходунова с приказом «отступать к Хутору Михайловскому, т.к. немец прорвал фронт у Алтыновки, Глухова и Новозыбкова». Туда же, на хутор Михайловский, ушла и батарея Пшерадского [138].

Понятно, что описанные события новгород-северским евреям виделись несколько иначе, чем брянским красноармейцам. В докладе Комитета по оказанию помощи пострадавшим от погрома 6 (19) апреля 1918 года в Новгород-Северске эпизод с брянцами описан так: «Банда, получив небольшое подкрепление, в полдень повела наступление со стороны Горбовского моста. К вечеру городская самооборона, не выдержав наступления неприятеля и побросав большею частью оружие, разбежалась, и город остался совсем без защиты. Но получив тревожное известие о приближении немецких войск, банда в город не зашла и бежала. Во время перестрелки была первая еврейская жертва — был убит молодой человек Случек» [229, с.299].

О том, что произошло тогда на фронте, говорится в отношении от 15 (2) апреля 1918 г. к народному комиссару по военным делам (собственно, ко Льву Давидовичу Троцкому) военного руководителя Высшего военного совета Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича (1870 – 1956), русского генерал-лейтенанта, служившего большевикам: «14 апреля, около полудня, противник открыл артиллерийский огонь по хут[ору] Злотницкому, и части, занимавшие линию деревень по сторонам железной дороги, в 12-15 верстах от Новозыбкова (новозыбковской группой красных войск командовал тогда Р.И.Берзин [94, с.133] . – Ю.С.), бросили свои позиции и бежали на ст[анции] Святец и Клинцы. Судя по докладам комиссаров, прибывающих из Брянского района, и по донесениям военного руководителя района видно, что надежды на боеспособность частей Брянского района нет никакой, при малейшем нажиме и при первых артиллерийских выстрелах части бросают свои позиции и бегут» [69, с.38] . Информация о катастрофе на украино-германском фронте попала в газеты. Петроградское «Дело народа» 16 (3) апреля 1918 г. сообщала: «По полученным в управлении Московско-Киево-Воронежской ж[елезной] дор[оги] сведениям, немцы приблизились к Брянску на 100 верст. Приступлено к эвакуации Брянских заводов. Уже эвакуирована часть шостенского порохового завода и рафинадного завода. Железнодорожное движение по Московско-Киево-Воронежской жел[езной] дор[оге] совершается только до ст[анции] Дмитриевской. От Дмитриевска немцы находятся всего в 15 верстах». И здесь же, под рубрикой «Последние известия», добавлялось: «15 апреля началась эвакуация гос[ударственных] учреждений из Курска на Жиздренскую ветку Московско-Киево-Воронежской ж[елезной] д[ороги]» [66].

Было бы странно, если бы трусливый Ремнёв за год в корне изменился, встретил бы немца на поле боя и стойко защищал большевистскую власть. Конечно, он тоже сбежал, сымитировав два внешне благовидных предлога. Бывший красный комендант Киево-Печерской лавры солдат Сергеев рассказывал примерно через месяц после описываемых событий: «13 апреля (по другим данным – 15 апреля [78, с.190]. – Ю.С.) Ремнёв приезжает в Глухов и, едучи обратно, упал с лошади, сильно ушибся. Его подобрали, совершенно бесчувственным, отправили в хутор Михайловский, откуда он уехал в Москву» [61, с.181]. Действительно, 17 апреля Ремнёв, не поставив в известность личный состав армии, потому что, якобы, «не желал вносить расстройство в ее ряды», уселся в свой салон-вагон, прихватил немалые армейские деньги, штабные документы и отбыл в Москву. За несколько часов до отъезда Ремнёв через своего начальника связи Семенова сообщил штабу «особой армии», что «вызван в Москву по телеграмме Совнаркома для доклада» [73] . «Документального подтверждения факта приглашения Ремнёва в Москву нет», – подчеркнул еще в 2000 г. брянский исследователь Ф.П.Дунаев [72] . Не знал о вызове Ремнёва в Москву и военный руководитель Брянского отдела Западной заве-

сы Сытин. «На хозяйстве» вместо Ремнёва остался начальник штаба его «особой армии», 21-летний прапорщик-каторжанин, минский еще знакомец Ремнёва и сослуживец его по 2-му Кавказскому корпусу и 51-й пехотной дивизии, А.Д. Смирнов [138], деливший власть с начальником связи армии Семеновым. Как вспоминал лаврский комендант Сергеев: «На своем месте командующими он (Ремнёв) оставил тов[арища] Семенова и тов[арища] Смирнова, которые были совсем не в курсе дела» [61, с.181].

А бегство ремнёвцев с фронта уже началось. В эти дни в слободе Алтухово (ныне Навлинского района Брянской области РФ) скрывалась после устроенного ремнёвцами в Глухове погрома еврейская семья. Глава семейства 17 (4) апреля решил сходить на алтуховскую железнодорожную станцию, узнать новости. Позже он рассказывал в письме родственникам: «В Алтухов прибыл эшелон красногвардейцев из тех, что бежали из Глухова при наступлении немцев. Когда поезд остановился, из вагонов вышли все разбойники. Хотя и пора было привыкнуть к ним, — они ведь теперь повсюду, куда ни повернешься, — все же при виде их у меня ёкнуло сердце ... С этим поездом проехал из [Серединой] Буды кузен Яков. Я стоял с ним и разговаривал; он мне передал, что Глухов уже занят. В это время к нам подошел один из разбойников с пьяными на выкат глазами, которых я испугался раньше, чем тот стал расспрашивать нас: кто мы. В ту минуту я не был в состоянии ответить, но кузен Яков был увереннее в себе — он ведь носит солдатскую форму — и ответил, что мы местные. Тогда тот стал говорить: ”Что делать с вашим братом?” В Глухове евреи будто стреляли в них и выдали их немцам, и за это, мол, многих из них расстреляли, — а виноваты все евреи… Разбойник вошел в здание вокзала, отдал какие-то распоряжения, и сейчас же началась стрельба и паника. Бежать было поздно, к тому же я не был в состоянии тронуться с места. Но кузен Яков повел меня (слава Богу!) на станцию. Но и там было неспокойно; я заметил, что некоторые христиане спрятались в телеграфной конторе, я тоже зашел туда. Один из телеграфистов обратился ко мне с вопросом: ”Чего тебе здесь надо?” Что мне было ему ответить?.. Он выгнал меня, и тогда только я почувствовал, что я — еврей» [229, с.291-292] .

18 (5) апреля, на хуторе Михайловском увидели трех немецких разведчиков. Бывший лаврский комендант Сергеев рассказывал: «Не успел Ремнёв уехать, как на другой день появилось несколько разведчиков-немцев и наши отряды отступили на ст[анцию] Глухов. А тов[арищ] Семенов и тов[арищ] Смирнов давай издавать приказы по аппаратам всем отрядам, чтобы те отступали. Началось позорное бегство на ст[анцию] Зёрново и с Зёрново… На ст[анции] Зёрново 3-й революционный отряд забрался в местечко с другими отрядами и учинил еврейский погром: грабили и убивали всех, кто попадался под руку» [61, с.181] . В тот же день в Москву, высшему военному начальству большевиков пришла телеграмма о том, что армия Ремнёва «в беспорядке отступает перед разъездами гайдамаков и немцев, производя грабежи и насилия, терроризируя железнодорожников. Реальной силы теперь армия не представляет» [94, с.133] . Уже 25 апреля столичная большевистская газета «Правда» напечатала рассказ врача Е.В.Нерословой, прибывшей в Москву из расположения 2-й (ремнёвской) армии: «Там, где она работала, к приходу немцев никто не готовился, о нем узнали лишь накануне. Началось беспорядочное паническое бегство. Совдеп эвакуировался в первую очередь, поезда переполнились бегущими солдатами, сопротивления врагу не было оказано никакого. Достаточно было появиться разъезду из 5-ти – 6-ти немцев, чтобы местность считалась оккупированной. В эти смутные дни, как и везде, развилось мародерство. Местное население грабило все, что возможно, расхищены были склады, лазаретное имущество и т.д., бабы забирали даже хирургические инструменты: ”на что-нибудь пригодится, лучше нам попользоваться, чем немцам”. Часть населения, особенно беженцы из западных губерний, встречали немцев восторженно, с хлебом и солью» [20] .

В июле 1918 г. командир брянской артиллерийской батареи из состава Ремнёвской группировки Пшерадский рассказывал, что 18 апреля «люди в эшелонах словно с ума сошли: стреляли в воздух, пускали ракеты, в Хуторе Михайловском поднялась стрельба друг в друга из-за сахара, а когда узнали об отъезде Ремнёва, потребовали отправки в Брянск и уплаты жалованья. Некоторые отряды совершенно разложились, особенно Новгород-Северский, который разгромил ст[анцию] Зёрново. Бойцы отряда, узнав, что в эшелоне везут 6 миллионов рублей из Шосткинского казначейства, потребовали их разделить в счет жалованья. Нельзя сказать, что деньги хватали кто хотел: создали комиссию из представителей некоторых отрядов и раздали не очень по точному счету, но все же придерживаясь принципа числа бойцов в отряде. <…> Некоторые отряды (Конотопский и др.) были разбиты, бойцы уезжали с позиций группами, без командиров» [138] .

Здесь следует кое-что пояснить: железнодорожная станция Зёрново примыкает к местечку Середина-Буда (ныне город Сумской области Украины). Село же Зёрново, по которому станция названа, находится от нее примерно в 4 км, на территории Суземского района Брянской области РФ. Таким образом, погром в Зёрново и погром в Серединой Буде, упоминаемый в литературе, суть одно и то же. Уже вечером 17 (4) апреля в слободе Алтухово распространился слух, «что на станции будет бой, так как там остановились три эшелона дезертиров с фронта, а из Брянска приезжают партизаны, чтобы наказать дезертиров». Скрывавшийся в Алтухово еврей рассказывал: «Одновременно мы услышали ”приятную” весть о том, что в [Серединой] Буде уже был настоящий погром, что там избили и ограбили многих евреев, но кого — неизвестно ... ... В четверг утром к нам прибежал знакомый (христианин) и сказал, чтобы никто на вокзал не ходил, так как там спрашивают, нет ли здесь евреев. Мы все замерли, только Яков еще храбрился. Но Эстер (жена Якова) стала неузнаваема, и мы отвели ее с детьми к крестьянину. Через час нам сообщили, что на станции стреляют, и мы решили прятаться» [229, с.292] . Описанные события были следствием того, что разгромив Зёрново, ремнёвцы в тот же день, 18 апреля, двинулись дальше, на станцию Навля (ныне райцентр Брянской области), с намерением прорываться в Брянск.

Но здесь, в Навле, беглецов-ремнёвцев встретил командующий войсками Брянского участка Западной завесы бывший генерал Сытин, который ремнёвцев, по словам очевидца, «стал обезоруживать и арестовывать при помощи 1–го Киевского Сводного отряда» [78, с.191]. Курский большевик С.Куприновъ рассказывал в 1923 г.: «Однажды мне на ст[анции] Навля пришлось обезоружить целый эшелон ремнёвцев. При обыске у каждого из них было обнаружено под рубахой и гетрами толстые пачки бумажных денег, главным образом ”керенок” (т.е. хранившихся в Шостенском казначействе денег Временного правительства и его главы Керенского. - Ю.С.). Эшелон под конвоем был отправлен в Брянск» [78, с.188]. Часть 1–го Киевского сводного отряда проехала и на станцию Зёрново. Там, по словам лаврского коменданта Сергеева, этот «отряд несколько человек расстрелял и тем самым наладил немного дела» [61, с.181-182].

19 апреля были опубликованы два распоряжения: во-первых, председатель брянского совета большевик Игнат Иванович Фокин (1889-1919) своей властью закрывал железнодорожное сообщение от Навли на Брянск. Во-вторых, военрук Брянского отдела Западной завесы Сытин приказом №6 по войскам Брянской группы отрядов извещал: «1- Командующий особым отрядом Ремнёв, как не оправдавший доверие Советской власти и нарушивший революционный долг, по постановлению политкомиссара т[оварища] Анисимова (имеется в виду политический комиссар Брянского района Западного участка отрядов завесы большевик Николай Андреевич Анисимов, 1892-1920 – Ю.С.) отрешается от командования особым отрядом и предается революционному трибуналу. 2 - Во временное командование особым отрядом вступить с сего числа состоящему для особых поручений при штабе вверенных мне отрядов причисленному к генеральному штабу т[оварищу] Гетманцеву» [138] .

В тот же день, 19 (6) апреля 1918 г. ремнёвцы вновь навестили Новгород-Северский. Напомним, что здесь местная самооборона утром 16 (3) апреля арестовала 15-18 «подозрительных личностей» из входившего в армию Ремнёва Сумского отряда. В тот же вечер, когда после боя с брянскими и сумскими красногвардейцами новгород-северская самооборона разбежалась, «подозрительные личности» были освобождены «одним русский обывателем» и скрылись. Через три дня они вернулись с подмогой. 19 (6) апреля около 10 часов утра в Новгород-Северский въехали два разведчика, высланные этой новой ватагой красногвардейцев. Поначалу разведчики выдавали себя за бойцов УНР [229, с.299] . Последнее было очередным актом революционного карнавала, санкционированного Лениным и Сталиным, которые еще 1 (14) марта 1918 г. заявили, что на занимаемой немцами Украине «решительная и безоговорочная перелицовка имеющихся… наших частей на украинский лад — такова теперь задача. Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсеенко, — он должен называться просто Овсеенко. То же самое нужно сказать о Муравьёве (если он останется на посту) и других» [114, с.50] .

Однако вскоре ряженные «украинцы» в Новгороде-Северском принялись палить в воздух и разогнали крестьян, торговавших на базаре. Потом разведчики подъехали к группе новгород-северских милиционеров с криком: «Мерзавцы, бросайте оружие, режьте жидов!» Когда оказавшийся неподалеку член земельного комитета Украинченко попытался утихомирить пришельцев, те его без лишних слов пристрелили. А после пронеслись еще и по городским улицам с тем же призывом: «Бей жидов!» Вскоре со всех сторон в город стали вползать красногвардейцы, «и тогда началась резня и погром». Вот что говорилось о произошедшем в составленном по горячим следам докладе Комитета помощи пострадавшим в новгород-северском погроме: «Жестокость и беспощадность бандитов не поддается описанию. В большинстве случаев было, что детей убивали на глазах у родителей, а отцов на глазах у жен и детей. Не считались с возрастом, полом и классовым положением; если только еврей, то убивали. Были случаи, когда русские и евреи находились вместе, тогда русским приказывали отойти в сторону, а евреев тут же убивали. Были случаи, когда пойманных евреев выстраивали в шеренгу, приказывали готовиться к смерти, потом отпускали и опять строили, повторяя так несколько раз, чтобы больше насладиться предсмертными муками и унижением обреченных. Почти все убийства сопровождались ограблением жертв. Было несколько случаев, что, забрав деньги, после долгих упрашиваний и мольб, предварительно надругавшись и издеваясь над своими жертвами, потом дарили им жизнь. Прятались, кто куда мог. Многие [новгород-северские евреи] спустились в окружающие город рвы и направились в близлежащие деревни. И если кому удавалось незамеченным пройти мимо бандитов, то, попадая в деревни, все же не удавалось укрыться, так как крестьяне очень враждебно встречали спасавшихся бегством, ссылаясь на приказ, воспрещающий под страхом смертной казни принимать евреев. Было даже несколько случаев убийств в селах. Такое же отношение большинства крестьян было и к бежавшим из города 3-го апреля. В городе резня продолжалась до 3-х часов. В три часа банда, боясь приближения немецких войск, боясь, что им могут отрезать единственный свободный путь отступления, с большой поспешностью оставила город. И если бы не эта поспешность и боязнь за собственную участь, то в городе не осталось бы никого в живых. Разгром продолжался местными крестьянами из Заручья, Решетиловки и Покровщины до ночи. За день убитыми оказалось 64, а раненными 10 евреев» [229, с.300] .

Утром в Новгород-Северский явился отряд недавно вдохновленных Ремнёвым на подвиги шостенских рабочих. Вероятно, прослышав о погроме, они решили также поживиться. Но не успели, поскольку к 10 часам утра в Новгород-Северский вступили немцы: «Пробыв в городе до 4-х часов, немецкий отряд, несмотря на просьбы всех горожан и на беззащитность так ужасно пострадавшего города, не остался, ссылаясь на имеющийся у них приказ, и ушел. И за

ними следом потянулось, как в дни великого исхода из Египта, почти все еврейское население города. 8-го (21 апреля по новому стилю. – Ю.С.) утром город был окончательно занят немецкими войсками, водворился порядок, и евреи вернулись в свои покинутые жилища. Тогда начался ужас в деревне. Все евреи, жившие в селах и деревнях, лежащих на пути отступления большевиков к Погару, подверглись разгрому. Особенно сильно пострадало местечко Гремяч, где убитыми оказалось 15 евреев и все разгромленными. Погромное настроение раскинулось по всему уезду, и все евреи, оставив на произвол судьбы все свое состояние, имущество и, за редкими исключениями, даже домашнюю утварь, бежали в город. Убитых в уезде оказалось 24 еврея и раненной 1 женщина. <…> Разгромлено товару и имущества на сумму свыше 3-х миллионов рублей и оставлено на произвол на сумму около 1-го миллиона» [229, с.300-301] .

Все тогда же, 19 (6) апреля 1918 г., в Навле ремнёвский начальник штаба Смирнов уговорил сравнительно небольшую часть бойцов «особой армии» занять позиции на линии Суземка - Севск - Комаричи. Так, отряд Порядина взял под контроль шоссе от Дерюгина до Севска, Московский отряд с приданной ему брянской батареей Пшерадского расположился от Суземки по направлению к Севску. Разоружавший прочих ремнёвцев 1-й Киевский сводный отряд под началом М.Степанова остался в Навле, куда 23 апреля прибыл новый командующий «особой армией», 32-летний Иван Романович Гетманцев [139] . Местных сил ни для нейтрализации ремнёвцев, ни для удержания фронта от немцев и украинцев определенно не хватало. Красные перебрасывали сюда, как уже говорилось, подконтрольные им силы со всей страны. Например, из Поволжья еще в феврале 1918 г. прибыл под Брянск Каргопольский красногвардейский кавалерийский отряд, сформированный из чинов старого 5-го драгунского Каргопольского полка, квартировавшего до 1-й мировой войны в Казани. Помощником начальника Каргопольского отряда был 22-летний недавний унтер-офицер (сержант) Каргопольского драгунского полка Константин Константинович Рокоссовский (1896-1968), в дальнейшем маршал Советского Союза. В автобиографии, написанной им в 1940 г., Рокоссовский рассказывал: «Участвовал в боях: в составе Каргопольского красногвардейского кавотряда в должности помначотряда… В боях с гайдамаками, анархобандитскими отрядами Ремнёва и в подавлении анархистских контрреволюционных выступлений в районе Харьков, Унеча, Михайловский хутор, Карачев — Брянск с февраля 1918 г. по июль 1918 г.» [203, с.45] .

В действительности столкновения перечисленных красных отрядов с немцами и украинцами продолжались почти до середины мая. Во всяком случае, 12 мая 1918 г. большевистский официоз, газета «Правда», сообщила: «Курск, 11 мая. В г. Чечерск было заключено соглашение о перемирии на Брянском фронте между представителями военного совета Брянского района военным руководителем Сытиным, военным комиссаром Анисимовым, военным руководителем Дьяковым и представителями Орловского Совдепа – с одной стороны, и представителями генерала Миллера, командующего немецкими войсками на Брянском фронте – с другой стороны, сроком по 18-ое мая, когда обе стороны должны вновь собраться для возобновления или прекращения действий этого соглашения» [146] . А вскоре противники договорились о разделившей их демаркационной линии, прошедшей на участке, недавно еще контролировавшемся ремнёвцами, через Почеп, Унечу, Сураж, Трубчевск и далее восточнее Погара [139] .

Как вспоминал генерал В.Н.Егорьев, матрос Беретти, командир 1-го киевского сводного отряда красногвардейцев Степанов и командир брянской батареи Пшерадский «погибли, борясь за революционную дисциплину в этих отрядах; другие, как Гетманцев, были счастливее и сумели обратить свои части в боеспособные» [77, с.235]. А вот Ремнёв летом 1919 г. на допросе у красного следователя попытался очернить Гетманцева, да еще и объявить своим заместителем: «За время моего отсутствия на фронте моим заместителем Гетманцевым фронт был сдан неприятелю» [73] . Даже в связи с процитированными характеристиками преемник Ремнёва заслуживает хотя бы краткого о себе разговора.

Иван Романович Гетманцев (1886-1936) был ненамного старше Ремнёва и тоже служил обер-офицером в гренадерском полку. Пожалуй, больше ничего этих двух людей не связывало. Гетманцев был фельдфебелем, то есть лучшим из лучших, на своем курсе в Одесском пехотном юнкерском училище, которое окончил в 1910 г. Ивана Романовича выпустили в чине подпоручика со старшинством с 6 августа 1909 г. в 1-й Лейб-Екатеринославский Императора Александра II гренадерский полк, квартировавший в Москве [39]. С этим полком Гетманцев прошел всю 1-ю мировую войну на русско-германском фронте. Однако в продвижении по службе у Ивана Романовича вышла, несмотря на военное время, какая-то заминка, и он в 1917 г. был только поручиком. В мае 1917 г. Гетманцев успешно окончил трехмесячные подготовительные курсы второй очереди военного времени в Николаевской военной академии, после чего был произведен в штабс-капитаны [41, с.499, 196]. Позже оказался в Красной армии. бывшими ремнёвскими отрядами Гетманцев командовал, кажется, с апреля по июль 1918 г. Потом временно исполнял у красных должность командующего бригадой 27-й стрелковой дивизии. При очередной «эвакуации Украины» красными перешел к белым [41, с.196]. В марте 1919 г. числился в Отдельной Одесской добровольческой бригаде, с 22 июля 1919 г. служил в штабе 2-го армейского корпуса Вооруженных Сил Юга России, 8 октября 1919 г. причислен к Генштабу. Вместе со своим корпусом И.Р.Гетманцев проделал на рубеже 1919-20 гг. знаменитый Бредовский поход, во время которого крупная группировка белых войск под началом генерал-лейтенанта Николая Эмильевича Бредова, будучи отрезана в районе Одессы красными от основных белых сил, смогла пробиться в Польшу и оттуда в августе 1920 г. переправиться в белый Крым. Во ВСЮР и Русской Армии генерала барона Петра Николаевича Врангеля Гетманцев последовательно был произведен в капитаны и полковники (в этих воинских формированиях, также, как в Императорской Русской Гвардии, чин подполковника был отменен). В эмиграции И.Р.Гетманцев жил во Франции, где состоял к 1 января 1934 г. членом Общества офицеров Генерального штаба [36]. Там же, во Франции, Иван Романович и погиб 50 лет от роду: 4 февраля 1936 г., когда он ехал на велосипеде в Жуан-ле-Пэн, его сбил автомобиль [127, с.89].

Между тем, сообщения о катастрофе под Брянском появились даже на страницах главной большевистской газеты «Правда», обычно в таких случаях отмалчивавшейся или попросту лгавшей. Так, 21 апреля «Правда» рассказывала своим читателям: «По прямому проводу от Воронежского Порайонного Комитета. 20 апреля, 11 час[ов] утра. <…> Выяснить положение на участке хутор Михайловский – Алтыновка на удается вследствие занятия телеграфных проводов военными властями. Брянское отделение Московско-Киево-Воронежской железной дороги испытывает затруднения в связи с эвакуацией хуторского участка и скопления порожняка». Для «Правды» сложившееся печальное положение разъяснили по прямому проводу из Ставки: «20 апреля 2 часа дня. Станция Суземка Московско-Киево-Воронежской железной дороги оставлена Советскими войсками. Выясняется количество попавшего в руки неприятеля в этом районе железнодорожного имущества. Участок Брянск-Навля совершенно загромождён воинскими эшелонами и эвакуированными из Хутора Михайловского грузами. Кроме того, на станции Синезёрки (между Навлей и Брянском. – Ю.С.) стоят 2 эшелона в составе 117 вагонов, что лишает возможности пропустить другие поезда в обоих направлениях. Фактически участок Брянск-Навля совершенно закрыт для движения. Спешно ликвидируется участок Брянск-Унеча» [28] . 24 апреля «Правда» продолжала: «Западный фронт. На Новозыбковском направлении неприятель обстреливал наши позиции. <…> На Хутор-Михайловском направлении [немцами и украинцами] заняты ст. Зёрново и Суземка. Наши части отошли на Холмичи и Навля. На Севском направлении нами занят г. Севск и мы продвигаемся на Глухов» [29] .

Сообщение о продвижении красных на Глухов было прямой ложью, означавшей, что «правдинская» редакция взяла себя в руки и вернулась к своей обычной манере подачи материала. И уже 26 апреля «Правда» о событиях на прежних ремнёвских позициях лгала напропа-

лую: «Наступление советских войск развивается. Взят хутор Михайловский. 25-го апреля, на рассвете, после упорных боев Советскими отрядами занят хутор Михайловский. Взяты пленные. Продвижение войск в этом направлении продолжается» [30] ...

11. АРЕСТ, ПОБЕГ, РАССТРЕЛ. Апрель 1918 – август 1919 года

Ремнёвский салон-вагон прибыл в Москву 26 апреля 1918 г. [72] Карьера «особого командарма» была, в сущности, к этому моменту закончена. Первым делом Ремнёв встретился со своим бывшим главкомом, Муравьёвым. 16 апреля 1918 г. Муравьёв был назначен «военным руководителем Закавказья» и готовился уехать в Баку. Дело в том, что, как уже говорилось, Брестский мир большевики заключали не только с Германией и Австро-Венгрией, но и с Турцией. По этому договору к Турции отходили значительные территории в Закавказье. Но здесь представителями грузинского, армянского и азербайджанского народов был создан Закавказский сейм. Как и в украинской Центральной Раде, в Закавказском сейме преобладали представители местных социалистических и демократических партий. 9 апреля 1918 г. сейм провозгласил независимую от большевистской России Закавказскую демократическую федеративную республику и наделил правами ее президента своего председателя, Николая Семеновича Чхеидзе (1864—1926). Чхеидзе был одним из лидеров меньшевистского крыла российской социал-демократической рабочей партии. Кроме того, большую часть 1917 г. Чхеидзе являлся председателем петроградского совета – например, в июле 1917, когда этот совет осаждали в Таврическом дворце кронштадтцы Ремнёва и Раскольникова. Правительство Закавказской республики Брестский мир не признало и туркам отдавать часть своих земель не захотело. Турки потребовали, чтобы большевики ликвидировали Закавказскую республику и передали им положенные по договору территории [23, с.168-169] . Как записал 24 (11) апреля 1918 г. в своем дневнике московский обыватель Никита Потапович Окунев: «В то время как Закавказский Сейм организует сопротивление турецкому нашествию, Совет Нар[одных] Ком[иссаров] командирует в Баку прославленного на Украине Муравьёва для того, чтобы установить на Кавказе "советскую власть" и, вместе с тем, заставить кавказские народы подчиниться требованиям Брестского договора. Более позорного шага советское правительство не совершало за все время своего господства» [135, с.171-172] .

Еще до встречи с Ремнёвым Муравьёв сформировал и отправил в Царицын штаб, начальником которого назначил друого человека из «своей команды», Берзина. Однако самому главкому запретили уезжать до того времени, пока к нему не явятся назначенные для его войск политические комиссары. Кроме того, Муравьёву не дали денег на формирование штабных служб. Вот по этому поводу он и встречался с Ремнёвым, у которого «заимообразно (под отчет перед казной) взял 525 тыс[яч] рублей» [61, с.27, 306-307] . Это означает, что у Ремнёва деньги водились и выгоду от погромов на Украине он поимел немалую. Интересно, что снабжая Муравьёва деньгами, Ремнёв лелеял план сменить его на посту командующего Румынским фронтом. Ф.П.Дунаев пишет, что по этому поводу Афанасий Иосифович собирался потолковать в совнаркоме с Троцким, к которому направился от Муравьёва. Но разговор вышел резким и ни к чему не привел. Ниже мы увидим, что подобные вопросы (в отношение, скажем, Муравьёва) решались не в совнаркоме, а в штабе Московского военного округа.

Когда 27 апреля Афанасий Иосифович снова наведался в совнарком (или в штаб Московского военного округа), собираясь, видимо, продолжить разговор о своем будущем, отставленному командарму вручили предписание явиться на Лубянку, во всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК), исполнявшую при большевиках роль политической полиции и органа внесудебной расправы. Здесь Ремнёва арестовали и поместили в Бутырскую тюрьму [72] . О мотивах ареста, по крайней мере, два весьма осведомленных мемуариста говорят согласно. Ф.Ф.Раскольников сообщает: «После Октябрьской революции и позже, в ранний ”партизанский” период гражданской войны, он (Ремнёв) командовал 2 армией, действовавшей на Укра-

ине. В один из своих приездов в Москву, в апреле или в мае 1918 г., он был арестован по обвинению в бандитизме» [176, с.162] . И служивший большевикам русский генерал В.Н.Егорьев в 1928 г. вспоминал, что среди отрядов Западной завесы «особенно разложены были отряды Ремнёва, расстрелянного вскоре за бандитизм и неповиновение центральной власти» [77, с.235] . Расстрелян был Ремнёв, правда, через год с небольшим. Сам он летом 1919 г. на допросе у следователя особого отдела 4-й советской армии заявил: «В Москве мне никакого обвинения предъявлено не было» [73] .

На самом деле, тучи над главкомом Муравьёвым – и, без сомнения, над Ремнёвым – стали сгущаться до приезда последнего в Москву. Дело в том, что в столицу прибыли и 19 марта 1918 г. явились на прием к председателю ВЧК Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому члены бывшего комитета подчиненной Муравьёву на Украине 1-й революционной армии. Эти люди уже тогда были недовольны устроенной Муравьёвым и Ремнёвым в Киеве резней. Теперь же перед Дзержинским они обвинили своего бывшего главкома «в расправах, расстрелах, самодурстве, предоставлении армии права грабить города и села». Муравьёву тотчас передали эти обвинения – и он их отверг, да еще сам обвинил комитетчиков в недавних поражениях на Украине. 22 апреля 1918 г. народный комиссариат юстиции создал специальную следственную комиссию для рассмотрения дела Муравьёва. Между тем, члены армейского комитета предоставили Дзержинскому пакет документов, доказывавших вину Муравьёва [61, с.27-28].

Вдобавок, в Москву приехали члены правительства, созданного большевиками для Украины, немало, напомним, претерпевшие от ремнёвцев в Киеве. Надо сказать, что приезд знакомых нам уже большевистско-украинских функционеров Бош, Примакова и сопровождавшего их Юрия Леонидовича Пятакова (1890-1937) воспринимался как явление с того света. Дело в том, что еще 9 апреля (27 марта) 1918 г. в главной большевистской газете «Правда» был напечатан за подписью председателя советского украинского правительства Скрыпника обширный некролог, сообщавший: «Измена одного из отрядов чехословацких войск, отошедшего без предупреждения и обнажившего для врага фланг наших отрядов, заставила наших борцов оставить Бахмачский узел и с боем отступать на Ромны и Лохвицу. Окруженная врагами, взятая в плен вместе с другими товарищами, Евгения Богдановна [Бош] была расстреляна одновременно с товарищами Виталием Примаковым, Лебедевым, Ауссемом и, как предполагают, Юрием Пятаковым» [200]… Прибывшие «народные секретари» активно поддержали обвинения в адрес Муравьёва. Особенно на этот счет активничал Скрыпник.

Кроме того, петроградская еврейская газета «Unser Togblat» уже 19 апреля 1918 г. опубликовала рассказ очевидца об устроенном ремнёвцами глуховском погроме, а в средине мая 1918 г. там же было напечатано письмо о разгуле ремнёвцев в Серединой Буде и Алтухово. Эти публикации получили международный резонанс, не утихавший годами. Так, уже в 1923 г. в Берлине правозащитник И.Чериковер писал: «Глухов, Новгород-Северск, Середина Буда и их районы становятся на время центром неслыханных зверств – еврейской резни.<…> Для того периода это было новое явление, неожиданный взлет погромной волны. В этих событиях выступают совершенно новые участники, а именно – дезорганизованные большевистские воинские части. События не связаны с прежней линией погромного движения на Украине, с его главными активными силами - украинской армией и крестьянством. Их принесла сила, чуждая краю, – пришедшие с севера красногвардейцы и матросы, спрятавшие под большевистскими лозунгами тот социально-анархический разгул, который демобилизующаяся солдатчина летом и осенью 1917 г. проявила в пьяных погромах, в грабежах и эксцессах…» [229, с.142-144] И. Чериковеру тогда же и в том же Берлине вторил публицист и деятель сионистского движения Иосиф Менассиевич Бикерман (1867-1932): «В первую зиму большевицкого владычества, сражавшиеся под красным знаменем красные войска учинили ряд кровавых погромов, среди которых выделяются глуховский и новгород-северский, количеством жертв, нарочитым звер-

ством и издевательством над замученными… Отступая под давлением немцев, красные войска громили встречные еврейские местечки, как это делали много раз до и после того отступающие части, охваченные разложением; убегая от беды, евреи прятались во рвах и в окрестных деревнях, где часто избивались крестьянами, у которых думали спастись. Все это происходило в северо-восточных уездах Черниговской губернии, но и вне этого района красные войска не раз порывались расправиться с евреями, и во многих случаях это им удавалось; не редки были и невоенные погромы: громили евреев горожане, крестьяне, вернувшиеся с фронта солдаты. Власть была та же, сверхреволюционная, и также она считала еврейский погром контрреволюцией; матросы и красногвардейцы горели революционным пылом, по части левизны все обстояло благополучно. Поэтому еврейские погромы не только были, но и совершались безнаказанно. Советская власть замолчала и глуховскую, и новгород-северскую резню, виновных не нашла, ибо не искала, зверствами, учиненными ее войсками, воспользовалась, как материалом для агитации против своих врагов, – все, как делает власть, не доросшая до своего дела и вынужденная оглядываться на вольницу, которую возглавляет» [13, с.63-64]. И.М.Бикерман имел полное право подобным образом говорить о реакции большевистской власти на муравьёвские и ремнёвские погромы, поскольку разбирательства этих художеств публичными так и не стали.

Председатель ВЧК Дзержинский в письме от 5 мая 1918 г., адресованном следственной комиссии революционного трибунала, весьма сурово оценил деятельность Муравьёва: «О Муравьёве комиссия наша (т.е. ВЧК. – Ю.С.) неоднократно получала сведения как о вредном для советской власти командующем. Обвинения сводились к тому, что худший враг не мог бы нам столько вреда принести, сколько он принес своими кошмарными расправами, расстрелами, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это он проделывал от имени нашей советской власти, восстанавливая против нас все население. Грабеж и насилие — это была сознательная военная тактика, которая, давая нам мимолетный успех, несла в результате поражение и позор» [225, с.614]. Эти слова, несомненно, подходят и к деяниям самого одиозного из муравьёвских сподвижников, Ремнёва. И вот 28 апреля Дзержинский распорядился Муравьёва арестовать [61, с.28] . Обстоятельства своего ареста описал сам Муравьёв на допросе 5-7 июня 1918 г.: «С Мехоношиным (Константином Александровичем, 1889-1938, заместителем наркома по военным делам, членом ВЦИК, членом всероссийской коллегии по организации и формированию Красной армии. – Ю.С.) я встретился 27-го апреля в штабе округа, он мне сказал, что меня, вероятно, скоро вызовут как свидетеля. На другой день, 28 апреля я пришел в штаб. Ко мне подошел Попов, который сказал, что меня вызывают в Следственную комиссию. Я поехал в Чрез[вычайную] сл[едственную] ком[иссию] и там был арестован Дзержинским» [61, с.307] .

30 апреля 1918 г. петроградская эсеровская газета «Дело народа» кратко сообщила: «По распоряжению чрезвычайной следственной комиссии, сегодня в Москве арестован и заключен в Таганскую тюрьму известный полковник Муравьёв» [165] . 1 мая та же газета уточнила: «По распоряжению комиссии по борьбе с контрреволюцией арестованы: бывший командующий советскими войсками на юге России, ”герой” Одессы и Киева, Муравьёв, Лазарев и, по слухам, Берзин. Арестованные препровождены в Таганскую тюрьму. Официальным мотивом ареста вышеуказанных лиц является непредставление Муравьёвым, Лазаревым и др. отчета в израсходовании общественных сумм» [92] . Берзин действительно давал 13 мая 1918 г. по делу Муравьёва пространные показания [61, с.154-162] , но вот в статусе заключенного или нет – непонятно. Кроме того, современные исследователи дела Муравьёва говорят, что главкома посадили туда же, куда и Ремнёва – в Бутырскую тюрьму [61, с.32] , а не в Таганскую.

Упомянутый в газетной заметке Лазарев – личность по-своему интересная. Одесский фаворит Муравьёва, Петр Сергеевич Лазарев (1887-1920), был простым рабочим, сделавшим карьеру по партийной линии. Левый эсер и союзник большевиков, Лазарев был заместителем

председателя одесского совета и, одновременно, членом похоронившего этот совет одесского ревкома, делегатом 2-го съезда советов в Петрограде. С января 1918 г. Лазарев сделался командующим 3-й (Одесской) революционной армией. Последующая биография Лазарева как две капли воды похожа на ремнёвскую: «Он окружает себя всевозможными темными элементами... Во время отступления ”красных” с Украины в карманах Лазарева и компании пропадают огромные суммы денег... Так оказалась невыясненной судьба денег Одесского казначейства около 6 миллионов рублей (ровно такая же сумма пропала трудами Ремнёва и ремнёвцев из Шостенского казначейства. – Ю.С.), судьба государственного банка Славянска – 4 миллиона рублей. Причем по делу исчезновения денег из Славянского банка велось следствие в Москве и выяснилось, что 100 тысяч из 4 миллионов присвоил лично П.Лазарев неожиданно бежав с фронта в Донбассе и бросив свой пост командующего и армию на произвол судьбы» [222] ... 4 мая 1918 г. газеты сообщили, что «Лазарев освобожден за неимением против него улик», тогда как Муравьёв и Берзин продолжают пребывать в тюрьме [92] .

Возможно, Ремнёва арестовали также в качестве важного свидетеля по муравьёвскому делу – а возможно и в качестве соучастника. Впрочем, у Ремнёва было достаточно и своих грехов. Его вполне могли сделать козлом отпущения и за потерю красными Украины, и за допущенные там бесчинства, превратить в главного фигуранта показательного процесса, учитывая, что Ленин до последнего ценил «превосходные боевые качества» Муравьёва [114, с.116] и не дал бы его в обиду.

Впрочем, кажется, большевистская пропагандистская машина выбирала, кого из красных военачальников поставить в центр судебного представления. Так, 24 апреля 1918 г. газета «Правда» опубликовала такое объявление: «Настоящим доводится до сведения подследственного Дыбенко, что все производство по его делу передано в Московский Революционный Трибунал, где дело будет слушаться около 30-го апреля. Для ознакомления с данными следствия, подследственный и его защита могут обращаться по адресу: Георгиевский пер[еулок], д. №9, (у Мал[ой] Никитской)» [65] . Сам Дыбенко говорит, что его судили «за сдачу немцам Нарвы» [75] (сдача произошла около 23 февраля 1918 г., что теперь в РФ празднуется как «День защитника Отечества»). А вот какую запись сделал по этому поводу 3 мая (20 апреля) 1918 г. в своем дневнике московский обыватель Никита Потапович Окунев: «Начался суд над Дыбенкой. Обвинительный акт содержит в себе указание на трусливое и бесчестное бегство Дыбенко перед лицом неприятеля, на его пьянство, на незаконные расстрелы, производимые по его приказанию, и т.п. безобразия. Но, кажется, дело это снимут с очереди. По крайней мере, дальше одного заседания не пошло — Дыбенко требует вызова в свидетели Ленина и Троцкого, и оно отложено и едва ли возобновится. Дыбенко на свободе. Знаменитый герой советского воинства Муравьёв арестован. Тоже, видно, ”фрукт”!» [135, с.175] Что же, в проницательности старому москвичу, соединившему, несмотря на информационный вакуум, деяния Дыбенко и Муравьёва, не откажешь.

Впрочем, в этой истории можно при желании увидеть и конспирологический подтекст: аресты красных военачальников (Ремнёва, Муравьёва, Лазарева и Берзина), а также процесс над не арестованным Дыбенко, которого, однако, арестовывали в марте за агитацию против Брестского мира, словно бы приурочены к прибытию в Москву немецкого посла графа фон Мирбаха (приехал в столицу 23 апреля) и турецкого посла Халил-бея. 26 апреля 1918 г. оба посла вручили свои верительные грамоты председателю ВЦИК Свердлову, номинальному главе советской России [135, с.172] . А на следующий день арестовали Ремнёва, потом – Муравьёва. На следующий же день после приезда Мирбаха открылось судебное заседание по делу Дыбенко. Возможно, привлечение к ответственности всех перечисленных одиозных персонажей, печально прославленных уже и мировой прессой, было требованием немецкой и турецкой сторон. А возможно большевики по собственной инициативе сделали это, чтобы продемон-

стрировать новым «друзьям» свою лояльность. Ведь все перечисленные красные полководцы успели, пусть и без особых успехов, с немцами повоевать. К такой же демонстрации лояльности немцам можно отнести и требование большевиков к воюющей против Германии и Турции Франции отозвать из Москвы своего посла Нуланса [135, с.173] ...

«Шоу», в конце концов, сделали из процесса Дыбенко – ведь бывший матрос (он и во время процесса носил бушлат и бескозырку) был все-таки несколько месяцев назад «целым» наркомом по морским делам, фигурой на политическом поле заметной. Да и вообще видным мужчиной. Пикантности делу придавали заявления 46-летней сожительницы 29-летнего Дыбенко, видной большевички и также бывшего наркома (государственного призрения) Александры Михайловны Коллонтай (1872-1952). Например, 30 апреля 1918 г. газеты сообщали: «Бывший народный комиссар Коллонтай в знак протеста против исключения Дыбенко из партии коммунистов подала сегодня заявление в партию о том, что она также просит исключить ее из числа партийных членов» [221] … Словом, из процесса Дыбенко сделали подобие «мыльной оперы»: отчеты печатались во всех газетах, а в «Правде» прямо с продолжениями, знаменитый в будущем Дзига Вертов снял подсудимого на кинопленку... Дела же Муравьёва и Ремнёва расследовались большевиками в тайне.

9 мая на заседании брянского районного совета председатель следственной комиссии при брянском революционном трибунале М.Львович и член комиссии Кронберг представили доклад «по делу о разраблении Шостенского Казначейства» [55, л.39] . Кажется, другими безобразиями Ремнёва и ремнёвцев брянский ретрибунал не заинтересовался. В ходе следствия в Москву, допрашивать Ремнёва о шостенских приключениях, выезжали комиссар юстиции Брянского района Иванов и вышеупомянутый Львович [72] . В итоге следственная комиссия определила: «Из дознания по делу о разгроме Шостенского Казначейства вполне установлено, что в разгроме были главными руководители ком[андир] бат[ареи] Пшерадский и Председатель Комитета той же батареи Сергеев и друг[ие]. 7 мая с[его] г[ода] Следственная Комиссия постановила: мерою пресечения уклонения означенных лиц от суда и следствия избрать содержание их под стражей и для приведения означенного постановления в исполнение 7 мая с[его] г[ода] было послано отношение Уголовно-Розыскному отделению…» [51, л.5-5об] Однако ни Пшерадского, на Сергеева, скитавшихся по гарнизонам и фронтам Гражданской войны, арестовать тогда не удалось. Ну, а 9 мая 1918 г. депутаты брянского районного совета «по заслушании доклада члена Следственной Комиссии при Революционном Трибунале по делу о разграблении Шостенского Казначейства постановили: а) присоединиться к заключению Следственной Комиссии о привлечении к ответственности виновных и б) предложить военному комиссариату ликвидировать все последствия разграбления названного Казначейства» [55, л.39] . Ремнёва, кажется, потихоньку очищали от обвинений...

Сам же командарм, видимо, все-таки симулировал сумасшествие. В июне 1918 г. его перевели в тюремную больницу Бутырки, а потом на два месяца – в Окружную психиатрическую лечебницу [73; 224] . И здесь нас ожидает любопытное совпадение – по тому же маршруту 10 июня 1918 г. отправился и главком Муравьёв: «Медицинское обследование М.Муравьёва в тюрьме засвидетельствовало, что он действительно страдал ”неврастенией в степени большей, чем средняя”. Учитывая это, с 10 июня подполковник (под поручительство [командующего Московским военным округом] Н[иколая Ивановича]Муралова [1886-1937]) был переведен из Бутырской тюрьмы в частную психиатрическую лечебницу О.Чинаровой на Погодинской улице 12, где ему были предоставлены две меблированные комнаты, полный пансион и круглосуточный уход (за все эти услуги из государственной казны было выплачено 2 тыс[ячи] руб[лей])» [61, с.32] . Если же заболевание Ремнёва и Муравьёва не было симуляцией, то история оказывается вообще жутчайшей: красным главкомом на Украине и одним из его командармов были клинические сумасшедшие…

Вскоре Муравьёв дождался благоприятных перемен. 14 июня 1918 г. ВЦИК за подписью своего председателя Свердлова направил в следственную комиссию по делу Муравьёва такой документ: «Настоящим сообщаем, что на основании постановления Президиума Центрального Исполнительного Комитета от 9-го сего июня, дело М.А.Муравьёва, за отсутствием состава преступления, следствием прекращено и дело подлежит передаче в архив Революционного Трибунала при Центральном Исполнительном Комитете» [61, фотокопия между с.36 и 37] . А за день до этого, 13 июня, Муравьёва назначили командующим Восточным фронтом по борьбе с контрреволюцией [61, с.37]. Дело в том, что в Поволжье в ответ на требование большевиков сдать оружие, восстал против красных знакомый Муравьёву по Киеву Чехословацкий корпус. Как записал 15 (2) июня 1918 г. в своем дневнике москвич Никита Потапович Окунев: «Главнок[омандующим] войсками против чехословаков назначен все тот же Муравьёв. Отдохнувши под арестом, бравый воевода опять прольет братской крови видимо-невидимо» [135, с.188] . В газетах 19 июня сообщалось: «Штаб Муравьёва будет находиться в одном из поволжских городов. Местоприбывание держится в секрете» [130].

Не прошло и месяца, как Муравьёв взбунтовался против большевиков. 11 июля 1918 г. совнарком специальным декретом за подписью Ленина извещал: «Муравьёв сбежал из штаба Революционного военного совета в Симбирск и отдал по всем войскам приказ повернуть против немцев, которые будто бы взяли Оршу и наступают на нас. Приказ Муравьёва имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьёва своевременно раскрыта Революционным военным советом, и все войска, действующие против чехословаков, верны Советской власти. Сим объявляется по войскам, по Советам и всем гражданам Советской республики:

1. Немцы нигде на нас не наступают, на немецком фронте все спокойно.

2. Всякие призывы к наступлению на немецком фронте являются провокацией и должны караться расстрелом на месте.

3. Бывший главнокомандующий на Чехословацком фронте левый эсер Муравьёв объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте» [44, с.166-167]. Вечером того же 11 июля Муравьёва действительно застрелили – при попытке арестовать его в Симбирске [44, с.168]. Ремнёв все эти приключения пропустил, пребывая в психушке.

Однако после муравьёвского мятежа Москва проявила интерес к расследованиям комиссии брянского ревтрибунала по поводу разграбления Шостенского казначейства. Около 16 июля 1918 г. председатель следственной комиссии Львович и комиссар юстиции Брянского района Иванов «были делегированы Брянским Районным Советом в гор[од] Москву с докладом к Народному Комиссару Юстиции о дальнейшем движении дела» «об ограблении Шостенского Казначейства». Главное, согласно отчету Львовича, что интересовало Москву – это «роль в этом деле бывшего Командующего южными Армиями Ремнёва» [51, л.1-1об, 4] . Интересно, что Львович «титулует» Ремнёва муравьёвским служебным статусом января-февраля 1918 г. … Это могло быть случайностью, а могло быть и «первым звонком» на предмет того, что Ремнёва в показательном процессе назначат отвечать за все грехи Муравьёва. Во всяком случае, дело о Шостенском казначействе к концу июля 1918 г. закрутилось с новой силой. 29 июля председатель брянской следственной комиссии Львович обратился в уголовный розыск: «Согласно постановлению Следственной Комиссии, прошу распоряжения об аресте бывшего командира 3-й роты Пшерацкого и завед[ующего] хозяйством той же роты Сергеева и заключении в местную тюрьму» [51, л.9]. Розыск результатов не дал, и вот уже 15 августа 1918 г. Львович послал отношение в военный отдел Московского района: «По имеющимся в Следственной Комиссии сведениям бывш[ий] офицер и командир 3-й батареи Брянского Советского полка Павел Станиславович Пшерадский, обвиняемый в разгроме Шостенского Каз-

начейства, в настоящее время находится в городе Москве. Прошу об аресте его, и доставить в Следственную Комиссию при Брянском Революционном Трибунале» [51, л.8] . Кажется, и это обращение ни к чему не привело. Между тем, следствие по делу Ремнёва вели до ноября 1918 г. Сам же бывший командарм в это время лежал без сознания, в тифозной горячке.

Ремнёв так живописал летом 1919 г. на допросе в особом отделе 4-й советской армии свои дальнейшие приключения: «В ноябре 1918 года, когда я лежал больной в тифу, без сознания, ко мне приезжали из ВЧК для предъявления обвинения... В начале марта 1919 года я снова был отправлен в психиатрическую лечебницу, откуда и бежал перед Пасхой. Бежать меня побудило то обстоятельство, что я окончательно оголодал, нам, больным, почти ничего не давали (почти ничего – это полфунта хлеба в день, около 200 граммов. – Ю.С.) [224][1]. Бежал я к своим родственникам в село Лапино Козловского уезда Тамбовской губернии. В побеге из окружной больницы мне содействовала конторщица этой лечебницы, фамилию которой не помню. Она доставила меня до станции и купила билет. Так я добрался до Козлова, где поступил помощником машиниста... Документы у меня были подложные, выписанные Советом села Лапина на имя моего двоюродного брата. Так, в качестве машиниста, я проработал около двух месяцев. Затем, узнав, что меня опять преследуют, я ушел из этого села в сторону города Пугачева с целью попасть к известному мне Берзину (Возможно, Ремнёв помнил, что летом 1918 г. Берзин был начальником штаба у Муравьёва, и предположил, что Рейнгольд Иосифович так в Поволжье и воюет. Однако в Саратовской губернии Р.И.Берзина летом 1919 г. не было – он с декабря 1918 г. по июнь 1919 г. служил инспектором армии советской Латвии, а с июля по декабрь 1919 г. был членом революционного военного совета Западного фронта [202, стб.379; 32, с.446]. То есть, чтобы его найти Ремнёв должен был идти совсем в другую часть страны.-Ю.С.). В пути я остановился в селе Нарышкине и в течение четырех дней работал в хозяйстве местного священника. Однажды, когда я поехал с его сыном за мукой на соседний хутор, нам повстречались по дороге пять красноармейцев, которые назвали себя казаками и начали у меня выпытывать, какого взгляда я придерживаюсь на советскую власть, а также сколько красноармейцев имеется в селе Нарышкине, как население относится к советской власти и т.д. Полагая, что я попал к белоказакам, я врал им напропалую, дабы они не пристрелили меня. На обратном пути с мельницы я просил сына священника, чтобы он передал отцу мою просьбу не называть меня при казаках большевиком. Но было поздно. На поверку эти казаки оказались красноармейцами, которые меня по пути с мельницы арестовали. Так я попал в тюрьму уезда Дергачи...» [73]

Интересно, что все время, пока Ремнёв завоевывал Украину, потом убегал оттуда, сидел в тюрьме и содержался в психиатрической лечебнице, его жена Клавдия Андреевна (вероятно, с дочерью), жила в Брянске. Накануне побега Ремнёв нашел возможность сообщить жене, чтобы та поезжала в город Козлов Тамбовской губернии и ждала там беглого мужа с гражданской одеждой [72]...

В Дергачах никто уже Ремнёва командармом не называл и не считал, поскольку здесь, в поволжских Самарской и Саратовской губерниях, о его «подвигах» на берегах Днепра и Десны вряд ли слышали. Например, начальник милиции 3-го участка Новоузенского уезда препровождал в дергачевский арестный дом просто «гр[ажданина] города Брянска Орловской губернии Ремнёва Афанасия Осиповича». То же, примерно, сказано и в арестном листе №268 от 8 июля 1919 г., выписанном сотрудником особого отдела 4-й советской армии Хорошенко: «Ремнёв Афанасий Осипович, 30 лет, проживает в Брянске Орловской губернии, профессия —

[1] В большевистской практике того времени дело самое обыкновенное. Служивший при штабе красной 1-й конной армии писатель Исаак Эммануилович Бабель (1894 – 1940) записал 17 июля 1920 г. в своем дневнике, что больной возвратным тифом ординарец «красного офицера» Соколова, «румяный орловец, безобидный парень» Миша, ушел из госпиталя, потому что там «не кормили» [10, с.234, 239].

паровозник-служащий» [73] . Так, превращением из командарма в брянского обывателя и паровозного служащего, закручивался для Ремнёва последний акт революционного карнавала, затеянного когда-то самим Афанасием Иосифовичем, вновь сделавшимся, как до войны, в документах Брянской городской управы, «Осиповичем».

Выше уже говорилось, что 15 июня 1919 г. Ремнёва арестовали выдавшие себя за белых казаков красноармейцы Вооруженного отряда продовольственной комиссии областного совета поволжских немцев во главе с их командиром Евдокимовым и политкомиссаром Шауфлером, скромно обращавшимися друг к другу «ваше благородие» [72] . У красных такой маскарад был распространенным явлением. Например, часто прибегали к нему «червоные казаки» Примакова, которые при штурме Киева в январе 1918 г. находились в оперативном подчинении у Ремнёва. Вот что вспоминал о боях с «червонцами» осенью 1919 г. командир белой Дроздовской дивизии генерал-майор Антон Васильевич Туркул (1892—1957): «Мы ненавидели Червонную дивизию смертельно. Мы ее ненавидели не за то, что она ходила по нашим тылам, что разметала недавно наш Второй полк, но за то, что червонные обманывали мирное население: чтобы обнаружить противников советчины, червонные, каторжная сволочь, надевали наши погоны. Только на днях конный отряд в золотых погонах занял местечко под Ворожбой. Жители встретили их гостеприимно. Вечером отряд устроил на площади поверку с пением [молитвы] ”Отче Наш”. Уже тогда многим показалось странным и отвратительным, что всадники после ”Отче Наш” запели с присвистом какую-то непристойную мерзость, точно опричники. Это были червонные. Третий батальон [дроздовцев] Манштейна атаковал местечко. Едва завязался бой, червонные спороли погоны и начали расправу с мирным населением; в два-три часа они расстреляли более двухсот человек» [220, с.119-120] .

Перед нами вовсе не попытка очернить противника, но довольно точная бытовая зарисовка. Вот как вспоминал в 1923 г. один из тех самых «червонцев», М.Медянский, рейд своих товарищей на Льгов 10-13 ноября 1919 г.: «Командование и штабные сотрудники отдыхают после трехдневных боев с деникинцами около села Николаевка, Фатежского уезда, Курской губернии. <…> Счастливцы достали из “библиотеки” попа журнал ”Паломник”, ”Жития Святых” и глотают их от корки до корки. Другого печатного слова нет, а убить время чем-нибудь да нужно. Другие занимаются более продуктивным делом – истребляют у себя насекомых» [228, с.279]. Мемуарист, как видим, демонстрирует такое же презрительное отношение к вере и Церкви, их обрядам и литературе, как и описанные Туркулом «червонцы». Но вот последовал приказ наступать на Льгов. Командир дивизии «червонцев» Примаков инструктирует своих подчиненных: «С рассветом выстроиться всем полкам на шоссе Дмитриевск-Фатеж, превратившись, по примеру Понырского рейда, в… золотопогонников» [228, с.279]. Из этих слов можно понять, что до Льгова по крайней мере один раз примаковская дивизия уже прибегала к переодеванию в «белых». И вот начинается массовое переодевание и переучивание «червонцев»:

«– Товарищ командир, куда кокарду прибить?

– Дурачье, какой я вам товарищ, – ваше благородие! <…> Идите к старым солдатам – они вам сделают все, – и бежит дальше, пристегивая на ходу золотые погоны с тремя звездочками, но у него не ладится что-то дело – не привык возиться с этой дрянью» [228, с.280] . И вот «червонцы» выступают в поход: «Начинает светать. Желтые лучи скользнули с востока на запад, задели развернутый строй полка. Блеснуло вдогонку за ними золото с плеч командиров. <…> Дивизия тронулась. Впереди тов[арищ] Примаков на ”Мальчике”. Завернулся в бурку. Шаловливый порыв ветра – и из-под бурки показывается кончик генеральских погон. За ним поручики, капитаны, полковники. Теперь все серьезны. <…> Все белогвардейцы. Нет шуток – будто всегда ходили в погонах…» [228, с.280]

В дергачевском арестном доме Ремнёв встретился еще с двумя заключенными, которых также со всем правом можно считать персонажами революционного карнавала – красноармей-

цами 22-й стрелковой дивизии 4-й советской армии «коммунистом Степаном Разиным» и его подельником, Кириллом Васильевичем Бажановым, по прозвищу «товарищ Кúрка» (сокращение от Кирилла). Ремнёв также включился в игру и представился товарищам по камере белым казаком. «Коммунист Степан Разин» спектакль поддержал, сообщив Ремнёву: «И меня забрали как белогвардейца». Конечно, как уже неоднократно случалось в 1917-м, например, году, Ремнёв взялся обсуждать со «Степаном Разиным» возможность побега. «Разин» резонно заметил: «У нас ведь нет денег». Но это была, напомним, одна из любимых тем Ремнёва – деньги как двигатель и результат истории – и его, соответственно, «понесло»: «Ремнёв ответил, что денег хватит, потому что, когда его забрали, ему удалось спрятать деньги в амбаре сельсовета Головиншина, и мы, – писал об этом разговоре «Степан Разин» в доносе на имя заведующего дергачёвским арестным домом Лопина, – после побега отправимся туда и возьмем эти деньги... Для осуществления побега Ремнёв намерен был во время вывода арестованных на прогулку отлучиться в сортир и отломать доску стенки, граничившей с улицей» [73] .

Беда в том, что Ремнёв был, как не раз демонстрировалось здесь, патологически труслив, что, конечно, побегу не способствовало. «Степан Разин» продолжает рассказ: «Я… пошел за Ремнёвым, однако бежать он побоялся, и мы возвратились в камеру. Назавтра Ремнёв сказал мне, что вчера вечером он не убежал потому, что побоялся, что я сообщу об этом охране. Теперь же Ремнёв просит бежать с ним до города Вольска, где у него есть товарищ с деньгами, и мы неплохо будем жить. У него уже организована армия в несколько тысяч человек, и когда мы будем там, то не дадим продолжаться советской власти». Словно бы убеждая себя сбежать, Ремнёв выдумывает для побега «веские», прямо «судьбоносные» причины: «А если только я не убегу отсюда, то меня погонят до города Козлова на Тамбовщину, и там мне конец. И там, в Козлове, могут погибнуть еще человек пятьдесят, которые давали мне документ. А если я убегу, то они будут спасены» [73] .

«Коммунист Степан Разин» все это выслушал, записал и направил около 26 июня 1919 г. донос тюремному начальству, сопроводив сообщение призывом: «В этой связи прошу к такому контрреволюционеру принять меры, а то он может убежать и много чего наделать против советской власти...» [73] Но отношение тюремного начальства к его сообщению, видимо, «Разина» не удовлетворило. К тому же и Ремнёв продолжал городить огород на две свои любимые темы – побег и деньги. И тогда «Разин» 31 июня написал на бывшего командарма донос в политический комиссариат своей 22-й стрелковой дивизии. Интересно, что комиссаром этой дивизии был 23-летний Иван Ильич Андреев, один из персонажей романа Д.А.Фурманова «Чапаев». Он погибнет в начале 1920 в бою с казаками. А тогдашний командир 22-й стрелковой дивизии А.В.Сапожков ровно через год после описываемых событий поднимет в Самарской и Саратовской губерниях восстание против большевиков и погибнет в бою с ними... [57] Дивизионному комиссару «Разин» рассказывал: «Я как коммунист, борющийся за пролетариат, смог выпытать у Ремнёва, арестованного в Головиншине, о том, что он имел переписку с казачьей бандой и занимался в этом районе разведкой с тем, чтобы передать ей собранную информацию; что на днях в Головиншино должны прибыть казаки около 600 человек, но со мной случилось несчастье, что попал в руки проклятых большевиков (это, видимо, слова самого заигравшегося Ремнёва. – Ю.С.). Тогда я спросил, была ли у него встреча, он мне сказал, что в Семеновку приезжали от казаков, он передал им все, что мог узнать о том, где стоят войска. Ремнёв спросил: “Что надумал, Разин? Убежим и перейдем к казакам. Я тебя не оставлю, ты будешь у меня денщиком, и тебе будет хорошо”» [73] .

«Обрабатывал» Ремнёв и второго своего соседа по камере, Кирку Бажанова, который тоже доносы писать умел и сообщил начальнику милиции 2-го района: «Находясь в арестном доме, как борец против контрреволюционеров, доношу вам, что разговаривал сегодня с арестованным, который назвал себя Ремнёвым. Последний воспринял меня как противника совет-

ской власти и рассказал, как его поймали красноармейцы, и высказал обеспокоенность тем, что теперь его могут расстрелять. Я, Бажанов, возразил, что за это не расстреливают. Тогда Ремнёв пояснил, что пострадает не только за это, но и за то, что, будучи командующим особой украинской армией, он продал эту армию противникам советской власти за большие деньги. Деньги были получены, но скрыться ему с этими деньгами не удалось, его арестовали, а деньги раздали его армии. Его же, Ремнёва, приговорили к расстрелу, но ему удалось из-под расстрела бежать. После побега Ремнёвым и подчиненными ему восемью солдатами якобы был разграблен почтовый поезд на первом перегоне от города Москвы, из которого было похищено семь миллионов денег. Вот за этот проступок, сказал Ремнёв, он может быть расстрелян. Далее Ремнёв сказал: если ты освободишься, то сделай для побега подкоп со стороны реки. Я тогда тебя не оставлю. У меня есть тридцать тысяч, которые спрятаны... Мы возьмем с собой эти деньги и убежим в казаки, так как советской власти крах и ее песня уже спета. А в казаках я, Ремнёв, твою руку поддержу. Там у меня есть товарищ – командир корпуса, который перешел в белую гвардию с целым корпусом...» [73] Вскоре Бажанова освободили, но Ремнёв нашел возможность передать ему из арестного дома несколько записок.

Видимо, донос «коммуниста Степана Разина» в политком 22-й дивизии возымел действие, и 4 июля 1919 г. Ремнёва допросил сотрудник особого отдела реввоенсовета 4-й армии Хорошенко. После допроса Ремнёва пронизал буквально животный ужас, что видно из переданных Афанасием Иосифовичем Кирке Бажанову записок: «Тов[арищ] Кирка, необходимо достать ¼ стакана какого-нибудь спирта для храбрости. Иначе я пропал. Меня передают сотруднику особого отдела. Жду. Прими все меры. Ремнёв. Я тебе сгожусь...» [73] Или вот еще: «Товарищ Кира, прими меры, не откладывай в долгий ящик, а то меня дума одного дергает. Постарайся узнать и завтра передать запиской…Моя последняя надежда. Я в долгу не останусь. Если ты не пойдешь навстречу, то мне наверняка придется сложить голову. Жду ответа. Ремнёв» [223а]. Очевидно, что сам не раз отправлявший людей на смерть, Ремнёв оказался, что называется, «жидок на расправу».

8 июля 1919 г. особый отдел 4-й советской армии выписал на имя Ремнёва арестный лист. 15 июля заведующий пунктом особого отдела при 4-й армии передал арестованного следователю с такой запиской: «Препровождаю дело и арестованного Ремнёва как афериста и контрреволюционера. Он пытался бежать из Дергачевского арестного дома, и смотрите, чтобы он не убежал из Волока» [73] . Бежать теперь Ремнёв не пытался, зато почти месяц притворялся сумасшедшим – и его не допрашивали. Но всему приходит конец, на рубеже июля-августа 1919 г. Ремнёва все-таки допросил следователь особого отдела 4-й армии М.Фрейдович. По результатам собеседования Фрейдович составил следующий документ: «Заключение по делу №395/400. 2-го августа 1919 г. мною рассмотрено дело гражд[анина] РЕМНЁВА Афанасия Осиповича по обвинению его в контр-революции. По выяснению следствия путем опроса обвиняемого и свидетелей установлено следующее: РЕМНЁВ Афанасий бывш[ий] Командующий Особой Армией был арестован в Москве ВЧК в апреле м[еся]це 1918 г. Согласно его личному показанию, никаких обвинений ему не предъявлено было, содержался он в Бутырской тюрьме и затем по болезни переведен был в Окружную Психиатрическую лечебницу. Из лечебницы он бежал при помощи одной конторщицы этой же лечебницы. Добравшись до родного села Лапино, Ремнёв какими-то путями достает документ одного беженца на имя какого-то Михалина (на самом деле Ремнёв воспользовался документами своего двоюродного брата, Якова Даниловича Михалина. – Ю.С.) и начинает бесцельно странствовать по направлению Уральского фронта. По пути он останавливается в селе Нарышкине (Головшине. – Ю.С.), Самарской губ[ернии] у одного священника (Константина Ахматова. – Ю.С.) и работает несколько дней на полевых работах. Отправившись один раз на мельницу с сыном священника, по дороге встречает конный разъезд. Принимая их за казаков, Ремнёв в беседе с ними высказывает

взгляды контр-революционные и дискредитирует Советскую Власть. Оказавшись красноармейцами, конный разъезд арестовал Ремнёва. Находясь в Пугачевском Арестном доме, Ремнёв пытается подговорить двух арестованных бежать с тюрьмы, результатом чего было установлено за ним бдительный надзор. Будучи доставлен в Особый Отдел, с первых дней Ремнёв симулировал сумасшедшего, следствием чего невозможно было привлечь до сего времени и к допросу. По произведенному последнему допросу (выяснилось?), что обвиняемый Ремнёв был совершенно нормален. Принимая во внимание все выше сказанное, Ремнёв с его довольно темным прошлым и не менее подозрительным настоящим характеризует собою типа безусловно контр-революционного и опасного для Советской Власти» [9, л.41; 73] .

Получивший такое заключение начальник особого отдела Г.Чибисов телеграфировал в Москву: «Военно-срочная телеграмма. МОСКВА ОСОБ[ый] ОТДЕЛ ВЧК КОПИЯ ОСОБ[ому] ОТДЕЛУ ВОСТ[очного] ФРОНТА БОКИЮ. Особотделом арестован РЕМНЁВ Афанасий Осипович как подозрительная личность точка По наведенной справке РЕМНЁВ бывший командир Особой армии в бытность мою на службе ВЧК был арестован и бежал изпод (так!) стражи точка Он симулирует сумасшедшего точка Прошу разрешения расстрелять его на месте без суда или препроводить ВЧК точка №5063. Нач[альник] особ[ого] отдела Чибисов» [9, л.42] .

Рис.49. И.П. Павлуновский на пике своей чекистской карьеры. Фото 1920-х гг.

Рис.50. И.П.Павлуновский. Фото из уголовного дела. 1937 г.

26 июля 1919 г. Москва ответила: «Чибисову, копия особ[ому] отд[елу] Вост[очного] фр[онта] Бокию... В порядке охраны фронта Ремнёва как бандита расстрелять и фотокарточки Ремнёва до и после расстрела выслать в Особый отдел. Москва. 26 июля 1919. Зам[еститель] пред[седателя] особ[ого] отдела Павлуновский» [73] . Интересно, как это чекистское распоряжение похоже на оформление заказа на убийство в криминальной среде новейшей России, когда, если верить средствам массовой информации, киллер получает фото человека-мишени и отчитывается перед заказчиком фотографией уже «исполненного» «клиента»…

Между тем, бывший прапорщик 1-го стрелкового Царскосельского резервного полка Иван Петрович Павлуновский (1888-1937) [154, с.65, 197], служивший в 1919 в ВЧК, должен был хорошо знать Ремнёва. Большевик Павлуновский после февральского переворота 1917 г.

был членом петросовета и наверняка был знаком с Ремнёвым, как с одним из большевистских и советских руководителей Кронштадта [23, с.372; 157, с.364; 201, с.207]. Более того, 24 декабря 1917 г. Павлуновский был отправлен в Белоруссию, где стал одним из двух заместителей начальника Революционного полевого штаба, бывшего прапорщика Мкртича Карапетовича (Михаила Карповича) Тер-Арутюнянца (1894—1961). Именно этот Революционный полевой штаб сформировал и отправил на Украину 1-й Минский революционный отряд Р.И.Берзина, ставший основой 2-й революционной «ремнёвской» армии [160; 6, с.58][1]. Однако в 1919 г. И.П.Павлуновский имел даже среди большевиков совершенно определенную репутацию. Бывший комиссар путей сообщения Петроградского округа Александр Дмитриевич Нагловский, контактировавший в И.П.Павлуновским в 1919 г., в позднейших своих воспоминаниях называл чекиста Павлуновского «обер-палачом при Троцком». По словам А.Д.Нагловского, Павлуновский вызывал «во всяком человеке бесконечное отвращение: – высокий, худой, с жуткими глазами убийцы, одетый в ”лихую” кавалерийскую шинель до пят, с рукой на перевязи, Павлуновский со своим отрядом по мановению руки Льва Давыдовича [Троцкого] расстреливал бесчисленное количество людей» [62, с.308] ...

[1] Вероятно, стоит рассказать об этом деятеле подробнее. Иван Петрович Павлуновский родился в деревне Ржава, ныне Фатежского района Курской области, в семье мелкого служащего. Во время революции 1905-07 участвовал в создании военной организации курского комитета РСДРП. В 1907 высылался полицией в Вологодскую губернию. С 1911 в Петербурге, «профессиональный революционер»-большевик. В 1913-14 гг. был секретарем больничной кассы Путиловского завода. В 1914 мобилизован в армию. По окончании школы прапорщиков произведен в офицеры и служил в запасной, вероятно, команде 1-го стрелкового полка, в тыловом гарнизоне Петергофа. После февральского переворота 1917 – председатель петергофского совета, член царскосельского совета, потом петросовета, а при октябрьском перевороте – член военно-революционного комитета. Вместе с Ф. Ф. Раскольниковым и С. Г. Рошалем Павлуновский во главе отряда красногвардейцев участвовал в боевых действиях против войск генерала П.Н.Краснова и А.Ф.Керенского. В ноябре 1917 Павлуновский был комиссаром сводного Петроградского отряда, которым командовал матрос линкора «Император Павел I» (переименованного в «Республику») Н.А.Ховрин. Начальником штаба этого отряда был прапорщик А.Ф.Ильин-Женевский, брат Ф.Ф.Раскольникова. Отряд вез большевизированным рабочим Харькова и Донбасса 10 тысяч винтовок и пулеметов, а под Белгородом имел боестолкновение с ударными батальонами. Вскоре Павлуновский сам возглавил сводный отряд балтийских и черноморских матросов (при том же начальнике штаба Ильине-Женевском) и продолжил воевать с ударниками. 24 декабря 1917 Павлуновский, как уже говорилось, стал заместителем начальника Революционного полевого штаба в Белоруссии, который безуспешно старался противостоять частям 1-го Польского корпуса и 12 марта 1918 был расформирован в Орле. С августа 1918 Павлуновский – начальник особого отдела 5-й советской армии, с января 1919 председатель уфимской ЧК, с апреля 1919 заместитель, с августа 1-й заместитель начальника особого отдела ВЧК. С января 1920 Павлуновский – полномочный представитель ВЧК в Сибири, член сибирского бюро ЦК РКП(б). 15 мая 1920 Павлуновский таким же манером, что и Ремнева, распорядился расстрелять бывшего командира женского батальона Русской Армии М.Л.Бочкареву. 30 мая 1920 в качестве председателя чрезвычайного революционного трибунала приговорил к смерти четырех министров правительства адмирала А.В.Колчака (в основном социалистов). В 1921 г. разгромил в Сибири «Союз трудового крестьянства» и участвовал в аресте генерал-лейтенанта барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга. За все перечисленное Павлуновского наградили в 1921 орденом Красного знамени. С 1922 Павлуновский служил уполномоченным наркомата путей сообщения по Сибири. В 1926-28 в Закавказье стал полномочным представителем ОГПУ, пришедшего на смену ВЧК. В 1928-30 служил в народном комиссариата (наркомате) рабоче-крестьянской инспекции СССР, был заместителем народного комиссара (наркома). 1930-32 – начальник главного (центрального) военно-мобилизационного управления высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР. Когда ВСНХ разделили на три наркомата – на той же должности в одном из них, наркомате тяжелой промышленности. В 1928-34 член ЦИК СССР. На 15-м и 16-м съездах ВКП(б) избирался членом центральной контрольной комиссии, а на 17-м съезде – кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Награжден орденами Трудового Красного знамени и Красной звезды. Проживал в Москве, в «доме правительства» на ул.Серафимовича, д.2, кв.235. Арестован 28 июня 1937. Приговорен 29 октября 1937 военной коллегией верховного суда СССР за участие в контрреволюционной террористической организации к расстрелу. Расстрелян на следующий день и сожжен в крематории на московском Донском кладбище. 26 ноября 1955 реабилитирован военной коллегией верховного суда СССР. Жена Павлуновского Мильда Юкумовна (урожденная Дзелтынь) как член семьи изменника Родины была приговорена 28 декабря 1937 особым совещанием при НКВД СССР к 8 годам заключения. Отсидела в Казахстане, в Акмолинском лагере жен изменников Родины (АЛЖИРе) на полгода больше [134, с.134-137; 142; 23, с.372; 78, с.159-164, 165, 179; 160; 57а; 141; 44, с.447-449, 466, 535; 212, с.491; 143].

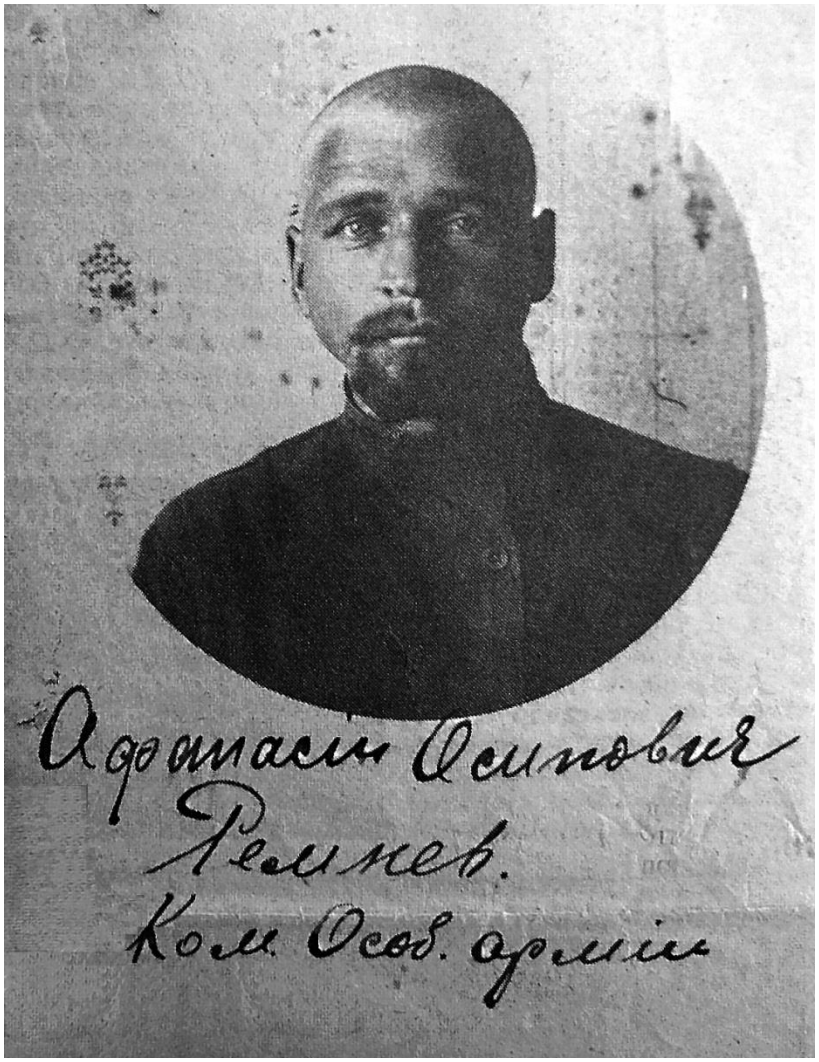


Рис.51. А.И.Ремнев. Предсмертное фото, снятое 3 августа 1919 г.
Аргументы и факты – Брянск. 2005. №28 (195). С.12.

В 4 часа утра 3 августа 1919 г. сотрудник «активной части» особого отдела 4-й советской армии расстрелял Ремнёва и сфотографировал [73] . Самое забавное, что если бы Ремнёв добрался до своего приятеля Берзина или дождался бы суда в Москве, то, искусный в демагогии, он сумел бы оправдаться и даже возобновить карьеру. И с ним могло произойти то, что случилось с другим муравьёвским командармом, Лазаревым, который после освобождения из тюрьмы в мае 1918 г., было, пропал, потом объявился – «и в 1919 году был расстрелян деникинской контрразведкой, как член подпольной военной организации большевиков» [120, с.30] . 70 лет его имя носила одна из главных улиц Одессы [236] . А, возможно, Ремнёв повторил бы судьбу матроса Дыбенко. Последний, по его собственным словам, «в мае 1918 г. …был по суду оправдан. После суда уехал на нелегальную работу в Украину и в Крым. <…> В октябре, прибыв в нейтральную зону около гор[ода] Рыльска Курской губ[ернии], был сперва военкомом полка, потом вступил в командование батальоном и впоследствии, при взятии Харькова и дальнейшем продвижении в направлении на Екатеринослав, командовал группой екатеринославского направления. В феврале 1919 г. был назначен начальником Заднепровской дивизии, которая после занятия Крыма была переформирована в Крымскую армию, коей командовал до июля 1919 г., одновременно был и народным комиссаром по военным и морским делам Крым-

ской республики» [75] и т.д. Последнее звание Дыбенко в Красной армии – командарм 2-го ранга, последняя должность – командующий войсками Ленинградского военного округа.

И тогда чекисты расстреляли бы Ремнёва не в 1919 г., а в 1937-38, как того же Дыбенко, или таких персонажей (с красной стороны) нашего рассказа, как Берзин, Крыленко, А.Я.Семашко, Антонов-Овсеенко, Примаков, Саблин, Сытин, Жлоба, Муралов, Мехоношин, Затонский, Ауссем, Лапчинский, Пятаков, Гольдман-«Либер», Гиммер-«Суханов» и Бабель (расстреляны в 1940 г.), Кнорин, Калманович, Токмаков, а также чекист Бокий, который контролировал переписку по делу Ремнёва, и, наконец, Павлуновский, санкционировавший из Москвы ремнёвский расстрел…

* * *

А что же «особая армия» Ремнёва, какова ее судьба после бегства с фронта в апреле 1918 г.? Ф.П.Дунаев пишет, что 19 апреля 1918 г. «части армии Ремнёва в районе станции Навля были окружены преданными революции воинами под командованием Берзина (мы выше видели, что Берзин в этом не участвовал. – Ю.С.) и сотрудниками Брянской уездной ЧК (что тоже неправда, поскольку первое упоминание о существовании в Брянске комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией относится к 29 июля 1918 г. [55, л.69] , а «чрезвычайной» ее стали называть только 5 сентября 1918 г. [55, л.91] – Ю.С.), разоружены и отведены в тыл на переформирование» [72] . Служивший у красных русский генерал-лейтенант В.Н.Егорьев в 1928 г. вспоминал, что «Особая армия Ремнёва» была переименована впоследствии в Особый отряд [77, с.234] .

Брянский историк-архивист Л.Ф.Осипенко в 1998 г. писала, что к концу апреля 1918 г. «Брянск заполонили бежавшие от наступающих немцев бойцы армии Ремнёва, среди которых было много анархистов. Часть из них за банальные грабежи попала в тюрьму. Были посажены и некоторые командиры и комиссары за участие в разграблении Шосткинского казначейства, дезертирство и тому подобное. Некоторых в тюрьму приводили товарищи по отряду с такого рода записками: ”При сем препровождается Сергей Пикулин в ваше распоряжение, так как он делает в отряде воровство, похитил 1 четверть денатурированного спирту и массу расхитил белья и делает скандал в отряде, потому что он пьяный уже несколько дней, ввиду этого отряд просит принять над Пикулиным самые строгие меры и не возвращать больше в отряд”. Подписал командир 1-го Московского революционного анархистского отряда Андреев» [140] .

28 мая 1918 г. газета «Борьба» (орган военного совета Брянского района и брянского районного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) сообщала, что 23 мая 1918 г. в 8 часов вечера состоялось совместное заседание брянского городского совета с представителями красных воинских частей. Эти последние представители, «как в былое время Ремнёвщины», подчеркивает газета, требовали брянский совет разогнать. «Среди красноармейцев безусловно царит власть темного элемента», – констатировала с печалью «Борьба» [18]. По итогам совместного заседания брянский совет выпустил воззвание: «Товарищи красноармейцы и рабочие! Не поддавайтесь провокации! Темные контрреволюционные элементы хотят увлечь Вас на путь погрома. Призывая к свержению Советской власти и вооруженному выступлению, они хотят сделать Вас оружием своих подлых целей. Никаких вооруженных выступлений против Совета. Самая беспощадная расправа с преступными элементами, призывающими к беспорядкам и погрому. Докажите, что Вы истинные сознательные сыны социалистического отечества, а не Иуды-предатели. Долой провокацию! Полное доверие Совету» [17]. Воззвание подкрепили военными мероприятиями: утром, в полпятого, 24 мая 1918 г. отряд рабочих, прибывших с Брянского завода в местечке Бежица (ныне район г. Брянска), разоружил бунтовавших красноармейцев «конного летучего отряда». Другая группа карателей, снабженная пулеметами и броневиком, окружила казармы 1-го Советского полка, в котором осталась верна большевиками лишь 3-я рота. Сначала полк согласился сдаться. Но как только в казарму во-

шел руководивший карательной акцией комиссар административного отдела исполкома брянского совета Александр Николаевич Медведев (1892-1944), восставшие открыли огонь по окружавшим их войскам. В ответ по казармам ударили из пулеметов, после чего, как писала в те дни газета «Борьба», «банде 1-го Советского полка пришлось сдаться и выдать оружие» [119] …

Почти через год после этого, 12 марта 1919 г. в Брянске восстали против большевиков 34-й и 35-й полки 3-й бригады 4-й стрелковой дивизии Красной армии. После подавления восстания автор той же газеты, только переименованной в «Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», увидел причины бунта, прежде всего, в качестве личного состава восставших полков: «Находившиеся ранее в Брянском гарнизоне полки были отправлены на фронт и заменены присланными мобилизованными по последним призывам солдатами, среди которых был большой процент дезертиров, а также и из бывшей ”армии” Ремнёва, так хорошо знакомой жителям гор[ода] Брянска» [149][1]…

Библиографический список

1. 1-й революционный полк о борьбе с контрреволюцией // Правда. 1918. №50. 20 (7) марта. С.4.
2. 8-й пехотный запасный полк // http://ria1914.info/
3. 1917. Разложение армии /Авт.-сост. В Л. Гончаров. М., 2010.
4. Аверкий (Таушев), архиепископ. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. Т. IV. Jordanville, 1976.
5. Акт отречения // Петроградская газета. 1917. №55. 5 марта. С.1
6. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.1. М., 1924.
7. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.2. М.-Л., 1928.
8. Армия республики. Совещание делегатов с фронта // Дело народа. (Петроград.) 1917. №19. 8 апреля. С.2.
9. Архив управления Федеральной службы безопасности по Брянской области (АУФСББО). Д.1547-П. Цитируется по фотокопии, приложенной к публикации: [Федосов А.] Яд платиновой чаши. Брянская трагедия революционного командарма Ремнева // Брянские новости. 2017. 15 октября // https://www.bragazeta.ru/news/.
10. Бабель И. Э. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 2006.
11. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.- Л., 1957.
12. Белевская (Летягина) М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве 1915 — 1918 г. Личные воспоминания. Вильно, 1932.
13. Бикерман И. М. Россия и русское еврейство // Россия и евреи. Сборник первый / Репринт издания: Берлин, 1923. Paris, 1978.
14. Білокінь С.І. Глухівська трагедія // Сіверщина в історії України. Вип. 2. Матеріали Восьмої науково–практичної конференції (Глухів, 15–16 жовтня 2009 р.). Київ–Глухів, 2009.
15. Белоцкий К.М. Муравьёв Михаил Артемьевич // Политические деятели России 1917. Биографический словарь / Гл. ред. П.В.Волобуев. М., 1993. С.223.
16. Бондаренко В. Афанасий Ремнёв. Первый красный офицер // https://imhoclub.by/ru/mat_list/tag/istorija
17. Борьба. (Брянск.) 1918. №31. 24 (11) мая. С.1.
18. Борьба. (Брянск.) 1918. №34. 28 мая. С.4.
19. Бош Е.Б. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М. – Л., 1925.
20. В местностях, занятых немцами. В районе 2-ой армии // Правда. 1918. №80. 25 (12) апреля. С.3.
21. Веденеев Д. Документальное расследование к 100-летию гибели священномученика Владимира (Богоявленского) // https://www.pravmir.ru/ 100-летию трагедии
22. Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы. М., 1959.
23. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. П.А.Голуба, Ю.И.Кораблева, М.И.Кузнецова, Ю.Ю.Фигатнера / 3-е изд., доп. М., 1987.
24. Великая Октябрьская Социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. II. Минск, 1957.
25. Великая Октябрьская Социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 – апрель 1918. Сборник документов и материалов в трех томах. Т.3. Киев, 1957.

[1] Подробнее об этом восстании см.: Соловьев Ю.П. «Перечистить советы». Антибольшевистское восстание Брянского красноармейского гарнизона 12-14 марта 1919 года // История. Общество. Политика. 2020. №2 (14). Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. С.79-133. (http://www.clio-brgu.ru.).

26. Венок на могилу высокопреосвященного митрополита Владимира. (†25 января 1918 г.) / Издание Киево-Печерской Лавры под редакциею профессора протоиерея Федора Титова. Киев, 1918.
27. Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917 – 1918 года. Таллинн, 1929.
28. Вести с фронта. Фронт Украинской Советской Республики // Правда. 1918. №77. 21 (8) апреля. С.3.
29. Вести с фронта. На Украинском фронте // Правда. 1918. №79. 24 (11) апреля. С.3.
30. Вести с фронта // Правда. 1918. №81. 26 (13) апреля. С.2.
31. Владимир (Богоявленский) / Реакция. Расследование. Оценки // https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Владимир_(Богоявленский)&oldid=108815168).
32. Военная энциклопедия. В 8 томах / Председатель Главной редакционной комиссии И.Н.Родионов. Т.1. М., 1997.
33. Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Биобиблиографический справочник / Отв.сост. В.М.Шабанов. Федеральное архивное агентство. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). М.,2004.
34. Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений / Под. ред. Ю. Фельштинского. М., 1999.
35. Волков С.В. База данных № 2: «Участники Белого движения в России» // www.swolkov.org
36. Волков С.В. Вторая база данных «Участники Белого движения в России». Г // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-04.htm
37. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.
38. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А. В. Лаврова; Коммент. В.П. Купченко. М., 2000, 2003.
39. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1910. №1034. 24 августа. С.314.
40. Вязьмитин О.Р. Населенные пункты Брянского края. Энциклопедический словарь / Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Брянск, 2012.
41. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009.
42. Гетман П.П.Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год. Сборник документов / Отв. ред. и отв. сост. О.К.Иванцова; сост. Е.В.Балушкина, Н.В.Григорчук, Е.И.Криворучко, К.Г.Ляшенко. М., 2014.
43. Геруа А. Полчища. София, 1923.
44. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917— 1925 гг.). М., 1975.
45. Голубева Э.С. Писатель Леонид Добычин и Брянск. Брянск, 2005.
46. Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний (1917 – 1921 гг.) // Архив русской революции, издаваемый Г.В.Гессеном. Т. VI. Берлин, 1922.
47. Государственный архив Брянской области (ГАБО). ОДФ. Ф.2 (Брянская городская управа). Оп.1. Д. 1084. Книга Брянской городской управы по учету торговых документов на 1911 год.
48. ГАБО. ОДФ. Ф.2. Оп.1. Д. 1108. Книга Брянской городской управы для учета выданных промысловых и сословных купеческих свидетельств и бесплатных промысловых билетов на 1912 год.
49. ГАБО. ОДФ. Ф.2. Оп.1. Д.1110. Книга Брянской городской управы для записи выданных документов на право торговли в 1912 году.
50. ГАБО. ОДФ. Ф. 376. (Помощник начальника Орловского губернского жандармского управления в Брянском и Карачевском уездах.) Оп.1.
51. ГАБО. Ф. Р-594. (Брянский губернский революционный трибунал.) Оп.1. Д.629. Переписка председателя брянского ревтрибунала о положении дела с разграблением Шостенского казначейства. 16-29.07.1918.
52. ГАБО. Ф. Р-594. Оп.1. Д.1238. Дело о вооруженном нападении на 9-й реквизиционный продовольственный отряд 13 марта 1919 г.
53. ГАБО. Ф.Р-594. Оп.2. Д.150. Ч.1. Дело о восстании в г. Трубчевске 17 и 18 июня 1919 г.
54. ГАБО. Ф. Р-1616. (Брянский уездный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.) Оп.1. Д.109. Ч.2. Обвинительные акты и протоколы. 30.10. – 9.11.1918.
55. ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 195. Протоколы заседаний Брянского районного совета. 3.01. – 31.12.1918.
56. Гордеев П.Н. Анатолий Ламанов - председатель Кронштадтского Совета в 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4 // https://cyberleninka.ru/article/v/anatoliy-lamanov-predsedatel-kronshtadtskogo-soveta-v-1917-g
57. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Изд. 2-е / Гл. ред. С.С.Хромов. М., 1987. С.169, 529, 36 (Двадцать вторая стрелковая дивизия; Сапожкова мятеж 1920; Андреев Иван Ильич).
57а. То же. С.427 (Павлуновский), 194 (Довбор-Мусницкого мятеж).
58. Гражданская война на Украине 1918 – 1920. Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах. Т.1. Кн.1 / Под редакцией И.К.Рыбалки. Киев, 1967.
59. Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906 – 1914 / Примечания и послесловие А.Ю.Емелина. СПб., 2006.

60. Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997.
61. Гриневич В.А., Гриневич Л.В. Слідча справа М.А.Муравйова. Документована історія. Київ, 2001.
62. Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.II. Россия во Франции / Предисловие О.А.Коростелева. М., 2001.
63. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т.4. М., 2001.
64. Д. Что делается в Кронштадте // Петроградская газета. 1917. №125. 1 июня. С.3.
65. Дело Дыбенко // Правда. 1918. №79. 24 (11) апреля. С.3.
66. Дело народа. 1918. №20. 16 (3) апреля. С.3. («Под Брянском» и «Последние известия».)
67. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т.1. Вып.1. Paris, [1921].
68. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т.1. Вып.2. Paris, [1922].
69. Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920). М., 1969.
70. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). Сборник документов в 4-х т. Т.I . М., 1971.
71. Дорошенко Д. І. Історія України, 1917-1923. В 2-х т / Упоряд. К.Ю.Галушко. Т.1. Київ, 2002.
72. Дунаев Ф.П. Судьба командарма // Брянский рабочий. 2000. №32-33 (19.202). 18 февраля. С.12.
73. То же. №37-39 (19.207). 25 февраля. С.12.
74. То же. №42-43 (19.212). 3 марта. С.5.
75. Дыбенко, Павел Ефимович (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат / Репринтное изд. М., 1989. С.412.
76. Еврейские погромы 1918 – 1921. М., 1926.
77. Егорьев В. Из жизни Западной завесы (по архивным материалам и личным воспоминаниям) // Гражданская война 1918 – 1921. В трех томах / Под общей редакцией А.С.Бубнова, С.С.Каменева и Р.П.Эйдемана. Т.I. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928.
78. Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. (очерк военно-политической истории). Курск, 2013.
79. Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Св[ятейшего] Синода. Т. 2. Март 1917г. — Январь 1920г. Новый Сад, 1928.
80. Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Аннотация к диску.
81. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. В двадцати томах. Т. 3 / Сост. и ред. Н.Ж.Ветшева, Э.М.Жилякова. М., 2008.
82. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
83. Затонський В. З спогадів про українську революцію // Літопис революції. Журнал історії КП(б)У та Жовтневої революції на Україні. (Харків.) 1929. №5-6 (38-39).
84. Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 года. М. – Л., 1964.
85. «Золотой век» английского двора: от Генриха VIII до Карла I. [Каталог выставки.] М., 2012.
86. Зощенко М.М. Сочинения. Т. 7 / Составление и примечания И.Н.Сухих. М., 2006.
87. Ивангород в 1914 – 1915. Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.В.фон Шварца, коменданта крепости. Париж, 1969.
88. Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788—1913. М., 2007.
89. Ильин (Раскольников). Заявление господину прокурору Петроградской Судебной Палаты // Рабочий и солдат. 1917. №10. 3 августа. С.3.
90. Илькевич Н.Н. Свидетельства о бесчинствах // Вестник Катынского мемориала. Вып. 7. Смоленск, 2007.
91. К аресту Муравьева. (По телефону из Москвы) // Дело народа. 1918. №33. 1 мая (18 апреля). С.2.
92. К аресту Муравьева // Дело народа. 1918. №35. 4 мая (21 апреля). С.3.
93. Казин В. Заметка о мертвых головах // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1914. Кн.3. С.270-272.
94. Какурин Н.Е. Как сражалась революция / 2-е изд., уточн. Т. 1. М., 1990.
95. Календарь Черниговской губернии на 1913 год. Чернигов, 1912. Отд.III.
95а. Карпенко Н. М. Китайский легион. Участие китайцев в революционных событиях на территории Украины (1917-1921 гг.). Луганск, 2007.
96. Катаев В.П. Алмазный мой венец // Катаев В.П. Трава забвения. М., 2007.
97. Катаев В.П. Кладбище в Скулянах // Роман-газета. 1977. №8 (822).
98. Катаев В.П. Юношеский роман // Катаев В.П. Сухой лиман. Повести. М., 1986.
99. Керсновский А.А. История русской армии в 4-х томах. Т. 4. М., 1994.
100. Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз.1998. №8 (2).
101. Киевские расстрелы ("Двуглавый Орел" № 23 Декабрь 1928) // Вестник Кавалергардской семьи. 1958.
102. Кнорин В. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925.

103. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941 – 1944. М., 2004.
104. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.
105. Козлянинов В.Ф. Юбилейная памятка конногвардейца. 1730 – 1930. 1706 – 1931. Париж, 1931.
106. Коломиец М.В. Броня русской армии. Бронеавтомобили и бронепоезда в Первой мировой войне. М., 2008.
107. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Издание 2-е, исправленное, дополненное. СПб., 2012.
108. Копелев Л. 3. Хранить вечно. М., 1990.
109. Крикота Н., иерей. «Я готов отдать свою жизнь за Церковь». Жизнеописание священномученика Владимира Киевского. М., 2002.
110. Ламанов Анатолий Николаевич // Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
111. Ламанов Петр Николаевич // https://rgavmf.ru/spravochniki-po-fondam/spravochnik-po-fondam-1917-1940/lichnye-fondy#lamanov
112. Лейхтенбергский Г.Н., герцог. Воспоминания об «Украине» 1917 – 1918 / Авторизованный перевод с французского. Берлин, 1921.
113. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Издание 5-е. Т.36. М., 1969.
114. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Издание 5-е. Т.50. М., 1970.
115. Майоров М. Из истории революционной борьбы на Украине. (1914—1919). Київ, 1922.
116. Маргулиес В. Огненные годы. Воспоминания о Гражданской войне на юге. Берлин, 1923.
117. Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания / Авторизованный перевод Н.Ф.Мельниковой-Папоушек. I. Прага, 1926.
118. Мельгунов С.П. Красный террор в России (1918-1923). Чекистский Олимп/ Предисл. Ю.Н.Емельянова / 2-е изд., дополненное. М., 2008.
119. Местная жизнь. Разоружение 1-го Советского полка и конно-летучего отряда // Борьба. (Брянск.) 1918. №34. 28 мая. С.4.
120. Минц С. Совет Рабочих Депутатов в Одессе (из воспоминаний 1917 г.) // Летопись революции. Журнал по истории КП(б)У и Октябрьской революции на Украине. (Харьков.) 1926. №5 (20).
121. Мищенко С. Январское восстание в Киеве // Летопись революции. Журнал Всеукраинской комиссии по изучению истории Октябрьской революции и КП(б)У. (Харьков.) 1924. №3 (8).
122. Могилянский Н.М. Трагедия Украйны (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции, издаваемый Г.В.Гессеном. Т. XI. Берлин, 1923.
123. Муравьевские заветы // Дело народа. (Петроград.) 1918. №7. 29 (16) марта. С.2.
124. Мясников, Александр Федорович (авторизованная биография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат / Репринтное изд. М., 1989. С.558.
125. На украинском фронте // Дело народа. (Петроград.) 1918. №15. 10 апреля (28 марта). С.3.
126. Назарова В.В. Єврейські погроми в Глухові у 1918–1919 роках // Сіверянський літопис. 2019. №1. С.178-183.
127. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1997. В 6 т. Т.2 / Сост. В.Н.Чуваков; под ред. Е.В.Макаревич. М., 1999.
128. Никитин Б.В. Роковые годы (Новые показания участника) / Предисловие Ю.Н.Емельянова. М., 2007.
129. Новокшонов И.М. Партизанские были. М., 1933.
130. Новости дня // Дело народа. 1918. №47. 19 (6) июня. С.3.
131. О Кронштадте // Петроградская газета. 1917. №81. 8 апреля. С.3.
132. Огромное австро-германское наступление. Сообщения из Ставки // Петроградская газета. 1917. №159. 11 июля. С.3.
133. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. Брянск, 1957.
134. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956.
135. Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917—1924. В 2 книгах. Кн. 1. М., 1997.
136. Освобождение тов. Раскольникова // Рабочий путь. 1917. №34. 25 (12) октября. С.3.
137. Осипенко Л.Ф. Анархия – мать порядка, или конец «особой» армии Ремнева // Брянский рабочий. 1998. №70(18.636). 19 марта. С.4.
138. То же. №74(18640). 21 марта. С.4.
139. То же. №745(18641). 24 марта. С.4.
140. Осипенко Л. Взлет и падение брянских анархистов // Брянский рабочий. 1998. №227-229. 28 августа. С.18.
141. Павлуновский, Иван Петрович // https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Execution_of_Maria_Bochkareva.jpg?uselang=ru
142. Павлуновский Иван Петрович // Большая советская энциклопедия / Третье издание. (В 30 томах.) Т.19. М., 1975. С.70.
143. Павлуновский Иван Петрович и Павлуновская Мильда Юкумовна // Жертвы политического террора в СССР /

Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)).
144. Памятная книжка Киевской губернии с приложением адрес-календаря губернии. На 1915 год. Киев, 1915. Адрес-календарь Киевской губернии. (Сведения по 1 ноября 1914 года).
145. Первый всероссийский съезд советов р. и с. д. / Подготовили к печати В.Н.Рахметов и Н.Н.Мямлин. Т.II. М. – Л., 1930.
146. Перемирие на Брянском фронте // Правда. 1918. №91. 12 мая (29 апреля). С.3.
147. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.
148. Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., 1966.
149. Петров Гр. [Киреев Г.П. - ?] Неудавшийся мятеж // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №58. 18 марта. С.4.
150. Петроградская газета. 1917. №154. 5 июля.
151. Петроградская газета. 1917. №159. 11 июля.
152. Петроградская газета. 1917. №158. 10 июля. Иллюстрированное приложение №51. С.5.
153. Петроградская газета. 1917. №161. 13 июля. Иллюстрированное приложение. С.11 (219), 6 (214), 7 (215).
154. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т.1. М., 1966.
155. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т.2. М., 1966.
156. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля—25 октября 1917 года. В пяти томах / Под общей редакцией П.В.Волобуева. Т.1. Л., 1991.
157. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля — 25 октября 1917 года). Т. 4. М., 2003.
158. Печать «Черной руки»: https://fotki.yandex.ru/next/users/galyshenka/album/536190/view/2241605
159. Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918). М., 1976.
160. Поликарпов В.Д. Революционный полевой штаб // Большая советская энциклопедия / Третье издание. (В 30 томах.) Т.21. М., 1975. С.545.
161. Половцов П.А. Дни затмения. (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году)/ Предисл., указ., примем. А.С. Сенина. М., 1999.
162. Польский М., протопресвитер. Новые мученики российские. Первое собрание материалов / Репринт издания 1949 г. Ч.I. М., 1994.
163. Поляков Н. Охота на командарма // Международный мемориал. Мемориальские хроники. Сеть региональных организаций. 2018. Вып. 9 (27). Сентябрь. С.7-9.
164. Попов К.С. Лейб-Эриванцы в Великой войне. Париж, 1959.
165. Последние известия // Дело народа. 1918. №32. 30 (17) апреля. С.3.
166. Постановление собрания кронштадтских рабочих и солдатских депутатов // Петроградская газета. 1917. №78. 5 апреля. С.5.
167. Потрашков С.В., Потрашков А.С. Иллюстрированный военно-исторический словарь. М., 2007.
168. Правда. 1917. №86. 3 июля (20 июня ст.ст.) С.1, 2.
169. Правда. 1918. №19 (246). 7 февраля (25 января ст. ст.)
170. Премудрость Астреи. Памятники масонства XVIII — первой трети XIX века в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2013.
171. Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978.
172. Прохоров С. Кресты. М., 2008.
173. Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ./Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989.
174. Разведчик. 1917. №1381. 5 мая. С.251.
175. Разведчик. 1917. №1382. 12 мая. С.268.
176. Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году / 2-е изд. М., 1990.
177. Расследование деятельности Муравьева // Дело народа. (Петроград.) 1918. №16. 11 апреля (29 марта). С.2.
178. Революционное движение в русской армии. 27 февраля- 24 октября 1917 года. Сборник документов / Под редакцией Л.С.Гапоненко. М., 1968.
179. Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь-март 1905 года. М., 1955.
180. Ремнев Афанасий Иосифович // Офицеры русской императорской армии // http://ria1914.info/
181. Ржевская А. Бабушкины письма // Брянский рабочий. 2004. 6 августа. С.6.
182. Розанов В.В. Собрание сочинений. Среди художников / Общая ред., сост. и вступ. ст. А.Н.Николюкина. М., 1994.
183. Розанов В. В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А.Н.Николюкина. М., 2000.

184. Романченко Ю. Боротьба за порох (Шістка, березень 1918 р.) // Літопис революції. Журнал історії КП(б)У та Жовтневої революції на Україні. (Харків.)1931. №3 (41).
185. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 315. Оп. 1. Д. 2015. Л. 41 (Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Виртуальная выставка «Штрихи к портрету Революции» // https://rgavmf.ru/virtualnye-vystavki).
186. РГАВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 345 // Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Виртуальная выставка «Штрихи к портрету Революции» // https://rgavmf.ru/virtualnye-vystavki
187. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2815. Оп.1. Д.54. Журнал боевых действий 201-го пехотного Потийского полка с 1 января по 1 марта 1917 г.
188. РГВИА. Ф.3174. Оп.1. Д.4. Журнал военных действий 703-го пехотного Сурамского полка.
189. Российский медицинский список, изданный Управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1910 год. СПб., 1910. 8. Алфавитный список лиц, имеющих право врачебной практики в России.
190. Россия объявлена Республикой // Петроградская газета. 1917. №207. 3 сентября. С.3.
191. Русский календарь на 1917 г. А.Суворина. Пг., 1916.
192. Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2006.
193. Самойлович Ю. Церковь украинского социал-фашизма. М., 1932.
194. Святицкий Н.В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание // Год русской революции (1917 – 1918 г.г.). Сборник статей. М., 1918.
195. Священный собор 1917—1918 гг. и мученическая кончина митрополита Киевского и Галицкого Владимира / Вступ. ст., публ. и примеч. Н.А. Кривошеевой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2008. Вып. II:1 (26).
196. Сдача Шостки // Дело народа. 1918. №17. 12 апреля (30 марта). С.2.
197. Сиваков А. Гуляла по Брянщине банда Савицкого // Аргументы и факты – Брянск. 1998. №12. С.2.
198. Сивков П.З. Кронштадт. Страницы революционной истории. Л., 1972.
199. Сигов А.Л. Похождения революционера-экспроприатора Савицкого // Исторический вестник. 1911. Т.126. №12. С.1002-1034.
200. Скрыпник Н. Е.Б.Бош (некролог) // Правда. 1918. №67. 9 апреля (27 марта). С.4.
201. Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985.
202. Советская военная энциклопедия. Т.2. М., 1933.
203. Соколов Б.В. Рокоссовский. Калининград, 2010.
204. Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.II. М., 1915.
205. Список генералам по старшинству. Ч.I, II и III.. Составлен по 1-е января 1913 года. СПб., 1913.
206. Список генералам по старшинству. Составлен по 10-е июля 1916 г. Пг., 1916.
207. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1912 г. СПб., 1913.
208. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. СПб., 1914.
209. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е августа 1916 г. Пг., 1916.
209а. Стахів М. Перша совєтська республіка в Україні. Нарис історії російської агресії та конституційного розвитку совєтської влади під час першої частинної окупації Україні. Ню Йорк – Филадельфія, 1956.
210. Стефанович П.Л. Страшные дни в России. Первые жертвы большевицкого массового террора (Киев — январь 1918 года) // Часовой. (Брюссель.) 1968. № 502 (4). С.15-16.
211. Страна и революция. Минск // Правда. 1917. №186. 24 ноября (11 ноября ст.ст.). С.3.
212. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998.
213. Суханов Н. Записки о революции. Кн.4. Берлин – Пб. – М., 1922.
214. Суханов Н. Записки о революции. Кн.5. Берлин – Пб. – М., 1923.
215. Тарджиманов М.О., Шахов В.Н., Дунаев Ф.П. Всегда на боевом посту. Тула, 1985.
216. Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917—1921). Кн.I. Київ, 2007.
217. Толстой А.Н. Записные книжки / Предисловие и публикация Ю.А.Крестинского и Л.И.Толстой; примечания Ю.А.Крестинского и П.И.Якира // Литературное наследство. Т. 74. М., 1965.
218. Точеный Н. Красные партизаны на Нежинщине // Летопись революции. Журнал по истории КП(б)У и Октябрьской революции на Украине. (Харьков.) 1926. №2 (17).
219. Трамбицкий Ю.А. Его любили солдаты // Военно-исторический журнал. 1990. №2.
220. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны 1918-20 гг. в литературной обработке И.Лукаша / 2-е издание. Мюнхен, 1948.
220а. Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т. 2. Київ, 1997.
221. Уход Колонтай (так!) из партии // Дело народа. 1918. №32. 30 (17) апреля. С.3.
222. Файтельберг-Бланк В., Савченко В. Одесса в эпоху войн и революций. 1914 – 1920. Одесса, 2008. Гл.4 // http://rulibs.com/ru_zar/nonf_biography/faytelberg-blank/0/j4.html
223. Федосов А. Яд платиновой чаши. Жизнь и похождения брянского друга Троцкого // Аргументы и факты –

Брянск. 2005. №28 (195). С.12.
223а. То же. №29 (196). С.12.
224. [Федосов А.] Яд платиновой чаши. Брянская трагедия революционного командарма Ремнева // Брянские новости. 2017. 15 октября // https://www.bragazeta.ru/news/
225. Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк 1. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. London, 1991.
226. Фото А.И.Ремнева с семьей. 1916 г. // https://forums-su.com/download/file.php?id=1554755&sid=8496e3d56efc467264a88da453f8319a&mode=view/1.jpg
227. Хацкевич А. Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии. Минск, 1967.
228. Червоное казачество. 1918 – 1923. Сборник материалов по истории Червоного казачества. Харьков, [1923].
229. Чериковер И. Антисемитизм и погромы на Украине 1917-1918 гг. (к истории украинско-еврейских отношений) // История погромного движения на Украине 1917-1921 гг. Т.1. Берлин, 1923.
230. [Черносвитова М.В.] N. «Мы» и «Они». Из личных воспоминаний / Предисловие Е.Д.Кусковой // На чужой стороне. Историко-литературные сборники. VIII. Берлин – Прага, 1924.
231. Шапель Ю.А. Кронштадтская Голгофа. Март 1917 – март 1921 // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып.33. СПб., 2005.
232. Шаргунов С. А. Катаев: «Погоня за вечной весной». М., 2016. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1594).
233. Шульгин В.В. 1917-1919 / Предисловие и публикация Р.Г.Красюкова; комментарии Б.И.Колоницкого // Лица. Биографический альманах. 5. М.; СПб., 1994.
234. Шульгин В. В. Тени, которые проходят / Сост. Р. Г. Красюков. СПб., 2012.
234а. Эрдэ Д. Революция на Украине от керенщины до немецкой оккупации / Под редакцией и с предисловием Н.А.Скрыпника. Харьков, 1927.
235. Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне / Редактор-составитель В.Д.Поликарпов. М., 1963.
236. http://rulibs.com/ru_zar/nonf_biography/faytelberg-blank/0/j4.html

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, независимый исследователь. E-mail: yur.solovjev@yandex.ru

Историография

УДК 94(47)‖15/16‖

А. Е. Новикова, А.А. Чубур

Этюд об историографических концепциях Смуты: перспектива синтеза и ультраохранительный тупик

Аннотация: *рассматриваются три основных концепции во взглядах на движущие силы и причины Смутного времени рубежа XVI-XVII вв. в Московском государстве – охранительной, рациональной и классовой. Объективные суждения формируются на стыке концепций, поскольку это позволяет учесть максимум влияющих на исторический процесс факторов. Исключение составляет ультраохранительный вариант, фактически выродившийся в пропаганду, закамуфлированную квазиисторической риторикой.*
Ключевые слова: *Смутное время, системный кризис, транзит власти, охранительная концепция, рациональная концепция, классовая концепция, фольк-хистори*
Novikova A.E., Chibur A.A.
The etude about the historiographical concepts of the Troubles Time: synthesis outlock and ultra-security deadlock
Abstract: *three main concepts are considered in the views of the driving forces and causes of the Time of Troubles at the turn of the XVI-XVII centuries. in the Muscovite state - protective, rational and class. Objective judgments are formed at the junction of concepts, since this allows one to take into account the maximum factors influencing the historical process. An exception is the ultra-protective version, which has actually degenerated into propaganda camouflaged with quasi-historical rhetoric.*
Keywords: *Time of Troubles, systemic crisis, power transit, protective concept, rational concept, class concept, folk history*

«Плоды смуты никогда не достаются тому, кто её вызвал;
он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие».
Мишель де Монтень

События Смутного времени живописали минимум семь поколений историков в трех веках – от Н.М. Карамзина до Р.Г. Скрынникова и Д.В. Лисейцева. В интерпретации Смуты как исторического феномена выделяются несколько базисных историографических концепций:

1) охранительная (державная, консервативная) – основанная на видении особого исторического пути России, опирающегося на православную духовность, традиции (народный дух) и прочную государственность. При этом Россия противопоставляется остальному миру;

2) рациональная (либеральная) – в её основе поиск взаимосвязей социально- политических и экономических аспектов исторического развития, государственной, политической и культурной истории; этапы исторического процесса рассматриваются с позиции эволюции личностей, реализации прав и свобод, Россия – как часть мировой системы и потенциально европейская страна [22].

3) классовая (марксистская) – имеющая в своей основе базисную теорию исторического материализма, утверждающую смену общественно-экономических формаций в процессе борьбы антагонистических классов.

Для того, чтобы развернуть эти краткие характеристики, тезисно рассмотрим взгляды самых ярких, знаковых, представителей различных концептуальных направлений.

Представитель консервативной концепции С.М. Соловьёв полагал Смуту насильственным разрывом в линии русской истории. По его мнению, после Смуты ход исторического процесса возобновился с рубежей, на которых в конце XVI в. остановился при последних Рюрико-

вичах. Основными причинами Смуты он полагал падение нравственности народа и – развитие казачества, отмечая влияние столкновения общественных и маргинальных элементов: борьбы земских людей, собственников, жаждавших стабильности, с казаками, поставившими свои интересы выше государственных. Выход из Смуты С.М. Соловьев связывал с внутренним нравственным очищением и обращением к православию, с возрождением духовности [21, с.393]. Сходно видел причины Смуты и И.Е Забелин: по его мнению необузданное корыстолюбие, беспринципность, эгоизм и карьеризм большой части российской элиты, связавшей судьбу с авантюристами, а также низменные инстинкты низов общества, ввергших страну в стихию грабежей, холопьей мести и ненависти, привели к краху государственной системы и к глубочайшему кризису экономики и культуры. Не революции и дворцовые интриги, по мнению Забелина, а гражданский нравственный поворот всех слоев общества, позволил установить «покой и тишину, и соединение государству, как было доселе...» [4].

«Охранитель» Н.И. Костомаров основной причиной Смуты считал стремление католической церкви и Речи Посполитой подчинить Московию. Он критикует И.Е. Забелина за то, что тот «мало придает значения полякам в Смутное время; они у него, как говорится, с боку припёка: зло главное не в них; великий враг, волновавший Русь в начале XVII века, это – смута, засевшая в боярстве и служилом сословии… которое представляется как бы скопищем мерзавцев» [7. с.33]. Интересно, что отчасти вторит Костомарову современный американский историк Дж. Биллингтон, называя Смуту «религиозной войной» [1].

Представитель умеренно либеральных взглядов, талантливый ученик С.М. Соловьева – В.О. Ключевский видел корни Смуты не в падении нравов и духовности, не в религиозной агрессии, а в объективных закономерностях и особенностях развития Московского государства, главная аномалия которых состояла в том, что верховная власть объединяла два непримиримых начала: царь и вотчинник. Царь был не только верховным правителем (атрибут государства), но и владельцем «Русской земли» (то есть большого удела) [6]. В итоге государство до Смуты виделось не как союз населяющего его народа, а как «государево хозяйство». В Смуту, по мнению Ключевского, произошло отмирание удельных начал и укрепление начал государственных.

Еще один сторонник либеральной концепции – С.Ф. Платонов – в труде «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.» истоками Смуты показана комплекс проблем. Во-первых, это катастрофа, к которой привело правление Ивана Грозного. Опричнина ослабила боярскую аристократию и сформировала в Москве новый слой дворцовой знати. Платонов, как и Ключевский, усматривал истоки Смуты в вотчинном характере Московского государства, ставшем причиной борьбы за власть меж старой боярской аристократией и новой дворцовой знатью. Основное же политическое противоречие, с его точки зрения, состояло в том, что стремящийся к абсолютизму царь вынужден был считаться со родовой аристократией (боярами), стоявшей во главе административного и социального уклада. Второй источник социального конфликта, по представлениям С.Ф. Платонова – тяжелейшая социально-экономическая ситуация, при которой интересы крестьян-земледельцев были принесены в жертву интересам служилых землевладельцев [16. с.83-84]. Результатом стал упадок, уход тяглых и крепостных из центральных областей на окраины. Это вызывало недовольство населения южных районов, вставшего в оппозицию к Москве.

Советская историография базировалась на диктуемом историческим материализмом классовом подходе. Все исторические процессы, по мнению марксистов, имеют в подоплеке классовую борьбу. Так, А.А. Зимин был убеждён, что смута была крестьянской войной с феодалами. Главной же причиной он считал резкое усиление феодального гнёта в опричные и послеопричные годы, то есть обострение классовой борьбы [5]. В этом его взгляды близки к по-

зициям В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. Для И.И. Смирнова [20], посвятившего серию трудов «крестьянской войне» Ивана Болотникова, характерен комплексный подход к Смуте, как глубинному системному кризису, но при этом он тоже в итоге сводит всё, в традициях историографии сталинской поры, к классовой борьбе, практически игнорируя иные причины. Между тем, термин «крестьянская война» реалиям Смуты не соответствует (замечено это было еще в 1980-х гг.: объявленный «буржуазным» в 1930-х термин «Смута» вернул в отечественную историографию Р.Г. Скрынников [19]), поскольку общество Московского государства было расколото не горизонтально по сословному и классовому признакам. Война была не крестьянской, а гражданской – ибо в среде каждой из противостоящих сторон присутствовали представители всех классов и сословий [3]. Что же касается «польско-литовской интервенции», то она, конечно, имела место, но ввиду ее второстепенного и нерегулярного характера (например, Лжедмитрия II, в отличие от первого Самозванца, польский король поддерживать отказался) термин «Смута» не может быть заменен термином «Интервенция» [10]. Важно, что Д.В. Лисейцев методологически разграничил термины «интервенция» (политическое вмешательство) и «война» (захват территорий страны армией другого государства).

Военно-исторический аспект Смуты в советское время осветил в первой главе III тома своего фундаментального труда «История военного искусства» генерал-майор Е.А. Разин [18]. Долгое время его версия трактовки событий (в т.ч. Добрыничской битвы) оставалась «канонической» и вошла в советские, а затем и в российские учебники [25]. Центральное место уделено здесь якобы имевшим место передовой тактике русской армии (в частности, якобы, линейный залповый огонь из мушкетов и пищалей). Однако, в последнее время появляется все больше работ, аргументированно подвергающих сомнению подобные взгляды. Центральное место среди них занимает фундаментальная монография О.А. Курбатова «Военная история русской Смуты начала XVII века» [8].

В поздней советской и новой российской историографии позиции С.Ф. Платонова получают широкое развитие. Р.Г. Скрынников относит к объективным предпосылкам возникновения Смуты ломку старой социальной структуры, связанную с оформлением крепостного права: режим «заповедных лет», запрещавший тягловому населению покидать тяглые наделы и дворы, установление пятилетнего срока сыска беглых крестьян и т.д. Данные меры вызывали недовольство в народе, а беглые крестьяне и посадские находили прибежище на обширных не закрепощенных окраинах государства, включая северский юго-запад. Позже именно из них и сформировались основные силы повстанцев на стороне Лжедмитрия I [19].

Концептуальная монография В.И.Ульяновского «Смутное время» [23] стала новым словом в анализе внутренних движущих сил Смуты: это свежий взгляд на личности и поведение Годунова, Лжедмитрия I, патриархов Иова, Игнатия и Филарета, новгородского митрополита Исидора и других участников событий. Василий Иринархович представил стратегии взаимодействия «священства» и «царства» на раннем этапе Смуты и их проявления, поведенческие модели. Отдельно рассмотрено «обретение» мощей «царевича Димитрия» и его спешная канонизация для противопоставления мертвого святого живому «Тушинскому вору».

Е.Н. Понасенков, как и Костомаров, Зимин, Скрынников, видит корни Смуты в последствиях деяний Ивана IV: «…полный разлад и беспорядок в России конца шестнадцатого - начала семнадцатого века подготовили и спровоцировали сумасбродные репрессии Ивана Грозного и проигранные им же экспансионистские войны. Отмена Юрьева дня и почти окончательное закрепление крестьян в крепостном рабстве еще более усилило недовольство основной части населения. Экономические, политические и национальные противоречия обострились. Именно в этой обстановке начался процесс, получивший название "смута". При этом оба "Лжедмитрия" имели большую поддержку среди народных низов, а правительство Семибояр-

щины отражало надежды значительной части правящего сословия. Именно Семибоярщина считалась легитимным органом управления (если в то время о подобном вообще можно было говорить), причем в него входил и дядя будущего царя Иван Никитич Романов, по прозванию Каша (1560-е-1640). Это правительство призвало польского королевича Владислава (будущий Владислав IV /Wladyslaw IV Waza/: 1595-1648) и войсковой контингент для защиты (под которой находился и будущий царь Михаил Романов!)» [17 с.114-115].

В последнее время вновь приобрела популярность – в основном среди далекой от исторической науки части населения и небольшого числа ангажированных властью историков охранительно-государственная концепция, которая быстро приобрела радикальные «ультраохранительные» черты. Сотрудник Института российской истории РАН Д.В. Лисейцев отмечает, что помпезные празднования даты окончания Смуты «перенесли проблемы, ранее обсуждаемые только учеными, в русло публицистических сочинений и политологических конструкций, зачастую весьма далеких от академической науки», и призывает отделить зерна от плевел [10]. Качество таких сочинений нередко низкое.

В этом ключе выполнены, к примеру, многочисленне монографии Л.Е. Морозовой [12; 13; 14; 15], лейтмотивом которых стало воспевание правления набожного и недалёкого Федора Иоанновича (представленного мудрым правителем и военным стратегом – поскольку ему просто приписаны заслуги Бориса Годунова), негативное изображение Годуновых и подтверждение якобы всенародного избрания на престол Михаила Романова. Борису Годунову вменяется в вину даже борьба с коррупцией и введение празднования Крещения с ныне традиционной прорубью на реке и Вербного воскресенья. Работы пестрят ошибками, вымыслом и даже откровенными анахронизмами; так, речь об «отправке телеграмм» - в XVII-то веке! В книге «Смута на Руси» [14] на с.36 Людмила Евгеньевна пишет: «*Все знали, что Борис - очень хороший семьянин, ненавидит блуд, жестокость и не склонен к винопитию*». Далее на с.42 следует: «*Они [иностранцы] отмечали ...неумерное употребление пищи и напитков, плутовство и разврат. Всё это, как наводнение разлилось в высших и низших слоях российского общества. Произошло оно при попустительстве царя Бориса, который показывал своим подданным далеко не лучший пример*». Где именно автор не кривит душой? И полезно ли читать (да и писать тоже) подобную литературу? Представляется совсем не случайным, что именно Л.Е. Морозова была научным консультантом скандально известной диссертации В.Р.Мединского [11], написанной в рамках ультраохранительной концепции и фольк-хистори и, по мнению ученого сообщества, тоже пестрящей ошибками и антинаучными сентенциями.

С типичными аргументами и доводами ультраохранительная концепция изложена в статье преподавателя выпускника Академии управления и народного хозяйства и специалиста по партизанам Второй мировой войны А.С. Линца [9]. Рассмотрим ее пристальней. Уже вначале автор демонстрирует слабое знание источников, приписывая изобретение термина «смута» Григорию Котошихину, подьячему Посольского приказа, якобы придумавшему термин за границей, после 1664 г., которого тут же негативно характеризует как «перебежчика». Однако понятие «Смута» использовалось еще современниками событий, минимум за полвека до Котошихина [10]. Неприязнь к термину «Смута» и приписывание его авторства «иностранному агенту» понятно: ведь из научных работ активно вымываются понятия, служившие в советское время марксистским историкам эвфемизмами «буржуазного», по их мнению, оборота «Смутное время»: «крестьянская война», «польско-литовская интервенция». Но именно на этих устаревших словосочетаниях, особенно на втором, базируется теперь не марксистская, а «ультраохранительная» концепция и обслуживаемая ею пропаганда, включающая и введенный «сверху» бюрократическим путем довольно надуманный «праздник освобождения от интервентов»: «День народного единства» - эрзац отмененного «7 ноября».

Приведенные далее аргументы ставят в тупик любого ученого: историку Честеру Даннингу, опубликовавшему в «Вопросах истории» статью о Лжедмитрии, ставится в вину то, что он гражданин США. Вероятно, проблемами Смуты можно заниматься старшим преподавателям из Пятигорска, а профессорам из Техаса – нет? Всё прямо по Михаилу Жванецкому: «и вообще, разве нас может интересовать мнение человека лысого, с таким носом? Пусть сначала исправит нос, отрастит волосы, а потом и выскажется». Затем все сразу зарубежные ученые получают огульное обвинение в упрощенном и однобоком подходе к российской истории, после чего автор сразу демонстрирует как не упрощенно и многогранно следует подходить к фактам и историческим личностям: он ставит в один ряд столь разных персонажей, как Иван IV, Екатерина II и Сталин, при этом противопоставляя их Лжедмитрию и, почему-то, М.С. Горбачеву. Как и В.Р. Мединский, автор, ничтоже сумняшеся, переносит в историю XVII столетия такие исключительно современные политические термины, как «несистемная оппозиция», «независимый кандидат» на престол, «цветная революция», фактически подменяя науку беллетристикой.

Оказывается, и с движущими силами и причинами Смуты всё давно ясно, и главный «вопрос заключается лишь в правильной расстановке акцентов», иначе «неоднозначная тема исследования рискует превратиться в нескончаемое поле дискуссий». И то правда: зачем в науке какие-то дискуссии? А что же предлагается взамен «бесконечного переосмыслении сложных тем»? Оказывается, следует найти « «опорные точки», т.е. те аргументы, которые несут в себе четкую и однозначную оценку». И далее автор, вернувшись к Лжедмитрию I, попадает в расставленную им самим ловушку, заявляя: «надо помнить, что в первую очередь, это был предатель». Кого же предал Самозванец? Может быть Бориса Годунова? Но приносил ли он ему присягу? Привести хотя бы один аргумент в защиту столь оригинальной точки зрения А.С. Линец необходимости не видит. Не видит (а скорее просто не знает) он и того, что Самозванец, придя к власти, не отдал иноземцам ни пяди земли, несмотря на веротерпимость, поднял статус православной церкви, введя её представителей в Сенат (боярскую думу), и за столетие до Петра Великого попытался начать комплекс аналогичных реформ и стал готовить военный поход на Азов [24]. Это не личностные качества, на которые Александр Сергеевич призывает не обращать внимания, на этот раз забыв о серьезнейшей проблеме роли личности в истории. Это исторические факты, причем подтвержденные документально.

Такой вот «ультраохранительный тупик» для перепутавших исторические исследования и идеологическую пропаганду.

Историкам, не надевшим шоры пропаганды, в настоящее время ясно, что Смута не была ни народным восстанием, ни крестьянской войной, ни навязанным враждебными силами внешнеполитическим конфликтом. Это в первооснове глубокий внутренний системный кризис: династический (прервалась династия, казавшаяся вечной), экономический (в стране голод), идеологический (власть утратила авторитет), социальный (конфликт между боярами и двором, крестьянами и служилыми людьми, центром и периферией), внешнеполитический (проиграна 25-летняя Ливонская война) [2. с.151]. А системный кризис требует системного же изучения. В равной степени нас должны интересовать и изучаемые представителями либеральной концепции социальные и экономические проблемы; и привлекающий внимание консерваторов духовный кризис, а одновременно, пусть даже игравшие второстепенную роль, попытки интервенции; и межклассовые отношения, столь любимые марксистами. Будущее за синтетическими подходами, и не удивимся, если такие подходы станут привлекать даже данные смежных и даже удаленных наук, таких как археология (сведения о материальной культуре), палеогеография (реконструкция климата и природной обстановки) и т.д. Пер-

вые шаги в этом направлении уже сделаны. Не найдется в синтетическом подходе места только маргинальным концепциям, наибольшее число которых порождено тупиковым, покинувшим рамки историечской науки, ультраохранительным направлением.

Да, Смутное время до сих пор один из самых мифологизированных периодов истории России. И первые мифы формировались уже непосредственно во время событий, а с приходом к власти новой династии Романовых возникла необходимость представить события Смуты в выгодном для Романовых свете с целью упрочения их легитимности, сделав акцент на внешней угрозе, в частности представив Смуту, прежде всего, как следствие внешнего конфликта. Лучший способ отвлечь народ от внутренних проблем и противоречий – создать и поддерживать образ внешнего врага. Этот подход оказался востребованным и в СССР. Не менее популярен он и в настоящее время – по тем же, в общем-то, причинам.

Начиная с IX в. Русью правила одна династия. Не удивительно, что она воспринималась как единственный, ниспосланный Небом источник власти. Её скорый крах воспринимался как крушение государства и даже как Апокалипсис: ведь общество в XVII веке было религиозным, оно жило эсхатологическими идеями [23] .

Какой нам в свете сказанного представляется хронология и суть событий Смуты?

Период 1584-1600 гг. – латентная фаза кризиса. Власть еще контролирует ситуацию, в стране наконец-то установился долгожданный мир, новый царь Борис Годунов латает территориальные утраты Ливонской войны, его политика отчасти выводит страну из экономического коллапса. Однако кризисные явления в социально-политическом устройстве, порожденные политикой Ивана IV (в т. ч. опричниной) сохраняются и набирают силу.

Крах династии Рюриковичей на рубеже столетий вскоре совпал с вызванным природным катаклизмом и усиленным не всегда разумной социально-экономической политикой убийственным голодом 1600–1603 гг., сопровождавшимся летними снегопадами и иными пугающими явлениями. Ситуация на глазах выходит из-под контроля власти. Напряженность лавинообразно нарастает, то тут, то там вспыхивает социальный хаос (яркое его проявление – бесчинства с трудом подавленный царской армией мятеж огромной банды, объединенной беглым холопом Хлопко Косолапом). Это еще не гражданская война, но до нее уже недалеко. Курок взведён, выстрел неизбежен.

Следующий этап – 1604-1606 гг.: с момента появления Самозванца на Днепровском левобережье в 1604 году пройдена точка невозврата. Начинает быстро формироваться идеологическая и эсхатологическая основа назревшего гражданского противостояния: беды обрушились на Русь из-за нелегитимного, не одобряемого Небесами нового царя Бориса, но объявился подлинный, природный царь, спасенный Богом. Начинается война, и она носит характер не классовый, не крестьянский, а именно гражданский[1] – ибо в среде каждой из противоборствующих сторон присутствовали представители практически всех классов и сословий: как мы указали выше, раскол общества произошел не по горизонтали, а скорее, по вертикали. Что же касается «польско-литовской интервенции», она имела место как «попытки вмешательства одного государства в дела другого», но носила характер сугубо второстепенный на фоне предельно обострившихся внутренних противоречий. Если бы Самозванец даже не нашел кучку наемников и деньги в Кракове, многотысячное воинство он обрёл бы в Юго-Западной и Южной Руси, где с недоверием относились к новой московской власти. Что

[1] Условно говоря «гражданской» потому, что граждан (как и гражданских свобод) в Московском государстве в начале Смуты еще практически не существовало как таковых, были лишь подданные. Зачатки гражданского общества начинают формироваться лишь на последнем, самом экстремальном для государства и его населения этапе Смутного времени.

до наёмников из стран Европы, то они в равной степени присутствовали и в армии Самозванца, и в армии Годунова. Они для любой средневековой войны – даже для династического конфликта – дело обычное, ибо все ценили опыт профессиональных военных, а профессиональные военные, в свою очередь, ценили звонкую монету.

В итоге, при поддержке населения окраин, а затем и центра, Самозванец приходит к власти, что приводит к временной стабилизации и попытке начала реформ, которые начали несколькими путями (улучшение благосостояния, подготовка к внешней войне, расширение прав разных сословий и т.д.) снизить социальную напряженность. Однако не все действия реформатора были восприняты позитивно москвичами, а часть «охранителей традиций» из старой элиты объединилась в заговор, в итоге которого царь был убит. Его место занял Василий Шуйский, тоже, несмотря на все старания, не приобретший должной легитимности. Как результат – 1606-1610 гг. – пик гражданской войны («война всех со всеми»), распад государственности, действие вооруженных банд (Иван Болотников, Лжедмитрий II, полковник Лисовский, множество мелких разбойничьих шаек). Московская власть теряет контроль над страной и, пытаясь его восстановить любой ценой, по сути дела, сама и призывает интервентов со стороны как Речи Посполитой, так и Швеции.

И вот в 1610-1618 гг. под угрозой окончательной потери суверенитета гражданская война, усилиями опять же русской периферии, а не столицы, приобретает национально-освободительный оттенок, поскольку призвавшие на трон польского королевича, а в Кремль – его солдат, московские бояре, в свете их политики (да и москвичи, которых Владислав устраивал в качестве царя), предстают уже чужеродным элементом для остального населения страны.

Окончанием Смутного времени логичнее всего считать восстановление системы государственной власти в 1618 г. Но опасность Смуты в том, что она способна вновь и вновь возвращаться на облюбованные ей земли. Ведь в основе Смуты лежат, как мы могли убедиться, не только кризисные явления, но и менталитет.

В государстве, где понятие «власть» до сих пор носит сакральный ореол, а любые её транзиты всегда грозят обернуться нежданными переменами, где официальная мифологизация истории открыто противостоит и даже порой угрожает реальному научному историческому познанию, тема Смутного времени будет оставаться актуальной и впредь привлекать внимание и исследователей, и беллетристов, и политиков. Чем лучше и детальней, во всех возможных аспектах мы будем знать исторические закономерности и причинно- следственные связи этого явления, тем меньше становится риск вновь изучать Смуту не по документам и иным свидетельствам, а на практике.

Библиографический спсиок

1. Биллингтон Д.Х. Россия в поисках себя. – М.: РОСПЭН , 2005. – 220 с.
2. Бушуев С.В. История государства Российского: историко-библиографические очерки. Кн. 2 XVII-XVIII вв. – М.: Книжная палата, 1994. С. 151
3. Даннинг Ч. Была ли в России в начале XVII века крестьянская война // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 21-31.
4. Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М.: Аграф, 1999. – 334 с.
5. Зимин А.А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории, 1958. № 3 С. 99
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III. // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. – М., 1987-1990.
7. Костомаров Н.И. Кто виноват в Смутном времени? И.Е. Забелину. – М., 1992.
8. Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014
9. Линец А.С. Историография «Смутного времени»: современный взгляд историка на прошедшие события // Университетские чтения. – Пятигорск: ПГУ, 2018. Часть 14. С.51-55.

10. Лисейцев Д.В. Дискуссионные вопросы в истории Смуты начала XVII в. // Гуманитарный вестник. 2016. № 9.
11. Мединский В.Р. Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV-XVII вв./ дисс. соиск. ... докт. ист. наук. М., 2011. – 479 с.
12. Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. – Москва: Наука, 2000. – 464 с.;
13. Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. - Москва: Наука, 2005. – 467 с.
14. Морозова Л.Е. Смута на Руси. Выбор пути. – М.: АСТ, 2007. – 272 с.
15. Морозова Л.Е. История России. Смутное время. – М/: АСТ, 2011. – 542 с.;
16. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. - М., 1995.
17. Понасенков Е.Н. Первая научная история войны 1812 года. – М.: АСТ, 2018. – 1080 с.
18. Разин Е.А. История военного искусства / Т. 3: Военное искусство мануфактурного периода войны XVI-XVII вв. – Москва: Воениздат, 1961. – 734 с.
19. Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. – Л., Изд-во Ленинградского университета, 1985. – 327 с.
20. Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. – Л., 1951.
21. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7-8. М., 1989.
22. Трофимов А.В. Либеральная концепция российской истории // История и современное мировоззрение. 2020. № 3. С.11-19.
23. Ульяновский В. Смутное время. – М.: Евразия, 2006. – 448 с.
24. Чубур А.А., Чернышов С.В. Государь Дмитрий II Иоаннович: самозванец-неудачник или нереализованная европейская альтернатива Российского государства? // Начало Русской государственности в IX веке и её возрождение в первой четверти XVII века. Материалы международной научной конференции 25-27 ноября 2012 г. – Брянск: «Курсив», 2012. С.86-95
25. Шинаков Е.А., Лупоядов В.Н. Важнейшие военные сражения в истории Брянского края / Учебное пособие. – Брянск: Курсив, 2013. - 104 с.

Сведения об авторе:

Новикова Анна Евгеньевна, магистрант Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. E-mail: Anyutochka.5@mail.ru

Чубур Артур Артурович, кандидат исторических наук, проф. Российской Академии естествознания, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. E-mail: fennecfox66@gmail.com

Рецензии

УДК 94(47).084

Е.А. Шендриков

Рецензия на книгу: В.Ю. Рылов «За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941): монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 350 с.

Аннотация: *В статье анализируется монография В.Ю. Рылова, посвященная истории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны.*
Ключевые слова: *Воронежская область, Великая Отечественная война.*
Kretinin S.V. Review of the book: V.Yu. Rylov "For and against. Power and society in the Voronezh region at the beginning of the Second world war (1939-1941): a monograph. - Voronezh: publishing house VSU, 2018 .- 350 p.
Abstract: *The article analyzes the monograph by V.Yu. Rylova, dedicated to the history of the Voronezh region during the Great Patriotic War.*
Key words: *Voronezh region, Great Patriotic War.*

В 2018 г. издательством Воронежского государственного университета опубликована книга В.Ю. Рылова «За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941)». Сборник документов, который автор самоуверенно и необоснованно назвал «монографией», посвящен изучению малоизвестного периода истории Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939–1941) и включает в себя более ста ранее не публиковавшихся документов Воронежского обкома ВКП (б) и других организаций.

Главным достоинством книги является то, что приведенные целиком документы позволяют читателю составить собственное мнение, в большинстве случаев отличное от взглядов и выводов автора.

Книга называется «За и против…», хотя все документы подобраны по одному принципу – в них отражены негативные стороны жизни руководящих органов и населения Воронежской области в 1939–1941 гг., в частности, «бедственное положение населения уже накануне 1941 г., факты социальных волнений и недовольств, вопиющего социального расслоения в «бесклассовом обществе», коррупции, межнациональных конфликтов, в том числе и антисемитизма, даже во время войны между Германией и СССР, массового мародерства и дезертирства красноармейцев и т.п.»[1. С.16]. Бросается в глаза предвзятое отношение автора к мероприятиям советской власти, его попытки выдать желаемое за действительное.

Несколько вызывает удивление необоснованное утверждение Ю.В. Рылова о том, что Советский Союз «успешно участвовал во Второй мировой войне… с 17 сентября 1939 г. на стороне нацистской Германии, начав боевые действия в Польше» [1. С.13]. Складывается впечатление, что автор не знаком с международной ситуацией того времени, когда СССР в невыгодных условиях пытался отстоять свои интересы. Нельзя не отметить, что советское правительство накануне Великой Отечественной войны вернуло территории, ранее входившие в состав Российской империи за исключением Северной Буковины. По этому поводу современные историки пишут следующее: «Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе «сфер интересов», необходимо

иметь ввиду следующее. Есть такое понятие в военной науке – геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможности для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начинали наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие – в 35 км от Минска, немецко-румынские – в 45 км от Одессы и т. д. Ход войны показал, насколько важными оказались эти «километры», чтобы выстоять в тяжелейшем 1941 г., особенно для обороны Ленинграда и Москвы» [3. С.16].

Нельзя не отметить, что руководство СССР во главе с И.В. Сталиным не доверяло А. Гитлеру, поэтому усиленно готовилось к отражению агрессии. Подготовка к войне иногда выражалась принятием суровых и непопулярных мер. Приведенные в книге документы это подтверждают. Указ от 26 июня 1940 г. (т.е. меньше чем за год до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз) «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и другие постановления советского правительства не являются исключением [1. С. 60, 63].

Автор невольно оправдывает «несунов», воровавших с производства «лишние» вещи, которые «в условиях хронического дефицита становилось серьезным подспорьем в домашнем хозяйстве» и «хулиганов, грубивших начальникам и не выполнявших их распоряжения» [1. С. 64].

Несмотря на все предпринимаемые усилия Ю.В. Рылова показать ужасающую картину, царящую в Воронежской области в указанный период, ему это не удалось, причем выводы автора во многом опровергают приводимые им же документы. Из них видно, что в области имелись серьезные проблемы (перебои с хлебом, нехватка дров и т.д.), но не настолько как это пытается представить исследователь. В документах прослеживается забота руководства области о рабочих и о недопущении срывов поставки военной продукции.

Исследователь делает ничем не подкрепленный вывод о том, что антисоциальные законы озлобили население, приведя к тому, что «единственным способом воздействия на власть было участие в антисоветских коллаборационистских формированиях» [1. С. 157]. С этим утверждением полностью нельзя не согласиться.

Данные об ужасающем положении населения Воронежской области изрядно преувеличены, прослеживается попытка автора выдать желаемое за действительное. Исследователь обвиняет советское руководство во всех неудачах, ошибках и просчетах, опуская роль личности в истории. Стремление к наживе, защита корыстных интересов, спасение своей жизни – существовали всегда, и в царские времена, и в советский период и в наши дни. Борьба советской власти с этими проявлениями человеческой низости ни к чему не привела, так же как и в наше время борьба со злоупотреблениями чиновников не приносит должных результатов.

Действительно, советская власть совершала ошибки, подвергая необоснованным репрессиям советских граждан, однако, она же и реагировала на жалобы невинно осужденных. Приводимые автором документы по делу А.П. Гусева это полностью подтверждают[1. С.256].

Не совсем убедительные выводы автор сделал об антисемитизме, имевшем якобы «большое распространение среди всех слоев населения»[1. С. 281], сославшись лишь на один частный эпизод судебного разбирательства неких Г.И. и И.Н. Поповых, обвинявшихся не только в антисемитизме, но и в «хулиганстве и самоуправстве» (подсудимая И.Н. Попова даже «пыталась нанести побои инспектору 4-го отделения милиции т. Лучкину», который, очевидно, не имел отношения к еврейской национальности). Издевательства антисемитов полностью подтвердили 14 свидетелей, которые скорее боялись Г.И. и И.Н. Поповых, неже-

ли поддерживали их взгляды. В итоге, подсудимые получили реальный срок – 1,5 года лишения свободы [1.С. 282].

Исследователь несколько идеализирует царский период, когда общество и государство пыталось привлечь к различным проблемам, в частности, к эпидемиям, как можно больше внимания, чтобы их исправить. Действительно, некоторые попытки предпринимались, но они не всегда были удачные, что в конечном итоге и стало одной из причин Февральской революции.

Не совсем понятно чем руководствовался Ю.В. Рылов, делая выводы об ужасающем состоянии в запасных стрелковых бригадах, хотя в тексте приведенного им документа четко написано, что «политико-моральное состояние командно-политического и рядового состава в/ч бригады в основном здоровое, однако имеет место ряд нездоровых настроений среди командного и рядового состава красноармейцев» [1. С. 292].

Следует заметить, что более худшее положение было в царские времена. Одной из серьезных проблем являлось укомплектование русской армии запасными. Отмечая особенности укомплектования армии запасными, председатель Государственной думы третьего и четвертого созывов М.В. Родзянко вспоминал, что «призывался под знамена в запасные батальоны необученный и совершенно сырой материал, который еще требовал тщательной и внимательной обработки, а сверх того требовалась разумная пропаганда в целях внушения призванным смысла и значения войны, а также объема долга и обязанностей, сопряженных с этим для призываемых на службу. Ничего этого не было» [2.С. 23]. Все негативные моменты и ошибки командования накапливались годами и полностью вылились во время Февральской революции.

Исследователь пытается доказать катастрофическое положение, якобы царившее в период проведения мобилизации после начала войны с Германией, опираясь при этом на документ, содержащим следующие строки «при огромном подъеме боевого духа среди мобилизованных и проявлении чувств высокого советского патриотизма, решимости громить врага во что бы то ни стало, имеют место отдельные случаи преступных и аморальных явлений», «безграничное стремление бойцов идти на фронт защищать Родину выражено и в том, что из всей массы до тысяч человек в/обязанных прошедших призыв по мобилизации заявило себя больными для прохождения медицинской комиссии 5-7%» [1. С. 171] и т.д. Комментарии излишни.

Многие выводы и заключения автора спорны. Так, он выступает против лишения семей дезертиров прав на льготы. Выглядит это несколько странно. По Рылову выходит, что все семьи военнослужащих – тех, кто преданно служил Родине и тех кто нарушил воинский долг – должны были находиться в одинаковом привилегированном положении. В тяжелых условиях, в которых находилось население Воронежской области, это являлось, по меньшей мере, не совсем справедливым.

Говоря об антисоветских настроениях в Воронежской области, исследователь не выделяет многочисленную прослойку населения, прибывшую из Западной Белоруссии и Западной Украины, возвращенных в состав страны в сентябре 1939 г. Поскольку около 20 лет эти территории входили в состав Польши, имеющей другой политический строй и уклад жизни, то часть населения была недовольна преобразованиями советской власти, что и подтверждают приводимые автором документы. В частности, нездоровые настроения прослеживались среди призывников. «В лагерях до 1300 человек призванных в армию из Западной Белоруссии, настроение у некоторых из них явно контрреволюционное. Несколько человек арестовано», «Крайне нездоровое настроение среди прибывших в лагерь 526 чел, состоящих из западных украинцев и белорусов, в числе которых есть антисоветские элементы. Между ними

есть антагонизм, контрреволюционные антисоветские разговоры, а к евреям, прибывшим вместе с ними, проявляется антисемитизм» [1. С. 271, 274] и др.

Справедливости ради, следует отметить, что автор иногда делает обоснованные выводы. Так, не всегда выполняемое коммунистами обещание «обеспечить чуть ли не поголовный доступ к бесплатному образованию высшего качества» автор объясняет причинами объективного характера, т.е. «большая часть населения была занята неквалифицированным трудом в сельском хозяйстве или промышленности, который не требовал образования выше начального. А желающих получить образование, с тем чтобы быть избавленным от низкого социального положения, было слишком много» [1. С. 149].

В целом, книга вызовет несомненный интерес у всех интересующихся историей Воронежской области советского периода. Опубликованные источники позволяют более точно воссоздать картину, происходящую в Воронежской области в 1939–1941 гг. Однако сделанные автором комментарии и оценки выглядят, по меньшей мере, дискуссионными, а многие из них необоснованными.

Библиографический список:

1. Рылов В.Ю. «За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941): монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018
2. Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская революция. // Февральская революция. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М-Л.: Госиздат, 1925.
3. 1941 год: Страна в огне: В 2 кн. Кн. 1. Очерки. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011

Сведения об авторе:

Шендриков Евгений Александрович, кин, снс Военно-научного центра "Военно-воздушной Академии им. проф. Н.Е.Жуковского и Ю.А. Гагарина", г. Воронеж; generals78@mail.ru

УДК 94(47).084.3

С. В. Артамошин

Смерть вождя
(Размышления о книге В. Новоселова «Смерть Ленина. Медицинский детектив. – М.: Пятый Рим, 2020. – 512 с.).

Аннотация: *В статье осуществляется критическое осмысление выводов историка медицины В. Новоселова в отношении характера заболевания, методов лечения и обстоятельств смерти вождя РСДРП(б) и главы советского правительства В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин). Рассматривается проблема общественного восприятия характера заболевания В.И. Ульянова (Ленина) и процесса государственно-партийной фальсификации обстоятельств последних лет жизни большевистского лидера.*
Ключевые слова: *большевизм, смерть вождя, В.И. Ульянов (Ленин), сифилис мозга.*
S.V. Artamoshin
The death of the leader (Reflections on the book by V. Novoselov "Death of Lenin. Medical detective. - M .: Fifth Rome, 2020. - 512 p.).
Abstract: *The article provides a critical understanding of the conclusions of the historian of medicine V. Novoselov regarding the nature of the disease, methods of treatment and the circumstances of the death of the leader of the RSDRP (b) and the head of the Soviet government V.I. Ulyanov (party nickname - Lenin). The problem of public perception of the nature of V.I. Ulyanov (Lenin) and the process of state-party falsification of the circumstances of the last years of the life of the Bolshevik leader.*
Key words: *Bolshevism, death of the leader, V.I. Ulyanov (Lenin), brain syphilis.*

В 2020 г. достаточно камерно прошло празднование 150-летия со дня рождения лидера большевистской партии и первого главы советского правительства Владимира Ильича Ульянова (партийное прозвище – Ленин). Локальную активность проявляли только современные коммунисты, устраивавшие торжественные пикеты вокруг многочисленных изваяний большевистского вождя в классических советских клише, которых достаточно много присутствует в различных русских городах современной Российской Федерации. Нашлись и иностранные поклонники памяти В.И. Ульянова (партийное прозвище - Н. Ленин) в различных европейских государствах, в частности, в ФРГ, которые праздновали годовщину его рождения. Учитывая символичность даты, она отмечалась в прежние годы в научном мире выпуском сборников статей, биографий или иных научных исследований, посвященных жизни юбиляра. К сожалению, эта юбилейная дата прошла без массовых научных публикаций, однако сказать, что фигуре В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) не уделили должного внимания, было бы грубым искажением. Мы хотим обратить внимание на опубликованную в апреле 2020 г. работу врача и историка медицины Валерия Михайловича Ново-

селова «Смерть Ленина. Медицинский детектив», посвященную обстоятельствам болезни и смерти первого главы советского правительства и лидера большевистской партии в Советской России Владимира Ильича Ульянова (партийное прозвище – Ленин). Несмотря на детективный подзаголовок, книга представляет собой большой интерес, прежде всего, тем, что она написана в форме матрёшки, когда одна книга скрывает в себе другую. Интерес к книге подкрепляется еще и тем, что автор ввел в научный оборот ценный исторический источник, который десятилетиями упускался исследователями жизнь и деятельности В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин), так и хочется добавить - к счастью прошел вне внимания советских лениноведов, и поэтому не сгорел в печке одной из комнат Института Маркса-Энгельса-Ленина, где он хранится до сих пор. Как отмечал В. Новоселов, он сохранился во многом потому, что представлял собой плохо читаемый медицинский материал, чередующийся многочисленными сокращениями и латинским медицинскими терминами, который казались малоинтересными. Этим объясняется то, что «дневник доктора А.М. Кожевникова» советской исторической наукой был оставлен без внимания. В. Новоселов был первым, кто расшифровал его текст, сопроводив его медицинскими комментариями, без которых многое было бы непонятно. Таким образом, погрузив текст «дневника лечащих врачей Ленина» в собственный текст истории болезни пациента В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин), автор осуществляет публикацию ценного исторического источника, проясняющего обстоятельства жизни и болезни большевистского вождя в 1922-1924 гг. и устраняющего всяческие домыслы и фальсификации вокруг болезни лидера советского правительства.

Следует сделать одно маленькое отступление и обратить внимание на то, почему В. Новоселов не опубликовал полностью сам текст, а вынужден был прибегать к такой сложной форме. Первоначально работая с дневником, который храниться в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) Фонд 16, Опись 2с, ед. хр. 10, автор делал достаточно объемные выписки, так как данный документ был в открытом доступе и не имел никаких секретных ограничений. Однако, когда спустя какое-то время он решил сделать копии документов, то «дневник» оказался неожиданно недоступным, на него наложили секретность и соответственно запрет на работу по просьбе одной из отдаленных родственников семейства Ульяновых. С подобной формой открытости российских архивных фондов и отдельных материалов российские исследователи сталкиваются постоянно не только в центральных, но и в региональных архивах. А манера научной дискуссии в стиле запрета стала излюбленной формой диалога и научной полемики, забывая при этом утверждение о том, что «король то голый…».

Переходя к рассматриваемой книге, хочется отметить особенность авторского подхода, состоящую в том, что он уклоняется от рассмотрения потока литературы об В.И. Ульянове (партийное прозвище – Ленин) и концентрируется на конкретном сюжете болезни и смерти большевистского вождя, стараясь относиться к нему, как относится врач к пациенту. Перед ним находится медицинская история пациента В.И. Ульянова, страдающего от заболевания, и методика лечения, применяемого врачами. В силу существующего запрета автор опускает места дневника, которые дают личностную характеристику, что особо оговаривается в тексте.

В.М. Новоселов отмечает, что дневник врачей велся тремя лечащими врачами больного: доктором, приват-доцентом Алексеем Михайловичем Кожевниковым с 29 мая 1922 г. по 7 мая 1923 г., доктором, профессором Василием Васильевичем Крамером с 7 мая по 5 июля 1923 г. и доктором, профессором Виктором Петровичем Осиповым с 5 июля 1923 г. по 21 января 1924 г.[2. С.14]. Записи врачей носят в большей степени медицинский характер, представляя собой наблюдения за поведением пациента, указанием на медицинское лечение и ре-

акцию организма на применение лекарств. Также записи имеют описания физиологического и психологического характера, которые автор купирует, указывая на то, что они опускаются по этическим причинам. Учитывая специфическую направленность книги, текст сопровождается авторскими комментариями относительно диагностики и характера лечения нейросифилиса в медицинской практике того времени, что позволяет читателю сравнить симтоматику заболевания с записями лечащих врачей [2. С.19-30]. В своем комментарии В.М. Новоселов отмечает, что «у врачей на основании клинической картины были весьма весомые основания предположить у пациента начальные стадии нейролюэса. Это собирательное обозначение поражений нервной системы при сифилитической инфекции, которое может возникнуть на любой стадии заболеваний» [2. С.30]. 28 мая 1922 г. клиническая картина пациента В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) характеризовалась переходом неврастенической стадии заболевания в псевдопаралистическую.

Записи врача Алексея Михайловича Кожевникова (1882-1935), невропатолога, специалиста по нейросифилису, приват-доцента и старшего врача неврологического отделения Александровской больницы г. Москвы начинаются с осмотра пациента и предложения сделать ему люмбальную пункцию, на которую В.И. Ульянов охотно согласился. Данная процедура была необходима для того, чтобы сделать реакцию Вассермана спино-мозговой жидкости для подтверждения или опровержения диагноза нейролюэса [2. С.33-34]. В.М. Новоселов обращает внимание на то, что в дневнике отсутствуют какие-либо указания на результаты данного анализа. Исследователь заключает, что «лечащие врачи не могли забыть вписать результаты реакции Вассермана в документ. Об этом можно было «забыть» только по особому указанию не вписывать полученные результаты» [2. С,34]. Исследователь отмечает, что на сифилитическую природу сосудистого поражения мозга указывает возраст В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин), отсутствие у него сахарного диабета и гипертонической болезни. Наличие же признаков неврастении и характерных мучительных головных болей по ночам в начале XX в. позволяло утверждать о наличии подозрения на сифилис [2. С.35]. Состояние здоровья пациента указывало на нарушение деятельности мозга, которое выражалось в неспособности высказать фразу из-за нехватки слов и неумением пользоваться предметами личной гигиены. Автор отмечает, что назначение лечащего врача А.М. Кожевникова в конце мая 1922 г. произошло после осмотра пациента врачами В.В. Крамером, Ф.А. Гетье, Г.И. Россолимо в присутствии наркома здравоохранения Н.А. Семашко и установлении клинического диагноза, о котором были поставлены в известность родственники и Политбюро. Интересно заметить, что В.И. Ульянов (партийное прозвище – Ленин) 31 мая 1922 г. при знакомстве с лечащим врачом А.М. Кожевниковым поинтересовался его специализацией, и когда тот сказал, что он специализируется по нейросифилису, то остался удовлетворен ответом, что указывает на то, что В.И. Ульянов (партийное прозвище – Ленин) был прекрасно осведомлен о характере собственной болезни, также как и о ее последствиях [2. С. 39, 52]. Для консультаций из Германии был приглашен Отфрид Ферстер, немецкий невропатолог, один из известных европейских специалистов по диагностике и лечению нейролюэса, который на протяжении 19 месяцев болезни большевистского вождя 14 месяцев находился в России и констатировал смерть В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин).

В.М. Новоселов обращает внимание на характер медикаментов, которые были прописаны пациенту В.И. Ульянову и реакцию организма на их употребление. В записи от 6 июня 1922 г. А.М. Кожевников напрямую указывает на лечении больного йодистым калием, что, по мнению автора, позволяет утверждать о начале лечения сифилиса на начале паралитической стадии прогрессивного паралича [2.С.47]. Решением правительства для консультаций был приглашен немецкий профессор Георг Клемперер, терапевт, который вызвал недоволь-

ную реакцию В.И. Ульянова. В записи от 12 июня 1922 г. отмечено: «Был осмотр профессора Клемперера. Пациент сказал по отношению к профессору «пусть летит назад, это не его специальность, если нужно будет снова прилетит», хотел писать Сталину, чтобы тот отправил профессора домой. Когда узнал, что Клемперер будет две недели в Москве, пациент сказал «ну и пусть лечит там в Москве, там больше больных, а сюда ему незачем ездить, взялся не за свое дело» » [2. С. 52]. Автор отмечает классическую клиническую картину нейросифилиса, которая стала проявляться у В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) с июня 1922 г., выраженная в проблемах с кишечником, которые мучили его вплоть до смерти, гнойных нарывах на лице и теле, приступах псевдопараличей конечностей [2. С.58-61]. Также эту картину подтверждает и применение при лечении большевистского вождя ртутной мази, которая уже давно применялась при лечении сифилиса. Таким образом, В.М. Новоселов отмечает, что уже в первые месяцы болезни В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) у него был диагностирован нейросифилис и применялось адекватное болезни лечение.

Дневник отражает отношение В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) к действиям большевистского партийного руководства по освещению состояния здоровья вождя в средствах массовой информации, выпуск бюллетеней здоровья, в которых давалась заведомо ложная информация о его состоянии здоровья, приписывание ему кишечного заболевания. Знакомство с характером записей лечащих врачей большевистского лидера позволяет утверждать их стремление исключить приезд любых журналистов и желание минимизировать общение пациента с посетителями по причине негативного воздействия на больного и желание оградить его от нежелательного обнародования реального состояния здоровья главы советского правительства.

В течение лета 1922 г. состояние здоровье В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) стабильно ухудшается, сопровождаясь частыми паралитическими приступами и расстройством речи [2. С.70-95]. Однако с сентябре-ноябре 1922 г. самочувствие существенно улучшилось, что позволило ему совершать прогулки в экипаже и участвовать в деятельности СНК [2. С.102-108]. Декабрь 1922 г. принес резкое ухудшение состояния здоровья большевистского вождя, сопровождавшиеся частыми паралитическими приступами [2. С.112-113]. Записи декабря 1922 – февраля 1923 г. в основном фиксируют возрастающие проблемы с функционированием кишечника [2. С.117-136]. В.М. Новоселов отмечает, что пациент находился под постоянным наблюдением врачей, оказывающих ему необходимую терапевтическую помощь [2. С.137], что опровергает расхожую ленинскую легенду о «силе воли» вождя, стремящего преодолеть боль и болезнь. В марте 1923 г. здоровье В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) резко ухудшается, он теряет возможность связной речи. Так, в записи от 23 марта 1923 г. А.М. Кожевников фиксирует опасное состояние: «Владимир Ильич все время смотрит в сторону шкафа, показывает в ту сторону, что-то говорит, не обращаясь ни к кому из присутствующих. Это производит впечатление, будто Владимир Ильич что-то или кого-то видит. <...> Сегодня у меня еще сильнее, чем вчера впечатление, что у Владимира Ильича начинаются психические явления. Временами кажется, что у него зрительные галлюцинации, но утверждать, конечно, это очень трудно» [2. С. 162-163]. Прогрессирование заболевания побудило лечащих врачей использовать препараты наркотического ряда для облегчения общего состояния больного. 6 апреля 1923 г. доктор А.М. Кожевников так охарактеризовал состояние В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин): «Нет веры в возможное выздоровление, а поэтому и лечение, и еда, и посещение врачей – ни к чему. Так, по моему мнению, можно формулировать душевное состояние Владимира Ильича в последние дни» [2. С.173]. С целью придать позитивный настрой пациенту доктор Ферстер 10 апреля приободрил его, сказав, что ситуация улучшается и он будет поправляться. Кожевников отметил, что

«сделал он это с целью поднять настроение» [2. С. 178]. Таким образом, лечащие врачи лидера советского правительства и главы большевистской партии В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) уже в апреле 1923 г. были уверены в окончательном летальном характере заболевания и не оставляли сомнений в том, что им остается только поддерживать функционирование организма и по возможности облегчить состоянии пациента.

Апрель 1923 г. стал месяцем кардинальных изменений состояния здоровья В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) в виде когнитивных нарушений мозга, считает В.М. Новоселов [2. С.189]. Это характеризуется записями врача А.М. Кожевникова: 13 апреля 1923 г. «В 16.00 началось беспокойство, делает ритмические движения туловищем и левой ногой стучит о подставку, грозит пальцем, лицо беспокойное»; 14 апреля «Пациент подсовывает одеяло под себя, жестикулирует, смотрит в угол, показывая пальцем, много говорит. При тушении света эти явления усиливаются»; 17 апреля «Пациент сегодня спал плохо, часто просыпался<…> Было очень сильное возбуждение, страх, тревога, похоже были галлюцинации и сознание не ясное. <...> В 21-45 началось такое очень сильное возбуждение, что больного начали удерживать за ноги и левую руку. Вид у пациента растерянный и испуганный, он показывает пальцами и повторяет одно и тоже слово <туверна>, а потом как будто <везде она>. Потом крик постепенно перешел в нечто вроде стона»; 18 апреля «В 15-30 Владимира Ильича посадили на кровать, говорит <ай, ай-ай, боже мой>, смотрит на ногу, у него умеренное беспокойство. Доктор Розанов думает, что он галлюцинирует. Говорит <я еще живу>»; 21 апреля «Пришли врачи Гетье, Ферстер, Елистратов. Не узнал Ф.А. Гетье (личный врач семьи Ульяновых – С.А.)»; 25 апреля «Утром он много и возбужденно говорит, можно понять <товарищи, теперь сегодня, вот>, многократно говорит слово <тайна>. <...> Мрачен, на приветствие Ферстера не ответил, Гетье же протянул руку»; 26 апреля «Сегодня он возбужден, сбрасывает с себя рубашку и простыни. <…> Затем у больного нет возбуждения, он скорее апатичен, крайне утомлен, цвет лица землисто-желтый, очень худ, выражение глаз у него грустное, взор отсутствующий и усталый. Ему постригли бороду, потом он стал плакать»; 29 апреля «Вейсброд (врач – С.А,) вышел из комнаты, через несколько минут Владимир Ильич вдруг сильно закричал и началось очень сильное возбуждение. Был очень беспокоен, громко кричал точно говорил на митинге, размахивал рукой, с большой силой отталкивал от себя всех, кто к нему подходил, по-видимому галлюцинировал. Возбуждение было крайне сильное, какого еще ни разу не было» [2. С.180-193]. Доктор А.М. Кожевников записал 5 мая 1923 г. «Почти полный паралич правой руки и ноги.<...> Владимир Ильич объяснял, что врачей много, а толку мало, безнадежно махнул рукой. Сказал <шабаш>, в 20.00 [удалено по этическим соображениям – прим. В. Новоселова], начал кричать, вставать с постели. Грозил кулаком, по-видимому, галлюцинировал» [2. С.196-197]. Это была предпоследняя запись А.М. Кожевникова, после чего произошла замена лечащего врача на В.В. Крамера, которая сопровождалась изменением методики лечения, как считает автор [2. С.200].

Записи В.В. Крамера в большей степени представляют собой медикаментозное фиксирование лечения В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) и в меньшей степени дают информацию о состоянии здоровья большевистского вождя. Фактически осуществляется запись применения медикаментов без уточнения дозировки. Следует отметить, что В.М. Новоселов приводит обстоятельные комментарии препаратов, которыми лечили пациента, так и соотносит их с методикой лечения сифилиса, использованной медициной начала XX в. Автор отмечает, что с июня 1923 г. В.И. Ульянову (партийное прозвище – Ленин) стали колоть курс мышьяка, что является подтверждением перехода врачей к новой методике, предложенной профессором Бехтеревым [2. С.216-217].

С июля 1923 г. и вплоть до смерти В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) дневник велся профессором В.П. Осиповым. Автор отмечает, что стиль ведения дневника стал более телеграфным, записи стали короче и вводится большое количество сокращений. В них в большей степени фиксируются медицинские препараты и их влияние на изменения в организме пациента. Именно В.П. Осипов записывает последние часы жизни большевистского вождя и обстоятельства его смерти 21 января 1924 г. [2. С.271-272].

В.М. Новоселов приводит и детально анализирует два документа, которые подводят итог болезни В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин). В первом документе, «Акт патолого-анатомического вскрытия тела Владимира Ильича Ульянова (Ленина)», в котором отсутствует подпись лечащего врача семьи Ульяновых, доктора Ф.А. Гетье и во втором документе «Бюллетень о состоянии здоровья», в котором указывается причина смерти – кровоизлияние в мозг. Отличие этих двух документов, составленных 22 января 1924 г. состоит в том, что в первом документе отсутствует подпись Ф.А. Гетье, тогда как во втором она присутствует. Это расхождение автор объясняет тем, что Ф.А. Гетье был согласен с причиной смерти, но не согласен с этиологией болезни пациента. «В итоге нам остается несогласие первого главного врача Солдатенковской больницы с заключением, в котором говориться о несуществующем в истории медицины диагнозе атеросклероза от износа»[2. С.273].

Исследователь анализирует процесс формирования фальсифицированного диагноза и его несоответствие медицинскому диагнозу, поставленному врачами еще в 1922 г., что указывает на то, что лечащие врачи лидера большевистского правительства В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) профессионально точно поставили диагноз нейросифилиса и проводили адекватное медицинское лечение, находясь под постоянным прессом контроля Политбюро. Автор сопоставляет статью наркома здравоохранения Н.А. Семашко, в которой дается описание болезни большевистского врача, с учебниками по патологоанатомии М.Н. Никифорова, А.И. Абрикосова и И.В.Давыдовского, в которых присутствуют схожие описания состояния органов человеческого организма. Это позволяет автору утверждать о том, что «три великих патологоанатома описывают в своих учебниках вермишелеподобные шнуры, аневризмы и характерные изменения мозговых оболочек при васкулярной форме нейросифилиса»[2. С.290].

Анализируя дневник, В.М. Новоселов выделяет собственные выводы в четкой последовательности, исключающей иное толкование диагноза пациента В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) [2. С.292-306]. Исследователь отмечает, что «в рамках клинического мышления 20-х годов прошлого века лечащие врачи, неврологи, психиатры и специалисты по нейролюэсу, рассматривали манифестацию, клиническую картину, стадии и их временные рамки заболевания у пациента В.И. Ульянова как менинго-васкулярную форму сифилиса головного мозга» [2. С.292]. Использование понятия «склероз износа» автор считает несостоятельным, также как и теорию о влиянии ранения на течение болезни большевистского вождя. Замена в заключительной части акта «сифилитического артериосклероза» на «склероз износа» было вызвано воздействие Политбюро [2. С.300, 296]. «По мнению автора, врачи-консультанты и лечащие врачи получили указание ничего не писать в дневнике о диагнозе пациента В.И. Ульянова и вести дневник таким образом, чтобы исследователь без медицинского образования не мог сделать правильные выводы»[2. С. 301].

Автор полагает странным процесс проведения вскрытия тела В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин), который был осуществлен в не приспособленной для этой цели помещении усадьбы Горки, под вооруженной охраной латышских стрелков, а не на кафедре патологической анатомии, где существовали все необходимые условия, что указывает на стремление большевистских властей скрыть установление диагноза заболевания, а также исключить

возможность распространения возможным слухов[2. 380]. Такая же странность касается и деятельности иностранных врачей, которые были приглашены для консультаций в отношении лечения большевистского лидера. Отношение В.И. Ульянова (партийное прозвище - Ленин) к иностранным специалистам было критическим, о чем уже говорилось выше. Единственный иностранный врач, который находился рядом с больным на протяжении двух лет был доктор Отфрид Ферстер, который присутствовал при вскрытии и подписал акт патологоанатомического исследования. Вместе с тем, несмотря на то, что его имя присутствует на страницах дневника, В.М. Новоселов отмечает, что там отсутствует упоминание о каком-либо врачебном мнении немецкого врача. Представляется достаточно оправданным мнение исследователя о том, что присутствие иностранных врачей было необходимо для придания большей убедительности официальному сценарию болезни вождя [2. С. 407-408].

Автор анализирует деятельность лечащих врачей В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин), останавливаясь на личностях А.М. Кожевникова и Ф.А. Гетье. Указывая на то, что А.М. Кожевников был привлечен к лечению большевистского вождя по причине врачебной специализации по исследованию сифилитического поражения мозга. Вполне возможно, что это назначение произошло по протекции личного врача семьи Ульяновых Ф.А. Гетье, у которого доктор Кожевников писал диссертацию в Солдатенковской больнице. В.М. Новоселов справедливо указывает на то, что «доктор Ф.А. Гетье знал доктора А.М. Кожевникова, как минимум, с 1914 года. Как семейный врач Ленина, он мог прекрасно понимать характер заболевания вождя. Врач не моралист, его задача лечить или передать пациента профильному специалисту»[2. С.410]. Автор полагает, что лечение В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) стоило в дальнейшем доктору А.М. Кожевникову карьеры, как врачебной, так и научной. Доктор Ф.А. Гетье был семейным врачом семейства Ульяновых, который не подписал акт патологоанатомического исследования из-за несогласия с результатом исследования. Утверждение В.М. Новоселова о том, что спустя десятилетие он поплатился за это расстрелом его сына в 1938 г. представляется нам конспирологическим, так как его сын мог попасть в маховик репрессий вне связи с отцом, к тому же, если бы было желание отомстить за непоставленную подпись и излишние знания о семействе Ульяновых, то органы ОГПУ/НКВД сделали бы это не откладывая в долгий ящик, учитывая также то, что сам Ф.А. Гетье был жив[2. С.413].

Подводя итог медицинскому исследованию заболевания и обстоятельств смерти лидера большевистской партии Советской России Владимира Ильича Ульянова (партийное прозвище – Ленин) В.М. Новоселов заключает: «но сегодня, когда большинству молодых людей малоинтересен вопрос <отчего умер вождь революции В.И. Ленин>, можно с уверенностью сказать: он умер от того отчего его лечили профессор Макс Нонне, академик В.М. Бехтерев, профессор В.В. Крамер, профессор В.П. Осипов, приват-доцент А.М. Кожевников и прочие доктора. Это сифилис сосудов головного мозга, обычное и частое заболевание начала XX века. Лечение какой-либо другой болезни просто не велось» [2. С.437].

Интересно отметить, что информацию об обстоятельствах смерти В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин) в СССР мифологизировали и фальсифицировали, создавая блокирование информации на разных уровнях. Этого требовал культ В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин), созданный в советском обществе и среди членов коммунистической партии, что исключало любые рассуждения на данную тему, несмотря на наличие различной информации о характере его заболевания в эмигрантской литературе. Ведь достаточно было обратить внимание на специализацию приглашенных иностранных врачей, чтобы понять, что большинство из них были специалистами по нейролюэсу, в частности доктора Нонне и Фестер. Поэтому в кругах русской эмиграции практически сразу указывали на причину

смерти большевистского вождя. Когда скончался в январе 1924 г. «самый человечный человек», по выражению советского большевистского поэта Владимира Маяковского, другой знаменитый русский поэт Иван Бунин откликнулся на его кончину в лекции «Миссия русской эмиграции», дав пронзительную по точности и глубине оценку того, что было сделано В.И. Ульяновым (партийное прозвище – Ленин), так и самой личности. «Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: <Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!>» [1. С.304-305].

Книга В.М. Новоселова представляет собой аргументированное исследование болезни и смерти В.И. Ульянова (партийное прозвище – Ленин), дистанцированное от его культа и псевдообожествления, обращающее внимание на изменение состояния больного, а также отмечающая важную роль врачей по поддержанию организма и облегчению болей умирающего человека. Здесь важна не сама болезнь, а то, насколько политическая власть готова дойти до глубины лжи для того, что скрыть обстоятельства смерти своего лидера и облагородить себя. Можно надеяться, что теперь в этой истории будет поставлена окончательная точка, которая заставит обладающих памятью, задуматься о том, какой все-таки она должна быть.

Библиографический список.

1. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции// Бунин И.А. Окаянные дни: Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. – Тула, 1992. – С.300-307.
2. Новоселов В.М. Смерть Ленина. Медицинский детектив. – М., 2020.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.
Начало издания: декабрь 2016 г.
Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».
Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.
Знак информационной продукции 16+
Сетевое издание представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Сайт сетевого издания: http://www.clio-brgu.ru поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

• 07 – исторические науки и археология;
• 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. ***Статьи публикуются на некоммерческой основе***.

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

- **Контакты**

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201
Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45
Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru